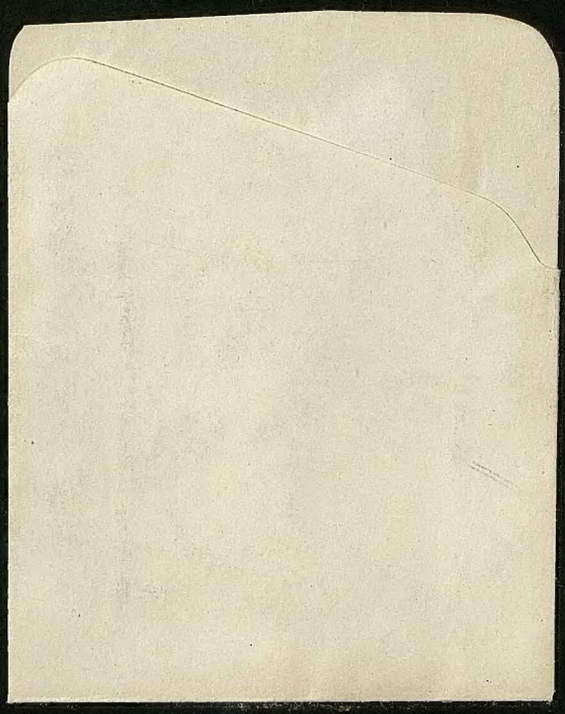
НАПОЛЕОНЪ

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ.



ПРОЧТЕНО ДО
1946 г.
1950
1951
1952

НАПОЛЕОНЪ

БОНАПАРТЪ, ПЕРВЫЙ КОНСУЛЪ.
Портретъ Лемуанъ (1803).

НАПОЛЕОНЪ

ИСТОРІЯ
ВЕЛИКАГО ПОЛКОВОДЦА

СОСТАВИЛЪ
Н. Д. НОСКОВЪ

СЪ РИСУНКАМИ, ПОРТРЕТАМИ, СНИМКАМИ СЪ КАРТИНЪ, ГРАВЮРЪ, И ПР. И ПР.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ.—МОСКВА

1944 г.
1945 г.
1049
9(И)3
Н-84
БИБЛИОТЕКА
„Красная звезда"
РЕДАКЦИЯ
„СОВЕТСКИЙ ФЛОТ"
Орган МО СССР
РЕДАКЦИЯ
„СОВЕТСКИЙ ФЛОТ"
Орган МО СССР
Редакция ЦО НКО СССР
„Красная Звезда"
Инв. № 27679

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ·

ПРЕДИСЛОВІЕ

И самъ Наполеонъ, какъ личность, и та великая эпоха, сыномъ и орудіемъ которой онъ явился, представляютъ одну изъ наиболѣе яркихъ страницъ исторіи.

Въ этой книгѣ, посвященной жизнеописанію колосса XIX вѣка, отведено видное мѣсто характеристикѣ эпохи, такъ какъ, по убѣжденію автора, она является не только необходимымъ фономъ, но и тою почвой, на которой выросталъ исполинскій образъ Наполеона.

Каждой эпохѣ—свои герои; всѣ они тѣсно связаны со своимъ временемъ, какъ корень растенія съ землей.

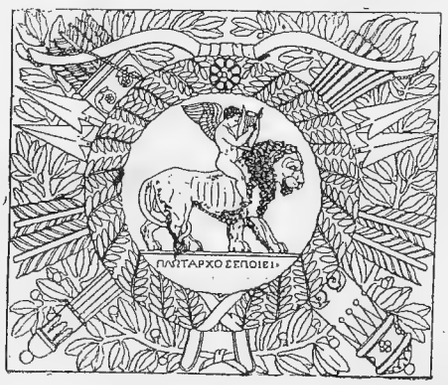
Жизнь великаго человѣка, отрѣшенная отъ легенды, долгое время окружавшей его имя, очищенная отъ мелочной злобы современниковъ, всегда и любопытна, и поучительна. Въ ней, какъ въ фокусѣ увеличительнаго стекла, отражаются достоинства и недостатки его вѣка.

Цѣль настоящей книги—дать читателю не сборникъ анекдотовъ, нерѣдко выдаваемыхъ за исторію, но въ формѣ живого разсказа нарисовать болѣе или менѣе всесторонне образъ того исполина, которому при жизни казалась тѣсной вся Европа, и завершившаго свои одинокіе дни на мрачной, узкой скалѣ среди океана...

Выходецъ съ Корсики, ученикъ военной школы, бѣдный офицеръ королевской арміи—такова первая ступень карьеры Наполеона. Не замѣченный въ королевской Франціи, онъ выступаетъ смѣло впередъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ республики. Вершина его славы граничитъ съ паденіемъ, начавшемся въ императорскомъ дворцѣ и закончившемся на островѣ св. Елены. Но истинный герой—и побѣжденный—остается героемъ. Его посмертной славы развѣнчать никто не въ силахъ, и она живетъ въ вѣкахъ.

Военными подвигами и трофеями побѣдъ не исчерпывается слава Наполеона. Онъ явился не только разрушителемъ, но и созидателемъ. Правда, разрушать ему приходилось болѣе, нежели созидать, но послѣ него остались и слѣды мирныхъ работъ, какъ, напр., знаменитый его кодексъ законовъ, которымъ до сихъ поръ управляется Франція. Вотъ почему на этихъ страницахъ приходилось говорить не только о завоеваніяхъ, принцахъ, короляхъ и генералахъ, но и о сподвижникахъ Наполеона въ созидательной работѣ.

Издателями обращено серьезное вниманіе на иллюстраціи, сопутствующія тексту. Сами по себѣ онѣ не только служатъ необходимымъ дополненіемъ къ жизнеописанію Наполеона, но и даютъ наглядную исторію наполеоновской эпохи, въ живыхъ изображеніяхъ знакомя какъ съ личностью самого героя, такъ и его ближайшихъ помощниковъ Личность и подвиги Наполеона послужили темой для картинъ многихъ художниковъ. Снимки съ этихъ картинъ и рѣдкихъ современныхъ гравюръ любопытны и цѣнны, въ особенности, какъ показатели взглядовъ и отношенія современниковъ къ своему герою...

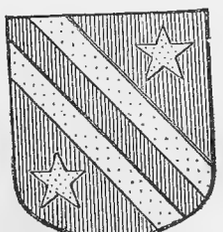


УЩЕЛЬЕ БЛИЗЪ ЭВИЗЫ (КОРСИКА).

ГЛАВА I.

ЮНЫЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНА.

Подъ небомъ Корсики.—Борьба за свободу.—Паскаль Паоли—герой Корсики.—Семья Буонапарте въ Аяччіо.—Мечты и дѣйствительность.—Наполеонъ въ школѣ.—Путешествіе во Францію.—Корсиканецъ-кадетъ въ Бріеннѣ.—Первыя впечатлѣнія новой жизни.—Корсиканское нарѣчіе и французскія вокабулы.—Франція—врагъ Корсики.—Послѣдъ за Паоли!—Наполеонъ и товарищи.—Капитанъ училищнаго батальона.—Одиночество и книги.—Французскіе нравы и корсиканская месть.—Тяжелые дни.—Парижъ и академія.—Смерть отца.—Нужда стучится въ дверь.—Поручикъ артиллеріи.—Пѣшкомъ изъ Ліона въ Валансъ.—Полковая жизнь.—Снова на родинѣ.—Забытыя впечатлѣнія воскресаютъ!—Буря приближается.



ГЕРБЪ БУОНАПАРТЕ.

ЖЕЛТЫЯ скалы, темныя горы, синее небо, лазурное море.

Теплый благодатный югъ раскинулся во всей своей красотѣ на этомъ тихомъ, уединенномъ островѣ, одиноко заброшенномъ на сѣверѣ Средиземнаго моря.

Корсика—имя этому острову.

Въ настоящее время островъ принадлежитъ французской республикѣ, хотя по своему географическому положенію и историческимъ воспоминаніямъ онъ болѣе всего тяготѣетъ къ Италіи.

Въ концѣ XVIII столѣтія, когда теперешнее соединенное королевство Италія было разбито на множество маленькихъ государствъ, Корсика жила совершенно особой, самостоятельной жизнью.

Мрачныя горы и суровыя скалы, непроходимыя горныя тропы, блескъ южнаго солнца и близость моря воспитывали въ корсиканцахъ то чувство независимости и свободы, которымъ отличаются всѣ горныя племена.

КАРЛО-МАРІЯ БУОНАПАРТЕ, ОТЕЦЪ НАПОЛЕОНА.
Съ картины Жироде (въ Аяччіо).

Корсика долго вела войну за свою независимость, не желая подчиниться генуэзцамъ.

Богатая и могущественная генуэзская республика не разъ пыталась овладѣть Корсикой и обращала островъ въ свою провинцію.

Горный народъ выдѣлилъ изъ своей среды много отважныхъ борцовъ. Съ оружіемъ въ рукахъ они отстаивали отъ сильныхъ враговъ независимость родины.

Бѣдный, мало кому извѣстный островъ, жившій замкнутой жизнью, прославился своей геройской борьбой. Во главѣ ея всталъ отважный воинъ Паскаль Паоли, бывшій въ мирное время управителемъ независимой Корсики.

Долгая борьба небольшого, но храбраго народа надѣлала много хлопотъ генуэзцамъ. Въ концѣ-концовъ, отчаявшись въ успѣхѣ, генуэзская республика уступила Корсику Франціи. Но Корсика не встрѣтила дружелюбно своихъ новыхъ господъ. Она не хотѣла быть рабыней въ рукахъ Франціи.

Подъ предводительствомъ Паоли снова собираются отважные горцы и берутся какъ встарь за оружіе противъ новыхъ враговъ—французовъ.

Горсть храбрецовъ грудью отстаивала свободу родины, съ грустью сознавая, что ихъ отвага должна будетъ уступить силѣ.

По синимъ волнамъ Средиземнаго моря одинъ за другимъ уже бѣгутъ къ Корсикѣ корабли. Гордо на нихъ развѣваются французскіе бѣлые флаги, и цѣлыя полчища французовъ съ оружіемъ и пушками высаживаются на берегахъ Корсики.

ЛЕТИЦІЯ БУОНАПАРТЕ, МАТЬ НАПОЛЕОНА I.
Картина Франсуа Жерара (въ Версальскомъ музеѣ).

Гремятъ барабаны, грохочутъ пушки, и гулкое эхо разноситъ кличъ войны по горамъ.

На этомъ островѣ, въ городѣ Аяччіо, 12-го августа 1769 года въ небогатой семьѣ мѣстнаго адвоката родился будущій герой народныхъ легендъ и завоеватель полуміра—Наполеонъ ди-Буонапарте.

Онъ родился въ тотъ достопамятный для Корсики годъ, когда потоки крови защитниковъ свободы родины обагрили берега Корсики, и 30 тысячъ французовъ высадились на островъ.

Онъ родился въ тотъ самый годъ, когда умерло его отечество, когда оно утратило свою независимость, и недавно еще свободная страна какъ плѣнница подпала подъ владычество короля Франціи.

Но Корсика не сдалась сразу. Въ городахъ, у подножья высокихъ горъ, которыя крутыми уступами дѣлитъ островъ на двѣ части, на старыхъ генуэзскихъ башняхъ, смотрящихся въ море и когда-то защищавшихъ отъ сарацинъ входъ въ гавани и бухты, уже развѣвалось

бѣлое французское знамя. Только на вершинахъ мрачныхъ горъ, на непроходимыхъ тропинкахъ, гдѣ вили себѣ гнѣзда орлы, еще собиралась послѣдняя горсть побѣжденныхъ борцовъ.

Въ городахъ было уже тихо, тамъ только слышались стоны, слезы и жалобы. Герой Корсики—Паоли—былъ разбитъ. Его дружины разсѣяны. За моремъ, въ Англіи, Паоли искалъ спасенія... Свободная Корсика умерла, начиналась новая жизнь для новой провинціи французскаго королевства.

У небогатаго адвоката, Карло ди-Буонапарте, бывшаго сначала на службѣ у Паоли, была большая семья и мало средствъ.

Въ небольшомъ домикѣ въ предмѣстьѣ Аяччіо, кромѣ маленькаго Наполеона, жило семеро братьевъ и сестеръ: Жозефъ, Люсьенъ, Люи, Жеромъ, Элиза, Полина и Каролина.

Фамилія Буонапарте переселилась уже давно на Корсику изъ Италіи. Здѣсь Карло Буонапарте и женился на матери Наполеона—Летиціи Рамолино.

Недавній другъ Паоли, сражавшійся въ первыхъ рядахъ корсиканской дружины, Карло вскорѣ же измѣнилъ своимъ прежнимъ мечтамъ и поступилъ на службу къ французскому правительству.

Еще крошечнымъ мальчикомъ, Наполеонъ слышалъ краснорѣчивые разсказы старшихъ о недавней войнѣ за независимость, слышалъ проклятія французамъ и генуэзцамъ.

Онъ запомнилъ съ дѣтства красивыя легенды объ ушедшемъ за море, изъ родной страны, великомъ героѣ Корсики—Паоли.

Въ корсиканскихъ пѣсняхъ, которыя пѣлись въ хижинахъ бѣдныхъ поселянъ, жили тѣ же воспоминанія и слышались проклятія врагамъ и горячія славословія великаго героя.

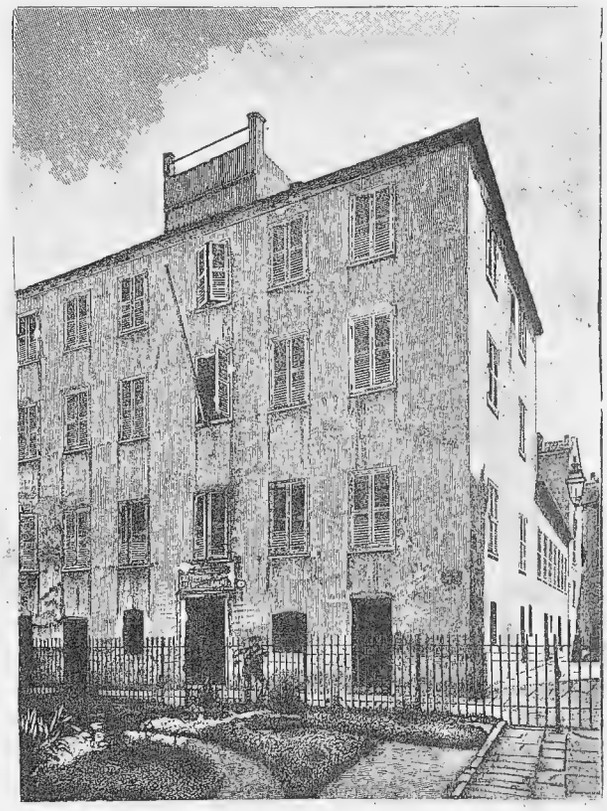
Недавнее прошлое было еще живо въ горахъ, и всѣ эти разсказы о немъ казались маленькому Наполеону какой-то волшебной, прекрасной сказкой. Эта сказка манила и звала! А на-яву, въ тѣсномъ домикѣ, окруженномъ виноградникомъ, текла унылая, сѣрая жизнь. Отецъ вѣчно занятъ, мать въ постоянныхъ хлопотахъ по хозяйству. Часто мальчикъ задавалъ себѣ вопросы: зачѣмъ отецъ остался на этомъ островѣ? почему онъ поступилъ на службу къ французамъ, а не послѣдовалъ вмѣстѣ съ Паоли за море въ чуждую землю?

Борецъ за свободу—Паоли — какой чудный, неотразимый образъ! О немъ съ благоговѣйнымъ шопотомъ говорили не разъ на Корсикѣ; его имя повторялось съ умиленіемъ всѣмъ народомъ, и этотъ образъ съ юности преслѣдовалъ Наполеона своимъ величіемъ и своей неотразимой силой плѣнялъ воображеніе мальчика.

Наполеонъ рано узналъ жизнь такою, какою она есть въ дѣйствительности.

Двоюродный дѣдъ Наполеона—Люсьенъ Буонапарте—сообщилъ ему первые начатки знанія. Одиннадцатилѣтній «дядюшка Фешъ» выучилъ его грамотѣ. На шестомъ году Наполеона Буонапарте отвели въ частную школу.

Ученики смѣялись надъ новичкомъ, такъ какъ маленькій Наполеонъ постоянно терялъ подвязки, а чулки валились съ его тонкихъ икръ. Онъ не былъ равнодушенъ къ этому смѣху и въ отвѣтъ царапался и кусался.



ДОМЪ БУОНАПАРТЕ ВЪ АЯЧЧІО.
Съ фотографіи.

Маленькій, худенькій мальчикъ, обороняясь отъ насмѣшекъ товарищей, пускалъ въ ходъ кулаки, палку и куски кирпичей. Онъ напоминалъ загнаннаго въ уголъ маленькаго ястребенка, который бросается на своихъ враговъ, не обращая вниманія на количество ихъ силъ...

Въ школѣ обученіе шло на корсиканскомъ нарѣчіи, и школьникъ Буонапарте еще не зналъ ни слова по-французски.

Благодаря связямъ отца, нашедшаго сильныхъ покровителей во Франціи, Наполеона вскорѣ приняли пансіонеромъ въ Бріеннъ, гдѣ находилось королевское военное училище.

Но, чтобы стать кадетомъ, необходимо было говорить и писать по-французски. Три мѣсяца онъ усиленно зубритъ французскія вокабулы. Французскій языкъ ему давался не легко.

Прости, Корсика!

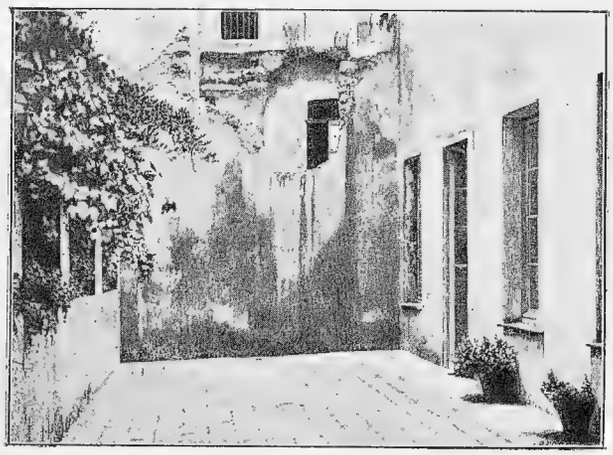
* * *

Длинное путешествіе, и вотъ онъ, маленькій, скучный Бріеннъ. Огромныя казармы съ кадетами—учениками изъ французскихъ дворянскихъ семей; все избалованныя дѣти богатыхъ родителей. Въ ихъ средѣ бѣдный, незнатный корсиканецъ не былъ своимъ. Какой онъ смѣшной! Маленькій, неуклюжій! Какія у него угловатыя манеры и видъ дикаго звѣрька, внезапно попавшаго въ клѣтку!

Бѣдный старомодный костюмъ, плохая французская рѣчь съ ошибками и варварскимъ произношеніемъ — забавный новичокъ, настоящій «гладковолосый корсиканецъ».

Воспитателями въ училищѣ были монахи.

Строгая и суровая жизнь началась. Впрочемъ она не чувствовалась одинаково всѣми воспитанниками. Богатыхъ и знатныхъ учителя особенно выдѣляли, и это неравенство было первой горькой обидой, которую особенно пришлось почувствовать бѣдному корсиканцу съ его спорнымъ дворянскимъ именемъ и съ безспорными крайне скудными средствами.



ТЕРРАСА ВЪ ДОМѢ БУОНАПАРТЕ.
Съ фотографіи.

Надъ его дикимъ видомъ смѣялись товарищи, надъ его невозможнымъ произношеніемъ острили учителя. Дворянчики кичились своимъ происхожденіемъ передъ бѣднымъ «выходцемъ съ покореннаго острова», издѣвались надъ его, потерявшей свободу, родиной. Онъ отмалчивался, не разъ глотая слезы. Не разъ тупыя стрѣлы тупыхъ остротъ больно уязвляли маленькое сердце Буонапарте.

Онъ сжималъ кулаки и, сверкая глазенками, клялся доказать свое превосходство этимъ «аристократишкамъ», которымъ отцы пробили дорогу. Онъ самъ пробьетъ ее.

Онъ былъ всегда, всюду одинъ со своими думами, со своими мечтами и воспоминаніями. Они летѣли къ родному острову, къ оставленному родному дому. Онъ любилъ только свою Корсику, ея синее небо, лазурное море, угрюмый сумракъ ея горъ. Здѣсь, въ училищѣ, она не возбуждала ничего кромѣ смѣха. Его звали въ насмѣшку «гладковоло-

сымъ корсиканцемъ» и смѣялись надъ трусостью побѣжденныхъ корсиканцевъ.

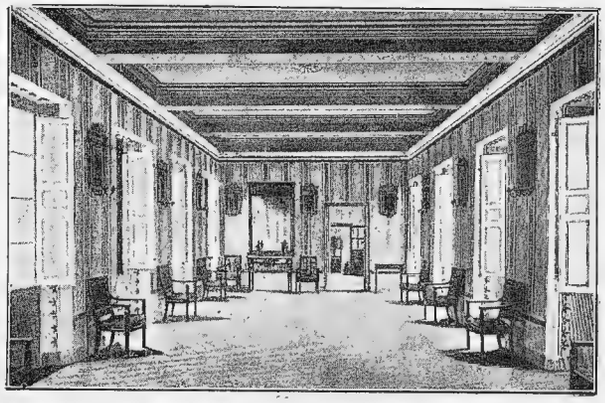
Аббатъ Шардонъ прямо даже заявилъ, что всѣ корсиканцы трусы. Это было уже слишкомъ.

«Корсиканцы трусы!»

Наполеонъ вспыхнулъ.

— Если бы васъ было всего только вчетверо больше, чѣмъ насъ, то и тогда бы вы никогда не овладѣли Корсикой,—стараясь казаться спокойнымъ, сказалъ Наполеонъ.—Но вѣдь вы напали десятеро на одного...

— За то у васъ былъ отличный генералъ Паоли!—желая смягчить впечатлѣніе, сказалъ учитель.



ЗАЛЪ ВЪ ДОМѢ БУОНАПАРТЕ.
Съ фотографіи.

— Совершенно справедливо,—еще болѣе спокойно подтвердилъ мальчикъ, скрывая свое волненіе, и прибавилъ, весь расцвѣтая:

— Мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ сравняться!

Герой Паоли навсегда остался любимымъ героемъ Наполеона въ его юности.

Далекая юность! Въ училищѣ онъ сумѣлъ доказать товарищамъ и учителямъ, что онъ всегда сумѣетъ постоять самъ за себя и не полѣзетъ за словомъ въ карманъ.

Онъ ни съ кѣмъ не сходился особенно и держался отъ всѣхъ въ сторонѣ.

Товарищи издѣвались надъ нимъ. Онъ платилъ имъ глухимъ презрѣніемъ.

Онъ тогда уже начиналъ понимать смыслъ французской поговорки: «Хорошо тому, кто смѣется послѣднимъ».

Онъ желалъ быть въ этомъ случаѣ послѣднимъ... Но онъ еще болѣе отстранился отъ товарищей.

Онъ рѣдко принималъ участіе въ товарищескихъ играхъ и шалостяхъ и чаще всего прогуливался въ одиночествѣ вдали отъ сверстниковъ.

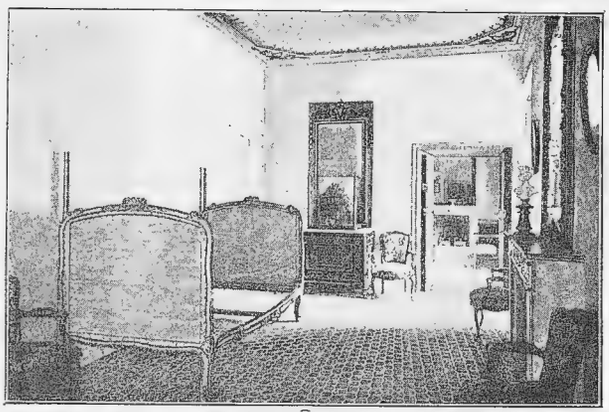
Уже тогда онъ созналъ цѣну своимъ способностямъ.

Въ три мѣсяца онъ изучилъ довольно хорошо французскій языкъ, такъ что могъ говорить и писать безъ грубыхъ ошибокъ.

Во время своихъ одинокихъ прогулокъ онъ всегда былъ грустенъ и молчаливъ. На насмѣшки товарищей, нерѣдко задѣвавшія его покоренную родину, онъ платилъ холодностью, говоря:

— Надѣюсь, что когда-нибудь мнѣ удастся вернуть Корсикѣ свободу.

Но иногда эти насмѣшки выводили его изъ себя. Однажды, очутившись въ одной изъ парадныхъ залъ училища, на стѣнѣ которой висѣлъ портретъ графа Шуазеля, побѣдителя Корсики, всегда молчаливый Наполеонъ громко принялся осыпать проклятіями врага родины.



СПАЛЬНЯ ВЪ ДОМѢ БУОНАПАРТЕ.
Съ фотографіи.

Это не прошло ему даромъ.

Юный кадетъ былъ строго наказанъ. Послѣ этого онъ еще болѣе замкнулся и казался ко всему равнодушнымъ.

Товарищескія игры уже вовсе не занимали его; онъ самъ себя считалъ слишкомъ большимъ для того, чтобы принимать въ нихъ участіе.

На презрѣніе, съ которымъ встрѣтили его товарищи, Наполеонъ отвѣчалъ имъ такимъ же презрѣніемъ.

— Надѣлаю французамъ столько зла, сколько могу!—озлобленно шепталъ про себя юноша.

И только изъ Бріенна въ Аяччіо летѣли одно за другимъ письма къ роднымъ. Письма, полныя такой трогательной заботливости и сердечности, что трудно было повѣрить, что ихъ писалъ скрытный, вѣчно нелюдимый корсиканецъ.

Юный кадетъ съ видомъ большого заботится о судьбѣ братьевъ, спрашиваетъ объ оставленныхъ друзьяхъ и даетъ совѣты роднымъ.

Мечты о Корсикѣ и ея герояхъ дразнятъ и манятъ его. Онъ задумываетъ приняться за писаніе исторіи независимости острова и хотя этимъ отплатить французамъ.

О, какъ ненавидитъ кичливыхъ побѣдителей юноша-корсиканецъ—будущій офицеръ королевской Франціи!

Со всѣмъ пыломъ оскорбленнаго самолюбія онъ грезилъ объ освобожденіи Корсики, видѣлъ себя героемъ, подъ дождь цвѣтовъ и шумъ рукоплесканій дающимъ свободу острову.

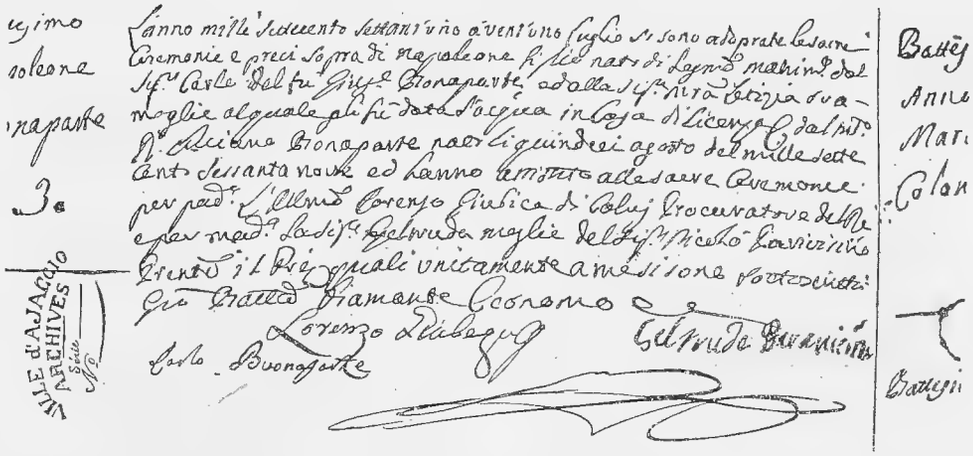
Но Корсика была далеко. Кругомъ французы, Бріеннъ и угрюмыя стѣны училища.

Дѣйствительность смотрѣла прямо въ глаза Наполеону.

Тоскливая какъ будни дѣйствительность!

Всѣ дни онъ проводилъ за книгами, желая наглядно доказать, что корсиканецъ можетъ быть первымъ среди французовъ.

Въ скоромъ времени, дѣйствительно, за свои успѣхи въ наукахъ онъ былъ удостоенъ должности капитана училищнаго батальона. Но это званіе, добытое съ такимъ трудомъ, ему пришлось носить недолго.



ЗАПИСЬ О КРЕЩЕНІИ НАПОЛЕОНА ВЪ ЦЕРКОВНОЙ КНИГѢ Г. АЯЧЧІО.

Начальство скоро не только смѣстило его съ должности, но и заперло кадета въ клѣтку, называемую карцеромъ. Произошло все это потому, что выведенный изъ себя насмѣшками товарищей, грубо смѣявшихся надъ неважнымъ происхожденіемъ его отца, Наполеонъ вызвалъ одного изъ нихъ на дуэль.

Изъ Бріенна Наполенъ не вынесъ ни одного свѣтлаго впечатлѣнія. Тамъ онъ только полюбилъ маленькій клочокъ земли, который былъ отведенъ въ училищномъ саду каждому изъ воспитанниковъ. Онъ построилъ на «своей землѣ» себѣ убѣжище, окопалъ его канавкой и отдѣлилъ его отъ остального сада живою изгородью.

Онъ любилъ сюда уходить одинъ, забирая съ собою единственныхъ друзей—книги.

Въ этомъ уголкѣ онъ чувствовалъ себя вдали отъ насмѣшекъ и

оскорбленій. Онъ берегъ тишину своего помѣстья и не позволялъ никому переступить шагу въ это уединенное убѣжище.

Его любимой книгой былъ Плутархъ, любимымъ чтеніемъ—біографіи великихъ людей.

Въ дурную же погоду волей-неволей ему приходилось дѣлить досугъ въ общемъ залѣ среди товарищей. И тутъ любимой его забавой была игра въ сраженіе двухъ партій, изъ которыхъ одна изображала грековъ, другая же римлянъ.

Капитанъ, разжалованный въ рядовые и твердо переносившій наказаніе, не могъ не возбудить среди товарищей извѣстн й симпатіи. И вызовъ на дуэль товарища, оскорбившаго доброе имя его отца, и понесенное наказаніе, все это окружало какой-то особой славой въ глазахъ товарищей личность угрюмаго корсиканца. Сила воли и характера всегда даютъ себя чувствовать окружающимъ, внушаютъ уваженіе. Товарищи сами пошли навстрѣчу угрюмому Буонапарте, но онъ не желалъ иначе принимать участіе въ ихъ играхъ и сборищахъ, какъ въ роли предводителя.

Никто, какъ онъ, не умѣлъ придумывать новыя забавы. Фантазія его была неистощима.

Изъ снѣжныхъ комьевъ, по указанію Буонапарте, товарищи строили форты и бастіоны и воздвигали редуты.

Наполеонъ въ качествѣ главнаго инженера распоряжался съ такимъ серьезнымъ видомъ настоящаго генерала, какъ будто-бы игрушка изъ снѣга была самая настоящая крѣпость. Съ тою же серьезностью онъ набрасывалъ планъ дѣйствій, одинаково обязательный какъ для осаждающихъ, такъ и для осажденныхъ. Онъ чувствовалъ себя въ своей роли и выказывалъ при этомъ необыкновенныя способности, умѣнье и распорядительность.

Въ классѣ онъ проявлялъ такую же быструю сообразительность. Масса прочитанныхъ въ уединеніи книгъ, ненасытная жажда чтенія развила въ немъ рано зрѣлость и остроту ума. Болѣе всего онъ полюбилъ исторію и математику и возненавидѣлъ латинскій языкъ, относясь къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ.

Успѣхи Наполеона въ математикѣ были отмѣчены первой наградой. Но въ рисованіи, танцахъ и музыкѣ онъ не проявлялъ никакихъ способностей. Область искусства всегда ему была чужда и мало его интересовала. Здѣсь онъ былъ полнымъ профаномъ.

* *
*

Подходило уже время выпускныхъ экзаменовъ.

Тяжелая и радостная пора! Экзамены сошли блестяще. Наполеонъ выбралъ себѣ службу въ артиллеріи и вмѣстѣ съ товарищами былъ отправленъ въ парижское военное училище, называвшееся академіей. Ему было всего пятнадцать лѣтъ, когда онъ явился въ первый разъ въ Парижъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришла изъ Бріенна и аттестація бывшаго кадета.

Она была мало лестной. «Характеръ властолюбивый, требовательный и упрямый»—писало бріеннское училищное начальство парижскому о кадетѣ ди-Буонапарте. Начальство въ Бріеннѣ вообще не было высокаго мнѣнія о будущемъ Буонапарте.

Въ Парижѣ, однако, ему жилось по-прежнему тяжело.

Правда, здѣсь у него были все же друзья: нѣсколько дальнихъ родственниковъ и знакомыхъ семей. Здѣсь же, въ одномъ изъ институтовъ, училась сестра Элиза, которую по праздничнымъ днямъ посѣщалъ братъ-кадетъ.

Въ комнатѣ, въ которой поселился Наполеонъ въ училищѣ, онъ встрѣтился съ юнымъ сотоварищемъ де-Мази. Въ немъ онъ теперь нашелъ хорошаго, вѣрнаго друга.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ БЫТНОСТЬ ЕГО УЧЕНИКОМЪ ВЪ БРІЕННѢ.
Съ карандашнаго рисунка одного изъ сотоварищей по училищу.

А тутъ надвигалось новое горе. Внезапная смерть отца, только-что пріѣхавшаго во Францію съ Корсики, явилась тяжелымъ ударомъ для Наполеона. Горечь утраты и тяжелое сознаніе, что вся семья остается безъ средствъ, томили его. Бѣдность стучалась въ дверь дома Буонапартовъ въ Аяччіо, та же нужда смотрѣла въ глаза юному кадету. Онъ хорошо зналъ ее и раньше, давно привыкнувъ къ тѣмъ лишеніямъ, которыхъ вовсе не испытывали всѣ его товарищи по школѣ и академіи.

Юный мечтатель загрустилъ.

Онъ занимался въ академіи довольно плохо. Все свободное время онъ отдавалъ, какъ и въ Бріеннѣ, книгамъ. Черезъ годъ по вступленіи въ школу онъ окончилъ курсъ 42-ымъ ученикомъ по списку.

Начальство аттестовало его какъ скромнаго и прилежнаго юношу, который молчаливъ, любитъ уединеніе, капризенъ и высокомѣренъ.

«Онъ,—говорилось въ аттестаціи,—чрезвычайно наклоненъ къ эгоизму, говоритъ мало, но чрезвычайно энергиченъ, находчивъ и рѣзокъ въ своихъ возраженіяхъ; обладаетъ большимъ самолюбіемъ, безгранично властолюбивъ и вообще заслуживаетъ поощренія».

Перваго сентября 1785 года Наполеонъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ, былъ произведенъ въ офицеры артиллерійскаго полка. Болѣе мѣсяца онъ не получалъ ни назначенія, ни жалованья, пребывая со-дня-на-день въ томительномъ ожиданіи. Когда же, наконецъ, онъ узналъ, что мѣстомъ его службы будетъ Валансъ,—у Наполеона и его товарища хватило денегъ на путешествіе лишь только до Ліона.

Кошелекъ былъ пустъ. Юные поручики совершили дальнѣйшій путь изъ Ліона въ Валансъ по образу пѣшаго хожденія.

Крошечное жалованье поручика, скучная гарнизонная жизнь, захудалый провинціальный городокъ,—все это мало говорило о будущей карьерѣ Наполеона.

Только съ самимъ поручикомъ Буонапарте произошла рѣзкая перемѣна: прежній невоспитанный и дикій юноша покинулъ свое уединеніе и замкнутость. Онъ перезнакомился съ мѣстными жителями и только мало сходился съ товарищами по полку. Какъ и прежде въ училищѣ, онъ держался съ товарищами холодно и далеко отъ нихъ.

Въ тиши Валанса, въ свободные отъ полковыхъ занятій часы, онъ принялся за основательное изученіе военныхъ наукъ, желая во что бы то ни стало примѣнить свои знанія на практикѣ. Особенно его интересовала исторія, въ которой, главнымъ образомъ, онъ останавливался на фактахъ прошлаго.

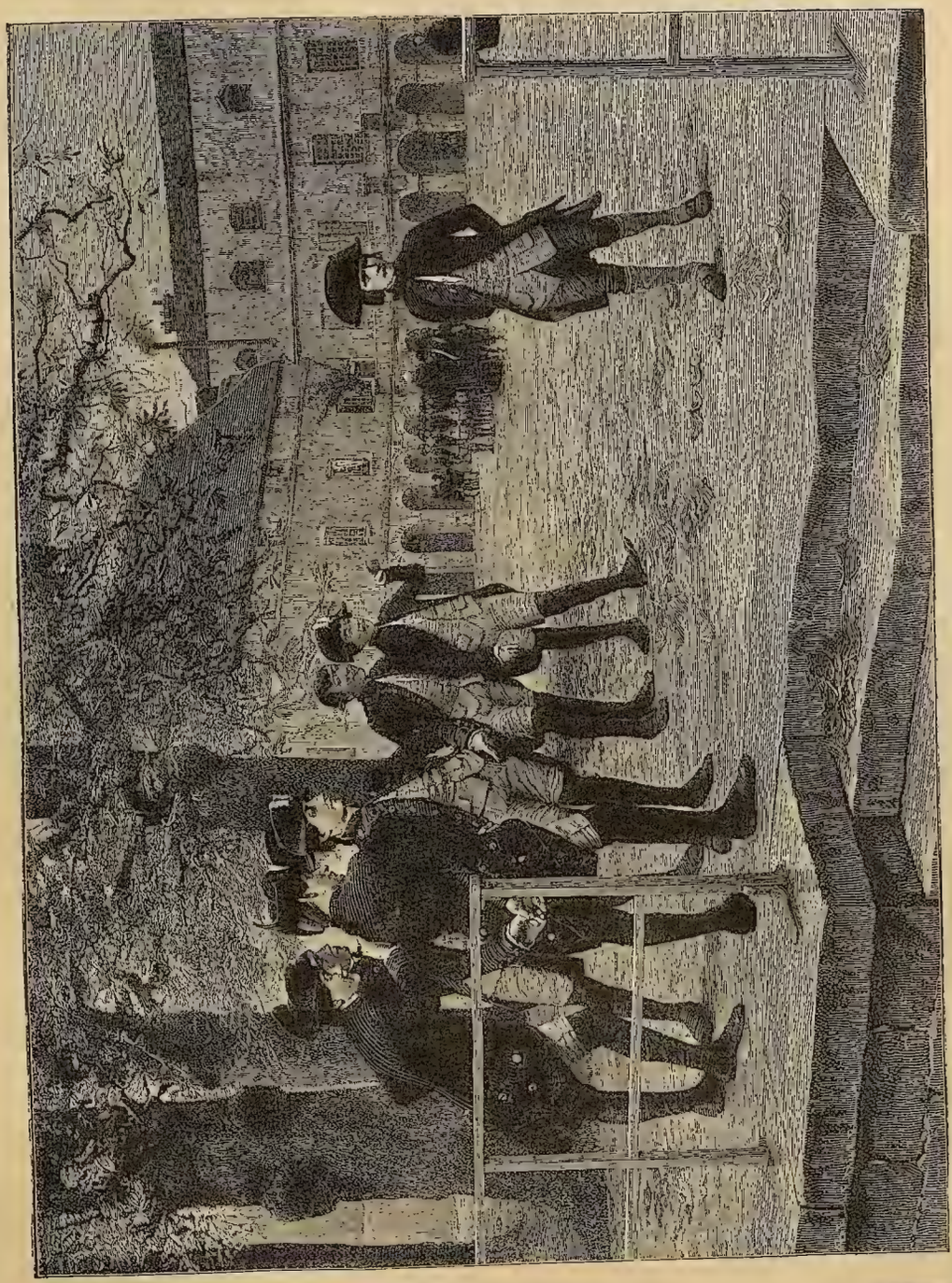
Исторія Индіи, Китая и дальнихъ странъ тревожила его воображеніе своей таинственной прелестью. Онъ прочиталъ все, что было возможно достать въ маленькомъ городкѣ.

На послѣднія деньги онъ выписывалъ изъ Парижа книги, а денегъ у Наполеона было мало. Жалованья поручика едва хватало на столъ и квартиру и ему постоянно приходилось нуждаться.

Тихая жизнь въ Валансѣ вскорѣ была нарушена: полкъ юнаго поручика двинулся на границу Фландріи. Въ пограничной крѣпости на сѣверѣ Франціи (Дуэ) пришлось Наполеону провести нѣсколько скучныхъ мѣсяцевъ.

Сѣверная окраина Франціи, осенніе мѣсяцы съ дождями и холодами, маленькая заброшенная крѣпость съ небольшимъ гарнизономъ, отсутствіе книгъ и общества,—все это заставляло сильно скучать Наполеона.

А изъ дома, изъ Аяччіо, шли такія же нерадостныя вѣсти: старшій



НАПОЛЕОНЪ ВЪ БРІЕННСКОЙ ШКОЛѢ.
Съ картины Белланжера.

27679

братъ Жозефъ находился безъ службы и дѣла, денежныя дѣла матери были сильно расшатаны. Поручика давно звали домой, родные ждали отъ него помощи. Но начальство не давало ему отпуска, и Наполеонъ самъ сидѣлъ безъ гроша, отказывая себѣ во всемъ, даже самомъ необходимомъ.

Болотистый климатъ Фландріи наградилъ его лихорадкой. Одиночество томило Буонапарте, и теперь онъ, болѣе чѣмъ когда-либо, почувствовалъ себя корсиканцемъ, насильно привязаннымъ крѣпкими узами службы къ поработительницѣ его родины, Франціи.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ БРІЕННѢ.
Статуя Роше (въ Версальскомъ музеѣ).

Мечта его уносилась нерѣдко на Корсику, и онъ жилъ только одними ожиданіями: когда наконецъ настанетъ день, и онъ сможетъ вырваться изъ противнаго Дуэ на родину.

1-го февраля 1787 г. пришла наконецъ бумага, и молодой поручикъ могъ уѣхать въ давно ожидаемый отпускъ.

Черезъ Валансъ и Марсель онъ летѣлъ домой, чтобы послѣ восьмилѣтняго отсутствія наконецъ опять свидѣться съ семьею и съ покинутою родиною.

Въ Аяччіо Наполеонъ нашелъ большія перемѣны.

Послѣ смерти отца домашнее хозяйство пришло въ полный упадокъ. Урожай тутовой плантаціи, который покупало французское правительство, былъ забракованъ и денегъ не выдали. Та-же знакомая нищета, съ которою онъ такъ хорошо былъ знакомъ и въ Парижѣ и Валансѣ и Дуэ, стояла передъ Буонапарте.

Старикъ-дядя, поддерживавшій семью, съ каждымъ днемъ угасалъ и уже не выходилъ изъ комнаты.

Такія же перемѣны нашелъ онъ и въ жизни острова.

Должностныя мѣста, занятыя прежде корсиканцами, теперь находились въ рукахъ французскихъ чиновниковъ, и они давали себя знать побѣжденному острову.

При первыхъ встрѣчахъ съ соотечественниками, Наполеонъ уже

могъ уловить глухое недовольство противъ Франціи, которое господствовало среди жителей.

Онъ самъ примкнулъ къ этому недовольству и даже написалъ короткую повѣсть, полную озлобленныхъ выходокъ противъ Франціи.

А изъ Франціи доносились тревожные слухи, что и тамъ далеко не все спокойно.

Страна волновалась и глухо роптала. Приближалась буря. Наступала та великая эпоха въ исторіи Франціи, отзвуки которой гулкимъ эхомъ прокатились по всему міру и потрясли его. То было начало великой французской революціи.

ФОРТЪ ВЪ АЯЧЧІО.
(Съ фотографіи).

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАПОЛЕОНА.

Франція пробуждается.—Изъ Аяччіо въ Парижъ и снова обратно. — Первые вѣстники грозы.—На Корсикѣ.—Наполеонъ—литераторъ и историкъ.—Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ.— Вождь народнаго движенія.—Впередъ, за свободу! — Франція или Корсика? — Одновременно по двумъ дорогамъ. — Изгнанникъ возвращается.—Наполеонъ и Паоли. — Судьба учитъ терпѣнію.—Надо ждать!—Снова полкъ, снова нужда и новые планы.—Поручикъ артиллеріи и подполковникъ національной гвардіи.—Буря усиливается. — Корсика отвергла Наполеона.—Въ погоню за новымъ счастьемъ по новой дорогѣ.—Да здравствуетъ Франція!—Послѣднія мечты о славѣ Корсики.—Сожженіе старыхъ кораблей.—Неудачи, неудачи и неудачи!—Ни начала, ни конца.—Путь найденъ.

СТАРАЯ Франція доживала послѣдніе дни.

Словно предъ грозой скоплялись и чернѣли кругомъ тучи. Народъ, обремененный податями и налогами, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе роптaлъ. Все яснѣе и яснѣе раздавались голоса за созваніе представителей народа («генеральныхъ штатовъ»),—учрежденія, не дѣйствовавшаго уже болѣе полутораста лѣтъ. Народные избранники должны были обсудить настоящее тревожное положеніе въ государствѣ и дать совѣтъ королю.

За созывъ стояли и король, и народъ, все такъ-называемое третье сословіе, образовавшееся изъ мелкихъ владѣльцевъ, горожанъ и простыхъ поселянъ. Всѣмъ имъ приходилось особенно много терпѣть отъ произвола

аристократіи, правившей именемъ короля. Собственно, третье сословіе и представляло всю массу французскаго народа, къ голосу котораго, однако, до сихъ поръ мало прислушивались.

Созывъ генеральныхъ штатовъ страшилъ аристократію и придворныхъ. Въ представителяхъ народа они видѣли угрозу своему прежнему могуществу и силѣ.

Народъ добивался участія въ дѣлахъ государства. Аристократія всѣми силами старалась внушить страхъ королю предъ этимъ созывомъ. Начались отдѣльныя сцены возмущеній. То въ той, то въ другой провинціи вспыхивали бунты и мятежи.

Королевскія войска водворяли порядокъ, сражаясь съ мятежниками. Войска стекались отовсюду; Версаль, гдѣ жилъ Людовикъ XVI,—послѣдній король Франціи,—былъ давно оцѣпленъ кольцомъ солдатъ.

Повсюду лилась кровь и раздавались стоны. Наполеонъ, прибывшій изъ отпуска, нашелъ свой полкъ уже въ Сенъ-Дени вблизи Парижа. Полкъ шелъ къ западнымъ границамъ Франціи, гдѣ уже вспыхивали отдѣльныя волненія.

Но у Наполеона были свои дѣла.

Старой Франціи грозила опасность, но его семьѣ грозила нищета. Онъ больше думалъ о семьѣ и Корсикѣ, чѣмъ о чуждой для него тогда еще Франціи. Дѣла тянули его въ Парижъ.

Полковая будничная жизнь не улыбалась поручику. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе освободиться отъ нея и, не выходя въ отставку, получить новый, болѣе продолжительный, отпускъ. Онъ торопился снова на родину, гдѣ событія могли потребовать его участія.

Могъ-ли пламенный мечтатель независимости родного края спокойно сидѣть въ Сенъ-Дени, когда съ Корсики потянуло пороховымъ дымомъ?!

Не даромъ-же онъ былъ корсиканскимъ патріотомъ!

Полугодовой отпускъ полученъ. Наполеонъ снова въ Аяччіо. Здѣсь на свободѣ онъ предается новой страсти: пишетъ одну за другой повѣсти.

Литературнымъ трудомъ онъ хочетъ во что бы то ни стало добыть себѣ и славу и деньги.

Онъ вѣритъ въ силу своего таланта.

Издатели отказываются отъ его книгъ и не хотятъ ихъ печатать даже даромъ. Они не признаютъ таланта въ начинающемъ авторѣ, высказывающемъ такую ненависть къ Франціи.

Наполеонъ не унываетъ.

Онъ вновь засаживается за переработку своей исторіи Корсики и посвящаетъ свой трудъ любимому герою—Паоли.

6887. 11.269
БИБЛИОТЕКА „КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"
РЕДАКЦИЯ „СОВЕТСКИЙ ФЛОТ" Орган МО СССР

Но благородный герой Корсики, принявъ посвященіе, далъ юному поручику добрый совѣтъ:

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы писать исторію. Къ такому предпріятію надо готовиться медленно и постепенно, — писалъ старый корсиканецъ Буонапарте.—Тщательно собирайте подлинные документы. Къ мнѣніямъ другихъ писателей относитесь осторожно, подвергая ихъ критической провѣркѣ.

Непріятно было читать все это и вмѣсто ожидаемыхъ похвалъ выслушивать совѣты. Еще непріятнѣе, послѣ шести мѣсяцевъ работы, не видѣть никакихъ результатовъ и знать, что не сегодня, завтра надо собирать пожитки и ѣхать опять въ тотъ же самый полкъ, въ скучнѣйшій городишко Озоннъ.

Служба давно ему опротивѣла. Онъ жаждалъ славы и богатства; его увлекали подвиги великихъ полководцевъ; а судьба томила поручика въ казармѣ, въ нуждѣ и бѣдности.

Озоннъ. Убогая комнатка, плохенькая кровать, столъ и два стула. Обѣдъ въ бѣдномъ трактирѣ. На завтракъ и ужинъ у поручика не хватало денегъ. Онъ вставалъ съ зарею и ложился въ постель съ пѣтухами. Ему приходилось самому чистить мундиръ и сапоги. Ученье, смотры, парады отнимали половину дня, другую половину Наполеонъ отдавалъ умственному труду.

Товарищи его по полку веселились, бросали деньги направо и налѣво, жили выше средствъ и залѣзали въ долги, а онъ не зналъ ни веселья, ни долговъ. Аккуратный и бережливый, онъ жилъ на свое скудное жалованье и голодный былъ сытъ однѣми мечтами.

И чего, чего только не развертывали передъ нимъ эти мечты.

Онѣ уносили его въ будущее, рисовали, какъ великій освободитель Корсики — Наполеонъ Буонапарте грудью завоюетъ свободу родному острову. Онѣ носились въ прошломъ, и не разъ, закрывъ книгу своего любимаго историка, глаза Наполеона слѣпилъ блескъ славы любимаго его героя древности—Александра Великаго.

Корсика, Индія, Египетъ, Эллада проходили предъ нимъ въ очаровательной своей красотѣ...

А мелкій осенній дождь стучалъ по крышѣ дома, вѣтеръ злился въ трубѣ и стучалъ въ окно. Въ комнатѣ было холодно, бѣдно, неуютно и не радостно на душѣ маленькаго поручика.

Онъ завоюетъ свою славу!

Но онъ скоро нашелъ, что мечтами тѣшиться нельзя. Необходимо проводить мечты въ жизнь.

Во Франціи его никто не замѣчаетъ. На родномъ островѣ онъ ско-

рѣе выйдетъ изъ неизвѣстности. Онъ плохой офицеръ, но у него есть свѣтлый, ясный умъ. У него столько плановъ въ головѣ и гарнизонная жизнь не по немъ.

Да, у него есть свой планъ! Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ!

ПАСКАЛЬ ПАОЛИ (РОД. ВЪ 1726 г., УМ. 5 ФЕВР. 1807 г.).
Съ портрета С. Карона грав. І. Хубракенъ.

Но человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ геніаленъ, безсиленъ примѣнить свой геній, если для этого нѣтъ подходящей почвы.

Каждое время созидаетъ и своихъ героевъ...

Событія во Франціи становились все тревожнѣе. Со всѣхъ концовъ летѣли страшныя вѣсти.

Вся Франція уже въ огнѣ возстанія. Голосъ народа, словно рокотъ разгнѣванныхъ волнъ, звучалъ все громче и громче. Что-то новое, небывалое, охватывало Францію.

Народъ требовалъ свободы и уравненія своихъ правъ. Всегда покорный и послушный онъ отказывался работать за всѣхъ и за всѣхъ платить подати. Вчерашній рабъ заявлялъ о своемъ непреклонномъ желаніи быть свободнымъ.

Пушки и войска не помогли. Они не умѣряли народнаго гнѣва. Кровь и жертвы не остановили возмущеній. Въ Парижѣ собрались, созванные королемъ, представители народа и объявили себя «національнымъ собраніемъ».

Дворянамъ, засѣдавшимъ въ собраніи, ничего не оставалось, какъ самимъ добровольно отказаться отъ своихъ преимуществъ на владѣніе землей.

4-го августа 1789 г. дворяне собрались на совѣтъ и отказались отъ своихъ сословныхъ преимуществъ въ пользу народа. Они признали полную равноправность всѣхъ вообще французскихъ гражданъ.

Такъ начинался новый гражданскій строй, устоями котораго должны были явиться свобода, равенство и братство.

Отвѣчая на требованія времени и желанія народа, 23-го августа того же года была провозглашена во Франціи полная свобода религіозныхъ мнѣній и, затѣмъ, свобода печати.

Откликъ всѣхъ этихъ событій, разыгрывавшихся въ Парижѣ, дошелъ до Озонна, гдѣ поручикъ Буонапарте стоялъ со своимъ полкомъ.

Тревожное настроеніе, охватившее Францію, отразилось и въ глухомъ провинціальномъ городкѣ.

Въ тихомъ городкѣ уже не разъ происходили безпорядки и поручику со своимъ полкомъ не разъ приходилось дѣйствовать противъ мятежниковъ во имя короля и закона.

Пожаръ разгорался. Заревомъ его была объята вся Франція. Съ Корсики получались такія-же извѣстія.

Часъ пробилъ!

Освобожденіе Корсики близко. Слава должна загорѣться надъ именемъ безвѣстнаго Наполеона Буонапарте — освободителя родной страны

Довольно мечтаній, довольно бездѣйствія.

Впередъ! За свободу Корсики!

Можно ли еще дольше томиться въ Озоннѣ, когда островъ ждетъ своего избавителя?!

Нѣтъ больше офицера французской королевской арміи—Буонапарте, живъ только одинъ корсиканскій патріотъ Буонапарте.

Онъ затмитъ славу Паоли! Во всякомъ случаѣ поспоритъ еще съ ней!

Блескъ славы слѣпилъ глаза Наполеону, но практическій умъ требовалъ точнаго изслѣдованія корсиканскихъ событій.

Письма и разсказы давали сбивчивое представленіе, но послѣ первыхъ шаговъ ослѣпленія онъ рѣшилъ дѣйствовать осторожно и принялся, пользуясь своей недавней болѣзнью, хлопотать себѣ отпускъ.

Двадцатилѣтній поручикъ внезапно появляется снова въ Аяччіо. Душа его ищетъ простора, юный умъ питаетъ смѣлые замыслы, но привыкъ къ осторожности.

Наполеонъ не бросится впередъ, не развѣдавъ почвы. Стратегія и тактика не даромъ его любимыя науки.

***

И вотъ онъ снова на Корсикѣ. Что же дѣлать, какъ привести въ дѣло свои мечты? Вопросъ не праздный!

БАШНЯ КАПИТЕЛЛО, НЕДАЛЕКО ОТЪ АЯЧЧІО.
(Свидѣтель корсиканской обороны за освобожденіе).

Застигнутый врасплохъ борьбой, начавшейся во Франціи, онъ еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета, на чью сторону онъ встанетъ и чье дѣло будетъ защищать своей саблей? —Дѣло ли стараго порядка или новаго, еще неопредѣлившагося теченія.

Личные расчеты и симпатіи, конечно, тянули его къ новому. Практичный умъ, разбираясь въ неясныхъ ощущеніяхъ, тоже подсказывалъ Буонапарте, что въ исторической королевской Франціи ему, дворянскому выходцу изъ Корсики, нѣтъ хода впередъ. У него не было ни сильныхъ защитниковъ, ни покровителей; а безъ связей и протекцій, однимъ только талантомъ, молодежи не легко пробиваться при старомъ порядкѣ.

Новая волна, идущая навстрѣчу старой, могла всего скорѣе вынести юнаго искателя приключеній и славы къ какому-либо берегу и создать ему извѣстность и положеніе на Корсикѣ.

Островъ рѣзко раздѣлился на двѣ партіи: французская партія, состоящая изъ аристократіи, держала старый курсъ и была немногочисленна. Наоборотъ, весь корсиканскій народъ жаждалъ свободы и независимости. Въ старыхъ бойцахъ, сражавшихся за свободу родной Корсики,

просыпался еще не умершій духъ патріотизма. Произносились патріотическія рѣчи, зажигавшія сердца.

Корсиканская молодежь соглашалась на признаніе за Франціей права на Корсику, но требовала въ свою очередь полной самостоятельности управленія для острова.

Наполеонъ попалъ какъ разъ въ самый разгаръ борьбы.

Скромный поручикъ, на котораго въ Озоннѣ никто не обращалъ вниманія, являлся на Корсикѣ единственнымъ корсиканцемъ, получившимъ высшее военное образованіе. На него были обращены взоры многихъ, и онъ уже втихомолку могъ мечтать, что, въ случаѣ вспышки возстанія, онъ станетъ главнокомандующимъ всѣхъ корсиканскихъ силъ. Имена Наполеона и Паоли должны стать рядомъ!

Открытыя возстанія уже вспыхивали.

Медлить было нечего—необходимо было выступить впередъ.

Въ народномъ клубѣ Буонапарте произноситъ одну за другой зажигательныя рѣчи. Отъ лица корсиканцевъ заявляется требованіе французскому правительству, чтобы оно убрало изъ города свои войска и удовлетворило бы требованія патріотовъ.

Французскій офицеръ Буонапарте обращается въ вождя корсиканскаго движенія, направленнаго противъ той же Франціи.

Прежніе корабли сожжены. Назадъ во Францію Наполеону нѣтъ возврата! Но судьба шутитъ злыя шутки. Проносится молніей слухъ, что Паоли прощенъ новымъ французскимъ правительствомъ и, долго жившій въ Англіи изгнанникъ, наконецъ, вернется на родину. Радостная вѣсть—только не для Наполеона!

На горахъ ярко зажглись веселые огни и громкій радостный звонъ колоколовъ оглушалъ города. То старый вождь наконецъ вернулся къ своимъ оставленнымъ дружинамъ! Національное собраніе давало помилованіе всѣмъ изгнанникамъ; вотъ почему корсиканскій патріотъ могъ возвратиться въ свое отечество. Вся Корсика привѣтствовала его. Въ Парижѣ его ждалъ король; и когда престарѣлый герой черезъ 21 годъ вступилъ вновь на родную почву, онъ прежде всего преклонилъ колѣни и приникъ съ поцѣлуемъ къ дорогой землѣ.

Наполеону являлся опасный соперникъ.

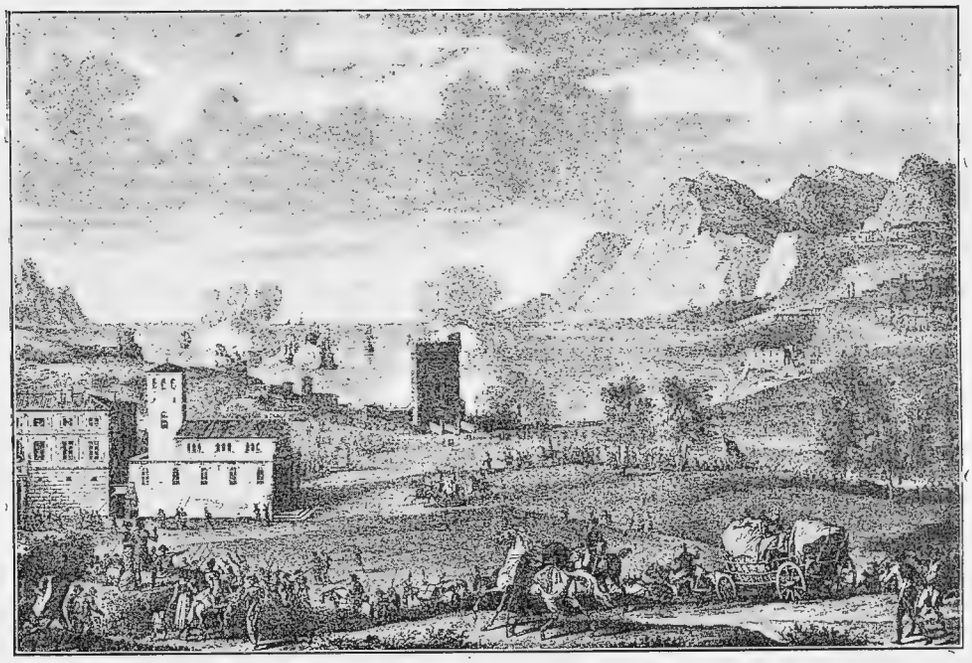
Первое свиданіе молодого поручика со старымъ патріотомъ было трогательное, но всѣ мечты Буонапарте разлетѣлись въ прахъ.

То, что мечталъ сдѣлать онъ самъ, происходило помимо его усилій.

Паоли вернулся и слава стараго вождя должна затмить имя Наполеона. Паоли во главѣ управленія острова; Паоли же выбранъ главно-

командующимъ всей корсиканской арміи. Недавній богъ, которому молился Наполеонъ, становится его врагомъ. Вмѣстѣ они не уживутся.

Буонапарте вскорѣ же сдѣлался главаремъ молодой корсиканской партіи «друзей народа». Онъ посѣщаетъ хижины бѣдняковъ, знакомится съ жизнью народа. Ему нужна поддержка, нужна извѣстность. Честолюбецъ весь горѣлъ однимъ желаніемъ славы. «Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, лишь бы сыграть роль Цезаря! Одинъ лучъ славы, выпавшій на долю великаго человѣка, былъ бы



ВТОРИЧНОЕ ЗАНЯТІЕ КОРСИКИ ФРАНЦУЗАМИ (1796 г.).
Съ рисунка Верне, гравированнаго Дюплесси-Берто.

достаточнымъ вознагражденіемъ для насильственной смерти!»—говорилъ онъ.

Наконецъ кое-что изъ его мечтаній исполнилось: французскій поручикъ былъ выбранъ въ начальники національной корсиканской гвардіи.

Южная кровь струилась въ его жилахъ столь же быстро, какъ бѣжала жизнь на Корсикѣ. На островѣ, какъ и во всей Франціи, все раздѣлилось на двѣ партіи. Наполеонъ теперь рѣшился безповоротно примкнуть къ народной партіи, которая уже вела борьбу съ Паоли. Испытанный герой боялся больше всего волненій и мятежей на островѣ. Его противникъ—Наполеонъ—разжигалъ страсти, призывая къ возстанію.

Срокъ его отпуска уже давно истекъ, но онъ и не думалъ возвращаться во Францію. Онъ рѣшилъ дѣйствовать на Корсикѣ ловкимъ манеромъ: онъ обезпечиваетъ свое избраніе въ баталіонные командиры.

Но образъ дѣйствій баталіоннаго командира скоро оказался таковъ, что отъ него давно были рады избавиться корсиканскія власти. Подъ условіемъ, что онъ немедленно уѣдетъ изъ Корсики, ему выдали превосходные аттестаты, какъ преданному офицеру Франціи. Въ карманѣ съ ними, штабсъ-капитанъ королевскихъ войскъ и полковникъ корсиканской національной гвардіи снова ѣдетъ искать счастья во Франціи.

Корсика его не признала. Онъ снова въ Парижѣ. Положеніе Буонапарте было трудное. Исканіе приключеній и славы окончилось печально. Онъ дезертиръ французской арміи и изгнанникъ Корсики!

Ему пришлось бы жестоко поплатиться за свое поведеніе, если бы онъ явился въ Парижъ въ другое время.

Но теперь Франціи не до Буонапарте. Въ ней совершаются событія первой исторической важности.

Великая французская революція въ полномъ разгарѣ.

Король пытался бѣжать изъ Франціи.

Созывается конвентъ для рѣшенія вопроса о формѣ правленія во Франціи. Національный конвентъ, выбранный при участіи всѣхъ гражданъ, объявилъ Францію республикой.

Въ Парижѣ все кипитъ и волнуется. Событія опережали событія и неслись подобно рѣкѣ, только что сбросившей ледяные покровы. 10 августа 1789 года разразилась цѣлая буря. Король былъ низложенъ. Королевская власть во Франціи упразднена. Національное собраніе объявило отечество въ опасности.

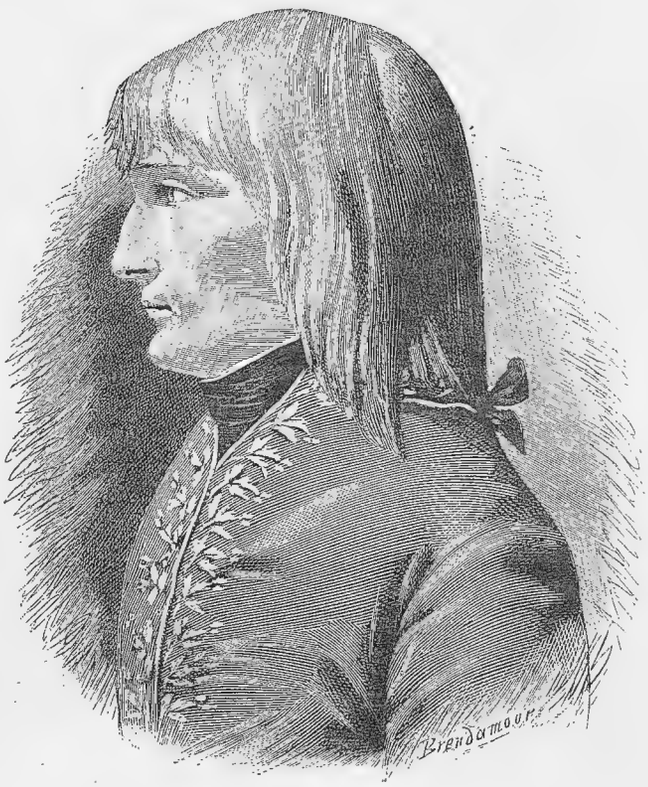
У власти встали умѣренные республиканцы или, какъ ихъ называли, жирондисты (такъ назывались они по имени провинціи—департамента Жиронды). Въ такое время что могли значить обвиненія поручика Буонапарте, присланныя изъ Аяччіо? Въ другое время Наполеону не пришлось бы уйти отъ суда и наказанія. Его обвиняли и въ дезертирствѣ, и въ злоупотребленіи властью, и въ вооруженномъ нападеніи на законное правительство.

Время было такое, когда и подобныя обвиненія замирали безслѣдно. Но самъ Наполеонъ, застигнутый вихремъ событій, поспѣшилъ вновь удалиться изъ Франціи. Что ему оставалось дѣлать въ странѣ, походившей на котелъ, полный паровъ? Партіи еще не опредѣлились. Умѣренные республиканцы всего менѣе могли быть друзьями корсиканскаго якобинца.

Онъ не вѣрилъ въ будущее Франціи, въ ея «одряхлѣвшій» народъ, который раздирали раздоры партій.

Недавній «дезертиръ» былъ оправданъ. Его даже произвели въ капитанскій чинъ. Франціи нужны были офицеры. Со всѣхъ сторонъ грозили враги. Австрія уже объявила войну, грозила Италія...

Наполеонъ снялъ маску. Событія указывали ему, куда идти. Онъ открыто выступилъ защитникомъ новаго порядка. Бывшій поручикъ королевской арміи сталъ капитаномъ республиканскихъ войскъ. Но его тянуло снова на Корсику къ оставленной политической дѣятельности. Вмѣстѣ съ сестрой, воспитывавшейся въ закрытомъ республикой Сенъ-Сирскомъ институтѣ, Наполеонъ пустился въ дальній путь. Въ четвертый разъ онъ уже возвращался на Корсику. Положеніе, которое онъ засталъ тамъ, наиболѣе соотвѣтствовало его теперешнимъ видамъ.



БУОНАПАРТЕ.
Рисунокъ съ натуры, гравированный въ Миланѣ въ 1796 г.

Онъ вновь занялъ должность подполковника національной гвардіи и, получая двойное жалованье изъ Франціи и съ Корсики, началъ свою дѣятельность съ осмотра занятыхъ постовъ.

Но это былъ уже не прежній скромный поручикъ. Онъ зналъ, куда идетъ.

Онъ говорилъ рѣшительнымъ и повелительнымъ тономъ; во всѣхъ его манерахъ и движеніяхъ было видно желаніе властвовать. Онъ задавался смѣлыми планами встать во главѣ Корсики. Франція уже снаряжала экспедицію противъ Сардиніи. Однако, главнокомандующій корсиканской арміи Паоли не дозволилъ Наполеону участвовать, какъ французскому офицеру, въ экспедиціи. Буонапарте не было поручено начальство надъ гвардіей, какъ онъ разсчитывалъ. Планъ Наполеона о захватѣ въ свои руки правленія Корсики окончательно не удался,

и въ концѣ концовъ ему пришлось позорно бѣжать въ Бастію, спасаясь отъ гнѣва народа. Послѣдній обрушился и на всю семью Буонапартовъ и заставилъ ихъ выселиться изъ Корсики въ Тулонъ; Корсика не могла простить измѣны Буонапарте Паоли. Они были уже открытыми врагами. Корсиканскій благородный патріотъ разгадалъ Наполеона. Разгадала и Корсика его замыслы: все для личной славы—ничего для другихъ.

Карьера въ Корсикѣ не удалась окончательно и Наполеону приходилось поставить надъ нею крестъ. Онъ вновь ищетъ славы во французской арміи. Съ неутомимой энергіей онъ спѣшитъ въ Ниццу, гдѣ стояла французская и итальянская армія, готовая къ выступленію противъ сардинцевъ.

Франція уже изнемогала въ борьбѣ со всею Европою. У нея не было союзниковъ. Кругомъ только были одни враги. Арміи ея плохо снаряжены, не хватало пушекъ и ружей; не хватало и людей.

Внутри страны происходили тяжелые раздоры. Палъ король, пали и жирондисты. Республикой правилъ конвентъ. Во главѣ его стояла новая партія якобинцевъ—крайнихъ республиканцевъ.

На сѣверѣ поднимались приверженцы павшаго короля—роялисты; на югѣ выступали противъ конвента умѣренные республиканцы.

Конвентъ поддерживалъ свою силу штыками арміи.

Каждому солдату была дорогая цѣна. Наполеонъ отлично зналъ объ этомъ, когда явился къ главнокомандующему генералу Брюну.

Молодой искатель славы обладалъ недюжинными познаніями въ военномъ дѣлѣ. Такіе люди были нужны арміи и корсиканскій эмигрантъ безъ долгихъ разговоровъ былъ назначенъ капитаномъ на береговую батарею.

Генералъ Брюнъ вскорѣ же отправилъ Наполеона за пушками въ Авиньонъ.

Здѣсь собиралась новая армія, подъ предводительствомъ генерала Карто, дѣйствующая противъ возставшихъ противъ конвента.

Тяжелый переходъ пришлось сдѣлать Наполеону. Онъ пробирался окольными тропинками и проселочными дорогами, такъ какъ вся страна была занята повстанцами. Генералъ Брюнъ требовалъ пушекъ для прикрытія полевыхъ батарей Ниццы; генералу Карто необходимы были эти самыя пушки для того, чтобы бомбардировать Авиньонъ.

У самого генерала Карто ощущался недостатокъ въ офицерахъ, такъ что тотчасъ же по прибытіи къ нему Буонапарте генералъ назначилъ его начальникомъ батареи легкой артиллеріи.

Пораженіе ждало Карто. Это былъ первый боевой опытъ Наполеона и первый опытъ былъ неудаченъ.

Онъ уже готовъ былъ бросить военную службу во Франціи и мечталъ уѣхать въ Англію, пробраться оттуда въ Индію... Но онъ никогда не унывалъ и обратился къ начальству съ просьбой о переводѣ его изъ итальянской арміи въ рейнскую. Въ итальянской арміи ему нечего было дѣлать. Наоборотъ, въ рейнской ожидались серьезныя военныя операціи противъ Австріи. Но здѣсь, въ арміи Карто, Наполеону въ минуты бездѣйствія удалось написать свое извѣстное сочиненіе «Бокерскій ужинъ» и познакомить съ нимъ прибывшихъ правительственныхъ комиссаровъ. Одинъ изъ нихъ, Робеспьеръ младшій, былъ братомъ главы конвента, знаменитаго впослѣдствіе кровожаднаго Робеспьера.

Сочиненіе капитана понравилось. Оно даже было напечатано на казенный счетъ.

Наполеонъ Буонапарте выдвигался изъ тѣни. Имя его становилось извѣстнымъ конвенту.

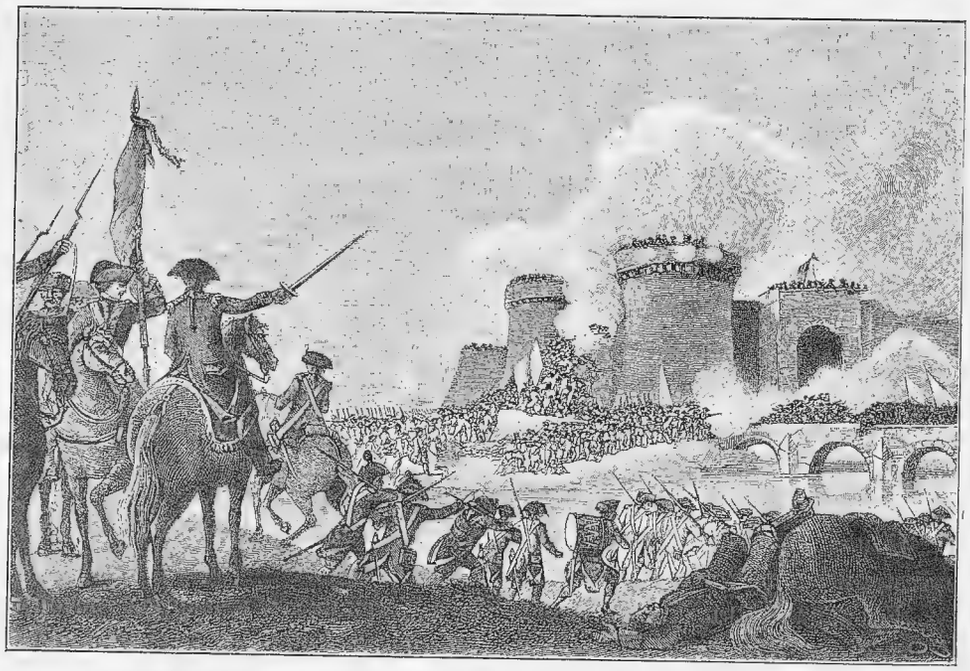
Буонапарте въ своемъ сочиненіи поддерживалъ конвентъ, который представлялъ собою націю. Конвентъ въ свою очередь поддержитъ капитана-сочинителя, потому что далеко не всѣ французы такъ были расположены къ якобинскому конвенту.

Многіе еще не могли простить захватившему власть конвенту рядъ его насилій и казней надъ жирондистами.

Наполеонъ-якобинецъ открыто выступаетъ въ ихъ защиту.

Силы на сторонѣ якобинцевъ и Наполеонъ не безъ цѣли славословитъ эту силу. Она пригодится ему въ близкомъ будущемъ.

Какъ бы то ни было, жребій брошенъ. Буонапарте объявилъ себя сторонникомъ конвента.



ШТУРМЪ ТУЛОНА.
Съ современной гравюры.

ГЛАВА III.

ОТЪ НЕИЗВѢСТНОСТИ КЪ СЛАВѢ.

Подъ Тулономъ.—Бригадный генералъ.—Ураганъ приближается. — Осторожность, осторожность и осторожность.—Развѣнчанныя мечты.—Заключенный.—Милость и право.—Подъ опалой.—Изъ артиллеріи въ пѣхоту. — Снова въ Парижѣ. — Химерическій проектъ.—Что дальше?—Онъ побѣдилъ!—Одна изъ услугъ Наполеона Франціи.—На улицѣ всемірнаго города.—Наконецъ-то! — Корсиканецъ ди Буонапарте и французскій патріотъ генералъ Бонапартъ. — Словно въ сказкѣ. — Конецъ неизвѣстности и начало славы.

ТЯЖЕЛОЕ время переживала французская республика.

Конвенту со всѣхъ сторонъ грозили враги. Въ городахъ и селеніяхъ то и дѣло вспыхивали открытыя возстанія, враждовали партіи. Съ оружіемъ въ рукахъ боролись представители различныхъ убѣжденій. То тамъ, то здѣсь происходили ожесточенныя схватки между войсками и жителями, разыгрывались серьезныя дѣла. Города Марсель, Ліонъ и Тулонъ уже заявили о своемъ отпаденіи отъ конвента.

Англія покрыла моря своими кораблями; англичане уже подступали къ Тулону. На помощь къ нимъ собирались испанскія и неаполитанскія суда.

Жирондисты, во власти которыхъ еще находился Тулонъ, сдали портъ и городъ Англіи.

Войскамъ конвента приходилось сражаться съ двумя врагами—внѣшними и внутренними.

Англійскіе корабли заняли гавань Тулона. Войска конвента обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Бывшій живописецъ, новый республи-

БУОНАПАРТЕ ВЪ ЧИНѢ ЛЕЙТЕНАНТА АРТИЛЛЕРІИ.
Картина Греза.

канскій генералъ Карто, основалъ свою главную квартиру подъ Тулономъ.

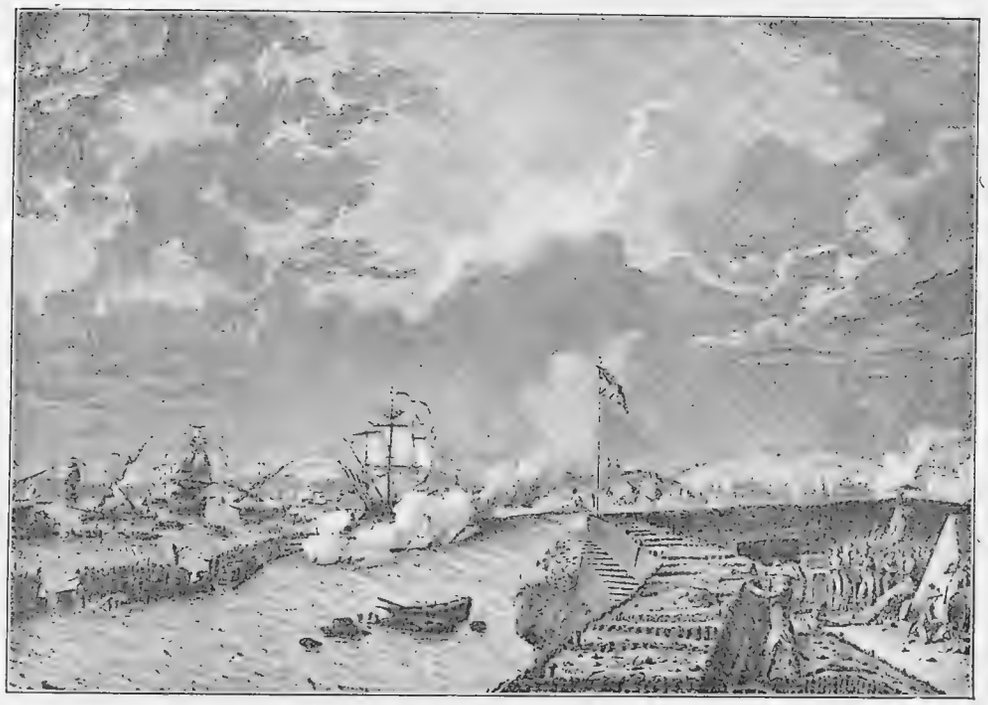
Наполеонъ въ это время напрасно хлопоталъ въ Парижѣ о своемъ переводѣ въ рейнскую армію.

Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и капитанъ Буонапарте прибылъ въ качествѣ добровольца къ корпусу генерала Карто, обложившему

Тулонъ. Вскорѣ однако послѣдовало назначеніе Наполеона на открывшееся мѣсто артиллерійскаго офицера; въ арміи Карто въ офицерахъ чувствовался сильный недостатокъ.

Закипѣла работа. Капитанъ Буонапарте принялся за сооруженіе баттарей и за постановку орудій. Онъ работалъ днемъ и ночью, заражая своею энергіей подчиненныхъ.

Генералъ Карто вскорѣ оказался мало способнымъ для такого сложнаго дѣла. Главнокомандующаго замѣнили новымъ генераломъ изъ медн-



ОСАДА ТУЛОНА.
Съ современнаго рисунка.

ковъ, но и тотъ оказался не на высотѣ задачи. Наконецъ начальство надъ арміей принялъ генералъ Дютейль. Дютейль не могъ не замѣтить скромнаго артиллерійскаго офицера, такъ преданнаго своему дѣлу. Артиллерія Наполеона уже не разъ отличалась, давая отпоръ врагу и отражая его отважные приступы.

Артиллерійскій капитанъ Буонапарте былъ всегда впереди,—тамъ, гдѣ кипѣлъ бой.

Онъ выдвинулся изъ ряда товарищей своей отчаянной храбростью, распорядительностью и полнымъ знаніемъ артиллерійскаго дѣла.

За время осады подъ нимъ пало три лошади; онъ самъ неодно-

кратно былъ легко раненъ, но не покинулъ поля сраженія. Въ самую рѣшительную минуту онъ не терялъ самообладанія. Среди солдатъ подъ Тулономъ объ его храбрости и неуязвимости уже начинала складываться легенда.

Генералъ Дютейль доносилъ о Буонапарте военному министру какъ объ лучшемъ изъ своихъ офицеровъ.

Генералъ писалъ: «большія научныя свѣдѣнія, замѣчательный умъ и даже чрезмѣрная храбрость—таковъ въ общихъ чертахъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера. Отъ васъ, господинъ министръ, зависитъ использовать эти достоинства съ возможно большею пользой для славы республики».

Въ отвѣтъ на донесеніе главнокомандующаго двадцатисемилѣтній офицеръ 6 февраля 1794 года былъ утвержденъ въ генеральскомъ чинѣ и назначенъ на дѣйствительную службу въ итальянскую[1]) армію.

БЮСТЪ МОЛОДОГО НАПОЛЕОНА.

Впрочемъ, и это назначеніе чуть было не ушло изъ-подъ рукъ и врядъ ли Буонапарте удалось бы его получить, если-бы онъ не имѣлъ друзей и заступниковъ въ конвентѣ.

---

[1]) Такъ называлась армія, стоящая на границѣ Франціи съ Италіей.

Карьера его была упрочена. Она создалась быстро. Въ восемь лѣтъ Наполеонъ послѣдовательно прошелъ всѣ офицерскіе чины, вплоть до генерала. Изъ этихъ восьми лѣтъ четыре года и девять мѣсяцевъ Буонапарте провелъ на Корсикѣ въ отпуску. До сихъ поръ онъ служилъ еще двумъ богамъ, не зная, котораго изъ нихъ признать. Одинъ богъ была Корсика. Освободителемъ ея желалъ явиться предъ всѣмъ міромъ офицеръ французской арміи. Другимъ богомъ была для корсиканца карьера во Франціи, только что вступавшей въ новую жизнь, среди неустойчиваго теченія которой такъ были легки быстрыя возвышенія и успѣхи для всякаго умѣющаго овладѣвать моментомъ.

Корсика не дала Наполеону ничего, кромѣ позорнаго изгнанія всей семьи Буонапартовъ съ острова. На родинѣ Наполеонъ нашелъ только позоръ, униженіе и безславіе.

Корсиканскій гражданинъ былъ обманутъ. Корсика угадала его мечты. Французскій республиканецъ вѣрно завоевывалъ себѣ путь. Онъ еще былъ не ясенъ вполнѣ даже для самого Буонапарте. Онъ предавалъ забвенію свои юныя мечты, полныя благороднаго героизма, такъ не уживающіяся съ тѣмъ честолюбіемъ, которое было отличительной чертой его характера. Онъ видѣлъ, что его дѣло на Корсикѣ окончательно проиграно, во Франціи же карьера генерала Буонапарте еще только начинается. Она должна быть имъ выиграна. Въ этомъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, когда, полный удовлетвореннаго честолюбія, спѣшилъ къ войскамъ своей итальянской арміи. Въ его умѣ уже зрѣли грандіозные проекты. Все ярче и ярче рисовалась возможность завоеванія всей Италіи.

Изъ прежней бѣдности и постоянной нищеты Наполеонъ очутился вдругъ въ Ниццѣ въ роли начальника артиллеріи арміи.

Главнокомандующій арміи Массена вскорѣ же выступилъ съ отборной частью арміи противъ австрійцевъ и сардинцевъ, занявшихъ ночью неприступныя позиціи въ верхнихъ Аппенинахъ.

Наполеонъ остался въ Ниццѣ.

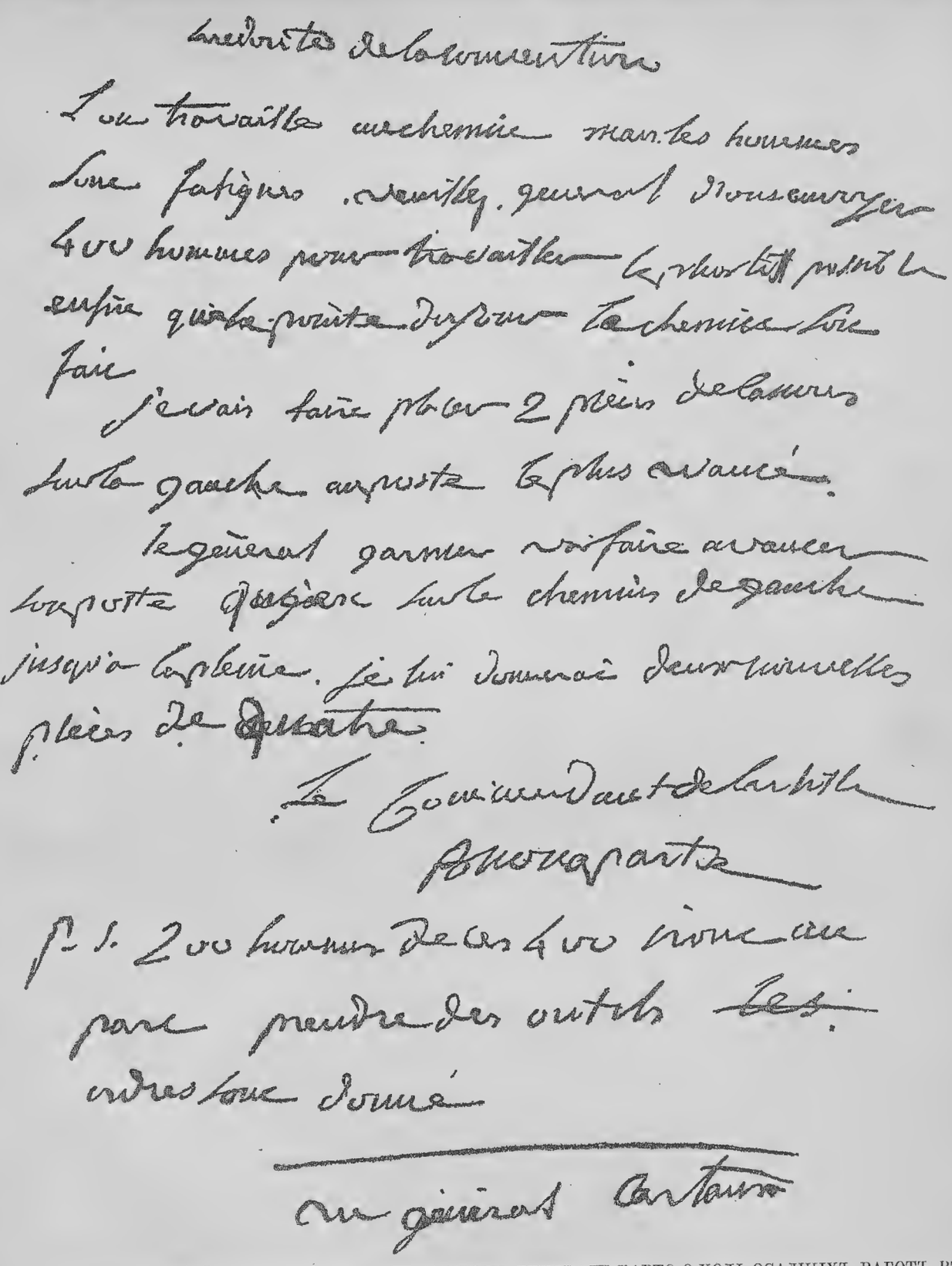
Начальникъ артиллеріи могъ осуществить на дѣлѣ свои смѣлые планы. Ему была предоставлена подготовка арміи для предстоящихъ дѣйствій.

Генералъ былъ занятъ разработкой проекта береговой обороны, въ то время когда Массена велъ свои войска въ трудной походъ.

Главнокомандующій съ восторгомъ доносилъ о дѣйствіяхъ своихъ солдатъ.

«Они,—писалъ онъ, — умѣютъ побѣждать и никогда не жалуются! Босикомъ и зачастую впроголодь, они не позволяютъ себѣ никакихъ насилій, но мужественно идутъ впередъ, распѣвая свой любимый гимнъ «Ça ira!» Дѣло пойдетъ на ладъ!»

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ ВЪ ЧИНѢ ЛЕЙТЕНАНТА АРТИЛЛЕРІИ.
Скульптура Гильома.



ОТЧЕТЪ, ПРИСЛАННЫЙ НАПОЛЕОНОМЪ БОНАПАРТОМЪ ГЕНЕРАЛУ КАРТО О ХОДѢ ОСАДНЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ТУЛОНѢ ВЪ 1793 ГОДУ.

Съ Конвентредумо. Работаютъ на дорогѣ, но солдаты устали. Пришлите намъ, генералъ, 400 человѣкъ, чтобы работать какъ можно скорѣе и докончить дорогу къ утру. Я поставлю два орудія съ лѣвой стороны на самой передней позиціи. Генералъ Гарнье намѣренъ передвинуть свой постъ, стоящій на лѣвой дорогѣ до самой равнины. Я дамъ ему два новыхъ четырехфунтовыхъ снаряда.

Командующій артиллеріей Бонапартъ.

Р. S. Изъ этихъ 400 человѣкъ 200 отправятся въ паркъ, чтобы взять тамъ инструменты; приказанія отданы.

Генералу Карто.

Въ Ниццѣ Наполеону жилось весело. Работа кипѣла. Онъ находилъ отдыхъ въ родной семьѣ. Въ его домѣ собиралось лучшее республиканское общество. Сестры Буонапарте и онъ самъ играли не послѣднюю роль въ городѣ. На нихъ было обращено вниманіе.

Одинъ изъ членовъ конвента Робеспьеръ младшій, на глазахъ котораго проходила работа Буонапарте, былъ въ восторгѣ отъ молодого генерала. Онъ одинъ изъ первыхъ внезапно увѣровалъ въ сверхъестественныя достоинства Наполеона. Планъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій вполнѣ уже сложился у Наполеона.

МАРШАЛЪ МАССЕНА (1756—1817).
Съ портрета барона Гроса

Это не былъ отрывочный планъ, а цѣлая система непризнаннаго еще военнаго генія. Въ своемъ докладѣ генералъ писалъ: «На войнѣ, какъ и при осадѣ крѣпости, надо направить всѣ свои силы на одинъ пунктъ. Разъ пробита брешь, равновѣсіе у непріятеля разрушено, всѣ оборонительныя его приготовленія въ другихъ пунктахъ оказываются безполезными и крѣпость взята. Не разбрасывайте силъ съ намѣреніемъ скрыть пунктъ аттаки, а всячески старайтесь обезпечить себѣ на немъ численное превосходство».

Это были тѣ самыя мысли, которыя составляли сущность системы Наполеона. Робеспьеръ младшій повезъ докладъ своего друга въ Парижъ. Передъ генераломъ открывалась широкая дорога. Его талантъ былъ не только замѣченъ, но и оцѣненъ. Ему была предоставлена самая широкая свобода дѣйствій.

Успѣшное посольство въ Геную, гдѣ Наполеону удалось получить у республики письменный договоръ объ ея невмѣшательствѣ, если вспыхнетъ война въ Италіи, еще болѣе подняло значеніе артиллерійскаго генерала.

На просторѣ онъ самъ уже могъ мечтать о самостоятельномъ командованіи всей итальянской арміей, вмѣсто Массены. Онъ менѣе всего могъ сомнѣваться въ томъ, что разъ его проектъ принятъ конвентомъ, то осуществленіе дѣла будетъ предоставлено самому генералу.

И въ это самое время, когда смѣлые планы молодого генерала

только что получали одобреніе со стороны конвента, судьба еще разъ захотѣла испытать закалъ его мужества.

Изъ Парижа въ Ниццу пришло страшное извѣстіе: конвентъ палъ. Партія якобинцевъ потеряла власть и силу. Голова Робеспьера была отсѣчена гильотиной. Франція мстила за страшные дни конвентскихъ ужасовъ. Новое правительство начинало свою жизнь съ тѣхъ же казней и ужасовъ. На неистовство членовъ конвента овладѣвшіе властью термидорцы [1]) платили не менѣе страшнымъ неистовствомъ...

Положеніе генерала, любимца и ставленника якобинскаго конвента, было тяжелое; одинъ изъ членовъ конвента, Робеспьеръ младшій, былъ даже ближайшимъ другомъ Наполеона.

Буонапарте отлично сознавалъ, что дружба съ конвентомъ не принесетъ ему теперь ничего, кромѣ огорченій и новыхъ горестей, а можетъ быть даже смерть. Предупреждая событія, онъ писалъ въ Парижъ одному изъ знакомыхъ. Въ письмѣ онъ излагалъ пространно свои убѣжденія. Онъ прекрасно зналъ, что письмо его будетъ перехвачено и прочитано властями. Въ этомъ письмѣ Буонапарте увѣрялъ, что онъ ровно ничего не зналъ о замыслахъ Робеспьера, обратившаго республику въ тиранію. «Если бы я только зналъ объ этомъ,—прибавлялъ дальновидный генералъ,—то не задумался бы вонзить ему кинжалъ въ сердце, хотя бы это былъ мнѣ родной отецъ».

Однако и это письмо не помогло. Факты говорили противъ. Доносчики не пощадили Буонапарте. Генералъ былъ отставленъ отъ должности и ему пришлось провести тринадцать дней въ уединенномъ фортѣ Карре, каждый день трепеща за свою участь и ожидая суда и казни.

Казалось, все было проиграно.

Однако, благодаря пріятелямъ, которые нашлись у Буонапарте и среди новаго правительства, онъ былъ снова отправленъ въ Ниццу. Но опала тяготѣла надъ генераломъ. Его перевели изъ артиллеріи въ пѣхоту и, вмѣсто осуществленія прежнихъ грандіозныхъ плановъ о завоеваніи Италіи, ему предложили отправиться въ Вандею;—тамъ, въ этой сѣверной

---

[1]) Республика въ 1793 г. ввела свой календарь. Первый день года считался 22 сентября (по новому стилю)—день осенняго равноденствія. Годъ по новому календарю былъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ. Недѣля замѣнена декадой (десять дней), пять остающихся дней названы дополнительными.

Поздпѣе конвентъ принялъ новыя названія мѣсяцевъ, раздѣленныхъ сообразно четыремъ временамъ года на четыре разряда: осень, зима, весна, лѣто.

Осенніе мѣсяцы—вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ.

Зимніе: нивозъ, плювіозъ и вантозъ.

Весенніе: жерминаль, флореаль и преріаль.

Лѣтніе: мессидоръ, термидоръ и фрюктиторъ.

Отсюда названіе «термидорцы», т.-е. партія, завладѣвшая властью 9-го термидора или 27-го іюля.

провинціи Франціи, еще кишѣли толпы мятежниковъ и блуждали по большимъ проселочнымъ дорогамъ разбойничьи шайки.

Слава, какъ призракъ, въ седьмой разъ улыбнулась и исчезла. Но Буонапарте былъ твердъ.

«Я теперь словно наканунѣ сраженія,—писалъ Наполеонъ въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для него минутъ.—Твердая увѣренность, что двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, убѣждаетъ въ безразсудствѣ задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что я долженъ пренебрегать и своей судьбой и смертью».

Буонапарте рѣшилъ искать не милости у новаго правительства, а требовать возстановленія своихъ правъ. Онъ во чтобы то ни стало желалъ очистить свою честь передъ судомъ. Онъ требовалъ настоятельно суда и слѣдствія надъ собою.

Кирасиры, гусары и легкая кавалерія.

Пѣхота.
Австрійское войско въ 1796 г.

Это была опасная игра. Одинъ изъ тѣхъ ходовъ, который долженъ былъ дать полную побѣду или пораженіе энергичному генералу.

Въ прошломъ у него далеко не все было чисто. Но Буонапарте не желалъ копаться въ этомъ прошломъ. Онъ выставлялъ на видъ то, что ему было необходимо для защиты. «Я,—писалъ онъ тономъ оскорбленной правды,—пожертвовалъ пребываніемъ въ моемъ родномъ департаментѣ, покинулъ тамъ все свое имущество и не пожалѣлъ ничего ради республики. Съ тѣхъ поръ я не безъ отличія служилъ подъ Тулономъ и удостоился раздѣлить съ итальянской арміей лавры, добытые взятіемъ Саорджіо, Опельи и Танаро. При обнаруженіи робеспьеровскаго заговора

я велъ себя какъ человѣкъ, привыкшій руководиться единственно своими убѣжденіями».

Онъ хорошо понималъ, что прежде всего необходимо было очистить себя отъ обвиненій въ близкихъ сношеніяхъ съ конвентомъ. И Наполеонъ пишетъ вновь письмо къ комиссарамъ новаго правительства. Онъ возмущенъ и оскорбленъ несправедливыми подозрѣніями, проситъ безпристрастнаго разсмотрѣнія взведенныхъ на него обвиненій и снова требуетъ суда надъ собой.

«Часомъ позднѣе, если злодѣямъ понадобится моя жизнь, я съ радостью отдамъ ее; я такъ мало интересуюсь жизнью,—писалъ онъ,—что зачастую она меня лишь тяготитъ. Одна лишь мысль, что эта жизнь можетъ еще оказаться полезной отечеству, заставляетъ меня мужественно выносить столь тяжкое бремя».

* * *

Бездѣйствіе томило Буонапарте; на его глазахъ въ арміи шли приготовленія къ походу, а онъ долженъ былъ сидѣть сложа руки и не принимать въ этомъ никакого дѣятельнаго участія.

За нимъ слѣдили и ему не довѣряли. Объ его поведеніи каждую недѣлю доносили въ Парижъ. Но самъ Буонапарте не упалъ духомъ. Онъ попрежнему продолжалъ дѣятельно хлопотать о разрѣшеніи ему участвовать въ экспедиціи.

Просилъ, молилъ, требовалъ и, наконецъ, добился своего.

Морская экспедиція въ Римъ и на Корсику была почти готова, когда пришло наконецъ разрѣшеніе о назначеніи на военный постъ инспектора корпуса артиллеріи генерала Буонапарте.

Наполеонъ снова занялся работой: снаряжалъ и подготовлялъ нѣсколько артиллерійскихъ батарей. Онъ весь горѣлъ однимъ желаніемъ: поскорѣе съ побѣдоносной арміей высадиться на Корсикѣ. Въ ея побѣдѣ онъ не сомнѣвался.

Корсика въ то время переживала тяжелые дни: раздоры корсиканскихъ партій, забывшихъ благо родины, заставили Паоли обратиться за помощью къ англичанамъ.

Помощи отъ Франціи не приходилось ждать: страна сама вела междоусобную и долгую войну. У ней было столько своихъ хлопотъ, что некогда было вмѣшиваться еще въ корсиканскія дѣла.

Англійскій флотъ, выгнанный изъ Тулона, пришелъ на помощь корсиканскому патріоту. Англійская эскадра бросила якорь въ Санъ-Флоренской бухтѣ и быстро завладѣла городомъ. За нимъ одинъ за другимъ сдались города Корсики.

Островъ былъ объявленъ конституціонной монархіей, находящейся подъ покровительствомъ Англіи. Паоли отозвали въ Англію, а оттуда прислали новаго вице-короля сэра Жильберта Элліота. Такъ рухнуло французское вліяніе и господство на Корсикѣ въ 1794 году.

Теперь же (т.-е. въ 1795 году) Франція, собравъ свои силы, рѣшила снова завладѣть островомъ. Снаряжается сильная экспедиція.

Врагъ Паоли корсиканецъ Буонапарте съ французскими пушками и штыками идетъ на островъ, о независимости котораго онъ такъ страстно мечталъ въ юности.

ГРУППА РЕСПУБЛИКАНСКИХЪ СОЛДАТЪ.
(Съ литографіи Раффэ).

Корсиканецъ, раньше такъ ненавидѣвшій Францію, сталъ теперь настоящимъ французскимъ патріотомъ.

Все во славу Франціи: даже честь Корсики!

Первая встрѣча французскаго флота съ англичанами окончилась, однако, печально. Два лучшихъ корабля попались въ руки непріятеля, а остальные постыдно бѣжали къ Гіерскимъ островамъ.

Снова мечта разбита дѣйствительностью.

Съ позоромъ возвратились войска обратно во Францію, напоминая своимъ возвращеніемъ о безразсудной затѣѣ и даромъ потраченныхъ милліонахъ. Развѣнчанному генералу пришлось какъ милость принять назначеніе въ западную армію и обречь себя на бездѣйствіе, быть участникомъ отдѣльныхъ стычекъ съ мятежниками и на время похоронить прежнія грезы.

Наполеонъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ отступать. Но онъ отлично понималъ, что дѣйствовать наперекоръ стихіямъ и времени невозможно. Время сильнѣе отдѣльной человѣческой личности и то, что, въ сущности, совершаетъ тотъ или другой прославленный герой, есть только выраженіе духа времени, которое расчищаетъ для своихъ героевъ арену дѣйствій.

Въ западную армію Буонапарте однако не поѣхалъ. Онъ рѣшилъ

присмотрѣться къ обстоятельствамъ и дѣйствовать энергично. Пока же ему необходимо было заручиться отпускомъ.

Отпускъ полученъ. И вотъ Наполеонъ снова въ Парижѣ. Снова безъ денегъ—безъ гроша въ карманѣ, безъ опредѣленной должности, безъ опредѣленнаго рѣшенія, что предпринять дальше, что принесетъ ему завтрашній день?

Парижъ уже забылъ кровавые ужасы недавняго прошлаго и веселился какъ никогда. Открылись театры, вошли въ моду «салоны», въ которыхъ собиралось избранное общество. Вмѣсто прежней королевской аристократіи, которая прежде задавала всему тонъ, явилась новая, только что призванная къ жизни буржуазія.

Но и въ самомъ Парижѣ, подобно тому какъ и во всей Франціи, страстно боролись два теченія. Одно шло къ прошлому: къ воскрешенію прежней монархіи; другое—желало обезпечить жизненность республики.

Борьба то стихала, то снова обострялась. Генералъ Буонапарте до сихъ поръ не принималъ въ этой борьбѣ никакого участія. Онъ былъ только простымъ зрителемъ совершающихся на его глазахъ событій. Одинъ разъ онъ, было, вмѣшался въ эту борьбу и взялъ открыто сторону якобинцевъ, но судьба жестоко посмѣялась надъ нимъ.

Необходимо выжидать выясненія событій. Сначала осторожность, осторожность и осторожность и потомъ уже рѣшительный смѣлый шагъ.

Въ морѣ не плаваютъ безъ компаса. Въ водоворотѣ житейскаго моря у Буонапарте не было компаса и онъ держался около берега, выжидая погоды.

Рано или поздно, два враждебныхъ теченія, какъ двѣ идущія навстрѣчу волны, должны были неминуемо снова встрѣтиться. Кто выйдетъ побѣдителемъ, кто побѣжденнымъ—заранѣе рѣшать было трудно.

Наполеонъ только хорошо зналъ, что побѣдителей ждетъ слава, а побѣжденныхъ же одно только горе.

И онъ рѣшилъ попрежнему остаться молчаливымъ зрителемъ, не принимая участія въ спорѣ, который долженъ былъ разрѣшиться и безъ его участія. Онъ только еще болѣе уединился и повелъ замкнутую жизнь.

Въ затасканомъ сюртукѣ, съ длинными растрепанными волосами, въ дурно сшитыхъ и плохихъ сапогахъ, онъ мало походилъ на того блестящаго генерала, какимъ его обыкновенно рисуютъ легенды.

Болѣзненное лицо, худое и желтое, съ натянутой улыбкой на тонкихъ губахъ, скрашивали только большіе умные глаза.

Генералъ посѣщалъ лишь близкихъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ была семья одного изъ членовъ конвента—Барасса. Молчаливый и задумчи-

вый, онъ говорилъ лишь одними глазами, которые ко всему присматривались, за всѣмъ зорко наблюдали.

Что дальше? Какъ жить? Вотъ вопросы, которые вставали передъ опальнымъ генераломъ. Нужда все чаще стучалась въ дверь его бѣдной меблированной комнаты. Въ Марселѣ мать съ сестрами испытывали крайнюю бѣдность.

ГРУППА РЕСПУБЛИКАНСКИХЪ СОЛДАТЪ.
(Съ литографіи Раффэ).

Наполеонъ всегда былъ привязанъ къ родной семьѣ и являлся ея покровителемъ и помощникомъ.

А на встрѣчу надвигались еще большія непріятности.

* * *

Армія обновлялась, пересматривались списки офицеровъ, распредѣлялись высшія должности. Бывшій сторонникъ якобинцевъ, Наполеонъ, не внушалъ къ себѣ довѣрія новаго правительства. Для Буонапарте не было особой неожиданностью, когда за излишествомъ офицеровъ въ артиллеріи его, какъ самаго младшаго генерала, назначили сверхштатнымъ генераломъ въ пѣхоту. И снова въ западную армію. Въ ту самую армію, въ которой, вмѣсто шума побѣды и славы подвиговъ, могла его встрѣтить унылая, пѣхотная жизнь кочевого офицера.

Наполеонъ былъ оскорбленъ! Объ его тулонскихъ подвигахъ уже всѣ забыли и судьба, казалось, обрекала его на полное безславіе.

Въ погонѣ за средствами генералъ бросается въ разныя предпріятія: скупаетъ и продаетъ земли, пишетъ ученыя сочиненія, составляетъ военные планы.

Находясь въ отпуску безъ опредѣленнаго жалованья, онъ жилъ на парижскихъ улицахъ, чутко ловя настроеніе измѣнчивой толпы.

Дни бѣгутъ и ничего не приносятъ. Тревожные, безпокойные дни! Внутренніе раздоры угрожаютъ Франціи, а съ границъ ея несутся побѣдные клики. Побѣда за побѣдой покрываетъ лаврами головы республиканскихъ генераловъ. Еще недавно кругомъ новой республики кишмя кишѣли враги, подобно голоднымъ волкамъ, готовые воспользоваться неурядицей въ странѣ. На сѣверѣ грозила Англія, съ запада Австрія, съ юга поднималась Италія.

Теперь все замирено.

Сверстники Наполеона давно уже выдвинулись впередъ. Имена генераловъ Сенсира, Бернадота и Клебера извѣстны во Франціи. Генералы Пишегрю, Гошъ и Журдонъ пользуются огромной популярностью. Они не только вытѣснили непріятеля изъ предѣловъ Франціи, но и заставили ихъ сложить оружіе, покрывъ славой республиканскую армію.

Одинъ Буонапарте все еще остается въ тѣни.

Молодая республиканская армія въ теченіе одного года отпраздновала 27 побѣдъ, освободила девятьсотъ тысячъ плѣнныхъ, взяла 116 городовъ и большихъ крѣпостей, не считая огромнаго количества трофеевъ въ видѣ пушекъ, ружей и знаменъ.

Оно и не мудрено: вмѣсто прежнихъ наемниковъ, смотрѣвшихъ на военное дѣло какъ на выгодное ремесло, подъ знамена республиканской арміи всталъ самъ народъ. Онъ самъ ополчился на защиту отечества, цѣлости котораго грозили со всѣхъ сторонъ. И народъ побѣдилъ.

Республика заявляла о своей жизненности. Подобно разгнѣванному океану, только мало-по-малу улегались разгнѣванныя волны—волненія народной жизни. Стихали партійные раздоры; ужасы конвента и его кровавыя расправы отходили въ область преданій.

Якобинцы пали. На ихъ мѣстѣ новые люди. Вводилась новая конституція.

Наступало начало мирной работы, но еще не было мира, а только перемиріе.

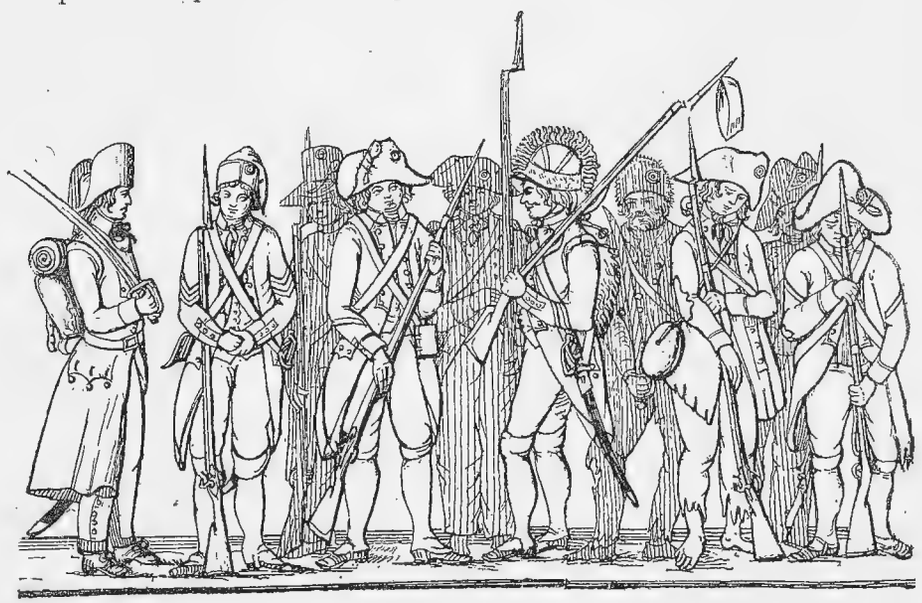
Пользуясь кое-какими уцѣлѣвшими вліятельными знакомствами, Наполеонъ хлопоталъ настойчиво о своемъ переводѣ въ артиллерію.

Ему обычно отвѣчали: надо подождать. Онъ строитъ планы о службѣ

внѣ Франціи, готовъ ѣхать куда угодно, и въ Индію, и въ Турцію, лишь бы пристроиться къ прочному мѣсту.

Въ это время зарождается и все сильнѣе носится въ воздухѣ идея необходимости кампаніи въ Италію. Необходимость ея чувствуется во Франціи. Наполеонъ составляетъ свой проектъ похода въ Италію. Это былъ одинъ изъ великихъ стратегическихъ плановъ тогда еще неизвѣстнаго генія. Проектъ былъ пересмотрѣнъ конвентомъ и, о радость! онъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе.

Проектъ поразилъ своей грандіозностью и вмѣстѣ съ тѣмъ полной



ПАРАДЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ГВАРДІИ ВЪ 1795 г.
(Съ нѣмецкой гравюры).

несбыточностью, но все-таки было обращено вниманіе на пребывающій въ неизвѣстности талантъ опальнаго генерала.

Это была уже половина успѣха. Наполеонъ опять очутился на виду.

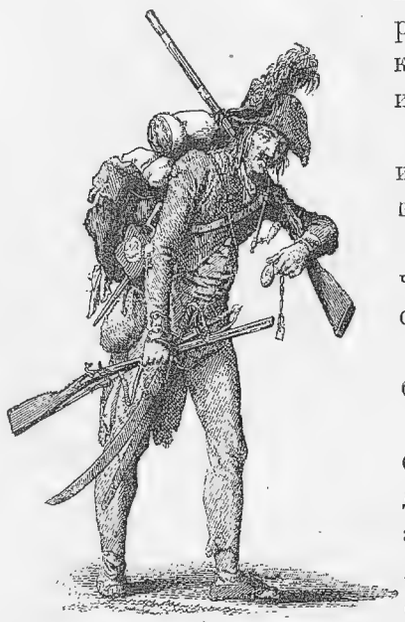
Онъ переѣхалъ изъ своей плохенькой квартирки въ болѣе сносную и рѣшилъ окончательно остаться въ Парижѣ; онъ былъ увѣренъ, что, живя въ столицѣ, легче всего было пробить себѣ карьеру. И, вдругъ, новая насмѣшка судьбы: генералъ, отказавшійся уѣхать въ западную армію, объявлялся военнымъ министерствомъ нарушившимъ законъ и его фамилія была вовсе вычеркнута изъ списка генераловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ.

Но это еще только полбѣды. Вся бѣда была въ томъ, что его вычеркнули изъ списка въ тотъ самый день, когда министерство иностранныхъ

дѣлъ только что внесло предложеніе отправить генерала Буонапарте въ сопровожденіи блестящей свиты въ Константинополь на службу къ султану, просившему у Франціи офицеровъ.

Но корсиканецъ остался корсиканцемъ. Могъ ли онъ унывать, когда у него въ конвентѣ уже были могущественные покровители?!

Военная среда къ нему относилась холодно. Она считала генерала «выскочкой», такъ какъ почти вся его карьера была сдѣлана благодаря связямъ и протекціи. Только одинъ чинъ капитана онъ получилъ по праву старшинства. Буонапарте ищетъ болѣе теплаго отношенія къ себѣ прямо у высшаго правительства. Не даромъ же члены конвента его близкіе знакомые. Конвенту нужны опытные военные испытанные союзники.



ФРАНЦУЗСКІЙ СОЛДАТЪ-ДОБРОВОЛЕЦЪ КОНЦА XVIII ВѢКА.
(Съ нѣмецкой гравюры).

Положеніе Франціи въ самомъ Парижѣ и на границахъ съ каждымъ днемъ становилось снова тревожнымъ.

Пользуясь раздорами партій, англичане снова уже грозили своимъ флотомъ у сѣверныхъ береговъ Франціи.

Снова поднималась Австрія; готова была объявить войну и Италія.

Въ Парижѣ положеніе конвента было опасное. У него было больше враговъ, чѣмъ друзей. Онъ не могъ положиться ни на армію, ни на ея генераловъ, бывшихъ въ душѣ сторонниками прежняго правительства. Термидорцы оказались не лучше якобинцевъ. Аресты и казни не прекращались. Кровь заливала Францію. Страна подымалась.

Въ Парижѣ на улицахъ собирался народъ и брался за оружіе. Тюльерійскому дворцу, гдѣ засѣдалъ конвентъ, грозила опасность отъ черни.

10-го августа 1795 года, цѣлый батальонъ національной гвардіи палъ первой жертвой, сражаясь за оборону дворца. Народное море волновалось и грозило бурей.

Необходимы были быстрыя, энергичныя мѣры.

Гдѣ генералъ, которому можно было бы довѣрить вполнѣ защиту конвента? Старики неохотно соглашаются взяться за такое порученіе. Долго спорили и разсуждали члены конвента, пока наконецъ Баррасъ не выдвинулъ на постъ защитника конвента генерала Буонапарте.

«Корсиканскій офицерикъ», какъ звалъ Баррасъ Наполеона, не былъ расположенъ долго раздумывать. Вчера якобинецъ, сегодня онъ готовъ выступить въ защиту «термидорцевъ», вчера другъ народа, сегодня онъ готовъ встрѣтить картечью этотъ самый народъ. Наполеонъ дружилъ только съ силой. Онъ принялъ охотно новое назначеніе. Онъ считалъ хорошими всѣ мѣры, которыя ведутъ къ опредѣленной цѣли. Такой, въ сущности, іезуитскій девизъ пришелся какъ разъ во-время. Вскорѣ Баррасъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Парижа, Наполеонъ же Буонапарте данъ ему въ помощники.

ГРАФЪ ПОЛЬ ЖАНЪ ФРАНСУА НИКОЛЯ БАРРА.
(Съ рисунка Ле-Дрю)

Баррасъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался плохимъ главнокомандующимъ и числился имъ лишь по имени.

Баррасъ только почетный главнокомандующій — Наполеонъ же полный хозяинъ и командиръ внутренней арміи, властный распорядитель судебъ Парижа въ тревожные дни смуты. И Наполеонъ показалъ себя! Корсиканскій офицеръ дѣйствительно былъ не расположенъ особенно церемониться съ парижскими гражданами.

Онъ дѣйствовалъ напроломъ. Не теряя ни минуты, онъ занялъ войсками мосты черезъ Сену и разъединилъ непріятельскія силы, разбросанныя по обоимъ берегамъ рѣки. Онъ укрѣпилъ мосты, поставилъ на улицахъ баррикады и войска. Въ узкихъ переулкахъ размѣстилась артиллерія, грозя жерлами пушекъ. На площади стоялъ резервъ, а предъ ними открывался, на случай отступленія, свободный путь къ предмѣстью Парижа—Сенъ-Клу.

Кровавая бойня была организована. Оставалось ждать часа ея начала... Численностью противники конвента были сильнѣе, чѣмъ его войска. Но у первыхъ не было вовсе пушекъ. Часъ пробилъ и кровь гражданъ Парижа обагрила улицы

5-го октября на узкой улицѣ, недалеко отъ конвента, разыгралась первая борьба.

Громкіе крики гражданъ, ружейные выстрѣлы. Безпорядочная масса вооруженнаго народа идетъ напроломъ, надвигаясь медленно, подобно тучѣ, къ зданію ненавистнаго конвента.

Народъ озлобленъ, народъ полонъ яростью. Онъ хочетъ свободы, а не ея призрака.

Гремятъ выстрѣлы изъ разнокалиберныхъ ружей. Дымятся фитили и въ отвѣтъ по приказанію Буонапарте раздается одинъ только залпъ изъ пушекъ. Огненный дождь, какъ ураганъ, пронесся по улицѣ. Въ мигъ она вся обезлюдѣла. Только трупы лежатъ недвижимо и дымятся свѣжія раны.

Новая попытка со стороны гражданъ прорваться впередъ была подавлена тѣмъ же дождемъ картечи.

Буонапарте побѣдилъ! Конвентъ спасенъ! Мятежники пали! Имя вчера еще неизвѣстнаго генерала на завтра уже зналъ весь Парижъ. Его осыпали проклятьями одни—называли спасителемъ другіе...

Подобно привидѣнію, онъ носился по залитымъ кровью улицамъ на взмыленномъ конѣ. Онъ былъ всюду, гдѣ кипѣлъ бой, появляясь передъ рядами своихъ войскъ въ самую рѣшительную минуту. Но быть «героемъ», пожавшимъ себѣ лавры въ подавленіи мятежа, для Буонапарте, съ его умомъ и честолюбіемъ, было слишкомъ ничтожно.

Онъ не приписывалъ себѣ славы, скромно говоря, что былъ только простымъ исполнителемъ приказаній главнокомандующаго, который въ дѣйствительности лишь для декораціи присутствовалъ въ эти кровавыя минуты на улицахъ.

За скромность и точность исполненія приказа генералъ былъ утвержденъ въ должности помощника командующаго внутренней арміи, которая такъ блистательно сражалась противъ своихъ же согражданъ на улицахъ родного Парижа.

Главнокомандующій Баррасъ вскорѣ покинулъ свой почетный постъ. Мѣсто осталось свободнымъ и его по праву и по волѣ признательнаго конвента занялъ генералъ Буонапарте.

Защищая правительство отъ гражданъ, Наполеонъ на первыхъ шагахъ своей дѣятельности вышелъ съ пушками противъ истинныхъ друзей свободы. Штыки и пушки должны были охранять свободу учрежденій свободной Франціи.

Армія почувствовала свою силу. Армія поддерживала конвентъ, конвентъ былъ поддержкой арміи.

Но Наполеонъ былъ неудовлетворенъ. Онъ понималъ, что роль за-

щитника конвента слишкомъ для него ничтожна. Самомнѣніе и честолюбіе его росли съ каждымъ днемъ.

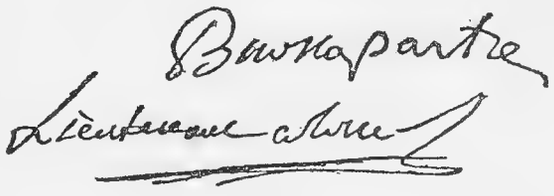
Генералъ съ казарменными манерами своимъ властнымъ взглядомъ нерѣдко смущалъ даже директоровъ правительства. Такъ много было желанія власти и въ этомъ взглядѣ, и въ поступкахъ, и въ рѣчахъ генерала.

Ему теперь уже не нужны покровители. Онъ самъ стоитъ на дорогѣ.

— Погодите,—говорилъ онъ,—они сами будутъ счастливы, если я захочу сдѣлаться ихъ покровителемъ. При мнѣ сабля, а съ нею я далеко пойду.

На остріѣ сабли онъ думалъ создать свое могущество и залить кровью міръ, давно уже потонувшій въ крови.

Прежній нелюдимъ, онъ появлялся все чаще и чаще въ салонахъ. Онъ принималъ гордый, независимый видъ и даже его почеркъ превращался въ неразборчивый. Въ пустыхъ еще недавно карманахъ звенѣло золото. Недавно бѣдствующая семья зажила обезпеченною жизнью, а нелюдимый генералъ шелъ вѣрнымъ шагомъ къ побѣдѣ. Его знали всѣ по имени, многіе знали и ближе. У него было рѣдкое умѣніе привлекать людей. Онъ покорялъ однихъ силой своего ума, другихъ силой лести, третьихъ звономъ золота, которое онъ сыпалъ направо и налѣво всѣмъ просителямъ.



АВТОГРАФЪ БУОНАПАРТА 1790 года.

О немъ уже заговорилъ Парижъ. Скоро его узнаетъ и вся Франція.

26 октября 1795 г. конвентъ прекратилъ свою дѣятельность. Исполнительная власть была вручена директоріи изъ пяти выборныхъ членовъ. Въ первые члены директоріи были выбраны хорошіе знакомые Наполеона: Баррасъ, Ревбель, Ларевельеръ-Лепо, Летурнеръ и Сійесъ; за отказомъ послѣдняго вошелъ знаменитый генералъ Карно.

11-го марта 1798 года Буонапарте женился на вдовѣ извѣстнаго генерала Богарне.

Черезъ три дня весь Парижъ и вся Франція уже знала о новомъ назначеніи директоріи: генералъ Буонапарте отправлялся конвентомъ въ качествѣ главнокомандующаго итальянской арміи.

Наполеонъ, съ обычной для него стремительностью, тотчасъ-же вслѣдъ за приказомъ и назначеніемъ, собралъ свои пожитки и поскакалъ въ Ниццу, гдѣ была главная квартира арміи.

Исполнялась давнишняя мечта, которую еще недавно называли «химерой».

Его планъ похода въ Италію былъ не только принятъ, но и осуществлять этотъ планъ будетъ самъ Наполеонъ.

Теперь уже не Наполеонъ ди-Буонапарте, выходецъ съ острова Корсики, а французскій гражданинъ, генералъ Бонапартъ.

Буонапарте давно умеръ для Корсики. Отнынѣ будетъ дѣйствовать въ нашемъ разсказѣ только французскій патріотъ Бонапартъ.

Такъ неразборчивымъ почеркомъ подписалъ свою фамилію въ первый разъ, въ день свадьбы, новый баловень счастья, отрекшійся отъ прошлаго и вѣрящій только въ яркую звѣзду своего будущаго.

Она уже всходила надъ Парижемъ, чтобы ярко заблестѣть за снѣжными вершинами Альпъ...

СРАЖЕНІЕ НА МОСТУ ПРИ ЛОДИ.
По Аппіани.

ГЛАВА IV.

ПО ТУ СТОРОНУ АЛЬПЪ.

«Воинъ долженъ срывать лавры или умирать на полѣ славы».—Не помогутъ друзья, такъ помогутъ враги.—Въ походъ!—Первое пораженіе.—Новый планъ.—Генералъ и директоръ.—Пьемонтъ долженъ быть уничтоженъ.—Или я или онъ?—Золотой дождь.—«Маленькій капралъ».—Впередъ и впередъ!—Австрія собирается съ силами.—Мантуя—ключъ Италіи.—Фельдмаршалъ Вурмзеръ.—Рѣшено отступать.—Побѣда и пораженіе.—На Аркольскомъ мосту.—Короткій отдыхъ.

МАЛЕНЬКАЯ армія—всего тридцать восемь тысячъ голодныхъ и полураздѣтыхъ солдатъ, да тридцать плохихъ пушекъ.

Противъ нея четыре прекрасно вооруженныхъ корпуса австрійцевъ и рядъ неприступныхъ крѣпостей.

Король Сардиніи охраняетъ ихъ съ суши,—съ моря стережетъ англійскій флотъ подъ начальствомъ знаменитаго Нельсона.

Безумный планъ Наполеона—завоеваніе Италіи—казался заранѣе проиграннымъ, только самъ полководецъ вѣрилъ, что воинъ долженъ срывать лавры или умирать на полѣ славы.

Онъ мчался къ арміи въ Ниццу, гдѣ была главная квартира. Онъ былъ увѣренъ, что если ему не помогутъ свои, то помогутъ враги.

Враги были сильны сознаніемъ своего превосходства и смѣялись надъ «мальчишкой», которому Франція ввѣрила командованіе захудалой арміей.

Наполеонъ не придавалъ значенія численности непріятельскихъ полчищъ. «Маленькій капралъ» былъ хорошо освѣдомленъ о томъ разладѣ, который царилъ между австрійцами и сардинцами, онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что побѣждаетъ не тотъ кто сильнѣе, но тотъ кто смѣлѣе, умнѣе и талантливѣе.

Австрія—поработительница многихъ государствъ Италіи. Большая часть итальянцевъ ненавидитъ австрійцевъ; австрійцы презрительно относятся къ своимъ вассаламъ.

Гражданинъ великой республики—Наполеонъ—долженъ принести въ порабощенную Италію вѣсть о свободѣ, и противъ нея не устоитъ народъ. Свобода милѣе итальянскому народу, чѣмъ слава австрійцевъ.

Но Наполеонъ зналъ также, что всякая война прежде всего требуетъ приготовленій и тщательнаго изученія силъ противника. Предоставивъ старымъ австрійскимъ генераламъ издѣваться надъ его молодостью и безпечно проводить дни, вѣря въ превосходство своихъ силъ, Бонапартъ засѣлъ за работу.

Всю зиму 1794 года кипѣла она въ главной квартирѣ итальянской

ШТУРМЪ МОСТА ВЪ ЛОДИ 10 МАЯ 1796 г.
(Съ современнаго рисунка Тома)

арміи. Составлялись и обсуждались планы, чертились карты, дѣлались развѣдки мѣстности, хорошо знакомой полководцу. Самъ главнокомандующій принялся за обученіе войскъ и, въ теченіе зимы изъ недавно полулуголодной, полураздѣтой арміи, создалъ прекрасно обученное войско. Одного только не хватало—средствъ на веденіе войны; ихъ не было у Франціи, но Бонапартъ умѣлъ подѣйствовать на духъ войска, показавъ ему будущія плѣнительныя картины завоеваній.

Война во имя свободы чуждой страны не могла ослѣпить воображеніе многихъ. Святые идеалы не доступны всей массѣ, но честолюбіе, подобно червяку, грызетъ большинство людей.

Самъ великій честолюбецъ Бонапартъ это зналъ по себѣ.

Французская казна была бѣдна, какъ голыя вершины Альпъ, покрытыя снѣгомъ. Италія сулила побѣдителямъ не только славу, но и обогащеніе.

Армія, утомленная долгимъ бездѣйствіемъ, рвалась къ дѣлу.

Наканунѣ выступленія въ походъ главнокомандующій обратился къ солдатамъ со слѣдующимъ краснорѣчивымъ воззваніемъ:

— Солдаты! васъ плохо кормятъ и вы почти наги. Правительство много вамъ должно, но ничего не въ состояніи сдѣлать для васъ. Терпѣніе ваше и храбрость дѣлаютъ вамъ честь, но не приносятъ ни выгодъ, ни славы. Я поведу васъ въ самыя плодородныя страны въ мірѣ, тамъ вы найдете большіе города, богатыя провинціи, почести, славу и богатства. Солдаты итальянской арміи! неужели вы не будете храбры?

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ ГРАФЪ ДАГОБЕРЪ ФОНЪ-ВУРМЗЕРЪ.
(Съ гравюры на мѣди).

Наполеонъ зналъ къ кому обращался.

Солдатамъ итальянской арміи, закинутымъ на границу Франціи, давно надоѣла однообразная жизнь среди угрюмыхъ скалъ. Постоянныя стычки съ врагами только тревожили войска, но не приносили ни славы, ни выгодъ, ни выдающихся побѣдъ.

Отдавая на разграбленіе Италію будущимъ побѣдителямъ, Наполеонъ въ то же время взывалъ къ итальянцамъ, возвѣщая имъ, что «французская армія идетъ для того, чтобы разорвать цѣпи ихъ рабства».

— Французская армія пришла разорвать ваши цѣпи. Француз-

скій народъ—другъ всѣхъ народовъ: идите навстрѣчу ему. Мы воюемъ только съ тиранами!

Франція—освободительница Италіи.

Италія—золотое дно для французовъ.

За итальянское золото Франція устами Наполеона возвѣщала свободу угнетенной странѣ.

Походъ начался.

Французская армія покинула границу и начала трудный переходъ черезъ Альпы къ Пьемонту. Противники тоже не дремали. Густыя колонны австрійцевъ уже стремились перерѣзать движеніе арміи Бонапарта.

Начало предвѣщало мало хорошаго.

Была минута, когда дѣло Наполеона казалось совсѣмъ проиграннымъ: двѣ австрійскія арміи шли на соединеніе, угрожая отрѣзать часть французовъ, двигавшихся вдоль моря отъ другой части.

Маленькій редутъ, защищаемый тысячью французовъ, оказалъ геройское сопротивленіе и спасъ все дѣло: геройская защита помѣшала соединенію армій австрійцевъ.

Наполеонъ перемѣнилъ свой планъ.

Онъ рѣшилъ скрыть движеніе французскихъ войскъ и затѣмъ разомъ нанести ударъ противнику.

Французы изчезали и разомъ появлялись, бросаясь въ бой. Удары ихъ были такъ быстры и неожиданны, что черезъ четыре дня Бонапартъ достигъ своей цѣли. Союзныя арміи были раздѣлены и отступали, тѣснимыя французскими легіонами.

Двѣ дороги, очищенныя отъ непріятелей, лежали свободными для французовъ.

Съ высоты Монте-Земпто открылись дивныя картины.

Великолѣпныя долины разстилались внизу. Снѣжныя вершины Альпъ окружали ихъ сіяющей короной.

Впередъ! Впередъ!

А изъ Парижа генералу диктовали планъ: предписывали идти на Миланъ, не обращая вниманія на Пьемонтъ.

Планъ Наполеона былъ совершенно иной. Онъ твердо рѣшилъ не вступать въ Ломбардію, не уничтоживъ Пьемонта.

Онъ оставилъ дивизію подъ начальствомъ генерала Лагарпа въ Санъ-Бенедетто для прикрытія арміи отъ нападеній австрійцевъ, самъ же со всѣми своими силами бросился на пьемонтскую армію.

Слабый противникъ не устоялъ предъ натискомъ наполеоновскихъ орловъ и началъ отступать.

Нѣсколько дней длилось это отступленіе. То тамъ, то здѣсь про-

исходили небольшія стычки. Наконецъ, французы настигли сардинскую армію при Монтовѣ.

Произошла рѣшительная битва.

Разгромъ сардинской арміи былъ полный.

Ключъ отъ Альпъ былъ въ рукахъ французовъ, дороги по Пьемонту очищены для передвиженія арміи Бонапарта.

ПЬЕРЪ ФРАНСУА ШАРЛЬ ОЖЕРО, ГЕРЦОГЪ КАСТИЛЬОНЕ.
(Съ гравюры Аликса).

Побѣдоносная армія уже спускалась въ роскошныя долины Ломбардіи.

Предъ глазами полуголодныхъ, застоявшихся на границѣ, солдатъ открылся дивный край, богатый и привольный.

Наполеонъ былъ доволенъ. Одобряя своихъ генераловъ, онъ горделиво говорилъ:

— Аннибалъ взялъ Альпы штурмомъ, мы же ихъ обошли съ фронта.

Но терять времени было нельзя. Все дѣло сводилось къ быстротѣ,

смѣлости и натиску. Необходимо было прокладывать путь впередъ, не давая времени вооружиться Генуѣ, Тосканѣ и Венеціи. До свѣдѣнія Наполеона уже дошло, что тридцатитысячная австрійская армія подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала Вурмзера уже спѣшитъ съ наступленіемъ въ предѣлы Италіи.

Австрійскій генералъ Болье уже занялъ сильную позицію у Милана.

Наполеонъ рѣшилъ предупредить событія. У него уже созрѣлъ дерзкій планъ. Быстрымъ переходомъ войска его идутъ по правому берегу По и, пройдя 80 верстъ, переходятъ рѣку, обходя армію Болье. Болье не принялъ сраженія и отступилъ за рѣку Адду къ Лоди, гдѣ долженъ былъ произойти бой за обладаніе Миланомъ.

Наполеонъ приближался.

Бой у Лоди рѣшилъ судьбу. Австрійцамъ пришлось вновь отступить къ Милану, участь котораго была рѣшена.

Побѣдоносный «маленькій капралъ», выигравъ битву при Лоди, уже вступалъ въ Миланъ...

Разгромъ пьемонтской арміи навелъ ужасъ на Сардинію.

Сардинія рѣшила просить пощады и мира.

Посолъ короля маршалъ Де-ла-Буръ явился въ лагерь Бонапарта.

Главнокомандующій принялъ его съ надменностью побѣдителя, не показывая вида, какъ былъ пораженъ онъ неожиданностью такого посѣщенія.

Маршалъ заговорилъ объ условіяхъ мира. Наполеонъ гордо перебилъ его:

— Условія?! Это мое дѣло диктовать ихъ, а вы должны ихъ лишь принять немедленно. Иначе Туринъ завтра же утромъ будетъ въ моей власти.

Несмотря на то, что французское правительство въ лицѣ директоріи формально запретило главнокомандующему заключать миръ или перемиріе, безъ его одобренія, Наполеонъ принялъ условія мира, предложенныя сардинскимъ королемъ.

Пьемонтъ выходилъ изъ союза съ Австріей, распускалъ свою армію и предоставлялъ всѣ военные пути французамъ.

Побѣда была полная, но солдаты, вступивъ въ цвѣтущую Италію, вспомнили обѣщанія своего полководца и принялись за грабежъ на правахъ побѣдителей.

Найдя славу на поляхъ брани, они искали денегъ и разгула, грабя города и жителей.

Духъ войскъ палъ. Армія превращалась въ шайку разбойниковъ и воровъ.

Солдаты ссылались на дозволеніе главнокомандующаго, обѣщавшаго имъ обогащеніе въ Италіи. Самъ главнокомандующій готовъ былъ отмѣнить свой прежній указъ или даже отказаться командовать шайкой разбойниковъ.

Наполеонъ, однако, не дрогнулъ.

Издаются строгіе приказы. Насильникамъ и грабителямъ грозятъ суровыя мѣры. Но виновны не одни солдаты. Примѣръ имъ подавали сами офицеры. Офицеры, въ свою очередь, ссылаются на генераловъ, карманы которыхъ набиты золотомъ. Послѣдніе указываютъ на самого Наполеона, хотя и не принимавшаго участія въ грабежѣ лично, но отсылавшаго изъ Италіи большія суммы французскому правительству.

На Италію устремлены взоры всей Франціи. Отсюда—изъ Италіи долженъ посыпаться золотой дождь на бѣдную средствами республику.

Директорія уже торопитъ генерала съ походомъ на Римъ.

Битва при Лоди вполнѣ рѣшила участь австрійской арміи. Разбитые, потерявшіе всякую вѣру въ успѣхъ, австрійцы удалились къ сильно укрѣпленной крѣпости Мантуѣ, очистивъ путь Наполеону по Ломбардіи.

Но побѣдитель былъ жестоко обиженъ директоріей.

Изъ Парижа присланъ приказъ раздѣлить всю итальянскую армію на двѣ части. Во главѣ одной долженъ былъ стать храбрый генералъ Келлерманъ, во главѣ второй—Наполеонъ.

Честолюбивые планы, гордыя мечты, все было разрушено. Наполеонъ рѣшилъ дать отпоръ.

Перечисливъ свои послѣдніе подвиги, генералъ почтительно, но твердо отвѣчалъ директоріи предложеніемъ своей отставки.

«При настоящемъ положеніи дѣлъ,—писалъ Бонапартъ,—вамъ необходимо имѣть генерала, облеченнаго вашимъ довѣріемъ. Если выборъ вашъ падетъ не на меня, я не буду жаловаться и удвою рвеніе на томъ постѣ, куда вы меня назначите.

У каждаго полководца свой способъ веденія войны.

Генералъ Келлерманъ опытнѣе меня и, можетъ быть, будетъ дѣйствовать лучше, но оба вмѣстѣ мы станемъ воевать плохо».

Однако было уже поздно. Генералъ Келлерманъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ первой арміей. Эта армія предназначалась на защиту Милана отъ нападенія австрійцевъ.

Вторая армія, во главѣ съ Наполеономъ, со дня на день должна была выступить походомъ на Римъ.

Въ Парижѣ не спѣшили съ отвѣтомъ на письмо Наполеона. За то онъ самъ спѣшилъ со своими донесеніями. Одно за другимъ посылается

съ нарочнымъ изъ арміи извѣщенія отъ генерала Бонапарта. И говорятъ они о новыхъ успѣхахъ и подвигахъ, о завоеваніи всей Ломбардіи, вступленіи войскъ въ самый Миланъ, при «единодушныхъ кликахъ итальянскаго народа, привѣтствовавшаго своихъ избавителей».

Но не одни письма идутъ изъ Италіи во Францію отъ главнокомандующаго. Изъ преданныхъ разграбленію и обложенныхъ контрибуціей итальянскихъ земель начинаетъ падать на Францію потокъ долго жданнаго золотого дождя.

Генералъ Бонапартъ, посылая дары, извѣщалъ, что государственная касса республики скоро должна будетъ получить еще не менѣе двадцати милліоновъ франковъ отъ покоренной страны.

Генералъ не только создавалъ славу Франціи, но и обогащалъ страну.

Во Франціи чутко прислушивались къ событіямъ въ Италіи; среди итальянской арміи имя «маленькаго капрала» становилось любимымъ. Побѣдоносный вождь хорошо зналъ преданность и любовь къ себѣ солдатъ.

Можно ли было принять его отставку?

Армія по одному его зову пойдетъ за нимъ навстрѣчу новымъ опасностямъ.

Короткій отдыхъ въ Ломбардіи, и вновь неутомимый генералъ зоветъ впередъ свои дружины.

Генералъ писалъ въ своемъ приказѣ:

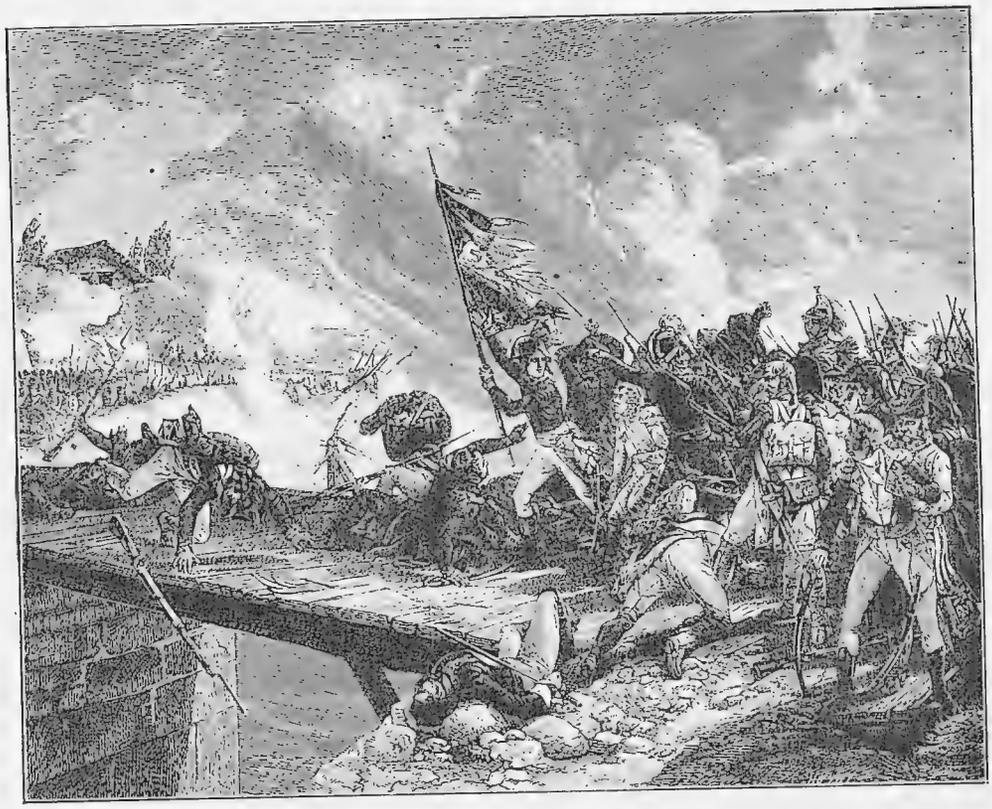
«Солдаты! Вы сдѣлали многое, но развѣ можно сказать, что для васъ теперь уже не остается ничего болѣе дѣлать? Неужели позволительно будетъ утверждать, что, выигрывая сраженіе, мы не умѣли пользоваться побѣдами! Нѣтъ! Я вижу, что вы хватаетесь уже за оружіе. Васъ тяготитъ позорный отдыхъ! Дни, потерянные для славы, утрачены для вашего счастья! Воспрянемъ же снова для новыхъ подвиговъ! Намъ предстоитъ еще совершать усиленные переходы, побѣждать враговъ, пожинать лавры и мстить за оскорбленіе!»

Призракъ славы, которымъ увлекалъ Бонапартъ своихъ солдатъ, увлекалъ не менѣе и самого генерала. Еще недавно безвѣстное, имя корсиканскаго выходца гремѣло въ арміи, повторялось по всей Италіи. Къ подвигамъ и побѣдамъ Бонапарта уже начинала прислушиваться Франція.

Недавно еще пустые ящики военной казны теперь ломились отъ золота; недавно еще плохо одѣтая, полуголодная армія щеголяла выправкой и новыми мундирами, была покрыта славой побѣдъ.

Подобно грозовой тучѣ проходила она по Италіи, освобождая страну отъ ненавистнаго австрійскаго ига, даруя свободу народу и въ то же са-

мое время разоряя и грабя «освобожденныхъ». За свою «свободу» итальянскій народъ давалъ дорогой выкупъ: платилъ золотомъ и цѣлыми коллекціями не переводимыхъ на цѣну золота произведеній искусства. Золото, картины, статуи—все это отсылалось въ Парижъ, богатѣющій на счетъ грабежа и побѣдъ генерала Бонапарта.



СРАЖЕНІЕ ПРИ АРКОЛѢ.
(Картина Горація Верне).

Въ Парижѣ уже не возникаетъ теперь вопроса: Келлерманъ или Бонапартъ?

Италія была разграблена. Одна лишь, нѣкогда славная и богатая, Венеціанская республика ждала своей очереди.

Пользуясь тѣмъ, что австрійцы заняли одинъ изъ укрѣпленныхъ городовъ республики Пескьеру, Бонапартъ со своимъ войскомъ напалъ на крѣпость.

Цѣлью нападенія была объявлена непримиримая месть врагамъ Италіи австрійцамъ. Французы—союзники Венеціанской республики, они

воюютъ не противъ Венеціи, а противъ ея притѣснителей — австрійцевъ!

Походъ объявленъ. Войска Бонапарта быстро переходятъ въ наступленіе.

Кавалерія летитъ впередъ. Подъ предводительствомъ Мюрата она прорывается сквозь австрійскій кордонъ. На помощь ей спѣшитъ самъ генералъ во главѣ съ остальной арміей.

Смѣлымъ натискомъ онъ врѣзается клиномъ въ непріятеля и разрываетъ на двѣ части австрійскую армію. Правая часть ея отбрасывается въ горы, лѣвая уже окружена французами.

Побѣдоносная армія занимаетъ за крѣпостью крѣпость безъ боя, безъ выстрѣла, такъ какъ враговъ-австрійцевъ уже не оказалось. Они ушли, сосредоточивъ всѣ свои силы въ укрѣпленной Мантуѣ.

Предстояла трудная, долгая осада. Но генералъ Бонапартъ не любилъ тратить даромъ времени. Рѣшительность и знаніе всегда обезпечиваютъ успѣхъ.

Австрія давно была заклятымъ врагомъ Франціи, могущество ея стояло на пути славнаго генерала.

Сокрушить это могущество было главной задачей Бонапарта. Въ случаѣ успѣха вся власть надъ Италіей перейдетъ Франціи, ея побѣдоносной арміи.

Необходимо было внушить страхъ и трепетъ передъ силой французскаго оружія, противопоставить новую силу Франціи старой силѣ Австріи.

Италія, въ то время, когда Наполеонъ Бонапартъ предпринималъ ея завоеваніе, не представляла изъ себя чего-либо цѣлаго.

Народъ, связанный между собою общностью языка, религіи и географическихъ условій, былъ политически разъединенъ. Италіи, какъ цѣлаго государства, не существовало*). Аппенинскій полуостровъ весь былъ раздробленъ на крошечныя отдѣльныя государства, управители которыхъ, герцоги и короли и представители республикъ, вели между собою нескончаемые споры и распри.

---

*) Соединенное королевство Италія образовалось въ 1859—70 гг. Въ составъ его вошли: бывшее королевство Сардинія, Ломбардія, Венеція, бывшая Папская область, герцогства Пармское и Моденское, великое герцогство Тоскана и королевство обѣихъ Сицилій. 17 марта 1861 года король Сардиніи Викторъ Эммануилъ II принялъ титулъ короля Италіи, но на самомъ дѣлѣ объединеніе всей Италіи было закончено только въ 1870 г., послѣ того какъ итальянскія войска, овладѣвъ Римомъ, уничтожили свѣтскую власть папъ. Тогда вся Италія голосовала, въ лицѣ своего народа, за объединеніе подъ властью короля, ограниченной народнымъ представительствомъ.

Исторія объединенія Италіи—одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ міровой исторіи; свое объединеніе итальянскій народъ досталъ цѣною многихъ жертвъ. Смертью тысячъ борцовъ за свободу онъ купилъ свою независимость.

НАПОЛЕОНЪ ПРИ АРКОЛѢ.
(Съ картины Ле-Гро, гравированной Лонги, 1798 г.).

Во всѣхъ этихъ государствахъ наблюдалось одно и то же явленіе: народъ былъ бѣденъ, теменъ и забитъ; наоборотъ, аристократія и короли отличались своимъ богатствомъ и произволомъ.

Равенства, братства и свободы, которыя были провозглашены во Франціи великой французской революціей, на Аппенинскомъ полуостровѣ не было и въ поминѣ. Сильный давилъ здѣсь слабаго. Слабый былъ рабомъ сильнаго.

Пьемонтъ уже покоренъ; Венеціанская республика, за исключеніемъ Мантуи, въ рукахъ французской арміи.

Австрія владѣла въ Италіи однимъ лишь Миланскимъ герцогствомъ, но великое герцогство Тоскана также было тѣсно связано съ Австріей; Неаполитанскій король, женатый на дочери австрійскаго императора, какъ родственникъ, держалъ сторону врага Наполеона.

Гулъ французской революціи заставилъ управителей государства Аппенинскаго полуострова искать защиты у Австріи, которая являлась союзницей правителей противъ республики.

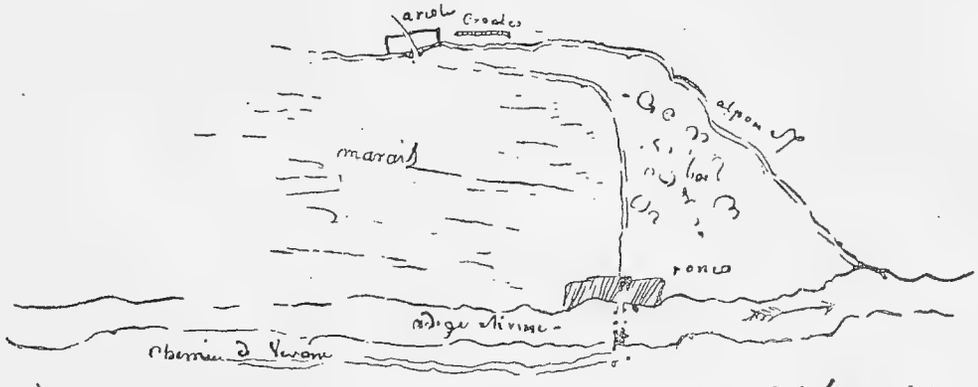
Въ составъ этихъ крохотныхъ государствъ, походившихъ нерѣдко по своему пространству на помѣстья, входили слѣдующія государства. Съ сѣверо-запада около сухопутной границы, отдѣлявшейся Альпами отъ Франціи и Швейцаріи, лежали: велчкое *герцогство Савойя*, *королевство Сардинское*, *герцогство Миланское*, дальше къ югу раскинулось *княжество Пьемонтъ*, управлявшееся сардинскимъ королемъ и входившее въ составъ королевства. Далѣе *герцогства Мантуя* и *Пармское*. Между Пьемонтомъ, Сардиніей и Пармой, къ югу, гранича съ моремъ, цвѣла *Генуэзская республика*. Другая, не менѣе богатая республика, *Венеціанская*, граничила съ Австріей, упираясь другимъ концомъ своихъ владѣній въ Адріатику и примыкала къ *Папской области*. Между герцогствомъ Пармскимъ и великимъ *герцогствомъ Тосканскимъ*, словно сдавленное въ тискахъ, лежало *герцогство Моденское*. На крайнемъ югѣ Аппенинскаго полуострова расположилось наиболѣе значительное по площади изъ всѣхъ государствъ Италіи—*Неаполитанское* королевство. Узкій перешеекъ отдѣлялъ его отъ сосѣда—*королевства Сицилійскаго*.

Республики Генуэзская и Венеціанская были лишь по названію республиками. На самомъ же дѣлѣ самъ народъ не принималъ никакого участія въ дѣлѣ управленія страной. У власти стояли торгаши и грабители, угнетавшіе народъ. Въ Папской области королемъ являлся римскій первосвященникъ (папа). Въ Миланскомъ герцогствѣ и Неаполитанскомъ королевствѣ хозяйничали австрійцы. Савойя, завоеванная Массеной, была уже нѣсколько лѣтъ въ рукахъ Франціи, обратившей въ республику бывшее герцогство.

Всѣ эти государства, или вѣрнѣе ихъ правители, не отличались дружбой между собой.

Правда, могущество Генуэзской республики—давняго врага Корсики,—силы Рима, Моденскаго и Неаполитанскаго королевствъ еще не сломлены и они могутъ оказать сопротивленіе или присоединиться къ австрійцамъ.

Арміи Мюрата и Ланна уже двигаются къ землямъ Генуэзской республики и къ Неаполю.



ФАКСИМИЛЕ ЧЕРТЕЖА И РУКОПИСИ БОНАПАРТА, РЕЗЮМИРУЮЩЕЙ ГЛАВНѢЙШІЕ ПУНКТЫ СРАЖЕНІЯ ПРИ АРКОЛѢ.

Одно за другимъ маленькія королевства спѣшатъ оградить себя отъ вторженія французскихъ полчищъ и просятъ перемирія и союза, откупаясь цѣною огромныхъ денегъ.

Наполеону мало этого. Перемиріе не миръ, и онъ не торопится принимать предложенныя ему условія. Онъ мечтаетъ о полномъ покореніи Италіи, о занятіи Рима.

Италія богата. Въ Ливорно великолѣпныя верфи и арсеналы, въ Генуѣ мачты и канаты, необходимые для французскаго флота, въ Миланѣ много прекрасныхъ лошадей и провіанта, а у итальянскихъ государей казна ломится отъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Римъ, управляемый папой, не признаетъ новой французской республики. Сила ея арміи заставитъ папу считаться съ совершившимся. Римъ не сегодня, такъ завтра признаетъ силу Бонапарта, славнаго гражданина новой Франціи.

* * *

Австрія вновь собирала свои силы. Она рѣшилась на кровопролитный бой. Она должна была или пасть со славой, или побѣдить.

Противъ «корсиканскаго выскочки» идетъ уже походомъ лучшій, испытанный въ бояхъ, генералъ Вурмзеръ. Съ береговъ Рейна и съ долинъ Тироля собираются люди, къ нимъ присоединяются остатки разбитой арміи генерала Болье.

Вурмзеръ съ пятидесятитрехтысячной громадой уже спѣшитъ на выручку, осажденной Бонапартомъ, Мантуѣ.

Подобно снѣжной лавинѣ спускается эта грозная сила съ альпійскихъ высотъ на помощь пятнадцатитысячному гарнизону, засѣвшему за неприступными стѣнами Мантуи.

У французскаго главнокомандующаго войска только всего сорокъ двѣ тысячи, и изъ нихъ восемь тысячъ осаждаютъ Мантую.

Ничтожная горсточка противъ австрійцевъ!

Но Вурмзеръ ничего не можетъ сдѣлать безъ приказаній изъ Вѣны. У него, какъ у раба, связаны руки. Вурмзеръ — послушное орудіе вѣнскихъ распоряженій. Наполеонъ считается только съ своимъ геніемъ. Директорія больше не мѣшаетъ ему. Юный генералъ взялъ на себя всю отвѣтственность и въ Парижѣ отъ него ждутъ только одного — побѣды.

Какимъ же способомъ онъ добудетъ побѣду, до этого въ Парижѣ нѣтъ дѣла.

Наполеоновскія дружины закалены боевой жизнью. Австрійскіе полки обучались только для парадовъ и смотровъ. Они умѣютъ красиво держать равненіе и выступать въ ногу, но война не игра. Наполеонъ долженъ это доказать своему противнику.

На карту поставлено обладаніе всей Италіей. Мантуя—ключъ къ ея дверямъ. Чей флагъ взовьется на бастіонахъ Мантуи, тотъ флагъ будетъ побѣдно развѣваться надъ всей Италіей.

Италія вся ждетъ съ напряженіемъ развязки этой битвы, чтобы примкнуть къ побѣдителю. Это хорошо понимали и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ, и въ обѣихъ враждебныхъ арміяхъ.

Туча австрійскихъ войскъ понадвинулась уже на длинную оборонительную линію французовъ. У Гартскаго озера австрійское кольцо должно было сомкнуться и захватить въ западню Бонапарта.

Вурмзеръ со своимъ громаднымъ войскомъ, и Наполеонъ со своей

небольшой дружиной стояли другъ противъ друга. Правая и лѣвая колонны австрійцевъ уже окружали французовъ. Первая изъ нихъ заняла Бресчіо, вторая захватила дорогу на Миланъ, преграждая арміи Бонапарта путь къ отступленію.

Положеніе Наполеона съ каждой минутой дѣлалось все серьезнѣе.

Главнокомандующій вдругъ отдаетъ приказъ снять осаду Мантуи. Онъ отправляетъ одну дивизію на помощь войскамъ къ Бресчіо и собираетъ военный совѣтъ.

Наполеонъ высказывается за отступленіе. Генералы вторятъ ему. Одинъ только отчаянный вояка генералъ Ожеро называетъ отступленіе трусостью, хлопаетъ дверью и уходитъ съ засѣданія совѣта.

БИТВА ПРИ АРКОЛѢ.
(Съ рисунка, сдѣланнаго во время сраженія).

Бонапартъ самъ колеблется. Онъ до поздней ночи находится въ нерѣшительности.

Глубокою ночью онъ вновь собираетъ своихъ генераловъ. Ожеро попрежнему не желаетъ слышать ни о какихъ отступленіяхъ. Его рѣчь, горячая и страстная, подѣйствовала. Бонапартъ склоняется на его сторону; остальные генералы уже не такъ рѣшительно заявляютъ о томъ, что нужно отступать.

Ожеро побѣдилъ: его планъ приняли.

Бонапартъ возлагаетъ на него исполненіе рискованнаго шага. Пусть генералъ Ожеро лично ведетъ войска!

Главнокомандующій составляетъ планъ наступленія, но самъ благоразумно отказывается его выполнить. Въ случаѣ успѣха слава падетъ на Наполеона, въ случаѣ неудачи позоръ покроетъ голову Ожеро.

Ожеро переходитъ къ наступленію. Быстрымъ натискомъ врѣзается армія французовъ на ничего неподозрѣвающихъ австрійцевъ и нападаетъ на ихъ отрѣзанныя другъ отъ друга колонны.

Бонапартъ съ тысячью солдатъ и своимъ штабомъ остался въ Лонато; остальная армія вышла въ открытое поле.

Отрядъ австрійцевъ, увидя опустѣвшій городъ, охраняемый горстью французовъ, потребовалъ его сдачи.

Парламентеру, посланному австрійскимъ полковникомъ, завязали глаза и провели къ Бонапарту.

Блестящая свита, увѣренный тонъ главнокомандующаго обманули австрійца. Онъ явился съ предложеніемъ сдачи. Бонапартъ же повелительно приказываетъ ему вернуться обратно и объявить своему командиру, что подобное предложеніе оскорбляетъ французскаго генерала. Теперь Бонапартъ уже не проситъ, а требуетъ, чтобы австрійскій отрядъ положилъ оружіе, если не желаетъ быть въ концѣ уничтоженнымъ.

Это была дерзость со стороны Бонапарта. Съ тысячью солдатъ онъ приказываетъ положить оружіе противнику въ четыре раза сильнѣйшему.

Самоувѣренность и на этотъ разъ спасла генерала. Она принесла ему новый трофей: четыре тысячи плѣнныхъ.

Разгромивъ отдѣльныя колонны австрійцевъ, французы направили всѣ силы на армію Вурмзера. Долгая битва закончилась отступленіемъ австрійцевъ въ Тироль. Французы заняли вновь дороги, стерегущія Мантую, но для осады крѣпости не хватало силъ. Обѣ арміи были истощены и обезсилены.

И въ Вѣну и въ Парижъ летятъ донесенья, изъ Вѣны и Парижа идутъ на подкрѣпленіе свѣжія войска. Вурмзеру приказано спѣшить на выручку крѣпости. Французы подвигались къ Тиролю, гдѣ былъ оставленъ двадцатитысячный корпусъ. Наполеонъ бросился въ Тироль, но заходить далеко вглубь страны ему не хотѣлось. Прогнавъ австрійцевъ за Тріентъ, Бонапартъ торопился назадъ. Онъ долженъ былъ теперь напасть на главныя силы австрійцевъ.

Вурмзеръ благополучно проскользнулъ за стѣны Мантуи, но отъ его войска остались только жалкіе остатки. Французы не давали покоя австрійцамъ, тревожа ихъ на каждомъ шагу; Мантуя обратилась въ лазаретъ, и лихорадка трепала ея защитниковъ, помогая французамъ.

Но австрійцы не унывали. На сѣверѣ побѣда была обезпечена за ними.

Рейнская и западная арміи французовъ терпѣли пораженія отъ австрійцевъ. Послѣ ряда блестящихъ дѣлъ французскій генералъ Журданъ былъ вынужденъ отступить за Рейнъ; за Рейнъ же отступала и армія Моро.

У Журдана и Моро были въ распоряженіи огромныя арміи (до 75 т. человѣкъ каждая), и все-таки побѣда осталась за Австріей. Неужели же австрійцы смогутъ проиграть кампанію въ Италіи, гдѣ противъ нихъ

сражается небольшая армія подъ командой случайнаго выскочки «капрала» изъ корсиканцевъ?

Побѣды австрійцевъ на сѣверѣ туманили имъ головы. Въ Вѣнѣ рѣшили сосредоточить всѣ силы и энергію на итальянскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Дивизія за дивизіей стягивалась къ Мантуѣ. Не допустить австрійцевъ до освобожденія защитниковъ крѣпости явилось главнымъ планомъ Наполеона. Для этого необходимо было воспрепятствовать во что бы то ни стало соединенію, спѣшившихъ къ Мантуѣ съ двухъ сторонъ, австрійскихъ армій.

Цѣлые дни проходятъ въ отступленіи французовъ. Рядъ мелкихъ битвъ и стычекъ. Все ближе и ближе сходятся австрійскія арміи. Рано или поздно онѣ должны будутъ ударить разомъ на французовъ и раздавить ихъ своею тяжестью.

У австрійскихъ генераловъ однако не было общаго плана дѣйствій, а Наполеонъ все отступалъ и отступалъ. Онъ заманивалъ непріятеля въ болота, внизъ по теченію Адижа.

Въ болотистой мѣстности австрійской арміи негдѣ было развернуться. Перейдя рѣку, французы вмѣсто того, чтобы идти на западъ, какъ предполагали австрійцы, взяли курсъ къ Ронко и здѣсь снова, переправившись черезъ ту же рѣку, ударили на одинъ изъ фланговъ не ожидавшихъ нападенія австрійцевъ.

При деревнѣ Арколе разыгралась одна изъ тѣхъ битвъ, которая вписала новую страницу въ исторію Франціи и сплела новые лавры генералу Бонапарту.

На узкомъ мосту, соединяющемъ берега притока Адижа-Альтоны, произошла эта битва.

Два батальона хорватовъ и три орудія защищали мостъ. Французы надвигались тремя колоннами. Средняя колонна шла прямо на мостъ.

Хорватскій батальонъ открылъ огонь.

Первая безумная аттака была отбита. Вторая во главѣ съ Ожеро не принесла ничего, кромѣ труповъ.

Французы въ третій разъ бросаются впередъ. Ихъ знаменщикъ убитъ. Тогда Бонапартъ выхватываетъ знамя изъ рукъ павшаго товарища и бросается впередъ. За нимъ его гренадеры. Трескъ ружей, свистъ и жужжаніе пуль. Новые трупы убитыхъ.

Гренадеры, закаленные въ битвахъ, дрогнули и отступили, увлекая назадъ своего главнокомандующаго.

Наполеонъ чуть было не увязъ въ болотѣ и не попался въ плѣнъ австрійцамъ, но тѣ же гренадеры его вновь выручили.

Воодушевленные присутствіемъ главнокомандующаго, они снова бро-

саются впередъ и на этотъ разъ прогоняютъ австрійцевъ за мостъ. На австрійскій берегъ уже на паромѣ переправляются свѣжія войска Бонапарта.

Подъ ихъ натискомъ хорватскіе стрѣлки дрогнули и начали отступать.

По мосту уже побѣдно двигались, прокладывая себѣ путь, гренадеры.

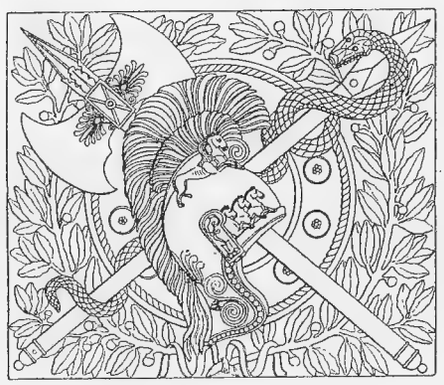
Арколе была взята.

Трехдневный бой далъ возможность французамъ прервать всякое сношеніе между обѣими австрійскими арміями. Онѣ были вновь разъединены и ослаблены. Вурмзеръ попрежнему сидѣлъ запертый въ Мантуѣ.

Бонапартъ обезпечилъ себѣ тылъ и, размѣстивъ войска по крѣпостямъ, готовился перейти въ рѣшительное наступленіе.

Солдаты вѣрили въ его счастливую звѣзду, вѣрили въ его военный геній, и самъ Наполеонъ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ силахъ.

Пока же этимъ силамъ необходимъ былъ отдыхъ. Отдохнуть до прибытія подкрѣпленій изъ Вѣны хотѣли и австрійцы.



СРАЖЕНІЕ ПРИ РИВОЛИ.
Картина Карла Верне (въ Версальскомъ музеѣ).

ГЛАВА V.

ПОБѢДИТЕЛЬ ВЪ ИТАЛІИ.

Въ долинѣ Риволи.—Начало славы.—На мосту въ Арколѣ.—Со знаменемъ впередъ!—Военный совѣтъ.—Отчаянный шагъ.—Мантуя взята.—Почетная капитуляція.—Враги и союзники.—Наполеонъ и папа.—Эрцгерцогъ Карлъ, соперникъ Наполеона.—Лицомъ къ лицу.—Коварный замыселъ.—Новая побѣда.—На австрійской землѣ.—Шахъ и матъ.—Миръ подписанъ.—18-ое фруктидора.—Вилла близъ Милана.—Главнокомандующій арміей, дѣйствующей противъ Англіи.—Отецъ солдатъ.—Со славой во Францію.—Новые планы.—Есть пораженія, которыя не хуже иной побѣды.—На востокъ!...

ДВУХМѢСЯЧНЫЙ отдыхъ.

Австрія собирала новыя силы. Разбитая Бонапартомъ, она все-таки не хотѣла признать себя окончательно побѣжденной въ Италіи. Мантуя до сихъ поръ еще не была взята, и ключъ отъ Италіи не находился въ рукахъ французовъ.

На помощь къ Вурмзеру, засѣвшему за стѣнами Мантуи, спѣшатъ свѣжія войска. Тироль возсталъ противъ Бонапарта. Армія Альвинци

уже надвигается изъ Австріи на главныя силы французовъ. Австрійскій генералъ Провера несетъ помощь защитникамъ Мантуи. Въ церковной области самъ папа тайно собираетъ войска, которыя должны были дѣйствовать въ союзѣ съ Австріей.

Австрійскіе полки уже атаковали генерала Ожеро въ Падуѣ, когда Бонапартъ началъ стягивать свои силы къ Верронѣ. На равнинѣ Риволи должно было произойти рѣшительное сраженіе. Побѣда одной изъ сторонъ приводила ее къ обладанію всѣми дорогами изъ австрійскаго Тироля въ Италію.

Армія Альвинци понадвинулась къ Риволи, прикрывая своими пушками и штыками полки генерала Проверы, спѣшившіе на помощь защитникамъ Мантуи.

Альвинци атаковалъ дивизію Жубера и этимъ какъ бы далъ сигналъ къ началу новыхъ военныхъ дѣйствій.

Наполеонъ чрезъ шпіоновъ узналъ о планѣ австрійцевъ.

Быстро, въ одну ночь главнокомандующій перебрасываетъ двадцатитысячную армію въ долину Риволи на подкрѣпленіе Жубера. За одну ночь десятитысячная дивизія Жубера выросла втрое.

Альвинци заранѣе праздновалъ побѣду и вмѣстѣ съ первыми лучами утра началъ битву.

Австрійцы, увѣренные въ своихъ силахъ, бросились въ бой. Дивизія Жубера первая приняла ударъ, хотя и была вынуждена уступить натиску болѣе сильнаго противника. Но генералъ Бертьё уже спѣшилъ на выручку Жубера. На новый натискъ австрійцевъ далъ отпоръ пришедшій на поле сраженья отважный герой Массена.

Три часа кипѣлъ отчаянный бой.

Альвинци, наконецъ, понялъ, что ему приходилось имѣть дѣло не съ одною лишь дивизіей Жубера, а почти съ цѣлой арміей Бонапарта, расположившейся на высотахъ холмовъ. Онъ рѣшилъ идти на штурмъ холмовъ и кручъ, опоясывавшихъ Риволійскую долину.

Жуберъ помогъ исполненію этого плана: онъ неосторожно бросился въ атаку, оставивъ безъ прикрытія холмъ св. Марка. Австрійцы кидаются наверхъ, но съ другой стороны уже на холмъ устремляются батальоны французовъ. Одна минута рѣшила весь исходъ сраженія.

Французы опередили враговъ. На вершинѣ холма уже засѣли ихъ стрѣлки.

Французская армія сама перешла къ нападенію.

Колонны австрійцевъ въ безпорядкѣ отступаютъ, а на помощь французамъ спѣшатъ все новыя и новыя войска...

Побѣда ясна, и Бонапартъ бросается впередъ на выручку корпуса,

блокировавшаго Мантую. Ему необходимо помѣшать передвиженію арміи Проверы.

Генералы Гійе и Ожеро уже порядочно истомили армію Проверы, уменьшивъ численность ея почти до половины.

У предмѣстья Мантуи генералу пришлось выдержать бой съ блокаднымъ корпусомъ, на помощь которому шелъ самъ Бонапартъ.

БОНАПАРТЪ ПРИ РИВОЛИ.
Картина Филипото (въ Версальскомъ музеѣ).

Онъ поспѣлъ какъ-разъ во время. Войска едва успѣли отдохнуть ночь, а на утро завязался упорный бой.

Провера атаковалъ армію французовъ съ фронта. Вурмзеръ сдѣлалъ вылазку и ударилъ въ тылъ французской позиціи.

Но силы не равны. Австрійцамъ не вырвать побѣды.

Битва подъ Мантуей дала непобѣдимому шесть тысячъ плѣнныхъ и нѣсколько пушекъ. Въ числѣ трофеевъ досталось вышитое австрійской императрицей знамя, которое она подарила при выступленіи вѣнскимъ добровольцамъ.

Битва при Риволи одна изъ тѣхъ битвъ, выигрышъ которой всецѣло зависѣлъ отъ генія главнокомандующаго. Наполеонъ предъ лицомъ всего міра заявилъ въ веденіи этой битвы о своемъ геніи, котораго еще упорно не признавала Европа. Каждый шагъ его успѣха былъ купленъ цѣною тщательной предусмотрительности и геніальнаго искусства. Онъ самъ высоко ставилъ битву при Риволи, нерѣдко говоря: «моя жизнь началась съ Риволи».

Побѣда, однако, все же была не полная: Вурмзеру снова удалось отступить за стѣны Мантуи.

Цѣлыхъ четыре мѣсяца Наполеонъ терпѣливо ждалъ момента сдачи. Онъ зналъ, что у стараго фельдмаршала уже не хватаетъ хлѣба, что пять тысячъ кавалерійскихъ лошадей, по приказанію фельдмаршала, были уже убиты, и мясо ихъ—единственная пища осажденныхъ.

Голодъ заставилъ стараго Вурмзера дѣйствительно вскорѣ же начать переговоры о сдачѣ.

Австрійскій парламентеръ явился въ главную квартиру блокаднаго корпуса.

Генералъ Серюрье принялъ австрійскаго офицера въ своей походной палаткѣ. Тутъ же за некрашенымъ столомъ сидѣлъ какой-то генералъ, закутанный въ плащъ, и что-то торопливо писалъ на листкѣ бумаги.

Австрійскій офицеръ перечислилъ генералу Серюрье тѣ средства, которыми владѣетъ крѣпость, и ставилъ свои условія сдачи.

Крѣпость, по словамъ офицера, могла еще продержаться долгое время.

Серюрье молчалъ.

Тогда всталъ изъ-за стола незнакомый генералъ, и протягивая австрійцу написанный листокъ бумаги, сказалъ:

— Вотъ мои условія! Если бы Вурмзеръ говорилъ о сдачѣ, располагая еще двадцатидневнымъ продовольствіемъ, то онъ не заслуживалъ бы почетной капитуляціи. Преклонныя лѣта, храбрость и несчастье фельдмаршала внушаютъ лишь уваженіе; поэтому отворитъ ли онъ ворота крѣпости завтра или же черезъ двѣ недѣли, черезъ мѣсяцъ или три мѣсяца—я все-таки не отступлю отъ своихъ условій. Фельдмаршалъ можетъ, если ему угодно, ждать, пока въ Мантуѣ будетъ съѣдена послѣдняя корка хлѣба,—закончилъ Наполеонъ.

Парламентеръ удалился. Вскорѣ же отъ Вурмзера было получено согласіе на почетную сдачу крѣпости.

Бонапартъ отклонилъ отъ себя почетную церемонію. Онъ предоставилъ эту честь генералу Серюрье. Дѣла звали его впередъ. Онъ ѣхалъ

въ Болонью, гдѣ уже снаряжалась, давно задуманная имъ, экспедиція на Римъ.

Паденіе Мантуи теперь давало возможность осуществить задуманное раньше и прибавить еще новый листокъ лавровъ къ славѣ «непобѣдимаго».

Походъ въ Римъ имѣлъ цѣлью принудить папу, какъ свѣтскаго государя и недавняго союзника австрійцевъ, выполнить тѣ неисполненныя

ОТСТУПЛЕНІЕ ВУРМЗЕРА ОТЪ МАНТУИ.
Съ гравюры Бранша.

обязательства, которыя Пій VII принялъ на себя при заключеніи перемирія.

Наемники, составлявшіе армію папы, оказались настоящими наемниками. Они складывали оружіе передъ врагомъ и почти безъ выстрѣла отдавали города, сдаваясь въ плѣнъ при приближеніи Бонапарта. Анкона и Лоретто безъ сопротивленія перешли къ Наполеону.

Папа вновь просилъ мира.

Наполеонъ охотно соглашался. Онъ въ учтивомъ письмѣ предлагалъ папѣ миръ за пятнадцать милліоновъ франковъ контрибуціи и за присоединеніе къ Франціи Болоньи и Феррары, Авиньона и папскихъ владѣній въ долинѣ Роны. Въ залогъ генералъ бралъ Анконну и требовалъ

распущенія папской арміи. И папа не только принялъ условія «сына революціи», не только не перенесъ на побѣдителя свою давнишнюю ненависть къ республиканской Франціи, но за обѣщаніе Бонапарта Пію VII сохранить свѣтскую власть, прислалъ «милому сыну» свое апостольское благословеніе.

Сынъ революціи принялъ даръ папы. Республика относилась враждебно къ римскому первосвященнику. Набожные католики въ униженіи папы видѣли оскорбленіе.

Республиканецъ Наполеонъ Бонапартъ разомъ достигъ двухъ цѣлей. Онъ подчинилъ себѣ расположеніе и католиковъ и папы. Онъ явился единственнымъ представителемъ Франціи—и милостивѣйшимъ «покровителемъ и защитникомъ католицизма».

Директорія, которой Бонапартъ отправилъ письмо папы и часть полученныхъ отъ него милліоновъ, нашла также поступокъ генерала вполнѣ «патріотичнымъ». Впрочемъ директорія уже зависѣла отъ Наполеона, а не Бонапартъ отъ нея.

Австрія, могущество которой было сломлено въ Италіи, не могла примириться съ позоромъ пораженія. Кромѣ того она опасалась, что Наполеонъ легко могъ явиться изъ сѣверной Италіи подъ стѣнами Вѣны. Уже въ запасѣ имѣлся вождь, одержавшій въ Германіи рядъ побѣдъ надъ французской арміей Журдана.

Такимъ полководцемъ, надеждой Австріи, былъ братъ императора австрійскаго Франца—эрцгерцогъ Карлъ.

Эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ теперь не только спасти отъ позора Австрію, но и доставить ей славу побѣдъ въ Италіи.

Но австрійцы опоздали. Они упустили время. Наполеонъ побѣдоносно уже двигался отъ Мантуи къ Альпамъ. Позади его замиренная, покоренная Италія. Впереди сіяющія вершины Альпъ, а за ними Тироль—австрійскія владѣнія.

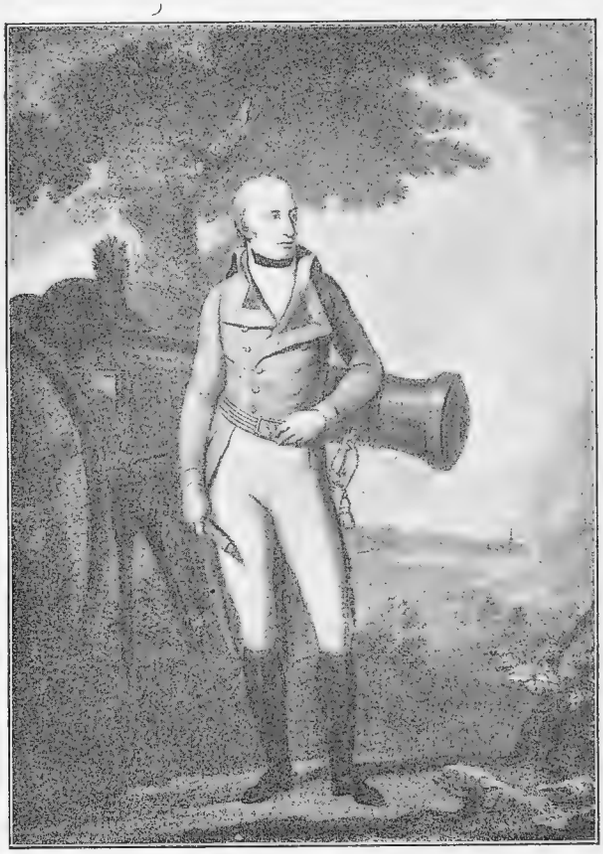
Тылъ побѣдоносной арміи обезпеченъ, передъ фронтомъ стоитъ австрійское войско. Оно не страшно французамъ. Духъ ветерановъ бодръ. Армія, увѣренная въ непобѣдимости своего вождя, увѣрена въ своей побѣдѣ.

Наполеонъ Бонапартъ—любимецъ своихъ дружинъ. Его слава гремитъ по всей Франціи. Отзвуки этого грома проносятся уже по всему міру, отъ края до края. Во Франціи ему нѣтъ равнаго. Подвиги славныхъ вождей республиканской Франціи померкли предъ славой Наполеона. Армія, какъ одинъ человѣкъ, пойдетъ за нимъ по одному зову главнокомандующаго.

Еще недавно полуголодные, оборванные солдаты, не получавшіе

исправно даже жалованья, теперь представляютъ сытое, хорошо обученное войско. Побѣды принесли ему не только славу, но и богатство, награбленное побѣдителями въ Италіи.

Гордость папы унижена; Венеціанская республика стала покорной плѣнницей въ рукахъ завоевателя. Среди итальянскихъ государствъ у него есть уже надежные союзники. Не Парижъ со своей директоріей управляетъ арміей и Наполеономъ, а самъ генералъ Бонапартъ со своей арміей является вершителемъ судебъ Италіи и славы Франціи.



ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ КАРЛЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.
(Съ картины Келлерховена грав. Н. Скіавонетти).

Прежде изъ Парижа ему отказывали въ подкрѣпленіяхъ. На войну ему не дали денегъ, если не считать бумажныхъ ассигнацій, но теперь армія и вся Франція знаютъ кому онѣ обязаны своими побѣдами!

Генералъ Бонапартъ ничего не взялъ себѣ отъ своихъ побѣдъ кромѣ славы. Богатства, трофеи—онъ все раздѣлилъ между своими соратниками. Все — кромѣ славы. Теперь въ его геній увѣровали во Франціи. По первому же требованію генералу директорія присылаетъ подкрѣпленія. Армія доведена уже до 75 тысячъ солдатъ.

Медлить нечего и, пока австрійскій эрцгерцогъ собирается съ силами и ждетъ прихода войскъ съ Рейна, необходимо дать ему генеральное сраженіе. Устроить почетную встрѣчу!

Орлы Франціи, ветераны—сыновья республики постоятъ за себя!

Оставивъ для наблюденія за враждебнымъ Тиролемъ восемнадцатитысячный корпусъ Жубера, Бонапартъ выслалъ другой корпусъ подъ

начальствомъ Массены внизъ по теченію Піаве, туда, гдѣ стоялъ вспомогательный корпусъ австрійскихъ войскъ генерала Лузиньяна. Самъ же Бонапартъ быстро двинулся впередъ къ рѣкѣ Тальяменто. Тамъ на лѣвомъ берегу расположился въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Вѣны эрцгерцогъ Карлъ.

Армія французовъ внезапно появляется на правомъ берегу Тальяменто. Передъ ними на той сторонѣ рѣки грозная позиція австрійцевъ. Французы дѣлаютъ видъ, что готовятся къ переправѣ. Узкая рѣка отдѣляетъ враговъ. Но переправа, конечно, не состоялась. Утомленная ночнымъ переходомъ армія прежде всего должна была запастись свѣжими силами для боя.

Тишина на правомъ берегу. Сонъ и покой надъ французскимъ лагеремъ. Только часовые будятъ тишину ночи.

На лѣвомъ берегу также все успокоилось.

Австрійцы спокойны: ихъ позиція грозна и неприступна. Противникъ не страшенъ.

А завтра грянетъ бой!

Наступила полночь.

И вдругъ, по данному сигналу, встаетъ, тихо подымается и разомъ бросается въ воду, переходя въ бродъ рѣку, армія Бонапарта.

И прежде чѣмъ среди ночной тишины въ лагерѣ Карла забили боевую тревогу, прежде чѣмъ австрійскія войска успѣли построиться для принятія боя, на нихъ уже наступали французы.

Закипѣлъ бой.

Въ теченіе трехъ часовъ полки австрійцевъ не дрогнули подъ ударами враговъ, но французы уже обходятъ ихъ съ фланга и разятъ во всѣхъ направленіяхъ.

Австрійская армія заколебалась и начала отступать.

Грянули пушечные выстрѣлы, и ожидавшій ихъ Массена, уже успѣшно выполнившій свое порученіе (онъ отрѣзалъ корпусъ Лузиньяна отъ арміи Карла, взявъ въ плѣнъ арріергардъ), спѣшитъ, по условному знаку, занять проходы въ Итальянскихъ Альпахъ, черезъ которыя пролегали дороги къ Вѣнѣ.

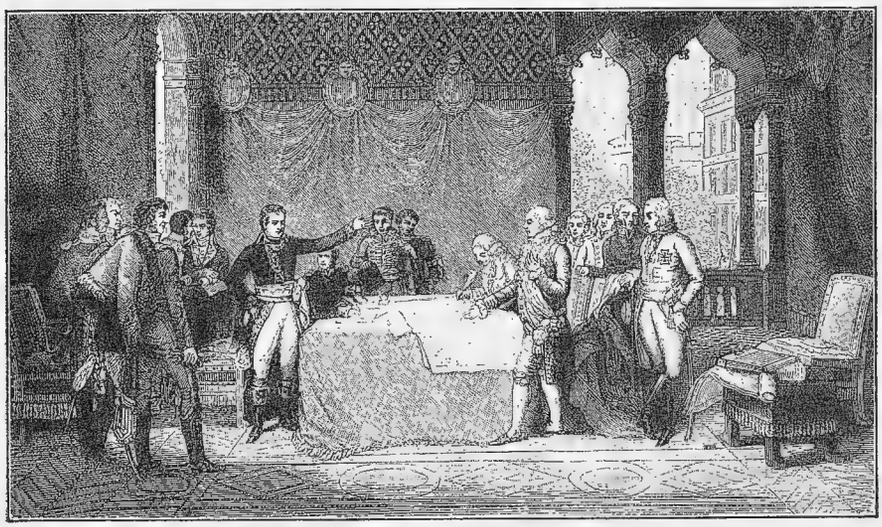
Путь къ отступленію австрійцевъ отрѣзанъ.

Не дождаться эрцгерцогу Карлу подкрѣпленій съ Рейна. Ихъ путь уже стерегутъ французы. Напрасны геройскія усилія эрцгерцогскихъ дружинъ: не прорваться имъ впередъ и не отбросить Массену.

Имъ остался только одинъ путь отступленія—на востокъ. Туда за горный узелъ, гдѣ Альпы склоняются къ берегу Адріатики, въ долину Изонцо.

Массена и Серюрье преслѣдуютъ принца Карла. Армія его таетъ, какъ снѣгъ весной. Уцѣлѣла лишь четверть арміи. А генералъ Жуберъ уже проникъ въ сердце Тироля; правда онъ встрѣтилъ тамъ стойкое сопротивленіе всего населенія. Но самъ Бонапартъ уже расчищаетъ побѣдоносный путь по австрійской землѣ. Клагенфуртъ, Тріестъ и Фіуме склонились передъ нимъ и уже заняты французами.

Побѣдителемъ черезъ Торвисскій горный проходъ Наполеонъ вступалъ въ Германію. Онъ заявлялъ жителямъ, что французы пришли въ



ПРЕЛИМИНАРІИ ЛЕОБЕНСКАГО МИРА.
Съ картины Летьера (Версальскій музей).

ихъ землю не какъ враги, но какъ друзья, чтобы положить конецъ жестокой войнѣ, которую заставляла Австрію вести Англія, подкупившая своимъ золотомъ австрійскихъ министровъ.

Населеніе вѣрило ему, потому что оно не хотѣло войны. Бонапартъ же также имѣлъ основаніе желать ея окончанія.

Жуберу въ Тиролѣ приходилось плохо. Рейнская армія Моро должна была переправиться черезъ Рейнъ, что бы помочь застрявшему въ Тиролѣ генералу, и, соединившись съ нимъ, двинуться къ Вѣнѣ. Такъ было обѣщано директоріей. Но въ Клагенфуртѣ Бонапартъ получилъ непріятную новость: онъ больше не могъ разсчитывать въ скоромъ времени на поддержку арміи Моро.

Побѣдитель былъ огорченъ. Его планы должны были кореннымъ образомъ измѣниться. Наполеонъ, однако, нашелъ выходъ.

Побѣдитель «великодушно» пишетъ письмо побѣжденному Карлу.

Онъ говоритъ эрцгерцогу, что продолжать воевать больше не желаетъ. Ссориться Франціи съ Австріей не изъ-за чего. Всему виною интриги тѣхъ же, ненавистныхъ Бонапарту, англичанъ. «Не пожелаетъ ли герцогъ взять на себя роль спасителя отечества и прекратить бѣдствія безполезной войны?—спрашивалъ въ письмѣ генералъ.

Пока пиѣьмо Бонапарта окольнымъ путемъ, чрезъ Вѣну, шло къ Карлу, армія Массены овладѣла горными проходами и мѣстечками Санктъ-Михелемъ и Леобленомъ, отнявъ у эрцгерцога послѣднюю надежду на соединеніе его силъ съ арміей, все еще тщетно ожидавшейся съ Рейна.

Впрочемъ самъ генералъ Бонапартъ въ Леобленѣ чувствовалъ себя также не особенно хорошо. Всего полтораста верстъ отдѣляли его передовые посты отъ Вѣны. Въ Венеціи готово было разразиться возстаніе, а населеніе австрійскихъ земель, на которыя вступила его армія, встрѣтило побѣдителя далеко не съ распростертыми объятіями.

А если въ Вѣнѣ не примутъ условій мира и вмѣсто мирныхъ вѣстниковъ вышлютъ полки? Справится ли съ свѣжими силами его истомленная армія?

Рискъ былъ огромный.

Генералъ, подобно шахматному игроку, объявлялъ противнику «шахъ» и грозилъ матомъ, самъ не имѣя въ своемъ распоряженіи фигуръ для того, что бы дѣйствительно задать матъ.

Но Австрія была утомлена войной и подавлена неудачей своего лучшаго полководца.

Въ Вѣнѣ, къ которой подступалъ Бонапартъ, царила тревога и смятеніе.

Изъ Вѣны поспѣшно отправляли уполномоченныхъ для заключенія мира въ Леобленъ.

Тревога генерала Бонапарта улеглась и онъ продиктовалъ не легкія условія. Онъ бралъ для Франціи Бельгію и отдавалъ австрійцамъ безпокойную венеціанскую республику.

Миръ былъ уже подписанъ, и въ этотъ же самый день побѣдоносный полководецъ—единственный соперникъ славы Бонапарта—французскій генералъ Гошъ на Рейнѣ жестоко отплатилъ австрійцамъ за ихъ недавнія побѣды надъ Журданомъ. Дезе и Моро тѣснили австрійцевъ подъ Страсбургомъ. Еще нѣсколько времени и республиканскія знамена побѣдно взвились бы на обломкахъ австрійской имперіи.

И въ эту самую минуту генералъ Бонапартъ заключаетъ миръ съ Австріей, приписывая всю славу себѣ.

Гошъ, Дезе и Моро опоздали. Ихъ подвиги не прибавили ничего

къ условіямъ мира, который былъ заключенъ раньше, чѣмъ въ Леобленѣ узнали о новомъ разгромѣ австрійскихъ армій на рейнскомъ театрѣ войны.

Во Франціи не были особенно довольны условіемъ мира. Директорія находила, что Австрія должна была быть разгромлена. Но Бонапартъ, сознавшій свою силу, уже не особенно церемонился съ директоріей. Онъ писалъ, не дожидаясь упрековъ, тотчасъ послѣ заключенія мира:

жюно.
(Съ портрета Давида).

«Если бы въ началѣ кампаніи я, упорствуя въ выполненіи правительственныхъ плановъ, двинулся на Туринъ, мнѣ никогда бы не удалось переправиться черезъ По. Если бы я не пошелъ въ Римъ, то утратилъ бы Миланъ, если бы пошелъ въ Вѣну, то чего добраго погубилъ-бы республику».

Онъ, покрывшій славой Францію, лучше знаетъ, что нужно было дѣлать для того, чтобы побѣждать.

Сидя въ Парижѣ, легко разсуждать.

Это былъ уже не скромный артиллерійскій поручикъ, заискивавшій еще недавно предъ членами директоріи.

Время заискиваній прошло безвозвратно.

Директорія сильна теперь поддержкой арміи и милліонами контрибуціи, взятыхъ Наполеономъ съ побѣжденныхъ.

Наполеонъ чувствовалъ самъ свою силу и, увѣренный въ ней, далъ ее почувствовать и правительству.

Покоренная Италія лежитъ у его ногъ.

Разгромленная Австрія униженно принимаетъ тѣ условія, которыя

онъ ей диктуетъ. Армія ликуетъ, и доволенъ Бонапартъ, защитникъ славы республики.

Суровая походная жизнь, тяжесть переходовъ теперь кончены.

Необходимъ отдыхъ.

Въ виллѣ Монтебелло, недалеко отъ Милана, Наполеонъ рѣшилъ провести лѣто и отдохнуть.

Сказочная роскошь окружаетъ корсиканца.

Изъ оконъ виллы видны сверкающія ледянымъ вѣнцомъ на синевѣ неба могучія Альпы. Неподалеку шумитъ и кипитъ жизнью Миланъ.

Въ залахъ дворца пестрѣютъ мундиры генераловъ. Тутъ всѣ сподвижники славы Бонапарта: грубый вояка и беззавѣтный храбрецъ, которому море по колѣно, *Ожеро;* бывшій корсаръ, покрывшій себя трофеями войнъ, испытанный въ бояхъ—*Массена*; покорный исполнитель приказаній и работящій, какъ волъ—*Бертье*; пигмей, вдругъ ставшій гигантомъ—*Ланнъ*; любимецъ солдатъ, чистая республиканская душа—*Жуберъ;* застѣнчивый среди общества, но беззавѣтно храбрый въ бою, отважно смотрѣвшій прямо въ глаза опасности и смерти—*Дезе* и, наконецъ, человѣкъ на всѣ руки, болѣе дипломатъ, чѣмъ воинъ—*Бернадотъ*. Здѣсь же птенцы Наполеона, его адъютанты, на которыхъ отражается блескъ славы ихъ учителя, безъ лести преданный съ самаго Тулона—*Жюно;* искренно благоговѣющій предъ славой Бонапарта *Мармонъ* и будущій «макаронный король» *)—*Мюратъ*, исполинъ ростомъ и лилипутъ по уму, отъявленный рубака и лихой кавалеристъ.

Всѣ почти они вышли изъ нѣдръ самого народа, и революція, провозгласившая равенство, братство и свободу, вынесла ихъ снизу, изъ безвѣстности на верхъ славы.

За большинствомъ изъ нихъ числилось въ прошломъ не мало грѣшковъ и большинство же изъ нихъ, подобно ихъ любимому вождю, прошло тяжелую школу бѣдности, нужды и униженій, прежде чѣмъ выбиться изъ неизвѣстности.

Но выбиться помогъ всѣмъ имъ только одинъ талантъ—тотъ талантъ, который только и даетъ право на вниманіе людей.

Всѣ они беззавѣтно любили свое дѣло и начали службу въ рядахъ простыхъ солдатъ. Они дѣлили вмѣстѣ съ арміей походы и битвы. У арміи въ началѣ кампаніи не было сапогъ и солдаты и генералы равно шли босыми, ѣли изъ того же самаго общаго походнаго котла и несли на плечахъ тѣ же походныя сумки.

---

*) Мюратъ былъ позднѣе сдѣланъ Наполеономъ королемъ Неаполитанскимъ.

Генералы, офицеры и солдаты были въ этой арміи, изумившей весь міръ своимъ геройствомъ, равны. Только въ битвѣ и въ строю старшій командовалъ младшими.

Перый среди равныхъ между ними былъ Бонапартъ.

Его геній былъ геніемъ арміи и что же удивительнаго, если армія молилась на него. Онъ былъ ея славой, ея идоломъ.

МЮРАТЪ.

Но времена перемѣнились. Уплыли въ область прошлаго тѣ дни, когда за храбрость босымъ солдатамъ выдавали въ награду деревянные башмаки.

Армія давно уже не испытывала ни голода, ни нужды. Ея полководецъ позаботился о ней. У него самого вмѣсто прежней походной палатки были роскошные чертоги. Царская роскошь окружала Бонапарта. У генераловъ и солдатъ звенѣло золото въ кошелькахъ.

Въ виллѣ Наполеона постоянныя сборища: посланники иностранныхъ государствъ, генералы, чиновники изъ Парижа; разсылаются ежедневно курьеры съ приказами, но привычки самого Бонапарта мало измѣнились. Онъ, словно нарочно, хотѣлъ доказать, что роскошь, слава и поклоненіе безсильны подѣйствовать на человѣка, знающаго себѣ цѣну. Онъ былъ гордъ и высокомѣренъ съ иностранцами, но отношенія генерала къ его «орламъ» остались тѣ же. Среди золота, мрамора и роскоши своего временнаго дворца онъ, по внѣшнему виду, оставался прежнимъ. Тотъ же походный сюртукъ на небольшой, нѣсколько пополнѣвшей, фигурѣ, та же умѣренность въ пищѣ и питьѣ, то же презрѣнье къ золоту, котораго онъ не бралъ для себя.

Кругомъ него пиры и забавы, а онъ неизмѣнно въ положенные часы погруженъ съ головою въ работу.

Царственныя почести встрѣтили пріѣхавшую изъ Парижа жену главнокомандующаго, но царственныя почести для него самого были еще впереди... И только въ мечтахъ онъ уже ясно рисовалъ будущіе, смутные еще для другихъ, планы.

Онъ поднялся на ту высоту, которой не было равной въ республикѣ. Его слову повиновалась многотысячная армія, къ его желаніямъ прислушивалась покоренная Италія. Франція жадно ловила извѣстія о своемъ новомъ свѣтилѣ, покрывшемъ ее славой, и весь міръ въ смутной тревогѣ слѣдилъ за подвигами новаго героя.

Онъ былъ дѣйствительно героемъ новаго времени, питомцемъ той великой эпохи, начало которой съ затаеннымъ ужасомъ встрѣчали всѣ государства. Передъ ними Франція, недавно осужденная на гибель, вставала вновь въ небывалой еще славѣ. На развалинахъ старой императорской Франціи всходила новая, гордая, молодая и побѣдная республика. Наполеонъ далъ понять, что больше всего онъ любитъ эту новую Францію. Его слава вся принадлежитъ ей.

Въ честь республики, въ день общаго французскаго праздника 14 іюля, итальянская армія съ невиданнымъ еще торжествомъ и великолѣпіемъ справила праздникъ побѣдъ республики. Окруженный своей гвардіей, составленной изъ избранныхъ ветерановъ, Наполеонъ появился предъ лицомъ своихъ войскъ. И по рядамъ ихъ пронесся восторженный крикъ:

— Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ генералъ Бонапартъ!

Генералъ Бонапартъ далъ понять, что онъ только вѣрный слуга республики, которую обожаетъ армія. Этой арміи всѣмъ обязанъ Наполеонъ и онъ не забылъ отдать ей должное:

— «Солдаты!—говорилъ въ приказѣ по арміи Бонапартъ,—вы выиграли 14 генеральныхъ сраженій и 70 битвъ, взяли болѣе 100,000 плѣнныхъ и 2,500 орудій. Вы обогатили музей Парижа 300-ми перловъ искусства. Вы кормились и оплачивались контрибуціями съ покоренныхъ странъ, да еще послали 30 милліоновъ въ казну».

Генералъ гордился своей арміей. Армія была горда своимъ генераломъ.

Они могли положиться другъ на друга въ минуту опасности, грозящей Франціи.

Опасность эта уже надвигалась.

Во Франціи снова бушевала буря. Директорія была безсильна умиротворить смуту.

Противъ правительства зрѣлъ заговоръ.

Роялисты, такъ называемые приверженцы уничтоженной революціей королевской власти, грозили открытымъ возстаніемъ.

Завоеватель Голландіи—генералъ Пишегрю открыто держалъ сторону роялистовъ. За нимъ стояла его армія. У директоріи не было ни одного генерала, на котораго она могла бы вполнѣ положиться. Генералъ Моро былъ мало расположенъ къ правительству. Генералъ Гошъ—одинъ изъ лучшихъ генераловъ республики—былъ слишкомъ молодъ: ему не было еще тридцати лѣтъ и онъ не могъ быть по закону назначенъ на должность военнаго министра. Оставался одинъ Бонапартъ. Къ нему и обратилась за помощью директорія.

Въ отвѣтъ на ея просьбу Бонапартъ отвѣтилъ устройствомъ республиканскаго праздника, который долженъ былъ доказать всей Франціи, что побѣдоносная итальянская армія горячо предана республикѣ. Кромѣ того, Бонапартъ отправилъ въ Парижъ три милліона золотомъ и генерала Ожеро въ распоряженіе директоріи.

Мятежъ готовъ уже былъ вспыхнуть.

Ожеро, подъ предлогомъ охраненія безопасности гражданъ, занялъ улицы Парижа войсками.

Сила оказалась на сторонѣ директоріи. Замыслы роялистовъ были разрушены. Въ знаменитый день, 18 фруктидора, повторилось снова спасеніе арміей правительства. Сила арміи оказывалась грознѣе всего, даже закона.

А Наполеонъ въ это время велъ переговоры о заключеніи мира съ Австріей, какъ главный уполномоченный отъ лица всего французскаго народа.

Въ Вѣнѣ, сколько могли, старались затянуть переговоры. Тамъ надѣялись еще на удачный исходъ заговора роялистовъ.

18 фруктидора нанесло окончательный ударъ надеждамъ австрійцевъ.

Наполеонъ диктовалъ свои условія.

На новомъ дипломатическомъ поприщѣ онъ проявилъ новые таланты. На совѣщаніи дипломатовъ онъ такъ же упорно боролся за интересы Франціи, какъ боролся на полѣ битвы съ мечомъ въ рукахъ... Въ концѣ концовъ онъ добился побѣды. Франція принудила Австрію заключить выгодный для себя миръ.

Франція торжественно встрѣтила своего героя.

Его называли «отцомъ солдатъ», газеты прославляли его подвиги, старые ветераны разносили вѣсти объ его храбрости, непобѣдимости и отвагѣ...

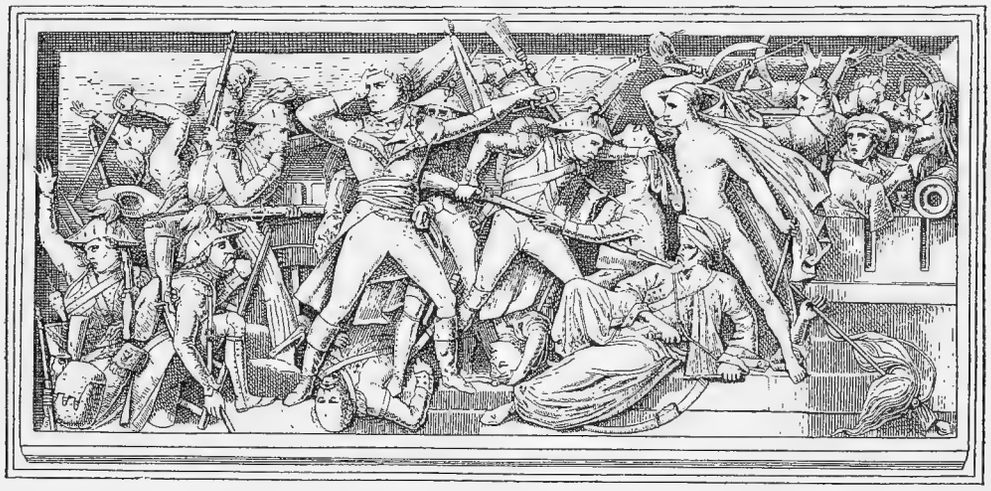
А онъ самъ, этотъ маленькій по росту человѣкъ, пользовавшійся такою великою славой, былъ скупъ на слова. Только когда задѣвали его честолюбіе или затрогивали его тщеславіе онъ дѣлался краснорѣчивымъ. Его здоровье было плохо. Блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ лица, онъ былъ бодръ, однако, духомъ и неутомимъ въ работѣ. Онъ спалъ по три часа; велъ умѣренный образъ жизни. Среди роскоши Парижа, увѣнчанный лаврами двадцати побѣдъ, онъ держался просто. У него не было ни выѣздовъ, ни адъютантовъ. Въ садикѣ, окружавшемъ домъ Бонапарта, прохожіе часто видѣли генерала, отдыхавшаго отъ трудовъ войны. Онъ ни съ кѣмъ не сходился и держался особнякомъ, а въ умѣ его уже зрѣли новые планы.

Объ одномъ изъ такихъ плановъ узналъ, наконецъ, ловкій Талейранъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

Планъ понравился Талейрану и директоріи.

Это былъ проектъ похода въ Египетъ.

ДОГОВОРЪ ВЪ КАМПО-ФОРМІО.
Картина Е. Гиллона.



ВЗЯТІЕ АЛЕКСАНДРІИ.
Барельефъ Шапоньера на тріумфальной аркѣ въ Парижѣ.

ГЛАВА VI.

ВЪ СТРАНѢ ДРЕВНИХЪ ФАРАОНОВЪ.

Забытыя мечты вновь воскресаютъ.—Во Франціи нѣтъ мѣста!—«Груша еще не созрѣла».—На Мальтѣ.—Франція, султанъ и мамелюки.—Взятіе Александріи.—По раскаленнымъ пескамъ пустыни.—У древнихъ пирамидъ.—Разсудокъ и совѣсть.—Бой при Абукирѣ.—Отрѣзанные отъ родины.—Новые планы.—По стопамъ Александра Великаго.—Вѣсти изъ Франціи.—Армія отступаетъ.—Что же дальше?—Назадъ, къ берегамъ Европы.—Глубокая тайна.—По синимъ волнамъ океана.—Счастье улыбается вновь.—Спаситель Франціи.

ТАИНСТВЕННАЯ, загадочная страна. Раскаленные пески пустыни, темныя громады пирамидъ и, какъ оазисы, богатые, цвѣтущіе города. Египетъ — центръ международныхъ сношеній, между востокомъ и западомъ. Чермное и Средиземное моря отдѣляютъ Египетъ отъ Франціи.

Давно уже началась между Франціей и Англіей борьба изъ-за господства на этихъ моряхъ и въ этихъ странахъ востока. Еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ король Франціи Филиппъ Красивый мечталъ овладѣть Египтомъ. Такіе же планы рисовались Людовику четырнадцатому. Они же не были чужды и французской республикѣ.

Поклонникъ Плутарха, преклонявшійся предъ славой завоевателя

міра, великаго Александра изъ Македоніи, Наполеонъ не разъ грезилъ востокомъ. Еще во время пребыванія Бонапарта въ Италіи льстецы сравнивали его съ героями древности. Говорили, что онъ походитъ внѣшнимъ обликомъ на грека Александра, а силою характера уподобляется знаменитому Цезарю.

Во Франціи, въ настоящее время, Бонапарту нечего было дѣлать. Главнокомандующій безъ войска томился отъ бездѣйствія. Почетный постъ члена директоріи былъ недоступенъ для Бонапарта. Наполеону еще не было сорока лѣтъ,—возраста необходимаго по закону для того, чтобы имѣть право занять такую должность. Время Наполеона еще не пришло.

Обаяніе его недавнихъ побѣдъ проходило и на его долю большой роли во Франціи пока не могло выпасть. Отношенія съ директоріей все обострялись. Наполеону не разъ приходилось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ и грозить отставкой.

— Ну, такъ что же, подайте просьбу. Вотъ вамъ перо. Вамъ и въ самомъ дѣлѣ полезно будетъ отдохнуть, — однажды сказалъ Ревбель, одинъ изъ пяти директоровъ, выведенный изъ себя угрозами Бонапарта.

Генералъ былъ взбѣшенъ; онъ вышелъ изъ комнаты и сквозь зубы процѣдилъ:

— «Груша еще не созрѣла!»

Ближайшіе друзья давно уже совѣтовали Наполеону оставить Францію, а одинъ изъ директоровъ, наиболѣе близкій къ генералу, Баррасъ дружески говорилъ ему:

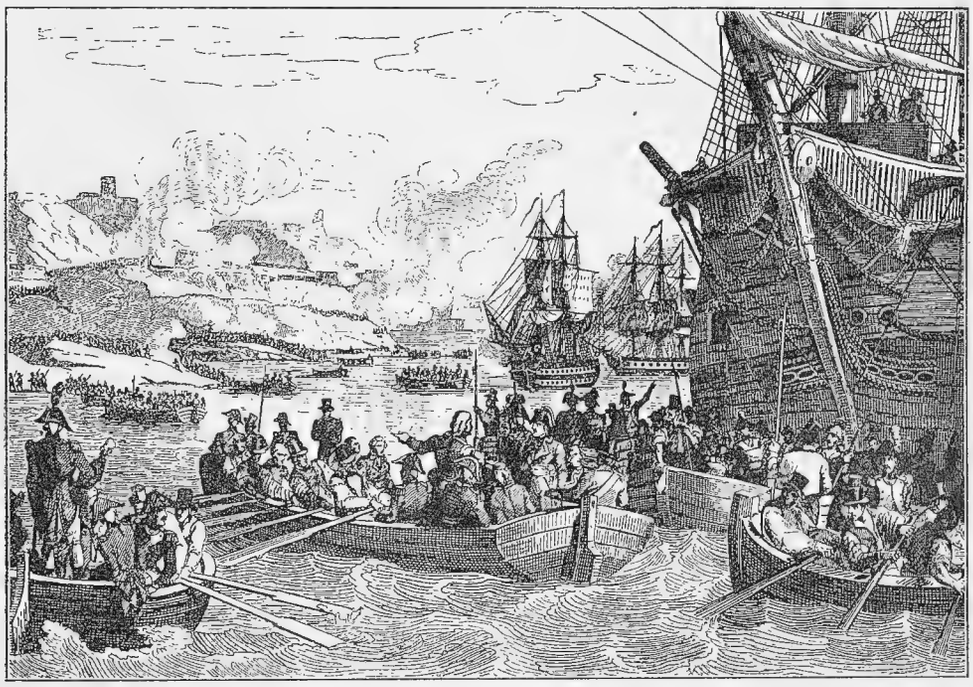
— Повѣрьте доброму моему совѣту: уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ Франціи!

Планъ египетскаго похода, задуманнаго Наполеономъ, былъ сочувственно принятъ директоріей. Директорія рада избавиться отъ энергичнаго генерала. Самъ генералъ былъ радъ избавиться отъ опеки директоріи, и не прочь покинуть на время Францію, гдѣ ему, любимцу славы и побѣдъ, не было мѣста. Онъ былъ увѣренъ,что Франціи, во время его отсутствія, еще не разъ придется вспомнить о немъ. Послѣ итальянскаго тріумфа жизнь въ Парижѣ тяготила его. Генералъ не у дѣлъ сознавалъ, что страна не была особенно расположена къ нему. Парижская чернь помнила еще его крутую расправу на улицахъ столицы. Наполеонъ принялъ назначеніе встать во главѣ египетской экспедиціи.

* * *

Приготовленія къ походу велись въ величайшей тайнѣ. Въ Тулонѣ спѣшно снаряжались корабли и собирались войска, однако никто

не зналъ, противъ кого направлены вооруженныя силы Франціи. Говорили, что будто бы предполагается война съ Англіей, говорили и о Турціи и объ Египтѣ. А въ Ламаншѣ уже сосредоточивались англійскіе корабли. Но сами англичане были обмануты: французская эскадра проскользнула мимо... Одинъ за другимъ выходили изъ гавани Тулона фран-



ЗАВОЕВАНІЕ МАЛЬТЫ.
Съ гравюры Куше.

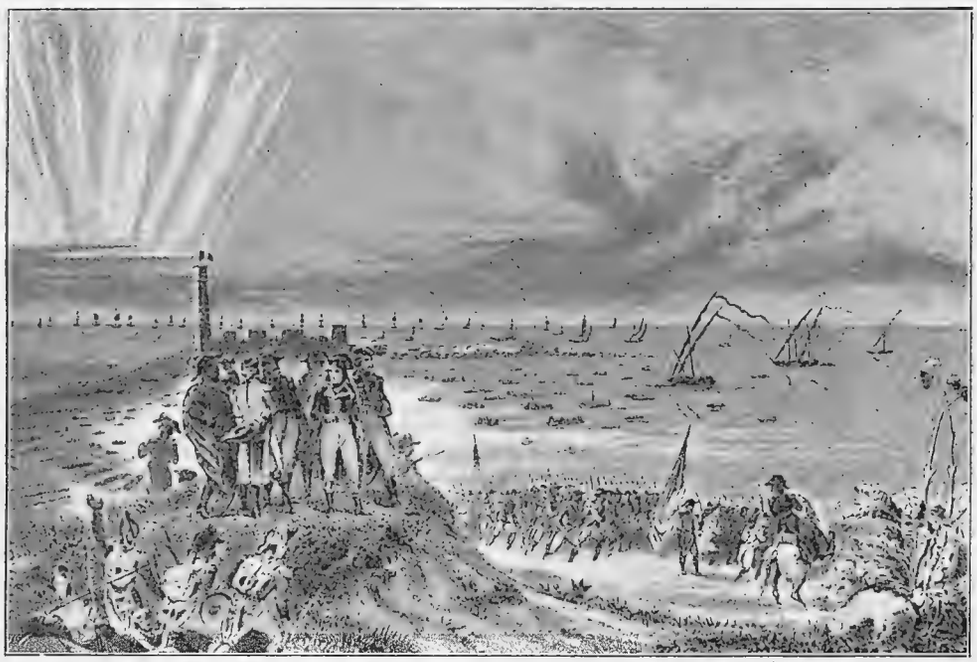
цузскіе корабли. Такой многочисленный флотъ еще никогда не пѣнилъ французскія воды.

Подъ флагомъ Франціи вышло въ море четыреста тяжело нагруженныхъ транспорта; ихъ конвоировали пятнадцать линейныхъ кораблей, пятнадцать фрегатовъ, семь корветовъ и тридцать другихъ болѣе мелкихъ военныхъ судовъ покинули гавань Тулона. Они несли на своихъ бортахъ сорокатысячную армію,—отборную военную силу республики. Цвѣтъ арміи отправлялся въ Египетъ, цвѣтъ науки сопутствовалъ ей для собиранія сокровищъ египетской древности.

19 мая, 1798 года, Наполеонъ покинулъ берега Франціи. Онъ прощался съ нею на долгое время. Быть можетъ на мѣсяцы, быть можетъ и на цѣлые годы...

На смотру, который производилъ самъ главнокомандующій, онъ обратился къ своей испытанной дружинѣ съ такимъ воззваніемъ:

— Солдаты! вотъ уже два года, какъ я принялъ надъ вами начальство. Въ то время вы находились на генуэзскомъ берегу въ самой крайней нищетѣ, нуждаясь во всемъ, и вынуждены были продавать даже часы для поддержанія своего существованія. Я обѣщалъ помочь вашей бѣдѣ; я повелъ васъ въ Италію. Тамъ все вамъ было дано. Не



ВЫСАДКА ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ЕГИПТѢ 1 іюля 1798 г.
Съ картины Пингрефта (Версальскій музей).

сдержалъ-ли я слова? И такъ, знайте, что вы не все еще сдѣлали для отечества, и отечество не все еще сдѣлало для васъ. Я хочу повести васъ въ страну, гдѣ будущими вашими подвигами вы превзойдете тѣ подвиги, которымъ удивляются теперь всѣ ваши поклонники, и окажете отечеству услуги, которыхъ оно въ правѣ ожидать отъ непобѣдимой арміи. Каждому солдату я обѣщаю, что, по возвращеніи изъ похода, онъ будетъ имѣть на что купить шесть десятинъ земли.

Планъ Бонапарта держался въ тайнѣ.

Цѣлью новой экспедиціи объявлялась: добыча. Она сулила богатство солдатамъ. Полководецъ сравнивалъ французовъ съ древними римлянами, говоря:

— Привыкайте къ корабельнымъ обычаямъ, будьте страшны врагамъ на сушѣ и на морѣ, подражайте въ этомъ римскимъ воинамъ, которые умѣли бить карѳагенянъ и на равнинахъ и на водахъ.

Англійская эскадра собиралась запереть выходъ изъ Средиземнаго моря. Каждую минуту французскимъ судамъ грозила опасность; но попрежнему счастливая звѣзда Наполеона берегла отважнаго искателя приключеній и его войско. Англичане замѣшкались, Наполеонъ же успѣлъ уйти къ острову Мальтѣ. Неприступная крѣпость, вмѣсто сопротивленія, выказала полную покорность. Рыцари Мальтійскаго ордена съ рыцарской любезностью сами открыли ворота, и французы безпрепятственно могли завладѣть орудіями, порохомъ, ружьями и кораблями, принадлежащими Мальтійскому ордену. Наполеонъ оставилъ на островѣ французскій гарнизонъ и присвоилъ себѣ нѣсколько галеръ; онъ послалъ серебряную модель первой мальтійской галеры въ директорію, какъ трофей.

НАПОЛЕОНЪ НАБЛЮДАЕТЪ ЗА ВЫСАДКОЙ ВОЙСКЪ.
(По Горацію Верне).

Англичане тщетно старались напасть на силы французовъ. За нѣсколько дней до появленія Бонапарта на Мальтѣ, англійскій флотъ прошелъ мимо острова и, не найдя слѣдовъ непріятельской флотиліи, взялъ курсъ на сѣверъ.

Англійскій адмиралъ Нельсонъ спѣшилъ впередъ къ берегамъ Африки, французскій адмиралъ Сегюе шелъ за нимъ сѣвернѣе, на разстояніи какихъ-нибудь ста миль. Флоты обѣихъ державъ такъ и не встрѣтились.

* * *

Французская армія безпрепятственно бросила якорь вблизи Александріи. Но прежде чѣмъ вступить на чуждую почву освященной пре-

даніями вѣковъ земли, Наполеонъ обратился къ своимъ солдатамъ и объявилъ имъ, наконецъ, то мѣсто, куда онъ ихъ ведетъ. Онъ раскрылъ ту таинственную цѣль, которая имъ руководитъ.

Французы должны на берегахъ Африки нанести смертельный ударъ врагамъ Франціи—англичанамъ. Египетъ, находившійся подъ властью турецкаго султана, долженъ стать французской колоніей. Англія давно уже стремится завладѣть страной фараоновъ. Франція дастъ отпоръ Англіи.

МАМЕЛЮКЪ.
Съ оригинала Верне, гравированнаго Жаке.

Бонапартъ призывалъ солдатъ къ уваженію религіи, нравовъ и обычаевъ жизни чуждаго народа.

— Поступайте съ ними,—говорилъ Бонапартъ, — какъ мы поступали съ итальянцами. Оказывайте уваженіе къ ихъ муфтіямъ и имамамъ *), какое оказывали вы раввинамъ и епископамъ. Имѣйте то же снисхожденіе къ ихъ обрядамъ, предписаннымъ кораномъ, какое имѣли вы къ монастырямъ, синагогамъ, къ религіи Іисуса Христа и Моисея. Римскіе легіоны покровительствовали всѣмъ религіямъ.

Наряду съ этимъ, въ приказѣ главнокомандующаго объявлялось, что онъ приметъ самыя строгія мѣры для предупрежденія грабежа.

30-го іюля берегъ Александріи уже темнѣлъ предъ кораблями. Наканунѣ прихода въ Александрію адмиралъ Нельсонъ искалъ слѣдовъ французской эскадры и, убѣжденный въ томъ, что французскій флотъ отправился къ берегамъ Сиріи, отплылъ въ погоню. Наполеону грозило серьезное сопротивленіе. Египетъ хотя и находился въ зависимости отъ Турціи, и турецкій паша былъ представителемъ султана, но у этого представителя не было никакой власти. Страной правили мамелюки.

*) Духовныя лица.

Такъ называлась военная каста, возникшая еще во времена султана Саладина.

Ряды мамелюковъ, первоначально собранныхъ изъ невольниковъ Сиріи, Кавказа и другихъ странъ, пополнялись такими же невольниками, покупаемыми въ дѣтствѣ. Съ дѣтства же они проходили школу военнаго искусства, закалялись въ своемъ ремеслѣ.

НАПОЛЕОНЪ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ ЕГИПЕТСКОЙ АРМІЕЙ (СИРІЙСКАЯ КАМПАНІЯ).
Съ литографіи Гаффе.

Вся дружина мамелюковъ не знала никакого другого начальства, кромѣ своихъ беевъ. Беи, въ числѣ 24, стояли во главѣ этого воинственнаго учрежденія востока. Воля начальниковъ была закономъ военнаго братства, была религіей мамелюковъ. Остальные жители Египта не смогли бы выказать какого-либо сопротивленія. Жалкіе, униженные рабы феллахи, воздѣлывавшіе землю, или кочевавшіе съ мѣста на мѣсто, были не страшны.

Турецкому султану было объявлено, что экспедиція въ Египетъ устраивается для укрощенія непокорныхъ мамелюковъ, бывшихъ грозой даже для самого властителя Турціи. Франція вновь выступала въ роли освободительницы угнетеннаго народа.

НАПОЛЕОНЪ ПЕ[illegible] СФИНКСОМЪ. Картина Жерома.

Французскіе корабли бросили якорь въ гавани Александріи. Никто почти не препятствовалъ ихъ высадкѣ. Александрія сдалась послѣ слабаго сопротивленія, но Наполеонъ недолго задерживался въ городѣ. Черезъ недѣлю уже было назначено выступленіе въ Каиръ.

По сыпучимъ, горячимъ пескамъ, подъ жгучими лучами африканскаго солнца, потянулась армія Бонапарта навстрѣчу невѣдомому врагу. Цѣпи невысокихъ холмовъ, раскаленные пески, жгучее солнце... Медленно тянутся ряды солдатъ. Они изнываютъ отъ зноя и жажды, отъ солнца и песковъ. То тамъ, то здѣсь, внезапно показываются уже небольшіе конскіе отряды мамелюковъ. Завязывается перестрѣлка и снова все тихо. Пустыня молчитъ...

Полунагіе феллахи разбѣгаются въ разныя стороны при приближеніи французскихъ полчищъ.

А войска все идутъ и идутъ, пролагая путь чрезъ пустыню. Наконецъ показалась желтая лента Нила. Войска приближались къ Каиру, но это уже не были гордые, увѣренные въ побѣдахъ, герои. Въ войскахъ начинался ропотъ.

Трудный переходъ, незнакомыя пустынныя мѣста, невѣдомая цѣль войны заставляли солдатъ выражать все громче и громче свое неодобреніе.

Первая стычка съ мамелюками окончилась полнымъ ихъ разгромомъ. Закаленныя войска приняли ударъ не дрогнувъ и нанесли полное пораженіе непріятелю. Онъ отступилъ и укрѣпился на позиціи предъ самымъ Каиромъ. Здѣсь должна была произойти рѣшительная битва. Рано утромъ Наполеонъ выстроилъ свои легіоны въ боевомъ порядкѣ и, указывая рукою на темнѣющія на синевѣ неба пирамиды, восторженно произнесъ:

— Солдаты! 40 вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ!

Стальная стѣна штыковъ ощетинилась, сверкнула и дружно бросилась въ атаку...

Каиръ вскорѣ же былъ въ рукахъ французовъ. Генералъ Клеберъ уже занялъ прибережье Средиземнаго моря. Самъ же Бонапартъ пустился въ погоню за бѣглецами, отступавшими за рѣку Нилъ. Но измѣнчивое счастье оставило Бонапарта.

На Абукирскомъ рейдѣ, гдѣ на якорѣ стоялъ французскій флотъ, произошло кровопролитное сраженіе. Не найдя на Сирійскомъ побережьѣ французовъ, адмиралъ Нельсонъ повернулъ обратно. На рейдѣ Абукира французскія суда стояли, вытянувшись въ одну линію, далеко отъ берега. Англійскій флотъ обошелъ ихъ и началъ сраженіе. Тридцать часовъ

длился этотъ морской бой. Онъ окончился полнымъ разгромомъ французскаго флота. Въ бою погибло до трехъ съ половиной тысячъ французовъ. Самъ адмиралъ Брюи былъ убитъ, десять кораблей уничтожены, остальные взяты въ плѣнъ. Только немногіе изъ кораблей, подъ командой контръ-адмирала Вильнева, смогли благополучно избѣжать общей участи и уйти отъ выстрѣловъ англичанъ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ПУСТЫНЮ.
Съ рисунка Жерико.

Уничтоженіе флота измѣнило всѣ планы Наполеона: оно отрѣзало ему самому возможность отступленія изъ Египта.

Но Бонапартъ не палъ духомъ.

— Въ такую именно минуту и показываютъ себя въ полномъ блескѣ крупные герои. Англичане заставятъ насъ совершить болѣе великіе подвиги, чѣмъ мы первоначально предполагали,—заявилъ Наполеонъ.

Наполеонъ занялся созидательной работой внутри страны: онъ вводилъ перемѣны въ мѣстномъ управленіи; пополнялъ египетской молодежью потери французскихъ батальоновъ и дѣятельно обучалъ войска.

Событія, происходившія во Франціи, оставались почти неизвѣст-

ными Бонапарту и его войску. Франція не болѣе знала о Наполеонѣ, чѣмъ Наполеонъ о Франціи.

Неизвѣстность окружила его имя легендой. И эта легенда все сильнѣе и сильнѣе расходилась по Франціи, разносимая стоустой молвой. Говорили о побѣдахъ генерала, о новыхъ подвигахъ; говорили и о смерти Бонапарта.

Наконецъ только ему удалось, пользуясь случаемъ, отправить правительству директоріи депешу. Генералъ писалъ о побѣдахъ, о завоеваніи Египта, о томъ, что онъ останется въ этой загадочной странѣ до тѣхъ поръ, пока въ Европѣ не загорится снова война, и Франція снова не позоветъ его, не скажетъ ему, что онъ нуженъ отечеству.

А событія во Франціи шли съ головокружительной быстротой.

Директорія уже сознавала необходимость присутствія Наполеона. Франція вновь была наканунѣ войны. Италія снова глухо волновалась. Неаполитанцы двинулись на Римъ...

* * *

Отдохнувъ за зиму, Бонапартъ рѣшилъ вести армію къ наступленію въ Сирію. До него дошли слухи, что турки собираютъ войска для вторженія въ Египетъ.

Снова гремятъ барабаны, бряцаетъ оружіе и мѣрнымъ маршемъ выступаютъ войска навстрѣчу невѣдомой судьбѣ, навстрѣчу новому неизвѣданному счастью... За ними Египетъ, предъ ними долины Сиріи.

Гарнизоны большихъ крѣпостей оказали слабое сопротивленіе. Одинъ за другимъ сдаются города, и даже сильно укрѣпленная Яффа, послѣ недолгаго сопротивленія, переходитъ въ руки Бонапарта. Турецкія войска сдаются легко при условіи, что имъ оставятъ жизнь.

Не одно изъ всѣхъ кровопролитныхъ сраженій Наполеона не походило на ту кровавую бойню, которую онъ устроилъ въ Сиріи, истребляя цѣлыми тысячами безоружнаго и сдавшагося въ плѣнъ противника. Противникъ сдавался на условіи, что жизнь его будетъ пощажена. Наполеонъ же, видя обиліе плѣнныхъ, опасался отпустить ихъ на свободу. Онъ опасался, что пощаженные враги смогутъ обратить свое оружіе вновь противъ него. Послѣ недолгихъ колебаній—борьбы совѣсти съ разсудкомъ—онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ плѣнниковъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ.

На военномъ совѣтѣ было рѣшено, что въ случаѣ штурма защитники крѣпости не могутъ разсчитывать на пощаду. А такъ какъ большинство крѣпостей сдавалось послѣ недолгой обороны, то плѣнные турки цѣлыми тысячами разстрѣливались безъ пощады. Такимъ образомъ

утверждался «союзъ» между Востокомъ и Западомъ. Его освящали и скрѣпляли остріемъ побѣднаго меча и насиліемъ новаго Александра Великаго, славѣ котораго такъ искренно хотѣлъ подражать французскій гражданинъ, генералъ Бонапартъ.

На Востокѣ Наполеонъ явился чисто восточнымъ деспотомъ. Онъ говорилъ языкомъ восточнаго паши съ покореннымъ народомъ.

БИТВА У ПИРАМИДЪ (21 іюля 1798 г.).
Съ картины Гро, въ Луврскомъ музеѣ.
На переднемъ планѣ Мюратъ съ обнаженной головой; далѣе Дюрокъ, Сюлковскій, Жюно, Евгеній Богарне, Дюгюа, Дессе, Бертранъ, Лассаль.

Подъ Акрой—столицей Сиріи, за стѣнами которой обиталъ намѣстникъ Турціи,—Бонапартъ уже запасся осадными орудіями и отправилъ ихъ къ берегамъ Сиріи морскимъ путемъ.

Здѣсь же Бонапартъ получилъ извѣстіе отъ директоріи, что Австрія вмѣстѣ съ Неаполитанцами идетъ на Римъ, что Россія, Турція и Австрія заключили между собою союзъ.

Впрочемъ, среди этихъ извѣстій было одно болѣе пріятное. Франція должна была снова втянуться въ войну, но у ней не было главнокомандующаго. Были прославленные, покрытые лаврами генералы,

но они не пользовались расположеніемъ и довѣріемъ со стороны директоріи.

Наполеонъ узналъ изъ этого сообщенія, что главнокомандующимъ итальянской арміей назначался генералъ Жуберъ. Бонапарту же директорія предлагала на выборъ, либо оставаться въ Египтѣ, либо двинуться на Индію, сокрушивъ тамъ англійское владычество или же идти прямо на Константинополь для разгрома Турціи.

Бонапартъ избралъ завоеваніе Индіи. Акра была почти въ его рукахъ; въ его рукахъ находился ключъ къ Палестинѣ. Въ своихъ мечтахъ онъ уже считалъ себя владыкой Палестины, Индіи и Египта. И, подобно великому завоевателю міра Александру, сыну Филиппа, мечтавшему на этихъ берегахъ о всемірной монархіи, онъ думалъ о всесвѣтномъ могуществѣ новой имперіи, раскинувшейся отъ моря до моря, отъ края до края, охватившей Европу, Азію и Африку. Ему уже слышались громы рукоплесканій толпы, видѣлись лавры героя-полубога, создавшаго Франціи владычество надъ всѣмъ міромъ. Кто же могъ быть владыкой, повелителемъ надъ всѣмъ міромъ, какъ не самъ Наполеонъ?!

Но осада Акры подвигалась медленно впередъ. Изъ Константинополя на помощь осажденнаго города пришелъ турецкій флотъ. На островѣ Родосѣ уже собралась турецкая армія для вторженія въ Египетъ. Пылкія мечты угасали. Дѣйствительность смотрѣла въ глаза.

«Отступленіе!» пронеслось по рядамъ солдатъ.

Бонапартъ, сердитый и грозный, прошелъ по лазарету, гдѣ лежали раненые, и заявилъ:

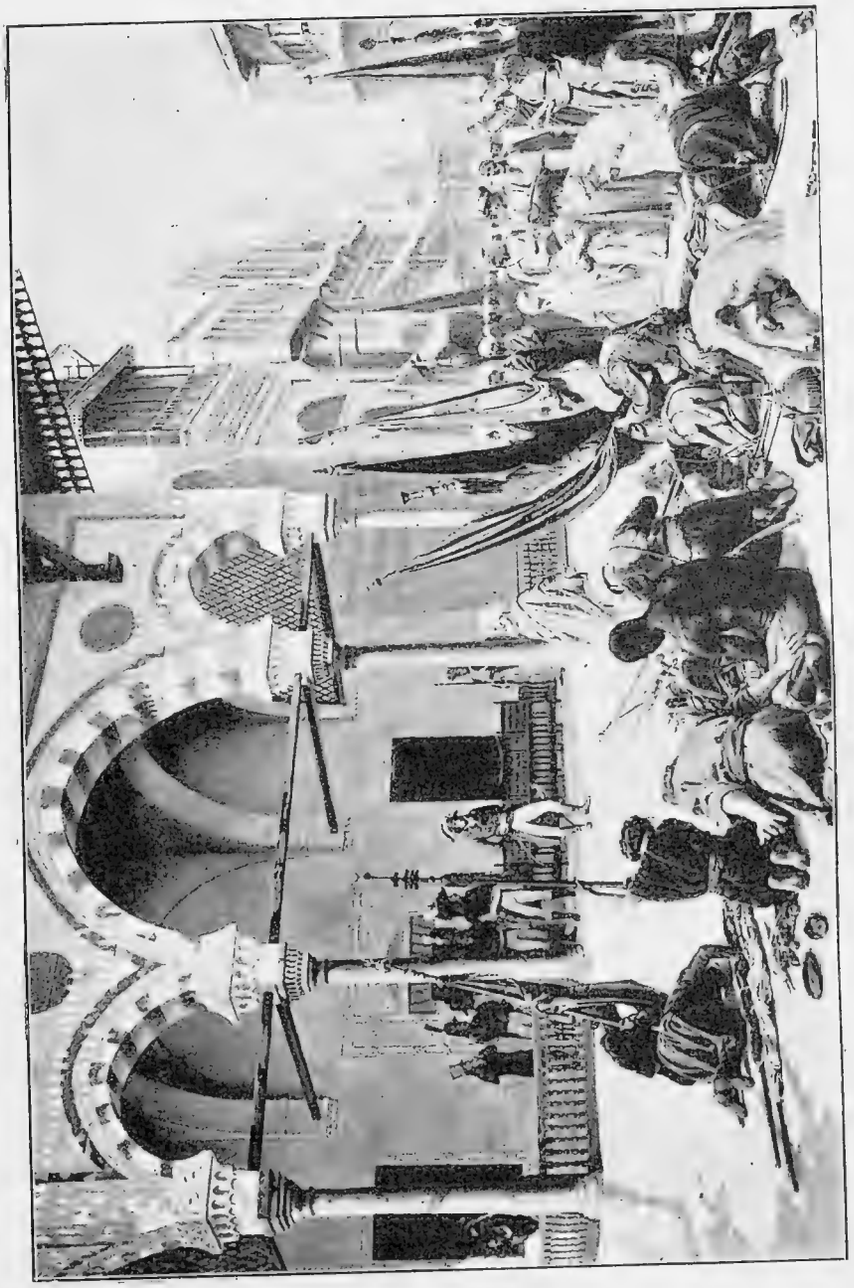
— Чрезъ нѣсколько часовъ придутъ сюда турки. Кто чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, пусть встанетъ и слѣдуетъ за войскомъ.

И снова девятидневный утомительный походъ... Снова раскаленные пески пустыни, синее небо и жгучее солнце.

Войска возвращались обратно въ Каиръ. Но Наполеону вовсе не хотѣлось, чтобы солдаты знали, что они отступаютъ. Непобѣдимые «орлы» Франціи и сами не желали признать себя побѣжденными. Главнокомандующій принялъ всѣ мѣры, чтобы отступленіе не казалось печальнымъ Оно должно было напоминать о тріумфѣ арміи. За арміей покорно слѣдовали плѣнные; колыхались отбитыя у турокъ знамена; за ними шли тяжело нагруженные возы съ добычей. Главнокомандующій велъ своихъ солдатъ обратно потому, что ихъ тылу угрожала турецкая армія.

Раскаленные пески и солнце благопріятствовали развитію чумы. Если бы не эта проклятая жара, не чума и не турки, то французскіе

легіоны совладали бы съ Акрой, и на крѣпости его давно уже развивалось бы французское знамя.



НАПОЛЕОНЪ ВЪ КАИРѢ.

Въ этомъ всѣ были убѣждены, начиная отъ простого солдата и кончая генераломъ и самимъ главнокомандующимъ.

Въ Каирѣ армію ждалъ новый тріумфъ. Наполеонъ во что бы то ни стало хотѣлъ доказать, что отступленіе его «орловъ» было равно побѣдѣ.

Тѣмъ временемъ турецкій флотъ съ 12-тысячной арміей высадился въ Александріи. Артиллерійскій огонь, открытый французами съ береговыхъ позицій, которыя обороняли рейдъ, заставилъ отступить турецкія суда. Они подняли паруса и двинулись къ Абукиру. Высадка здѣсь турокъ не встрѣтила никакого препятствія. 12-тысячная армія принялась за постройку укрѣпленій, а противъ нея уже шелъ съ 8 тысячами солдатъ храбрый генералъ Клеберъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ. Произошло недолгое, но кровопролитное сраженіе. Французскія войска отчаянно бросились на штурмъ. Французская конница, подъ предводительствомъ Мюрата, обскакала флангъ укрѣпленныхъ позицій и бѣшено ударила въ тылъ турокъ.

«Изъ всей непріятельской арміи, высадившейся въ Египтѣ, не удалось спастись ни одному человѣку»,—доносилъ Наполеонъ въ Парижъ, въ пылу радости, по обыкновенію, немного преувеличивая свою побѣду.

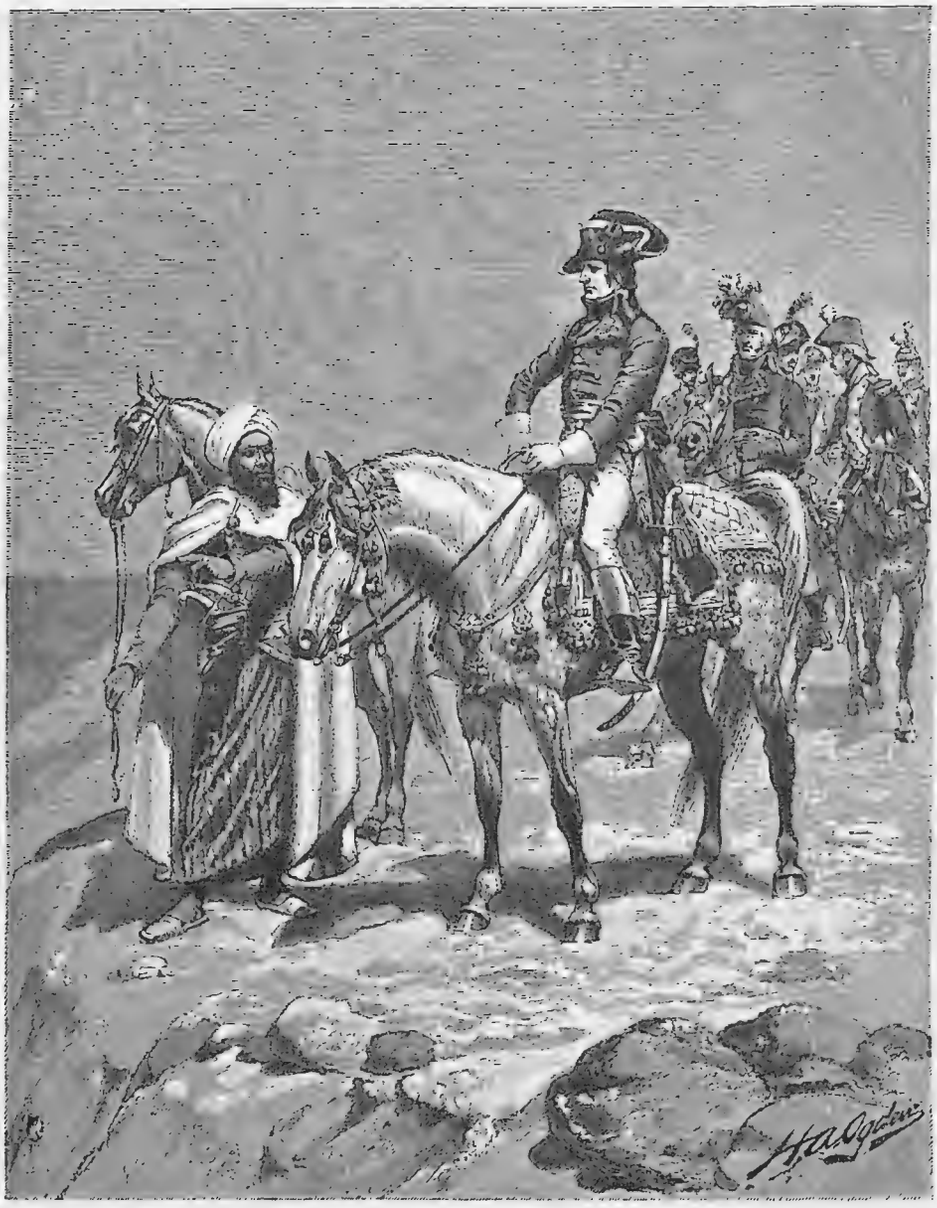
Непобѣдимый въ Италіи, Наполеонъ сталъ непобѣдимымъ въ глазахъ своихъ солдатъ и въ Египтѣ, но самъ онъ чувствовалъ себя неспокойно: онъ слишкомъ долго засидѣлся на востокѣ. Его уже тянуло во Францію, откуда шли все болѣе неутѣшительныя вѣсти.

Въ Италіи, гдѣ его армія завоевала столько славы, французы теперь терпѣли за пораженіемъ пораженіе.

Директорія выказывала очень мало умѣнія въ управленіи страной. Народъ роптalъ. Положеніе дѣлъ во Франціи становилось все серьезнѣе.

На далекихъ африканскихъ берегахъ Наполеонъ вполнѣ позналъ себѣ цѣну. Французское правительство казалось ему случайнымъ сборомъ бездарныхъ людей, которые колеблются, вмѣсто того чтобы энергически дѣйствовать, и умѣютъ дѣлать только глупости. И, въ пылу раздраженія, въ пылу досады, что онъ отрѣзанъ отъ Франціи, Наполеонъ, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, заявилъ:

— Я, я одинъ выносилъ на своихъ плечахъ все и постоянными моими побѣдами вливалъ новыя силы въ это правительство. Оно безъ меня не въ состояніи было бы даже поднять голову отъ земли. Неудивительно, если съ моимъ отъѣздомъ все пошло прахомъ. Нельзя, однако, сидѣть сложа руки, пока Францію окончательно разгромятъ. Бѣда могла бы оказаться тогда непоправимою! Извѣстіе о моемъ возвращеніи распространится во Франціи одновременно съ извѣстіемъ объ уничтоженіи турецкой арміи подъ Абукиромъ. Мое присутствіе ободритъ упавшихъ



НАПОЛЕОНЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Рисунокъ Х. А. Огдена.

духомъ, возвратитъ арміи утраченную ею увѣренность въ побѣдѣ и воскреситъ въ народныхъ массахъ надежду на счастливое будущее.

Теперь онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, уѣхать въ Европу.

* * *

Отъѣздъ генерала былъ окруженъ глубокой тайной. Онъ покинулъ армію, находившуюся въ тяжеломъ положеніи. Кругомъ нея были враги. Боевые припасы и снаряженіе подходили къ концу. Англійскій флотъ стерегъ французскіе корабли на морѣ, препятствуя возвращенію войска на родину. Генералъ, однако, рѣшилъ не измѣнять своего рѣшенія. Главнокомандующимъ Египетской арміей назначается генералъ Клеберъ, которому одному на своихъ плечахъ пришлось вынести всѣ трудности

БОНАПАРТЪ ПОСѢЩАЕТЪ ВЪ ЯФФѢ ЗАЧУМЛЕННЫХЪ.
Съ картины Гро, въ Луврскомъ музеѣ.

египетской экспедиціи, затѣянной Наполеономъ. Два фрегата уже приготовлены къ выходу въ море. Они притаились въ уединенной бухтѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

На зарѣ 22-го августа 1796 года Наполеонъ вступилъ на бортъ одного изъ этихъ фрегатовъ. Якорь былъ отданъ, поставлены паруса и по вспѣненнымъ волнамъ моря оба фрегата помчались прочь отъ береговъ Египта.

Наполеонъ былъ не одинъ: съ нимъ вмѣстѣ на борту корабля ѣхало нѣсколько ученыхъ и генераловъ, которые были сподвижниками славы Бонапарта. Большинство ихъ знакомо намъ по итальянскому походу. То были: Мюратъ, Ланнъ, Бертье, Андріосси, Мармонъ и др.

Свое бѣгство самъ Наполеонъ считалъ геройскимъ подвигомъ. Онъ рисковалъ всѣмъ: славой и жизнью, позоромъ плѣна и счастьемъ будущаго. Онъ рисковалъ, по его мнѣнію, всѣмъ для спасенія Франціи.

Бонапартъ былъ увѣренъ вполнѣ, что свою задачу въ Египтѣ онъ выполнилъ: начало устройства французской колоніи было положено.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ.
Съ гравюры Массона.

Директорія представляла ему право поступать такъ, какъ онъ найдетъ лучшимъ. И этимъ правомъ онъ теперь воспользовался. Правда, совѣсть говорила ему иное. Она говорила, что онъ бѣжалъ отъ горячо любившей его арміи; бѣжалъ, не простившись съ нею, оставивъ ее въ полномъ невѣдѣніи и даже не пожавъ руки одному изъ близкихъ своихъ генераловъ — своему замѣстителю Клеберу.

Клеберъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Наполеона, въ письмѣ къ директоріи назвалъ поступокъ Бонапарта своимъ именемъ. Но этотъ протестъ попалъ въ руки самого Наполеона, когда онъ сталъ уже первымъ консуломъ.

Самъ Клеберъ, вмѣстѣ съ тысячною горстью храбрецовъ, стойко отражалъ нападенія турецкихъ полчищъ. И когда въ 1800 году одинъ изъ мамелюковъ нанесъ ему смертельный ударъ кинжаломъ, въ отвѣтъ на эту печальную вѣсть Наполеонъ не нашелъ ничего болѣе достойнаго и лучшаго, какъ отвѣтить:

— Ну, что же, однимъ соперникомъ меньше!

Теперь же корабль несъ Бонапарта по открытому морю, держа курсъ къ берегамъ Франціи. Вѣтеръ не благопріятствовалъ бѣглецамъ,

и они долго скитались у береговъ Африки, каждую минуту рискуя попасть въ плѣнъ къ англичанамъ, военные корабли которыхъ бороздили моря...

Наконецъ, послѣ двухмѣсячныхъ скитаній по морямъ, фрегаты достигли береговъ Корсики. Бонапартъ былъ глубоко взволнованъ при видѣ города, гдѣ родился; но въ Аяччіо онъ пробылъ недолго. Ему были несносны почетъ и ласки корсиканцевъ. Онъ торопился впередъ и впе-

ГЕНЕРАЛЪ КЛЕБЕРЪ.
Миніатюра Ж. Герэна (Луврскій музей).

редъ, торопился къ *своей* Франціи, которой онъ являлся теперь спасителемъ.

Въ эту роль онъ теперь вѣрилъ искренно и готовился ее разыграть со всѣмъ умѣніемъ своего генія. А слухи, одинъ тревожнѣе другого, доходили до генерала.

Въ Австріи и въ Италіи шли пораженія за пораженіемъ. Главнокомандующій Жуберъ разбитъ. Генералъ Моро лишь только держится подъ прикрытіемъ Пьемонтской крѣпости. Директорія потеряла всякую власть и во Франціи нѣтъ правительства. Страна, подобно жертвѣ урагана, застигнута бурей врасплохъ, и не знаетъ, что будетъ завтра.

Наполеонъ былъ уже вблизи французскихъ береговъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца отражали въ туманѣ слабыя очертанія Корсики, когда предъ фрегатами вырисовался рядъ судовъ англійской эскадры. Идти впередъ было невозможно: впереди плѣнъ и позоръ.

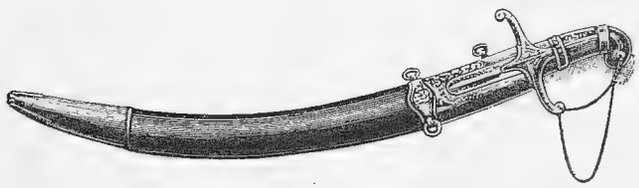
Фрегаты быстро повернули курсъ обратно въ Аяччіо.

На случай нападенія англичанъ были приготовлены шлюпки, но наступившая темнота ночи спасла бѣглецовъ и на этотъ разъ.

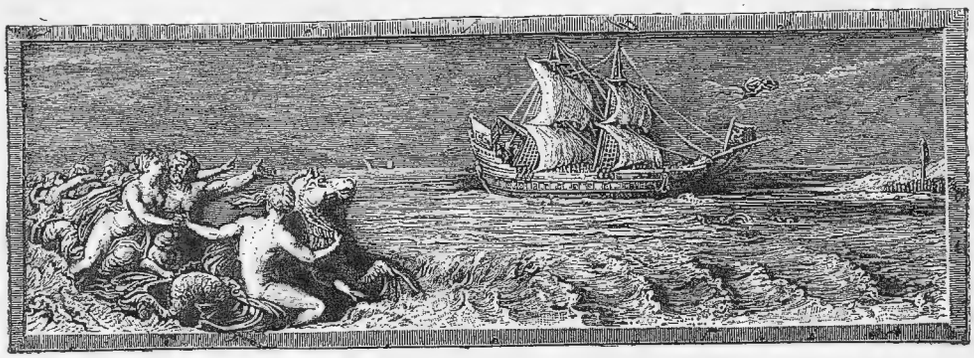
На разсвѣтѣ фрегаты уже держали курсъ прямо къ берегамъ Франціи. Родные берега уже синѣли вдали.

На слѣдующее утро, послѣ долгихъ блужданій, Наполеонъ вступилъ на землю Франціи.

Онъ былъ спасенъ! Франція тоже была спасена...



САБЛЯ, КОТОРУЮ НОСИЛЪ БОНАПАРТЪ ВО ВРЕМЯ ЕГИПЕТСКАГО ПОХОДА (РУКОЯТКА И УКРАШЕНІЯ ИЗЪ КОВАНАГО ЖЕЛѢЗА; НОЖНЫ ИЗЪ ЧЕРНОЙ КОЖИ).
Изъ коллекціи принца Виктора Наполеона.



ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ЕГИПТА. Съ рисунка Аппіани.

ГЛАВА VII.

ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Снова во Франціи.—Тревожное время.—Заговоръ зрѣетъ.—Все разыгрывается какъ по нотамъ.—Неожиданное препятствіе.—Отставка директоріи.—Наполеонъ главнокомандующій силами Парижа.—Кто былъ настоящимъ заговорщикомъ?—Въ совѣтѣ старѣйшинъ.—Въ ожиданіи.—Внѣ закона.—Пятьсотъ.—Армія за Бонапарта.—Медлить нечего.—Правда и сказки.—Подобно римской республикѣ.—Первый консулъ.—Сила и законъ.

ФРАНЦІЯ встрѣтила своего героя съ распростертыми объятіями. Она, казалось, забыла и неудачу египетской экспедиціи и тысячи ея безцѣльныхъ жертвъ, и, даже то, что главнокомандующій бросилъ на произволъ судьбы свою армію.

Отъ Фреджіо до самаго Ліона народъ толпами выходилъ навстрѣчу, привѣтствуя Бонапарта. Онъ встрѣчалъ его, какъ любимаго сына страны. Обиды, горечи—все было забыто. Франція, лучше чѣмъ парижане, помнила славу его недавнихъ побѣдъ въ Италіи и пораженіе въ той же Италіи еще недавно побѣдоноснаго войска, оставленнаго Бонапартомъ.

Народъ мало зналъ правды объ египетскомъ походѣ. Легенды и сказки замѣняли правду, и онѣ рисовали въ волшебно-красивомъ свѣтѣ побѣдоноснаго генерала. Онъ—единственная слава всей Франціи, тогда какъ всѣ остальные ведутъ ее только къ униженію и гибели.

Ліонъ оказалъ герою такую шумную встрѣчу, какой не помнилъ городъ.

Наполеона, однако, тянуло скорѣе въ Парижъ къ оставленной семьѣ.

Парижъ волнуется и шумитъ. Парижъ приготовилъ ему торжественную встрѣчу. Но онъ самъ, въ своемъ сѣромъ, походномъ мундирѣ, ведетъ скромную, замкнутую жизнь. Его часто можно видѣть отдыхающимъ въ своемъ садикѣ.

Старые гренадеры, служившіе подъ его командой и не забывшіе лавровъ его въ Италіи, говорятъ о генералѣ какъ объ отцѣ и героѣ. Газеты поютъ ему хвалебные гимны. Парижъ раздѣляетъ то опьяненіе, въ какомъ находится вся Франція.

сіейсъ.
Съ современнаго изображенія.

«Да здравствуетъ Бонапартъ!» перекатнымъ эхомъ проносится по всей Франціи. Французскій народъ послѣ долгихъ униженій, жаждавшій побѣдъ, полюбилъ въ Наполеонѣ отраженіе своей славы. Слава Наполеона была славой Франціи. И Франція въ одинъ голосъ привѣтствовала своего спасителя. Но онъ самъ былъ простъ, спокоенъ и сдержанъ, откровененъ и добродушенъ. Онъ не примыкалъ ни къ какой партіи. Онъ стоялъ выше всѣхъ партій, желая лишь опираться на любовь и дозѣріе народа. Народъ единогласно призналъ его своимъ вождемъ.

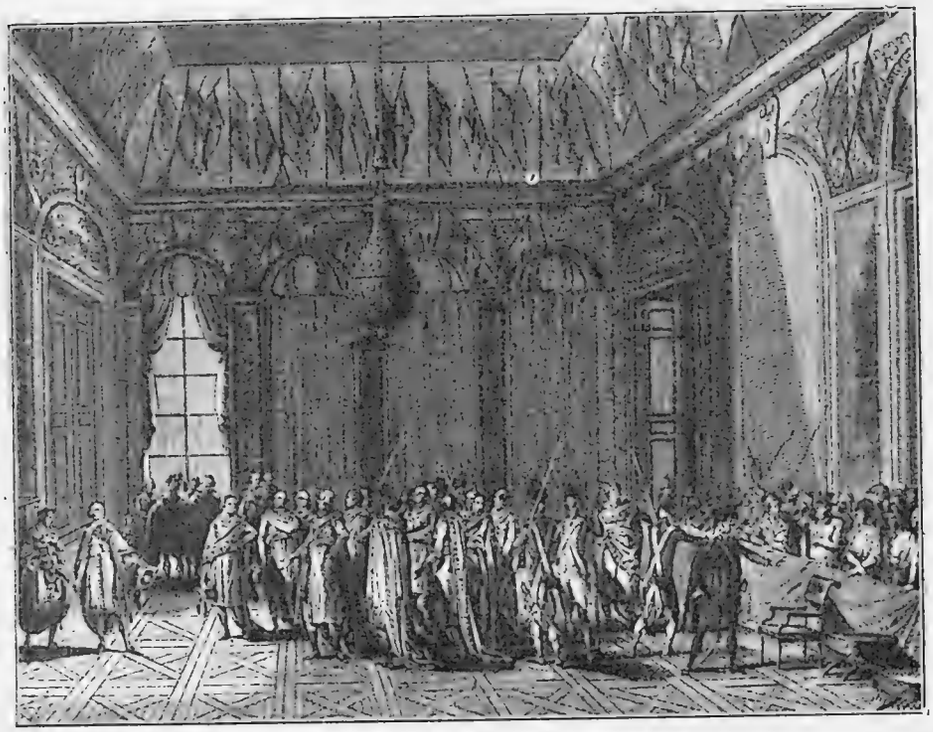
Въ это тяжелое время, когда Франція нуждалась въ людяхъ ума, таланта и знанія, во главѣ ея управленія стояли ничтожныя посредственности.

Директорія, сильная лишь поддержкой арміи, разогнала лучшихъ, честныхъ, талантливыхъ людей. Одни изъ нихъ изгнаны, другіе томятся въ ссылкѣ, третьи не принимаютъ никакого участія въ управленіи страной... Франція молчитъ и покоряется грубой силѣ...

«Наполеонъ—замѣчательный человѣкъ». На этомъ сходились всѣ, начиная отъ простыхъ солдатъ и кончая вліятельными лицами. Послѣднія мало-по-малу дѣлались друзьями Наполеона; и только немногіе, неспособные увлекаться и терять голову, предсказывали Франціи горькую участь въ будущемъ. По ходу событій они видѣли, что спаситель Франціи, гражданинъ и генералъ Бонапартъ, можетъ легко стать неограниченнымъ владыкой страны, купившей такой жестокой цѣною свою свободу. Но голоса этихъ немногихъ людей замирали въ гулѣ хвалебныхъ и привѣтственныхъ кликовъ.

И эхомъ катилось по странѣ: «Да здравствуетъ генералъ Бонапартъ!»

Правительство, само трепетавшее передъ Бонапартомъ и ему обязанное многимъ, не только не потребовало отчета отъ главнокомандующаго, бросившаго на произволъ судьбы армію, но даже поставило генералу въ особую заслугу его возвращеніе на родину. Онъ нуженъ былъ правительству, потому что за нимъ стоитъ вся армія.



СОБРАНІЕ 28—30 ПРЕРІАЛЯ VIII ГОДА (18—20 ІЮНЯ 1799). (ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗЪ ОТЪ ВЛАСТИ ДИРЕКТОРОВЪ ДУЭ И ЛАРЕВЕЛЬЕРА).
По оригиналу Дюплесси-Берто гравировано Дюпрелемъ.

Народные представители приняли съ восторгомъ донесеніе, составленное самимъ генераломъ о побѣдѣ подъ Абукиромъ. Въ своемъ донесеніи генералъ не пожалѣлъ красокъ и нарисовалъ яркую картину геройскаго поведенія какъ арміи, такъ и ея главнокомандующаго.

Члены директоріи, совѣтъ старѣйшинъ и совѣтъ пятисотъ (которые собственно и стояли во главѣ французской республики) также не оказались врагами Наполеона.

Наполеону оставалось только ждать и, умно обдумавъ планъ будущихъ дѣйствій, заявить предъ лицомъ всей Франціи, что его часъ насталъ.

Историческія событія выдвигали Бонапарта впередъ, и онъ несся къ своему возвышенію и славѣ, подобно тому, какъ несется листокъ, подхваченный бурнымъ теченіемъ моря.

Исторія выдвигаетъ своихъ героевъ, и они безсильны противостоять стихійному напору времени. Такъ, созрѣлый плодъ отпадаетъ съ вѣтки.

По настроенію Франціи и Парижа Бонапартъ могъ понять, что онъ располагаетъ большимъ числомъ сторонниковъ. Они были во множествѣ и среди народа и въ совѣтѣ старѣйшинъ и въ самой директоріи, не говоря уже объ арміи.

РОЖЕ-ДЮКО.
Съ современнаго изображенія.

Преданная идеямъ республики, армія буквально боготворила своего генерала, такъ какъ видѣла въ немъ вѣрнаго слугу республики.

Но Наполеонъ также отлично зналъ, что генералы Журданъ, Бернадотъ и даже его прежній подчиненный—Ожеро готовы помѣшать его планамъ и склонить армію на свою сторону.

Еще на банкетѣ, который былъ данъ въ Парижѣ въ честь Бонапарта, онъ замѣтилъ, что многіе изъ приглашенныхъ нарочно не пріѣхали, а присутствовавшій генералъ Моро казался угрюмымъ, недовольнымъ и неразговорчивымъ. Бонапартъ пилъ за согласіе между всѣми французами, а въ головѣ его уже зрѣлъ новый планъ раздора.

* * *

Члены директоріи Сіейсъ и Дюко были главными союзниками Бонапарта. Они уже заготовили прошеніе объ отставкѣ. Остальные трое—Гойе, Баррасъ и Муленъ—врядъ-ли сами останутся на постахъ и окажутъ какое-либо сопротивленіе, такъ какъ бонапартисты (такъ назывались сторонники Бонапарта) въ совѣтѣ старѣйшинъ уже располагали большинствомъ голосовъ.

Часъ конца власти директоріи уже пробилъ.

Ими и было рѣшено немедленно потребовать пересмотра конституціи. Для того, чтобы не выходить изъ предѣловъ закона, такое требованіе должно было исходить отъ совѣта старѣйшинъ; для того же, чтобы придать дѣлу еще болѣе законный видъ, между заговорщиками было заранѣе условлено объявить о существованіи заговора противъ республики и поль-

зуясь этимъ назначить генерала Бонапарта главнокомандующимъ войсками въ Парижѣ.

Если этотъ планъ удастся, и войска будутъ состоять подъ командой Бонапарта, то несомнѣнно, что до введенія во Франціи новой конституціи должно быть назначено временное правительство. Во главѣ его, конечно, встанетъ тотъ, за кѣмъ будетъ сила. Бонапартисты, зная свою численность въ совѣтѣ старѣйшинъ, были заранѣе увѣрены, что имъ удастся провести въ члены временнаго правительства трехъ своихъ лицъ: Бонапарта, Сіейса и Дюко.

Заговорщики сами, отъ лица директоріи, объявили о существованіи какого-то заговора противъ республики.

Армія была уже наготовѣ, и на 17-го брюмера созывается чрезвычайное засѣданіе обоихъ законодательныхъ совѣтовъ.

По закону же, всякій разъ, когда требовалось внести какую-либо поправку къ государственному закону, то совѣты должны были засѣдать не въ самомъ Парижѣ, а въ его предмѣстьи Сенъ-Клу.

Назначеніе такого чрезвычайнаго засѣданія, конечно, должно было вызвать волненія въ Парижѣ. Но они не были страшны, если у генерала Бонапарта будетъ войско въ рукахъ, и генералъ сможетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Заговоръ зрѣлъ, и день насталъ.

Съ 16 на 17 брюмера комитетъ совѣта старѣйшинъ былъ уже въ сборѣ. На чрезвычайномъ собраніи, въ которомъ присутствовали только сторонники Бонапарта, было заявлено о существованіи страшнаго заговора, который грозитъ цѣлости республики. Во имя спасенія ея, говорили сторонники Бонапарта, въ то время, какъ совѣтъ будетъ засѣдать въ Сенъ-Клу, необходимо поручить охрану спокойствія въ Парижѣ надежному лицу.

Кто-же могъ оказаться болѣе надежнымъ, какъ истинный республиканецъ генералъ Бонапартъ?

Необходимо выиграть время и спѣшить. Заговоръ могъ легко открыться и Наполеону пришлось пережить тяжелыя минуты. Но его сторонники дѣйствовали умѣло.

Издается быстро указъ, и генералъ назначается главнокомандующимъ парижскаго гарнизона, начальникомъ военной охраны народнаго представительства и командиромъ національной гвардіи.

Бонапарту предписывалось лично явиться на засѣданіе комитета и принести присягу на вѣрность республикѣ.

Рано утромъ 18 брюмера въ домѣ Наполеона уже собирались въ мундирахъ генералы.

Среди нихъ одинъ Бонапартъ въ штатскомъ платьѣ. Чрезъ нѣсколько времени указъ уже былъ въ рукахъ Бонапарта.

Онъ читаетъ его громко присутствующимъ. Генералы обнажаютъ шпаги и клянутся въ вѣрности; подводятъ коней, и кавалькада трогается въ путь. Здѣсь цвѣтъ французской арміи, увѣнчанный славой побѣдъ: Макдональдъ, Серюрье, Мюратъ, Ланнъ, Андріосси, Бертье и убѣжденнѣйшій изъ убѣжденныхъ республиканцевъ, командиръ парижскаго гар-

ЧЛЕНЫ СОВѢТА ПЯТИСОТЪ.

низона—Лефевръ. Во главѣ ихъ несется на взмыленной лошади генералъ Бонапартъ.

Блестящая кавалькада мчится въ Тюльерійскій дворецъ, гдѣ уже началось засѣданіе комитета.

Войска парижскаго гарнизона стоятъ на улицахъ. Они охраняютъ городъ. Все на своихъ мѣстахъ. Все такъ, какъ сказано въ приказѣ.

По мраморнымъ ступенямъ роскошнаго, бывшаго королевскаго дворца уже гремятъ шпоры, стучатъ палаши. Огромный залъ засѣданій съ рядами колоннъ. Солнце льетъ свой свѣтъ на бѣлый мраморъ стѣнъ и играетъ на золотѣ мундировъ военныхъ генераловъ.

Окруженный блестящей свитой входитъ въ залу Бонапартъ.

Онъ останавливается по серединѣ. Кругомъ генералы въ разноцвѣтныхъ мундирахъ; старѣйшины въ пурпуровыхъ тогахъ. Бонапартъ выступаетъ впередъ и звонкимъ голосомъ, отдающимся подъ сводами залы, говоритъ:

— Граждане представители, республика находилась на краю гибели! вы оказались на высотѣ положенія и спасли ее энергическими вашими рѣшеніями. Горе тѣмъ, кто вздумалъ бы вызывать безпорядки и волненія! Съ помощью генерала Лефевра, генерала Бертье и другихъ моихъ товарищей по оружію, я ихъ немедленно же арестую. Не къ чему было бы теперь справляться съ примѣрами прошлаго! Никакая историческая эпоха не можетъ сравниться съ концомъ XVIII столѣтія, а тѣмъ болѣе съ настоящей минутой! Ваша мудрость постановила рѣшеніе, а мы его выполнимъ, если понадобится, силою оружія. Намъ нужна республика, зиждущаяся на истинной свободѣ гражданъ и народнаго представительства. Такая республика у насъ и будетъ! Клянусь въ томъ за себя и за своихъ товарищей по оружію!

— Клянемся!—крикнули въ одинъ голосъ генералы. Въ толпѣ гулъ одобреній, и только одинъ изъ присутствующихъ что-то хотѣлъ возразить, но голосъ его замеръ въ морѣ другихъ, сочувствующихъ Бонапарту, голосовъ. А президентъ совѣта звонитъ уже въ колокольчикъ и объявляетъ засѣданіе комитета прекращеннымъ до слѣдующаго полудня.

Клятва и присяга Бонапарта принята.

Въ совѣтѣ пятисотъ, который собрался вскорѣ же послѣ засѣданія старѣйшинъ, было объявлено рѣшеніе, постановленное совѣтомъ. Предсѣдатель—братъ Наполеона—Люсьенъ Бонапартъ не далъ разгорѣться страстямъ и во-время закрылъ засѣданіе. А во дворѣ уже раздавалось громкое дружное «ура» солдатъ. То привѣтствовала армія своего любимца, теперь вновь вставшаго во главѣ парижскаго гарнизона.

Сіейсъ и Дюко, какъ было условлено, вручили Бонапарту свои прошенія объ отставкѣ. Главнокомандующій, которому вручалась временная власть надъ столицей, долженъ былъ представить эти прошенія въ засѣданіе совѣтовъ старѣйшинъ и пятисотъ, которые завтра будутъ засѣдать въ Сенъ-Клу.

Опасность для свободы миновала, говорили бонапартисты. Третій директоръ Баррасъ не замедлилъ присоединить свое прошеніе объ отставкѣ. Директорія больше не существовала. Только Муленъ и Гойе еще пробовали упорствовать, и въ то время какъ прошенія ихъ товарищей объ отставкѣ лежали въ канцеляріи Бонапарта въ Тюльерійскомъ дворцѣ, Гойе и Муленъ удалились въ Люксембургскій дворецъ, гдѣ раньше засѣдала упраздненная директорія.

Посланному туда генералу Моро не удалось получить отказа отъ Гойе и Мулена. Тогда Моро прибѣгъ къ силѣ—онъ объявилъ обоихъ директоровъ подъ домашнимъ арестомъ.

Право должно было покориться насилію.

А къ вечеру непокорный генералъ Ожеро, видя, что «одинъ въ полѣ не воинъ», явился съ повинной къ Наполеону. Наполеонъ далъ ему совѣтъ вести себя паинькой и передать то же самое своему товарищу Журдану.

Къ ночи Парижъ опустѣлъ. На улицахъ тишина. Одинъ лишь генералъ Бернадотъ ещё пробуетъ играть въ опасную игру и выступать противникомъ Бонапарта и его сторонниковъ. Бернадотъ разсчитывалъ явиться утромъ во дворецъ Сенъ-Клу и помѣшать планамъ бонапартистовъ, до сихъ поръ разыгрывавшимся какъ по нотамъ. Бонапарту донесли объ этомъ во-время, а министръ полиціи, продажный Фушé, который съ одинаковымъ усердіемъ служилъ и послѣднему королю, и

НАПОЛЕОНЪ ВЪ СОВѢТѢ ПЯТИСОТЪ 19 БРЮМЕРА VIII г. (10 НОЯБРЯ 1799 г.).
По картинѣ Бушо гравировано Фрилесмъ (Версальская галлерея).

Французской республикѣ, и Наполеону, помѣшалъ сторонникамъ Бернадота соединиться вмѣстѣ.

Въ полдень 18-го брюмера въ загородномъ дворцѣ Бурбоновъ въ Сенъ-Клу собрались народные представители.

Съ утра по направленію къ Сенъ-Клу тянулись, обгоняя другъ друга, нарядные экипажи и тяжелыя колымаги. Восемь тысячъ войска было запасено Наполеономъ въ Сенъ-Клу на всякій случай. Въ коридорахъ стояли часовые. Въ сосѣднихъ залахъ находились офицеры и кругомъ все были сторонники Бонапарта.

Совѣтъ старѣйшинъ началъ свое засѣданіе. Неожиданный выходъ въ отставку директоровъ, изъ которыхъ непокорные Гойе и Муленъ были арестованы, породилъ возмущеніе многихъ изъ представителей. Шумъ, крики, проклятья, звонки предсѣдателя.

Наполеонъ находился въ томительномъ ожиданіи. Онъ нервно прохаживался взадъ и впередъ по пустому, холодному кабинету. Минуты казались ему часами. То, что такъ легко рѣшилъ комитетъ, то въ собраніи всего совѣта старѣйшинъ встрѣчало дружный отпоръ. Каждую минуту ему приносили вѣсти одну печальнѣе другой.

Вмѣсто благодарности, голоса въ совѣтѣ требовали, чтобы Наполеонъ былъ объявленъ заговорщикомъ противъ республики. Дѣло принимало дурной оборотъ; послѣ долгихъ колебаній Бонапартъ рѣшился на отчаянную попытку. Онъ рѣшилъ появиться самъ передъ совѣтомъ, хотя по закону никто изъ постороннихъ на засѣданіяхъ совѣта не могъ присутствовать.

Вмѣстѣ со своей свитой онъ проходитъ по ряду коридоровъ. Часовые отдаютъ ему честь.

Минута колебанія, нерѣшительности... Дверь раскрывается. Передъ нимъ залъ, красныя тоги старѣйшинъ, шумъ, крики, голоса, напоминающіе ревъ бури, шумъ разъяренныхъ волнъ моря... Предъ опасностью на полѣ сраженія, предъ самою смертью въ бою, Бонапартъ не зналъ боязни: онъ дерзко смотрѣлъ имъ въ глаза. Но тутъ, при видѣ мятущейся толпы, онъ потерялъ самообладаніе, потому что смутно онъ почувствовалъ ужасъ человѣка, въ которомъ проснулась совѣсть: своимъ появленіемъ онъ уже попиралъ законъ. Но медлить было нечего. Каждая минута стоила дорого: она несла безславіе и позоръ.

Въ толпѣ его уже замѣтили и необходимо было заявить о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ.

Бонапартъ началъ говорить, стараясь убѣдить взволнованную толпу, что онъ не Цезарь и не Кромвель. Онъ всего только безхитростный солдатъ; онъ жилъ спокойно въ Парижѣ и неожиданно для себя са-

мого его призвали спасать отечество. Если бы онъ хотѣлъ только власти, то онъ обратился бы не къ народнымъ представителямъ, а къ тѣмъ солдатамъ итальянской арміи, которые готовы за него положить жизнь. Но онъ служитъ не себѣ, а великому общему дѣлу—благу республики. Отечество въ опасности и потому онъ проситъ совѣтъ старѣйшинъ, чтобы ему на время дали неограниченную власть, которую онъ сложитъ тотчасъ же, какъ опасность минуетъ.

ЛЮСЬЕНЪ БОНАПАРТЪ.
Съ современнаго изображенія.

Его перебиваютъ, спрашивая, въ чемъ заключается эта опасность? И онъ отвѣчаетъ грубо и неискусно, что Баррасъ и Муленъ будто-бы предлагали ему встать во главѣ партіи, которая замышляла переворотъ. Баррасъ и Муленъ, кто бы этому могъ повѣрить?! Да этому и невозможно вѣрить потому, что Баррасъ и Муленъ не могутъ быть участниками въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Они такъ же далеко другъ отъ друга, какъ сѣверный полюсъ отъ южнаго. Одинъ аристократъ, другой сторонникъ народа. Одинъ продажная, другой чистая душа.

Кругомъ Бонапарта ревѣла грозная толпа, и все яростнѣе становился гулъ голосовъ. Толпа подходила все ближе и ближе. Она сильнѣе и сильнѣе напирала на Бонапарта, требуя отъ него объясненій.

Онъ видѣлъ себя уже окруженнымъ ею, слышалъ угрожающіе крики. Раздались уже требованія объявить генерала внѣ закона. Вмѣсто того, чтобы дать прямой отвѣтъ и сохранить послѣднюю каплю самообладанія, Наполеонъ въ свою очередь началъ съ угрозъ совѣту.

Онъ дерзко заявляетъ, что если кто-нибудь осмѣлится его тронуть, онъ самъ объявитъ собраніе внѣ закона.

Онъ найдетъ себѣ защиту и при этомъ указалъ по направленію къ окну. Тамъ, за окнами щетинились штыки и чернѣли высокія шапки гренадеровъ.

— Вспомните!— крикнулъ звенящимъ голосомъ Бонапартъ.—Я иду подъ сѣнью богини счастья, сопутствуемый богомъ войны.

— Помилуйте, генералъ, вы не знаете сами, что говорите!—шепнулъ ему на ухо одинъ изъ его сторонниковъ Бурріенъ.

Да, онъ дѣйствительно не зналъ, онъ чувствовалъ только, что сила на его сторонѣ. Онъ, какъ бѣшеный конь, мчался впередъ, закусивъ удила, въ бѣшеной скачкѣ не обращая вниманія на препятствія.

Не зналъ въ свою очередь, что дѣлать и президентъ совѣта. А кругомъ попрежнему шумѣло и волновалось море голосовъ.

Среди мгновенно наступившей тишины кто-то изъ старѣйшинъ потребовалъ у Бонапарта снова, чтобы онъ разъяснилъ: въ чемъ заключается заговоръ?

Совѣтъ имѣлъ право предложить этотъ вопросъ Бонапарту, и генералъ не имѣлъ права молчать. И онъ заговорилъ снова и не сказалъ ни одного слова, которое бы могло сколько-нибудь внести успокоенія.

Тогда его друзья, видя, что дѣло принимаетъ совсѣмъ уже скверный оборотъ, насильно вывели его изъ залы засѣданія.

Члены совѣта, бонапартисты, чувствовавшіе, благодаря своему количеству, силу на собраніи, принялись вновь за работу. Имъ удалось въ концѣ концовъ провести условленный планъ и достичь того, что собраніе выразило довѣріе генералу Бонапарту.

Пока все это происходило вверху, въ залѣ засѣданій старѣйшинъ. Внизу же, въ помѣщеніи бывшей оранжереи, гдѣ засѣдало собраніе совѣта пятисотъ, было еще бурнѣе. Тамъ царила полная неурядица.

Люсьенъ Бонапартъ тщетно, въ роли предсѣдателя, успокаивалъ собраніе.

А по залу, въ отвѣтъ на звонки предсѣдателя, неслось громкимъ эхомъ:

— Не хотимъ самоуправства, долой диктаторовъ! Мы здѣсь свободные граждане!

Депутаты повскакали уже съ мѣста, когда на порогѣ залы появился въ расшитомъ мундирѣ Бонапартъ. Но онъ былъ не одинъ. Не блестящая свита генераловъ только его окружала. Плотной стѣной, въ высокихъ, черныхъ шапкахъ, съ ружьями на рукѣ, кругомъ него сомкнулись, молодецъ къ молодцу, его гренадеры.

— Объявить его внѣ закона! Объявить!—раздавались голоса.

— Прочь диктаторовъ!

— Вонъ отсюда!

Одинъ изъ представителей бросилъ прямо въ лицо генералу:

— Вспомните, что вы ворвались насильно въ святилище закона.

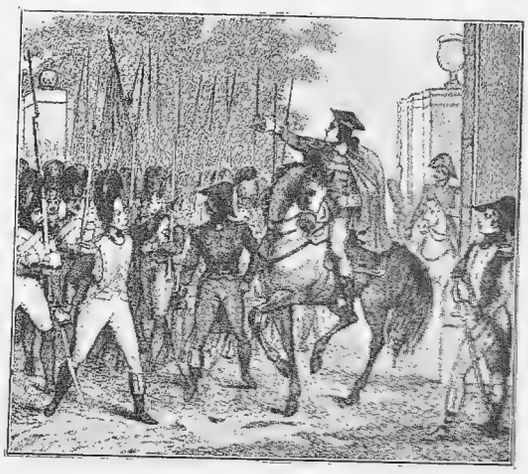
— Неужели вы для этого одерживали побѣды надъ врагами Франціи?— язвительно заявилъ другой.

Многіе, однако, почувствовали, что они находятся въ ловушкѣ, ловко подстроенной генераломъ и его приверженцами.

Если въ совѣтѣ старѣйшинъ дѣло ограничилось только криками и шумомъ, то въ совѣтѣ пятисотъ возбужденіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Слова были исчерпаны, и въ ходъ пошли кулаки. Но тутъ Бонапартъ, истомленный въ конецъ тревогами дня и обезкураженный оборотомъ дѣла, которое раньше казалось ему такимъ же вѣрнымъ, какъ дважды два—четыре, зашатался и упалъ въ обморокъ.

Солдатскія руки подхватили его. Гренадеры вынесли генерала на улицу.

Онъ втянулъ въ себя струю сгѣжаго воздуха, очнулся и торопливо вскочилъ на коня, который ожидалъ его у подъѣзда.



ЛЮСЬЕНЪ БОНАПАРТЪ ОБРАЩАЕТСЯ СЪ РѢЧЬЮ КЪ ВОЙСКУ (18 БРЮМЕРА).

По гравюрѣ Лакоши.

На карту было поставлено все!

Позорная смерть на эшафотѣ, какъ измѣннику закона, или же слава?!

Что дальше?

Генералы, столпившись тутъ же, были тревожны и ожидали отъ него приказаній. Но пойдутъ-ли войска, по его приказанію, на тѣхъ, личность которыхъ объявлена самимъ закономъ неприкосновенной? Поднимутъ-ли солдаты оружіе на избранныхъ народомъ представителей? А изъ залы доносился на улицу гулъ сотенъ человѣческихъ голосовъ.

Предсѣдатель совѣта, Люсьенъ Бонапартъ, покинулъ залу, и самъ выбѣжалъ на улицу. Онъ не желалъ поставить вопроса, разрѣшеніе котораго требовало собраніе: объявлять-ли генерала Бонапарта внѣ закона или нѣтъ? Онъ зналъ заранѣе рѣшеніе.

Люсьену подали коня. Барабанный бой, команда «смирно», и президентъ совѣта пятисотъ идетъ къ войскамъ.

Онъ заявляетъ имъ, какъ президентъ совѣта, что будто бы въ числѣ народныхъ представителей есть нѣсколько убійцъ—англійскихъ наемниковъ, которые держатъ всѣхъ остальныхъ въ страхѣ. Они грозятъ убить генерала Бонапарта.

Люсьенъ кончилъ свою лживую рѣчь.

Наступила тишина.

Томительная минута ожиданія. Это было, можетъ быть, только одно

мгновеніе, но иногда мгновеніе кажется цѣлою вѣчностью. И вдругъ изъ нѣсколькихъ грудей вырвался крикъ:

— Ура! да здравствуетъ Бонапартъ!

Слабый крикъ поднимается, ширится, растетъ и гулкимъ эхомъ потрясаетъ всю площадь.

— Ура, да здравствуетъ Бонапартъ!—несется по рядамъ.

Но дисциплинированное войско стоитъ какъ вкопанное и ждетъ приказаній вождя

Исполнитъ-ли оно на этотъ разъ его приказъ? Бросится-ли со штыками въ братоубійственную бойню, расчищая генералу путь къ власти, среди безоруженныхъ людей. Въ этомъ сомнѣвался даже генералъ Бонапартъ, знавшій хорошо любовь къ себѣ арміи. Онъ зналъ, что больше всего эта же самая армія любитъ свою республику.

Наполеонъ медлитъ съ приказаніемъ, но Люсьенъ уже выхватилъ кинжалъ, занесъ его надъ грудью Наполеона и громко крикнулъ:

— Клянусь, я поразилъ бы на смерть родного брата, если бы онъ позволилъ себѣ какъ-нибудь покуситься на свободу французовъ.

По рядамъ пробѣжала волна одобренія.

Войска признавали въ генералѣ защитника своей свободы. Пользуясь этимъ моментомъ, Мюратъ спросилъ, обращаясь къ Наполеону:

— Прикажете войти въ залъ засѣданія?

Наполеонъ рѣшился.

— Да,—отвѣчалъ Бонапартъ и прибавилъ:—если они будутъ сопротивляться, колите ихъ на смерть. Слѣдуйте за мною, я долженъ быть для васъ сегодня божествомъ. — Послѣднихъ словъ никто не разслышалъ и только Люсьенъ, стоявшій рядомъ, замѣтилъ:

— Замолчи! не воображаешь-ли ты, что говоришь съ мамелюками!

Наполеонъ тронулъ поводья коня; бокъ о бокъ съ нимъ ѣхалъ Люсьенъ; за ними темной лентой двинулись впередъ гренадеры. Они шли къ тому флигелю дворца, гдѣ «пятьсотъ» рѣшали участь измѣнника республики генерала Бонапарта...

...Въ залу, гдѣ засѣдало собраніе, вступали войска. Депутаты одинъ за другимъ оставляли залу. Ею уже овладѣлъ еще за нѣсколько минутъ до этого почти что объявленный внѣ закона Наполеонъ.

Директорія была упразднена. У власти временнаго правительства стоялъ начальникъ парижскаго гарнизона генералъ Бонапартъ. Онъ былъ диктаторомъ, т.-е. неограниченнымъ властелиномъ всей Франціи. Временно отъ республики оставалось лишь одно названіе. А армія и народъ не выражали ничего, кромѣ восторга. Они не знали правды и распро-

страняли сказку объ англійскихъ интригахъ. Народъ былъ утомленъ долгой междуусобицей. Армія была въ восторгѣ отъ щедрости новаго командира, раздававшаго съ самаго своего назначенія деньги и водку солдатамъ. А вечеромъ того же злополучнаго 18 брюмера было пред-

МЕДАЛЬОНЪ НАПОЛЕОНА ВЪ ЭПОХУ КОНСУЛЬСТВА.

Работы Деривье.

ложено разогнанному утромъ, и кое-какъ собранному силою вновь, народному представительству учредить временное консульство. Оно опиралось на штыки, но для оправданія зачѣмъ-то настойчиво упоминали древнюю римскую республику, гдѣ также консулы управляли страной. Новое консульство назначалось временно впредь до пересмотра конституціи.

Директорія была объявлена болѣе несуществующей, и ее замѣняла власть трехъ консуловъ, которыми были избраны, какъ и было раньше условлено, Бонапартъ, Сіейсъ и Дюко.

На разсвѣтѣ того же дня, Франція уже знала, что первымъ ея консуломъ явился Наполеонъ Бонапартъ. А позднѣе, вечеромъ другого дня, семья Бонапарта спѣшно уже перебиралась на жительство въ Люксембургскій дворецъ.

Сила попирала законъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.
Съ рисунка Прюдона (фотографія Брауна).

ГЛАВА VIII.

ПЕРВЫЙ КОНСУЛЪ.

На другой день.—Въ Люксембургскомъ дворцѣ.—Первый консулъ и его два помощника.—Бонапартъ, Сіейсъ и Дюко.—На службѣ Франціи.—Борьба за власть.—Бонапартъ побѣждаетъ вновь.—Работа, работа и работа!—Лебренъ и Камбасересъ.—Избраніе за страхъ, а не за совѣсть.—Консулы, сенатъ и министры.—«На этомъ его не поймаютъ».—Первый гражданинъ Франціи.—Новый походъ.—Надвигается буря.—«Побѣда доставляетъ войску хлѣбъ и славу»!

УТРОМЪ девятнадцатаго брюмера, т.-е. на другой день послѣ описанныхъ событій, Бонапартъ выѣхалъ изъ дому.

Консулъ былъ въ штатскомъ платьѣ и выглядѣлъ бодро. Несмотря на тревожное время, его карету сопровождало лишь шестеро драгунъ.

Въ полдень въ Люксембургскомъ дворцѣ, въ той самой залѣ, гдѣ недавно еще засѣдала директорія, было назначено первое засѣданіе трехъ консуловъ. Необходимо было выбрать министровъ. Это не представляло особаго труда, такъ какъ трое изъ министровъ директоріи были сторонни-

ками новаго правительства. Остальнымъ тремъ учтиво и съ благодарностью предложили выйти въ отставку. Въ новыхъ людяхъ не было недостатка.

Прежде всего самъ Бонапартъ предложилъ бывшаго начальника своего штаба на постъ военнаго министра

Кто лучше Бертье можетъ справиться съ этой задачей?

— Ввѣренныя ему на храненіе бумаги,—говорилъ Бонапартъ,—въ головѣ его разложены въ томъ же порядкѣ, какъ въ его шкапу въ папкахъ.

Назначеніе Бертье было утверждено.

У консула Сіейса нашелся свой человѣкъ для поста министра финансовъ

— Годэнъ—опытный человѣкъ и знатокъ своего дѣла,—заявилъ Сіейсъ.

За Годэномъ посылать было нечего: онъ дожидалъ своего назначенія въ кабинетѣ, сосѣднемъ съ залой, гдѣ происходило засѣданіе. Сіейсъ вводитъ его въ залу и знакомитъ съ Бонапартомъ.

— Вы давно работаете по финансовой части?—спрашиваетъ Бонапартъ.

— Двадцать лѣтъ, генералъ.

— Намъ очень нужна ваша помощь, и я разсчитываю на нее. Ну, присягайте скорѣе, намъ некогда.

Съ Годэномъ было покончено.

Оставалась очередь за министромъ внутреннихъ дѣлъ, но и онъ былъ быстро найденъ.

Знаменитый математикъ Лапласъ, славный предстэвитель ученыхъ во Франціи, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Дѣла были покончены быстро, и скоро на мокрыхъ отъ дождя улицахъ Парижа толпа читала первое объявленіе консуловъ, сулившихъ Франціи лучшее будущее.

На улицахъ толпа ликовала и кричала:

— Свобода! Миръ! Да здравствуетъ Бонапартъ! Да здравствуетъ республика!

Но Парижъ еще не вся Франція. Какъ отнесутся въ провинціи къ временному консульству?—Вотъ что безпокоило генерала Бонапарта.

А въ казнѣ не было ни гроша. Чиновники уже по десять мѣсяцевъ не получаютъ жалованья. Въ арміи порядки не лучше: солдаты сидятъ безъ денегъ и хлѣба, безъ теплой одежды и сапогъ.

Чиновники и войска живутъ только на счетъ того, что имъ удастся добыть путемъ взятокъ и грабежа. Чиновники обираютъ просителей, солдаты грабятъ мирныхъ жителей.

Необходимо подвергнуть чисткѣ не только засорившуюся государственную машину, но и, разобравъ ее по частямъ, сложить заново.

Работа предстояла трудная и огромная. Но Бонапартъ не унывалъ. Онъ не боялся никакой работы. Онъ видѣлъ, что изъ числа трехъ консуловъ на него одного обращено главное вниманіе всѣхъ.

Онъ велъ замкнутую жизнь и рѣдко показывался въ толпѣ. Въ своемъ зеленоватомъ рединготѣ, сидѣвшемъ какъ на вѣшалкѣ на его худомъ тѣлѣ, и въ круглой шляпѣ, онъ мало походилъ на того блестящаго генерала, имя котораго было окружено славой двадцати побѣдъ. Онъ

МЕДАЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО КОРПУСА ВЪ ПАМЯТЬ ТРЕХЪ КОНСУЛОВЪ: БОНАПАРТА, КАМБАСЕРЕССА И ЛЕБРЕНА.

больше всего старался даже по внѣшности походить на мирнаго гражданина, истиннаго республиканца, которому воля народа отвела первое мѣсто среди равныхъ.

Онъ не умѣлъ держаться среди большого собранія; не имѣлъ ни громкаго голоса, ни краснорѣчія, ни способности управлять собраніемъ. Въ такихъ случаяхъ онъ путался въ словахъ, говорилъ безсвязно и, видимо, конфузился. Но въ частной бесѣдѣ это былъ одинъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей. Бесѣда съ нимъ была увлекательна. Мѣткое слово, живая рѣчь, разностороннее знаніе, умѣніе увлечь своего собесѣдника—все это привлекало къ нему.

Мало знающіе его говорили: «онъ самонадѣянъ, лживъ, запальчивъ и деспотъ». Онъ же самъ говорилъ:

— Идите ко мнѣ. Мое правленіе будетъ правленіемъ молодости и ума.

И, дѣйствительно, тѣ, кому довелось встрѣтиться съ нимъ въ это время,—еще вчера его враги—сегодня повѣрили его словамъ и шли къ нему навстрѣчу.

Въ него вѣрили.

Въ зеленомъ рединготѣ, съ перомъ въ рукахъ онъ умѣлъ одерживать не менѣе побѣдъ, чѣмъ въ своемъ сѣромъ походномъ сюртукѣ и съ обнаженной саблей.

Онъ работалъ весь день, внимательно изучалъ дѣло, ко всему зорко присматриваясь.

Изъ его трехъ товарищей Дюко былъ полнѣйшая ничтожность. Работать приходилось лишь двоимъ: Сіейсу и Бонапарту. И они оба должны были идти руку объ руку.

Въ это время уже начали приходить вѣсти и изъ провинціи. Провинція, если и не ликовала, подобно Парижу, то приняла извѣстіе о назначеніи временнаго консульства спокойно. Сопротивленія почти нигдѣ не было оказано. А у Наполеона уже зрѣлъ свой планъ, огромный, какъ всѣ его планы. Онъ заявилъ, что будетъ служить ни какой-либо одной партіи, а всему французскому народу. Народъ давно мечтаетъ о мирѣ внѣшнемъ и внутреннемъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Бонапартъ создалъ своимъ правленіемъ народное довольство и водворилъ миръ и тишину, столь необходимые усталой отъ десятилѣтней борьбы Франціи. Гражданинъ Бонапартъ воспользуется всѣми благами революціи и дастъ возможность воспользоваться ими всему французскому народу.

Но кругомъ у власти стоятъ только враги этого народа. Необходимо скорѣе убрать прочь изъ провинціи армію чиновниковъ, высасывающихъ народные соки, перемѣнить правителей—враговъ всякаго общественнаго порядка, сложить тяжелые налоги. Необходимо приняться за чистку лѣса отъ валежника и гнилыхъ деревьевъ. И Наполеонъ вооружается топоромъ дровосѣка. Но въ государственной казнѣ попрежнему нѣтъ денегъ. У новаго правительства чувствуется потребность въ новыхъ людяхъ, которыми необходимо замѣнить старыхъ чиновниковъ, особенно въ провинціи.

Новые люди идутъ на смѣну старымъ. Но народъ давно уже извѣрился въ слова. Пора обѣщаній прошла, и онъ требуетъ скораго дѣла. Онъ не довѣряетъ ни Сіейсу, ни Дюко, и только на имени Бонапарта сосредоточены надежды.

Не отъ консульства, а отъ Бонапарта ждутъ мира, какъ раньше ждали отъ него же побѣдъ.

Якобинцы не желаютъ мира, не желаютъ его роялисты, подымая смуты, но народъ не за нихъ. Единственнымъ сторонникомъ мира въ его глазахъ является генералъ Бонапартъ и потому народъ будетъ его союзникомъ.

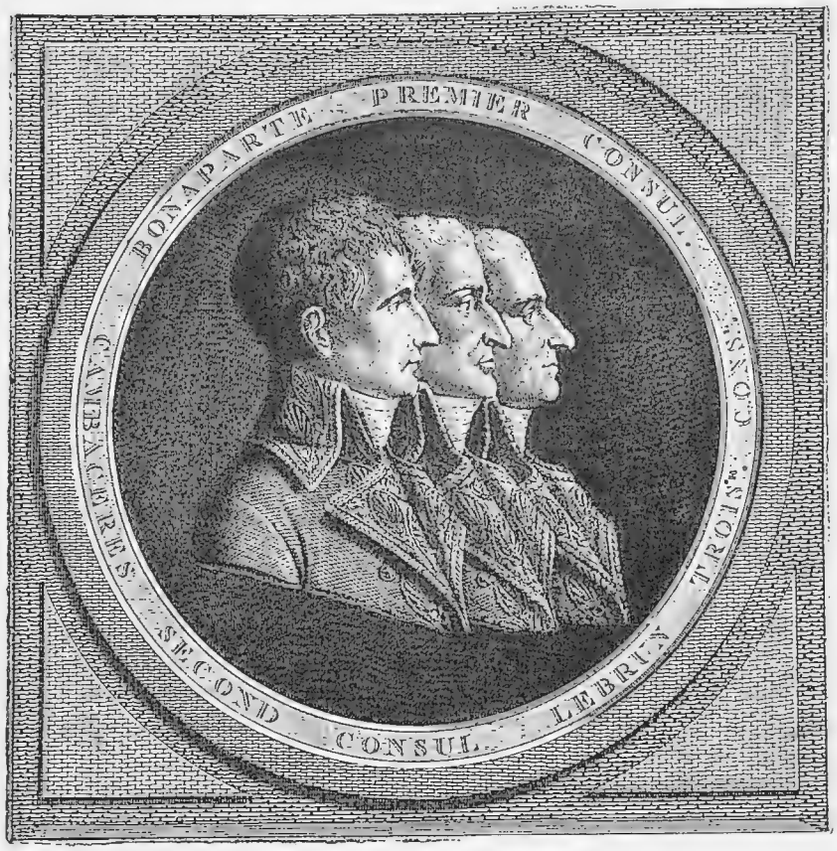
Наполеонъ это хорошо понялъ. Онъ сознялъ на чемъ покоится его

сила и власть. Армія создала ихъ ему, но упрочить можетъ только армія въ союзѣ съ народомъ.

Франціи нужны прежде всего точные законы.

Закипаетъ работа.

Сіейсъ пишетъ проектъ новой конституціи. Дюко также поручено



ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КОНСУЛОВЪ.
Съ современной гравюры.

написать такой же проектъ. Бонапартъ недоволенъ обоими. Въ обоихъ первому консулу отводятъ очень мало власти. Онъ царствуетъ, но не управляетъ. Рѣшеніе, принятое двумя консулами, уничтожаетъ рѣшеніе третьяго. Такъ управлять страной Бонапарту невозможно. Неужели Дюко съ Сіейсомъ будутъ диктовать ему свои мнѣнія?!

Бонапартъ самъ подготовляетъ будущее правительство, но ему тяжело вѣчно спорить, вѣчно волноваться съ неуступчивыми противниками. Онъ бѣсится, топаетъ ногами, грызетъ въ досадѣ ногти—ничего не помогаетъ. Противники стоятъ на своемъ. Онъ затихаетъ и пробуетъ миро-

любиво и спокойно доказать правоту своихъ словъ. Спокойствіе и ласка иногда дѣйствуютъ могущественно даже тамъ, гдѣ безсильны угрозы. Но товарищи не поддаются убѣжденіямъ и ласкамъ... Снова вспышки гнѣва, громовыя рѣчи, бѣганье по залѣ.

Они его совсѣмъ не понимаютъ, не способны понять его генія! Онъ не владѣетъ даромъ ихъ адвокатскаго краснорѣчія, но за то у нихъ нѣтъ вовсе дѣльныхъ мыслей. Они заботятся только о себѣ, тогда какъ Бонапартъ желаетъ спасти Францію. Они не вѣрятъ ему, онъ не вѣритъ имъ...

* * *

Долгія, безсонныя ночи. По нѣсколько часовъ сряду засѣданія. Засѣданія утромъ, засѣданія вечеромъ. Всѣ измучены, утомлены.

Одинъ только генералъ Бонапартъ не выказываетъ и признака утомленности. Въ его тщедушномъ тѣлѣ бьется здоровая душа.

Онъ уже почти побѣдилъ. Первое мѣсто въ консульствѣ при новыхъ выборахъ за нимъ обезпечено, но кто же будутъ два его товарища? Упрямый, тщеславный, бывшій аббатъ Сіейсъ и бездарный Дюко?! Ихъ пѣсня спѣта. Генералу-консулу не нужно щепокъ отъ старой директоріи. Ему необходимы новые люди. Гдѣ они, кто же они?

И день и ночь мучаетъ его этотъ вопросъ. Онъ зорко присматривается къ окружающимъ его людямъ, старается сдѣлать не случайный выборъ.

Наконецъ, одинъ изъ товарищей консула намѣченъ.

Камбасересъ—теперешній министръ и бывшій министръ директоріи — замѣчательно спокойный, уравновѣшенный человѣкъ. Человѣкъ благоразумія и далекій отъ крайностей, понимающій цѣну и значеніе власти. Отъ Камбасереса невозможно услышать никогда рѣзкаго или невѣжливаго слова. Лучшаго товарища не найти Бонапарту. Но нужно двухъ товарищей! Гдѣ найти второго Камбасереса?

Послѣ долгихъ колебаній Наполеонъ остановился на весьма незначительномъ человѣкѣ. У него было, правда, почетное и прочное имя, хотя про него и поговаривали, что будто бы онъ въ душѣ роялистъ. Этотъ человѣкъ былъ—Лебренъ.

Военный генералъ—Бонапартъ, юристъ—Камбасересъ и финансистъ—Лебренъ должны были составить тройственный союзъ.

Бонапартъ прямо заявилъ Камбасересу:

— Давайте сговоримся относительно третьяго консула. Намъ нуженъ человѣкъ, который былъ бы не совершенно чуждымъ революціи, но въ то же самое время поддерживалъ бы сношенія съ остатками прежней королевской Франціи и могъ бы успокоить ихъ относительно будущаго

Избраніе консуловъ происходило только для видимости. Все было порѣшено заранѣе. Въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ уже обиталъ Бонапартъ, въ одномъ изъ салоновъ собрались запросто члены комиссіи по пересмотру конституціи.

Законъ о конституціи былъ еще не законченъ, когда поздно ночью

КОСТЮМЫ КОНСУЛА, МИНИСТРА И ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТНИКА.

Бонапартъ предложилъ Дюко и Сіейсу и остальнымъ членамъ подписать то, что было готово.

Никто не осмѣлился идти противъ желанія, высказаннаго Бонапартомъ. Послѣ этого было рѣшено приступить къ баллотировкѣ трехъ консуловъ. И тутъ же, поздно ночью, въ салонѣ Бонапарта начались выборы.

Пока присутствующіе писали на запискахъ имена желательныхъ кандидатовъ, Бонапартъ стоялъ спиною къ камину и беззаботно грѣлся у огня.

Бюллетени (записки съ написанными именами кандидатовъ) уже брошены въ урну.

Сейчасъ начнется подсчетъ голосовъ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Бонапартъ вышелъ изъ своего наблюдательнаго положенія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, разомъ сгребъ рукою въ одну кучу всѣ билеты и, не приглашая присутствующихъ къ провѣркѣ записокъ, любезно обратился къ Сіейсу:

— Вмѣсто того,—началъ генералъ,—чтобы читать эти бюллетени, дадимъ, господа, новое доказательство нашей признательности гражданину Сіейсу. Предоставимъ ему право назначить самому трехъ первыхъ чиновъ республики и будемъ считать, что назначенныя имъ лица будутъ тѣ же самыя, кого мы только что избрали.

Присутствующіе молчали. Молчалъ и Сіейсъ.

Предложеніе Бонапарта было полнымъ попраніемъ всякихъ законовъ, но вѣдь и самое собраніе въ салонѣ консула также имѣло мало общаго съ законнымъ избирательнымъ собраніемъ.

Присутствующимъ показалось, что это шутка со стороны Бонапарта, но тонъ рѣчи генерала всего менѣе былъ шутливымъ.

Въ своемъ проектѣ Сіейсъ предоставлялъ Бонапарту право верховнаго избирателя. Теперь осуществить это же право Бонапартъ любезно предоставлялъ Сіейсу.

Сіейсъ отнѣкивался, а Бонапартъ все настоятельнѣе требовалъ отвѣта. Маленькій капралъ перехитрилъ стараго аббата*).

Сіейсу пришлось покориться. Онъ назвалъ, наконецъ, три имени. То были, конечно, Бонапартъ, Камбасересъ и Лебренъ.

Избраніе безъ баллотировки было принято единогласно.

Въ окно глядѣла уже ночь. Уголья въ каминѣ догорали; груда записокъ, брошенныхъ въ каминъ, вспыхнула и озарила яркимъ пламенемъ салонъ.

Имена трехъ новыхъ консуловъ тутъ же были вписаны въ конституцію. Имена Сіейса и Дюко были внесены въ тотъ же документъ, какъ первоприсутствующихъ министровъ. Сіейсъ, Дюко, Камбасересъ и Лебренъ должны были сами выбрать остальныхъ двадцать девять членовъ сената. Послѣдніе, въ свою очередь, уже изберутъ двадцать девять другихъ. Сенату же предоставлено право выбора депутатовъ и трибуновъ.

Была уже глухая ночь, когда разошлись гости изъ Люксембургскаго дворца, но сонъ бѣжалъ отъ Бонапарта. Нужно было торопиться и тотчасъ же сдать въ наборъ въ типографію текстъ конституціи. Но объявленіе ея все-таки запоздало, и только на второй день, послѣ под-

*) Сіейсъ былъ сначала духовнымъ лицомъ, но послѣ революціи сложилъ съ себя санъ.

писанія ея въ салонѣ Бонапарта, объявленіе попало на улицы Парижа.

* * *

Барабанщики впереди, члены городского управленія за ними, войска кругомъ... Процессія торжественно возвѣщаетъ о радостномъ днѣ.

Все, говоритъ объявленіе, дѣлается для народа и во имя народа, хотя на самомъ дѣлѣ народъ былъ устраненъ совсѣмъ отъ участія въ управленіи государствомъ.

ЖАНЪ ЖАКЪ РЕЖИ КАМБАСЕРЕССЪ, ВТОРОЙ КОНСУЛЪ.
По гравюрѣ Леваше.

Французскій народъ какъ бы самъ отказался отъ своихъ державныхъ правъ, передавая ихъ на время Бонапарту.

И этому вѣрили. Вѣрили, впрочемъ, не сладкимъ словамъ и обѣщаніямъ. Франція хотѣла вѣрить въ новое правительство. Это правительство для нея являлось въ лицѣ перваго консула—генерала Бонапарта. Франціи нуженъ только миръ. Этотъ миръ можетъ дать только Бонапартъ. На этомъ имени слились всѣ желанія...

Отнынѣ во главѣ страны стоялъ первый консулъ. У него были два помощника въ званіи консуловъ. Далѣе сенатъ изъ 80 пожизненныхъ членовъ. Сенатъ выбираетъ ежегодно консуловъ. Бонапартъ же назначенъ не въ примѣръ прочимъ консуламъ на десять лѣтъ. Полномочія его широки. Онъ печется обо всемъ: о безопасности Франціи, внутренней и внѣшней, онъ издаетъ законы, назначаетъ и увольняетъ государственныхъ совѣтниковъ, министровъ, пословъ и офицеровъ. Онъ полный почти хозяинъ страны. Его власть ограничиваетъ трибунатъ и государственный совѣтъ.

Конституція была опубликована, но еще не утверждена. Граждане должны отвѣтить, принимаютъ они ее или отвергаютъ?

Черезъ два мѣсяца Франція устами своихъ гражданъ отвѣтила: да. Власть надъ Франціей была узаконена въ рукахъ Бонапарта. Онъ отвѣтилъ взрывомъ справедливости и милосердія.

Въ первомъ обращеніи къ народу консулъ заявлялъ, что его правленіе будетъ правленіемъ порядка, правосудія, устойчивости, силы и прежде всего умѣренности. Онъ началъ съ работы. Сдѣлалъ смотръ министрамъ и убѣдился, что математикъ Лапласъ слишкомъ большой ученый и очень малый политикъ. Лапласу дали отставку, а на его мѣсто консулъ назначилъ своего брата Люсьена, игравшаго не послѣднюю роль на дорогѣ, которая привела Бонапарта къ консульству. Гражданинъ Лапласъ уступилъ мѣсто гражданину Люсьену Бонапарту. Безпокойный и пылкій юноша подъ контролемъ брата могъ еще пригодиться, иначе онъ легко могъ сбиться съ пути.

Далѣе пришлось приняться за устройство государственнаго совѣта.

Это было не такъ-то легко.

При выборѣ государственныхъ совѣтниковъ Бонапартъ не обращалъ вниманія на ихъ происхожденіе и прошлое.

— Я беру,—говорилъ онъ,—всѣхъ, у кого есть способность и охота идти со мной.

Въ подборѣ людей сказался талантъ Бонапарта и его покладистость убѣжденій. Со старыми людьми онъ создавалъ новое правительство.

Первое засѣданіе государственнаго совѣта открылось запросто въ квартирѣ Бонапарта. Онъ самъ открылъ засѣданіе и вдохнулъ въ приглашенныхъ имъ людей желаніе приняться за работу. А рядомъ въ сосѣдней комнатѣ Сіейсъ, Дюко, Камбасересъ и Лебренъ были заняты выборомъ первыхъ двадцати девяти сенаторовъ.

Президентомъ сената былъ выбранъ Сіейсъ.

Въ теченіе двухъ сутокъ сенаторы трудились надъ выборомъ трибуновъ и депутатовъ.

Просителей и желавшихъ занять эти почетныя мѣста было въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ мѣстъ. Самъ Бонапартъ держался въ сторонѣ, не принимая никакого прямого участія въ выборахъ, хотя все дѣлалось по его волѣ и съ его вѣдома.

Онъ желалъ стоять особнякомъ, казаться выше партій.

— Управлять,—говорилъ онъ,—при помощи какой-нибудь партіи—это значитъ рано или поздно встать въ зависимость отъ нея. На этомъ меня не поймаютъ. Но Бонапартъ, достигнувъ высоты власти, не бездѣйствовалъ. Онъ не только первый консулъ, но и консулъ—первый работникъ.

Выходитъ указъ за указомъ. Въ нихъ первый консулъ и словомъ и дѣломъ стремится примирить прежнія несправедливости, загладить старыя обиды, внести успокоеніе въ страну. Цѣлый потокъ неслыханнаго благополучія льется на Францію: полное прощеніе всѣмъ поднявшимъ

руку на республику, всѣмъ пострадавшимъ въ борьбѣ за религіозную свободу, всѣмъ ссыльнымъ безъ суда. И вся Франція съ восторгомъ читаетъ обращеніе консуловъ къ народу.

«Каждый день правленія консуловъ,—говорится въ этомъ обращеніи,—ознаменовывается актами правосудія; такъ будетъ и впредь. Государственный совѣтъ трудится, не покладая рукъ, вырабатывая реформы плохихъ законовъ и болѣе справедливое распредѣленіе государственныхъ налоговъ».

АЛЕКСАНДРЪ БЕРТЬЕ, КНЯЗЬ И ГЕРЦОГЪ НЕВШАТЕЛЬСКІЙ И ВАЛАНГЕНСКІЙ, КНЯЗЬ ВАГРАМСКІЙ, МАРШАЛЪ ФРАНЦІИ.
Съ хромолитографіи Али.

Была не забыта и армія. Забота о ней была главной заботой Бонапарта. Глава государства — первый консулъ отказывался отъ лавровъ полководца, уходилъ съ военнаго поприща, открывая дорогу другимъ честолюбивымъ генераламъ. Но первый гражданинъ Франціи не могъ забыть о той силѣ, которая дала ему власть.

Начальство, въ случаѣ войны, надъ главной арміей теперь переходило къ сопернику Наполеона — генералу Моро. Его рейнская армія предназначалась для военныхъ дѣйствій въ средней Европѣ.

Прославленная побѣдами Бонапарта итальянская армія поручалась прежнему сподвижнику консула—генералу Массена. А подъ руководствомъ военнаго министра Бертье собиралась потихоньку, безъ шума, третья армія. О ней мало говорили, ею мало интересовались. Одинъ только генералъ Бертье—покорный исполнитель приказаній своего начальника—велъ работу: набиралъ новобранцевъ и обучалъ ихъ вмѣстѣ со старыми ветеранами—героями побѣдъ, втихомолку подготовляя боевыя дружины.

Франція не желала войны, и новая армія держалась въ резервѣ на всякій случай. Этотъ случай скоро представился.

Ладить съ враждебно-настроенными противъ Франціи европейскими

правительствами было не легко даже умѣющему ко всему приспособиться министру иностранныхъ дѣлъ, большому умницѣ и большому пронырѣ—Талейрану. Впрочемъ, Талейранъ былъ только правой рукой Бонапарта. Безъ вѣдома консула онъ не предпринималъ ни одного шага.

Бонапартъ за всѣмъ слѣдитъ, во все вмѣшивается, словно у него нѣсколько головъ и десятокъ рукъ...

Первый консулъ, отвѣчая жеданіямъ народа, написалъ дружескія, миролюбивыя письма къ королю Англіи и императору австрійскому. Онъ просилъ ихъ прекратить долгую войну.

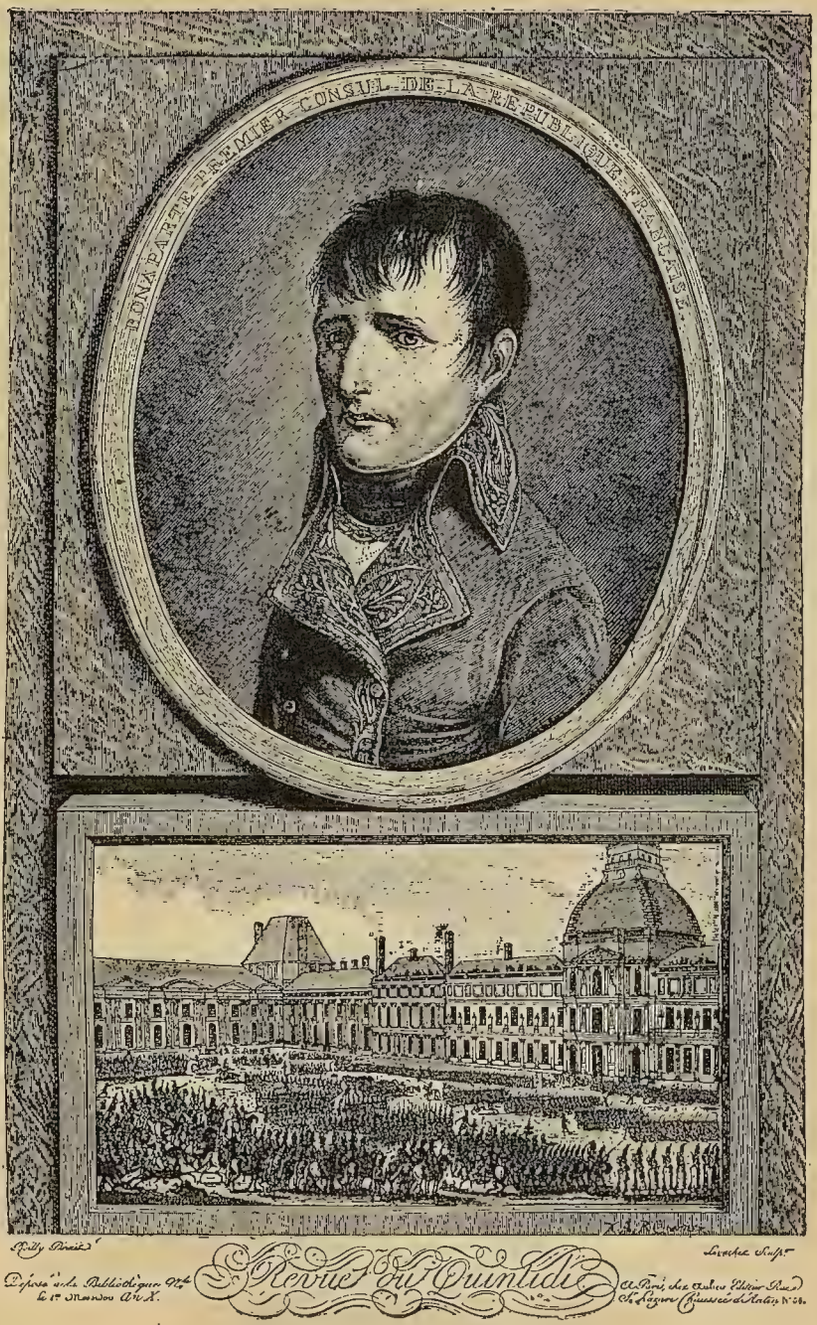
Письма не имѣли успѣха. Въ Австріи и Англіи государи даже обидѣлись обращеніемъ съ ними Наполеона, какъ равнаго съ равными. Обидѣлась на нихъ въ свою очередь и Франція, такъ какъ Бонапартъ былъ поставленъ первымъ консуломъ такой же волею народа, которая дала королевство Георгу III въ Англіи и Францу въ Австріи. А въ Англіи и Австріи совѣтовали Франціи призвать вновь ненавистныхъ странѣ Бурбоновъ, промѣнять геній Бонапарта на ничтожество Людовика XVIII, бѣжавшаго въ Россію...

Франція затаила обиду. Она чувствовала, что враги завидовали ея славѣ. Она видѣла работу Бонапарта, за нимъ цѣлый сонмъ совѣтниковъ, сенаторовъ, трибуновъ, членовъ государственнаго совѣта, выбранныхъ отъ всѣхъ партій, представлявшихъ извѣстныхъ людей страны. Конечно, многіе были недовольны и въ самой Франціи Бонапартомъ. Его личность, его «я» слишкомъ рѣзко выдвигалась въ республикѣ, до сихъ поръ управлявшейся представителями народа. Другіе мирились съ этимъ, какъ съ временной необходимостью ради умиротворенія страны и, наконецъ, третьи готовы были прославлять всюду и вездѣ геній Бонапарта. Въ немъ они видѣли единственнаго спасителя Франціи отъ раздоровъ и мятежей и внутреннихъ усобицъ. Самъ Бонапартъ желалъ мира, но онъ считалъ этотъ миръ возможнымъ только тогда, когда страна во всякую минуту будетъ готова къ вооруженному отпору. Онъ не давалъ угаснуть боевому пылу войска.

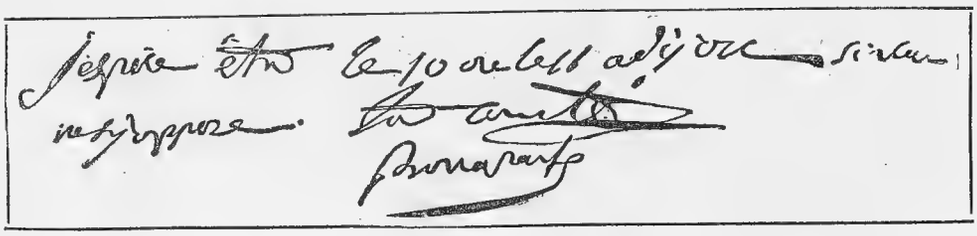
«Покорители Голландіи, Италіи и Рейна,—писалъ Бонапартъ войскамъ рейнской арміи,—вы заставили уже разъ подписать подъ стѣнами устрашенной Вѣны миръ, почетный для республики. Теперь дѣло идетъ не о защитѣ нашихъ границъ, а о преодолѣніи враждебныхъ государствъ».

Этими государствами были: Англія и Австрія.

Россію Бонапартъ уже пытался склонить къ дружбѣ. Португалія искренно желала выйти изъ союза съ Англіей и заключить миръ съ



ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА ПОСЛѢ ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ ПЕРВАГО КОНСУЛА, помѣщенный въ журналѣ «Revue du Quintidi».



ФАКСИМИЛЕ (ИЗЪ ПИСЬМА КЪ БЕРТЬЕ) БОНАПАРТА—ПЕРВАГО КОНСУЛА.

Франціей. Пруссіи предлагалась дружба республики, но положеніе дѣлъ все-таки было тревожное. Вооружалась снова Англія, въ Италіи стягивались австрійскія войска.

Все предвѣщало близкую бурю.

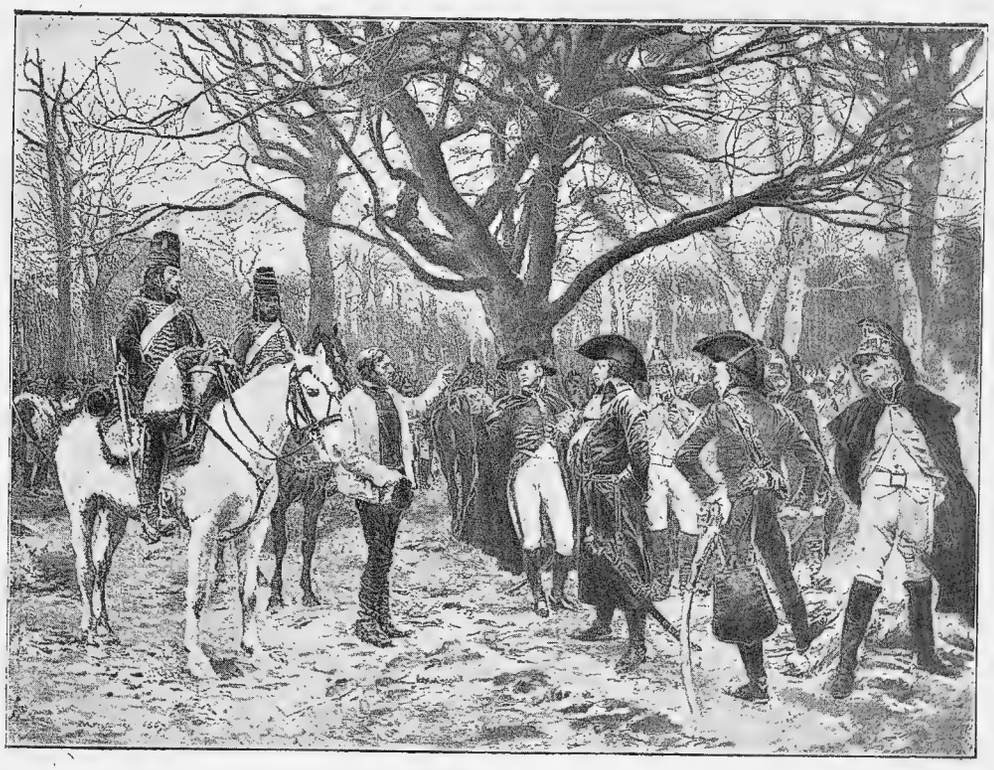
И Бонапартъ въ приказѣ, данномъ славной итальянской арміи, обращался къ солдатамъ, жаловавшимся на неаккуратную доставку продовольствія:

— Вы жалуетесь,—говорилъ консулъ,—на то, что вамъ неаккуратно доставляютъ продовольствіе? Но что бы вы сдѣлали, если бы вамъ пришлось, какъ вашимъ товарищамъ, оказаться среди пустыни безъ хлѣба и воды? Имъ приходилось питаться исключительно только мясомъ лошадей и муловъ. «Побѣда доставитъ намъ хлѣбъ!»—Вотъ что говорили они.

И повторяя слова своего любимаго вождя, армія уже рвалась въ бой, навстрѣчу новымъ опасностямъ, на путь новыхъ побѣдъ.

— Побѣда доставитъ намъ хлѣбъ!—говорили солдаты и ждали сигнала къ выступленію.

Ждать оставалось не долго....



РАЗСПРОСЪ ЛАЗУТЧИКА.

Картина Э. Мейссонье.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКАЯ АРМІЯ.

«Побѣда даетъ хлѣбъ и славу!»—Опять во главѣ арміи.—Черезъ Альпы.—Трудный переходъ.—Въ долинѣ Италіи.—Генуя осаждена.—Половина побѣды—не есть еще побѣда.—Маренго: Дезэ помогаетъ успѣху французскаго оружія.—Бонапартъ—побѣдитель.—Divide et impera.—Подъ стѣнами Вѣны.

АРМІЯ была готова къ бою.

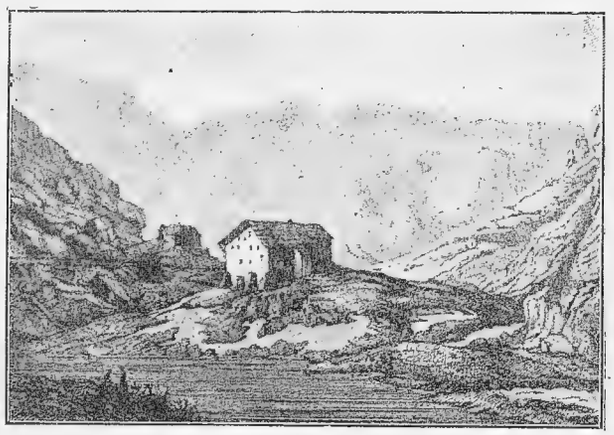
Длинной лентой растянулась она по Италіи, по берегу моря отъ Генуи до Савоны.

Тридцать тысячъ штыковъ подъ командой Массены занимало боевыя позиціи; десять тысячъ солдатъ охраняли проходы въ Альпахъ. Въ укрѣпленіяхъ города Тосканы, папскихъ владѣніяхъ и въ Пьемонтѣ было разбросано до двадцати тысячъ французскихъ войскъ. Противъ тридцати-

тысячной арміи стояла восьмидесятитысячная громада австрійцевъ подъ начальствомъ старика Меласа.

Правда, на Рейнѣ угрожалъ Австріи со ста двадцатью тысячами храбрецовъ, испытанный въ бояхъ, Моро, но въ Италіи борьба не была равной.

Наполеонъ быстро начертилъ планъ дѣйствій. Первый консулъ, по закону, не могъ лично командовать войскомъ; въ законѣ, однако, ничего не было сказано противъ присутствія консула среди войскъ. Рѣшено: консулъ отправляется въ Италію.



СТРАННОПРІИМНЫЙ ДОМЪ НА СЕНЪ-БЕРНАРѢ (СО СТОРОНЫ АОСТСКОЙ ДОЛИНЫ).
По гравюрѣ Лакоши.

Вотъ когда пригодилась резервная армія, которую въ тишинѣ, безъ шума обучалъ и собиралъ Бёртье, по желанію перваго консула.

Отдается приказъ: немедленно выступить изъ Дижона и идти къ Цюриху (Швейцарія была уже въ рукахъ Франціи), а отсюда прямо чрезъ Альпы въ Италію, чтобы тамъ принять боевое крещеніе.

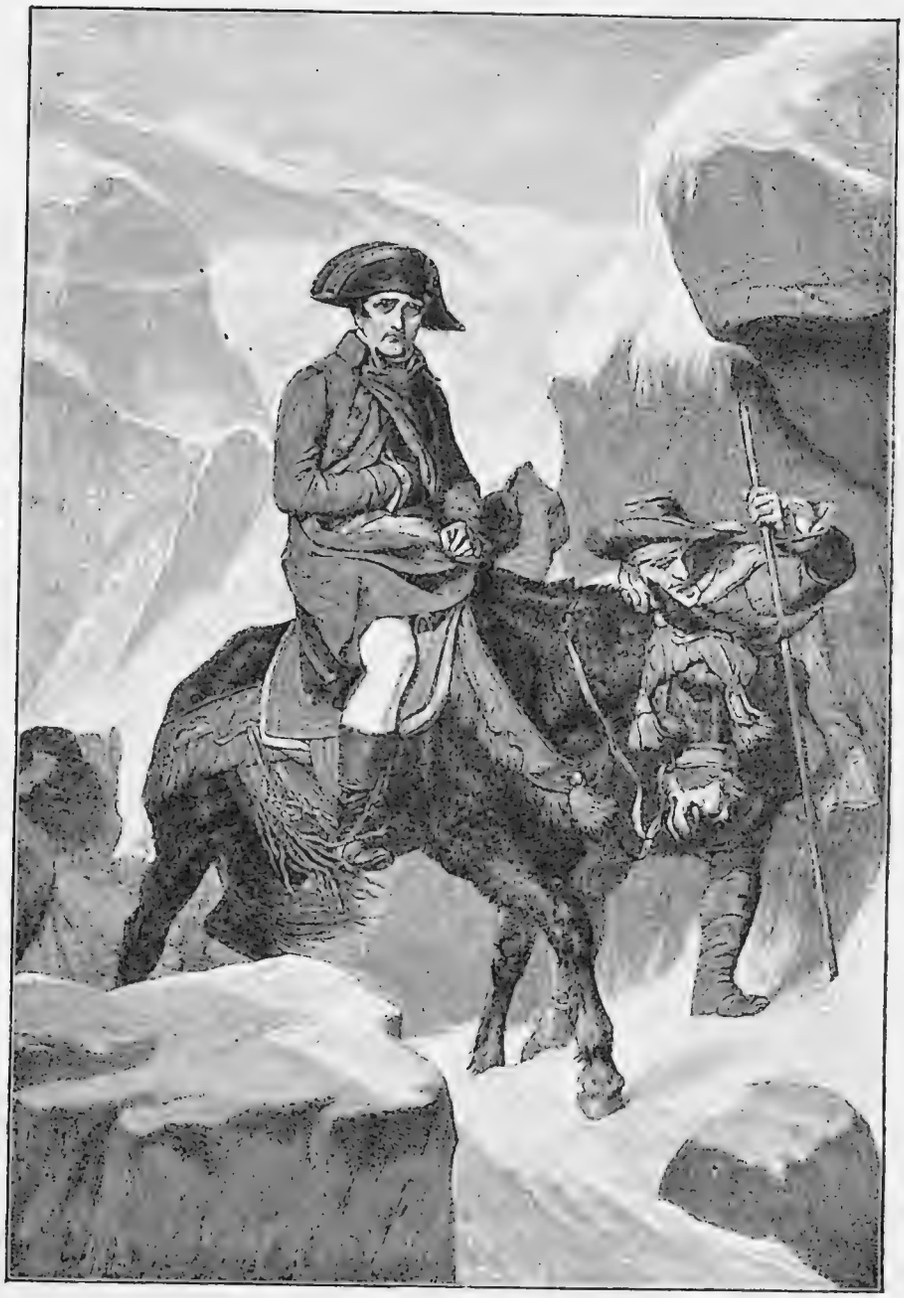
Массенѣ предписывается, до прибытія подкрѣпленій, сосредоточить войска въ Генуѣ и оборонять крѣпость и дороги, ведущія изъ Франціи въ Италію.

— Для полководца, располагающаго меньшими силами, чѣмъ непріятель, военное искусство заключается въ томъ, что-бы выиграть время, —говорилъ Бонапартъ.

Массена и долженъ былъ проявить теперь такое искусство. На Цюрихъ уже надвигается семидесятипятитысячная армія. Ее ведетъ самъ Бонапартъ, хотя главнокомандующимъ и числится генералъ Бертье.

Ужасный путь предстоитъ арміи!

По дорогѣ черезъ большой Сенъ-Бернаръ, по тропѣ, едва доступной для муловъ, подъ вой вѣтра и свистъ метели, взбирается армія на кручи горъ. Впереди идетъ дивизія Ланна. Снѣгъ застилаетъ путь. Приходится снимать пушки съ лафетовъ, и на дровняхъ, сдѣланныхъ тутъ же изъ вырубленнаго въ горахъ лѣса, люди перетаскиваютъ ихъ на себѣ, шагъ за шагомъ, карабкаясь вверхъ по тропинкѣ.



БОНАПАРТЪ ПРИ ПЕРЕХОДѢ ЧЕРЕЗЪ СЕНЪ-БЕРНАРЪ.
Картина Деларош.

Бонапартъ ждетъ перехода въ Лозаннѣ. Онъ не желаетъ открывать своихъ картъ врагамъ.

Колонна Шабрана въ то же время идетъ черезъ малый Сенъ-Бернаръ. Тюрро переходитъ черезъ Монъ-Сеннсъ, Монсею указанъ перевалъ черезъ Сенъ-Готардъ, а черезъ Симплонъ идетъ новая колонна.

Планъ блестяще выполненъ: соединенная армія 2-го іюня уже переходитъ Тичино.

Авангардъ занимаетъ Миланъ, а Мюратъ преслѣдуетъ отступившій австрійскій отрядъ, что-бы онъ не помѣшалъ переправѣ черезъ По.

АНДРЕ МАССЕНА, ГЕРЦОГЪ РИВОЛИ.
Картина Гро.

Самъ Бонапартъ и главнокомандующій Бертье давно уже покинули Лозанну и соединились съ дивизіей Ланна, на долю которой выпалъ самый трудный переходъ черезъ Большой Сенъ-Бернаръ. Дивизія уже благополучно спустилась съ Альпъ, но на пути лежала еще одна преграда. На высокой, неприступной почти крутизнѣ затаилась маленькая горная крѣпостца Бардъ.

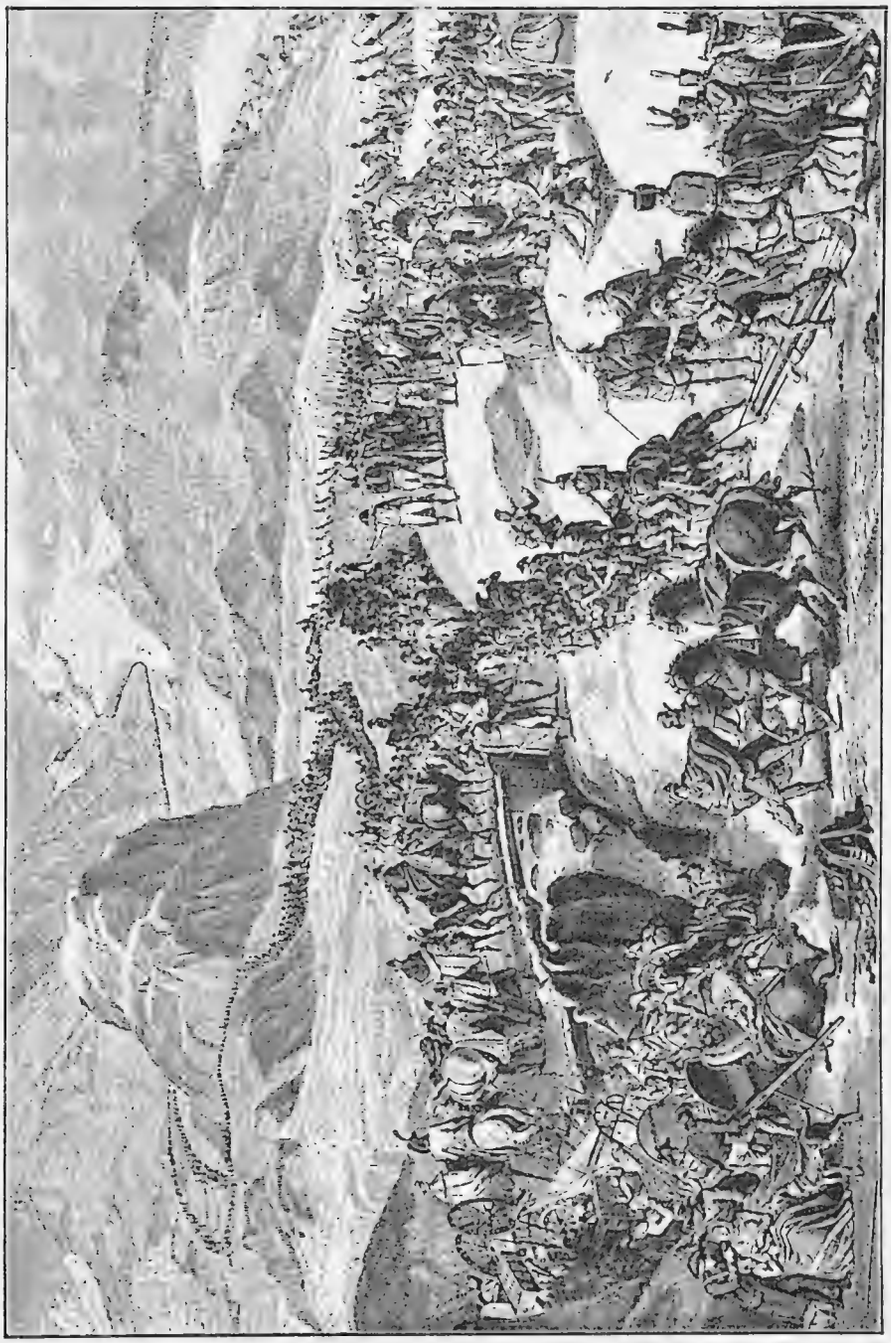
Крошечная крѣпостца съ австрійскимъ гарнизономъ преграждала путь арміи. Ланнъ остановился.

Цѣлый день онъ былъ въ нерѣшительности. Наконецъ, высланные развѣдчики открыли узкую горную тропинку—единственную дорогу. По этой тропинкѣ въ обходъ крѣпости и повелъ Ланнъ свои войска. Артиллерія была оставлена около Барды.

Новое препятствіе ожидало Ланна. Внизу темнѣла крѣпость Иврея. Съ нею ничего нельзя было подѣлать безъ пушекъ

Прибывшій къ арміи Наполеонъ приказалъ саперамъ обратить горную тропу у Барды въ дорогу. Новая, тяжелая работа! Начальникъ артиллеріи Мормонъ потерялъ терпѣніе. Онъ приказалъ обмотать колеса лафетовъ сѣномъ и услать дорогу соломой. Ночью, подъ прикрытіемъ темноты совершился перевозъ артиллеріи по улицѣ деревушки мимо самой крѣпости. Впрочемъ, осажденный гарнизонъ, за отсутствіемъ съѣстныхъ припасовъ, самъ вскорѣ же сдался. За Бардой сдалась и Иврея. Выходъ въ долину былъ въ рукахъ французовъ.

Австрійцы не ожидали разомъ вторженія такихъ грозныхъ силъ въ



ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ГОРУ СЕНЪ-БЕРНАРЪ (МАЙ 1800 г.).
Съ картины Тевенэна гравировано Дюплесси-Берто.

Италію. Они не вѣрили извѣстіямъ, считая преувеличенными слухи о наступленіи французовъ. Недовѣріе смѣнилось отчаяніемъ и нерѣшитель-

ностью. Австрійскія войска, разбросанныя на далекомъ протяженіи, не могли соединиться быстро и сразу же дать отпоръ врагу.

Но Бонапартъ перемѣнилъ свой планъ. Вмѣсто того, чтобы идти на помощь осажденному въ Генуѣ Массенѣ, которому приходилось уже совсѣмъ плохо, онъ создалъ новый проектъ. Предъ нимъ стоялъ Миланъ, Ломбардія и переправа черезъ По, гдѣ должно было произойти генеральное сраженіе съ Меласомъ, которому въ случаѣ побѣды будутъ отрѣзаны всѣ пути къ отступленію.

МАРШАЛЪ БЕРТЬЕ.
Картина Гро (фотографія Брауна).

Миланъ былъ взятъ почти безъ боя, но положеніе Массены оставалось по прежнему безнадежнымъ.

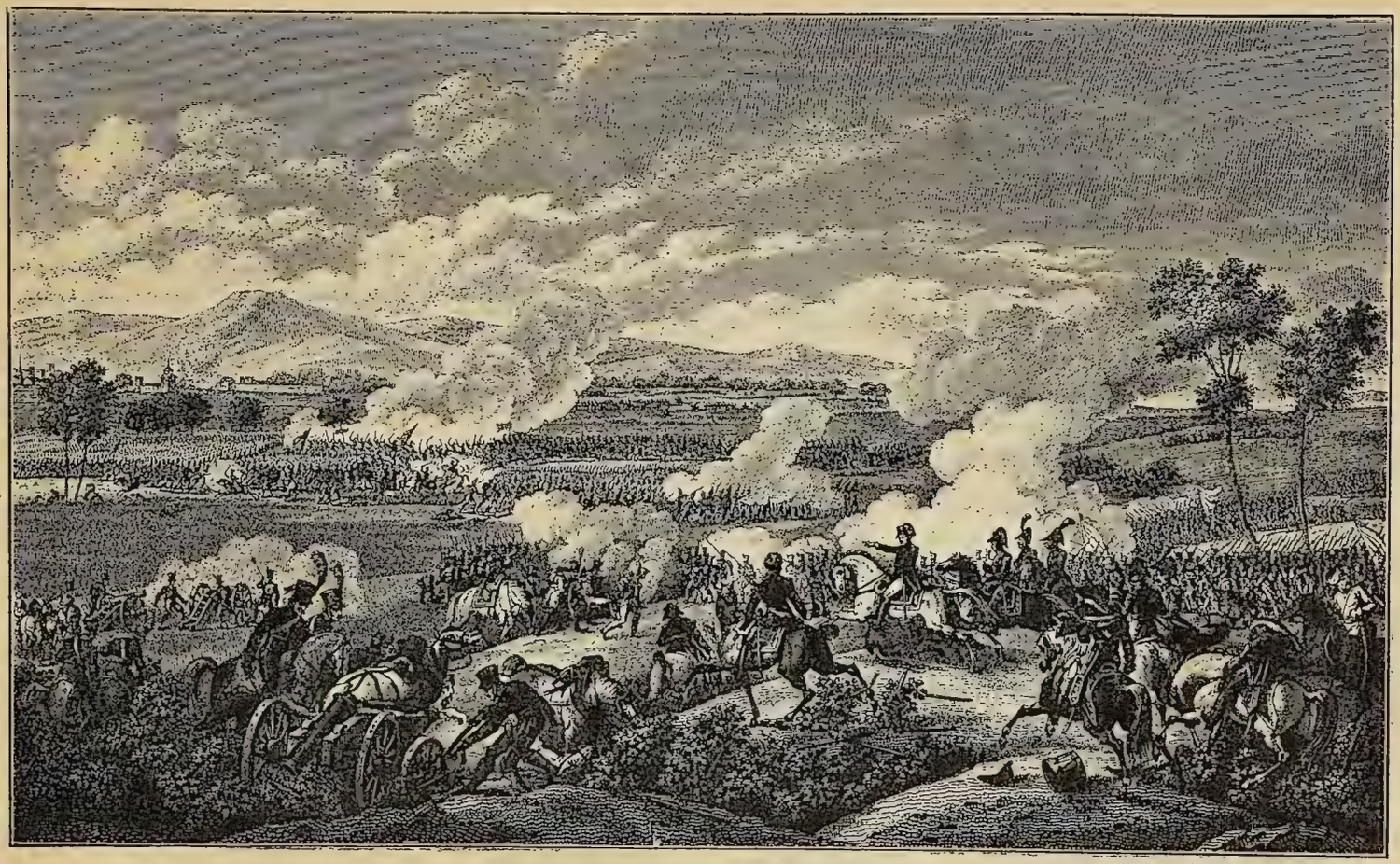
Съ моря Геную блокировалъ флотъ англичанъ, съ суши обступала въ нѣсколько разъ сильнѣйшая рать австрійцевъ. Еще въ апрѣлѣ въ городѣ уже не хватало провіанта. Прошелъ май, наступалъ іюнь, а о помощи со стороны арміи Бертье не было ничего слышно.

* * *

Въ началѣ іюня Меласъ узналъ о внезапномъ вступленіи въ Италію всей арміи Бонапарта; тогда старый полководецъ рѣшилъ прорваться сквозь центръ французской арміи. Массена, не имѣя никакихъ извѣстій, съ каждымъ днемъ убѣждался, что его упорство ни къ чему не приведетъ и наконецъ рѣшилъ начать переговоры о сдачѣ Генуи.

Три дня, всего только три дня, продержись Массена, и австрійская

МАРЕНГО (14 іюня 1800 г.).
Картина А. Лелоза.



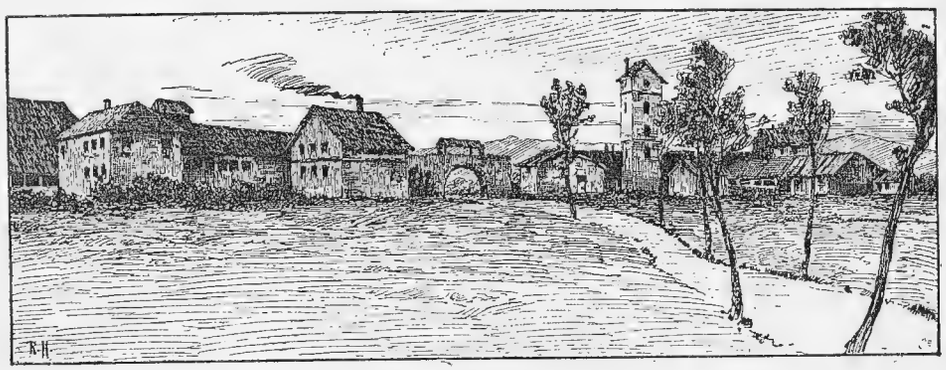
СРАЖЕНІЕ ПРИ МАРЕНГО 14 ІЮНЯ 1800 г.

Съ современнаго оригинала Мартинэ гравировано А. Бланшаромъ.

осадная армія сама бы сняла осаду. Меласъ уже звалъ ее на соединеніе съ собой. Но три лишнихъ дня въ осажденной крѣпости, съ измученными голодомъ людьми—цѣлая вѣчность.

Австрійцы милостиво согласились на выгодную для французскаго генерала капитуляцію. 4-го іюня Массена выступилъ изъ Генуи, а 6-го австрійской генералъ, осаждавшій Геную, самъ уже спѣшно уходилъ прочь, торопясь къ сборному пункту всей австрійской арміи.

Армія Бертье тѣмъ временемъ переправлялась въ трехъ мѣстахъ черезъ По. Бонапартъ самъ руководилъ изъ Милана этой переправой. На случай возможнаго отступленья укрѣплялся лагерь у Страделлы и перекидывались черезъ рѣку пять мостовъ.



МАРЕНГО (ПРИ ВЕЧЕРНЕМЪ ОСВѢЩЕНІИ).

Только восьмого іюня Бонапартъ узналъ, черезъ захваченнаго австрійскаго курьера, о сдачѣ Генуи и дальнѣйшихъ планахъ Меласа.

Отдается приказаніе консула: уничтожить первую колонну австрійцевъ, такъ какъ она, по всей вѣроятности, будетъ малочисленной.

Первая стычка однако не оправдала надеждъ Бонапарта. Австрійцы наступали густыми колоннами и оказались многочисленнѣе непріятеля. Правда, за французами было одно преимущество: французскія войска находились въ болѣе близкомъ разстояніи другъ отъ друга, чѣмъ ихъ противникъ.

Французы вышли побѣдителями изъ первой стычки, но главныя сраженія были еще впереди. Всегда вѣрный своему убѣжденію, что военное искусство требуетъ сосредоточенія на мѣстѣ рѣшительнаго боя по возможности всѣхъ силъ до послѣдняго человѣка, Бонапартъ теперь измѣнилъ себѣ.

Двадцать три тысячи солдатъ было разбросано по всѣмъ сторонамъ съ цѣлью помѣшать отступленію австрійцевъ и только тридцать четыре тысячи оставалось подъ командой Бонапарта.

Мелась успѣлъ уже соединиться съ арміей, осаждавшей Геную, и стоялъ въ двухъ переходахъ отъ мало приступной крѣпости Александры. Здѣсь, на равнинѣ между Тортоной и Александрой, на полѣ близъ деревушки Маренго должна была произойти битва.

Тремя корпусами французской арміи командовали Ланнъ, Викторъ и только что вернувшійся изъ Египта Дезе. На слѣдующее утро первыя

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ДЕЗЕ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ МАРЕНГО.
Рисунокъ Лафитта.

нападенія австрійцевъ, хотя и съ большимъ трудомъ, были отражены французами.

На лѣвомъ флангѣ уже кипѣлъ горячій бой. Ланнъ просилъ подкрѣпленій. Дезе извѣщалъ, что онъ не можетъ прибыть ранѣе четырехъ часовъ. Бонапарту пришлось выдѣлить часть войска изъ своего небольшого отряда гвардіи, охранявшаго перваго консула въ Тортонѣ. Но этого было недостаточно; французы уже были выгнаны изъ Маренго. Тогда Бонапартъ отдаетъ приказъ всей своей консульской гвардіи идти навстрѣчу аттакующему врагу. Но и это помогло лишь не надолго. Линія французовъ была уже прорвана. Мелась торжествовалъ побѣду.

Усталый старикъ рѣшилъ отдохнуть. Онъ отправился въ Алек-

сандрію, поручивъ преслѣдованіе французовъ своимъ генераламъ. Разбитыя войска грудью отстаивали позиціи. Они были разбиты, но не желали еще себя признать побѣжденными.

Бонапартъ слѣзъ съ коня и сѣлъ около дороги. Онъ ободрялъ солдатъ, крича имъ, что сейчасъ двинетъ резервъ. Но гдѣ взять этотъ резервъ? Всѣ войска въ дѣлѣ... Сраженіе проиграно въ конецъ!

БОНАПАРТЪ.
Картина Давида.

Этотъ великолѣпный портретъ изображаетъ Наполеона не только, когда онъ не былъ еще консуломъ, но еще не дослужился до генерала. Подробности объ этомъ портретѣ сообщены Делеклазомъ въ его сочиненіи «Давидъ и его время».

Счастье и тутъ улыбнулось Бонапарту. Тамъ вдали показалось темное облако. То, взметая клубы пыли, мчался избавитель. На взмыленномъ конѣ несется во весь опоръ запоздавшій Дезе. За нимъ свѣжія, готовыя къ бою, войска.

Бонапартъ не медлитъ ни минуты. Ординарцы скачутъ съ приказомъ: «боевая линія строится вновь».

У знаменъ дружно встаютъ солдаты. Призывные звуки трубъ, дробь барабановъ. Драгуны Келлермана, прикрывавшіе Виктора, бѣшено мчатся впередъ. Армія Дезе, подобно лавинѣ, бросается на корпусъ австрійцевъ.

Шумъ, смятенье, крики и стоны; топотъ и ржанье коней, рокотъ трубъ и бой барабановъ.

Австрійцы въ мигъ опрокинуты и бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки...

Но побѣда стоитъ дорого. Отважный Дезе на поляхъ Маренго сложилъ свою голову.

Стратегическій планъ Наполеона оказался вѣренъ. Герой Маренго Дезе мертвъ, и честь побѣды Бонапартъ могъ вполнѣ считать за собой, тѣмъ болѣе, что только опозданіе Дезе чуть было не разрушило планъ Наполеона.

Сраженіе подъ Маренго являлось окончательной побѣдой французовъ. Оно, какъ и считалъ Наполеонъ, въ случаѣ выигрыша дѣла, должно

ПАРАДНЫЙ МУНДИРЪ И ПОХОДНЫЙ ГЕНЕРАЛЬСКІЙ МУНДИРЪ, КОТОРЫЙ НОСИЛЪ НАПОЛЕОНЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ МАРЕНГО.

Изъ коллекціи Сенскаго музея.

было привести къ полному пораженію противника, уничтожить у него всякую возможность дальнѣйшаго сопротивленія.

Побѣда при Маренго очищала Италію отъ австрійцевъ и дѣлала Францію полной хозяйкой положенія.

На Рейнѣ армія Моро наноситъ ударъ за ударомъ Австріи: быстрыми, неожиданными переходами Моро обезсилилъ войска Края. Сраженіе подъ Месекирхомъ окончилось побѣдой французовъ. Лекувръ овладѣлъ Меммингеномъ. Австрійцы отступили уже къ Ульму, когда военный министръ, знаменитый Карно, явился лично просить Моро откомандиро-

вать дивизію Лекурба въ Италію на помощь арміи Массены. Во время битвы при Маренго Моро уже занялъ Мюнхенъ, обложилъ контрибуціей въ сорокъ милліоновъ франковъ южную Италію и побѣдоносно двигался дальше.

Генералъ Меласъ созналъ вполнѣ значеніе своего пораженія. Онъ соглашался очистить всю сѣверную Италію. Только Тоскана и Анкона уцѣлѣли еще въ рукахъ Австріи.

Дѣло Наполеона было кончено.

Онъ передалъ начальство надъ арміей Массенѣ и спѣшилъ самъ въ Миланъ.

Отсюда онъ начинаетъ переговоры о мирѣ, но засиживаться въ Миланѣ не приходится; миръ нуженъ не столько Наполеону, сколько разгромленной Австріи.

Завоеваніе Италіи окончено. Наполеонъ «пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ». Франція готовитъ ему торжественную встрѣчу. Во всѣхъ городахъ его встрѣчаютъ ликующія толпы народа; въ честь побѣдителя воздвигаются тріумфальныя арки. Всюду только и разговоровъ о новомъ Ганнибалѣ, совершившемъ трудный походъ черезъ Альпы. Имя Наполеона у всѣхъ на устахъ, и изъ устъ въ уста передается молва о новыхъ подвигахъ Бонапарта, объ его славной арміи, показавшей вновь чудеса выносливости, храбрости и самоотверженія.

Наполеонъ диктуетъ условія мира Австріи. Но Австрія—союзница Англіи и ей неудобно выступать одной въ переговорахъ. Разссорить союзницъ было бы новой побѣдой.

Раздѣляй и побѣждай (divide et impera)—было девизомъ Наполеона. Но на этотъ разъ Австрія крѣпко стояла за союзъ съ Англіей.

Силы Австріи были истощены, и она жила еще послѣднимъ ихъ напряженіемъ. Она вновь собираетъ армію на смертный бой со своимъ счастливымъ соперникомъ и въ то же самое время ведетъ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ.

Переговоры не привели ни къ чему, и въ ноябрѣ вновь возобновилась третья по счету война Австріи съ Бонапартомъ.

Стотысячная армія Моро, стоявшая вдоль по берегу Изара, перешла въ наступленіе.

На помощь ему былъ готовъ Ожеро, стоявшій на Майнѣ съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ.

Брюнъ, замѣнившій Массену, начальствовалъ французской арміей въ Италіи. Мюратъ наблюдалъ за Неаполемъ, а въ Швейцаріи находился, готовый на помощь, съ пятнадцатитысячнымъ корпусомъ Макдональдъ.

Юный эрцгерцогъ Іоаннъ смѣнилъ стараго главнокомандующаго австрійской арміей. Юный вождь горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ битвы. Французскій генералъ Моро основательно изучалъ мѣстность и былъ остороженъ. Онъ менѣе всего желалъ разставаться со своею позиціей.

Утромъ 4 декабря 1800 года подъ Гогенлинденомъ произошло зна-

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГОГЕНЛИНДЕНѢ.
Картина Шопена (въ Версальскомъ музеѣ).

менитое сраженье. Двадцать тысячъ раненыхъ и убитыхъ австрійцевъ усѣяли поле кровавой бойни. Убыль въ рядахъ французской арміи была сравнительно ничтожна.

А Моро все наступалъ, тѣсня противника къ самой Вѣнѣ. Брюнъ проникъ до Тріента и шелъ на соединеніе съ Макдональдомъ, но оставшійся безъ прикрытія корпусъ Ожеро заставилъ главнокомандующаго остановить наступленіе и въ день Рождества заключить перемиріе съ врагомъ.

Австрія сама уже рѣшила вновь искать мира. Онъ былъ подписанъ на унизительныхъ для побѣжденной условіяхъ. Австрія теряла всякое значеніе среди германскихъ государствъ, въ дѣла которыхъ отнынѣ имѣлъ

уже право вмѣшательства не императоръ Римской имперіи *), а будущій императоръ французовъ Наполеонъ I. Русскій царь, Павелъ I былъ привлеченъ на сторону Франціи. Противъ англо-австрійскаго союза стояли: Россія, Данія, Швеція и Пруссія. Онѣ рѣшили противодѣйствовать англійскимъ захватамъ на морѣ. Австрія была разгромлена; противъ Англіи у Наполеона, наконецъ, отыскались союзники. Въ мечтательной головѣ Павла I уже созрѣлъ великій планъ, и онъ торопился его осуществить какъ можно скорѣе. Такимъ планомъ являлся франко-русскій походъ въ Индію для завоеванія этой жемчужины въ коронѣ англійскихъ королей...

Наполеонъ побѣдилъ. Его своенравный геній достигъ своего.

Желанный миръ наступалъ для Франціи.

Первому консулу оставалось мирнымъ путемъ упрочить дѣло революціи, сыномъ которой былъ Бонапартъ. Но Франція временъ консульства уже мало напоминала недавніе годы. Блескъ и роскошь Люксембургскаго дворца вызывали въ памяти скорѣе старую королевскую Францію, чѣмъ Францію дней революціи.

Прежній лагерь, въ которомъ жилъ походною жизнью суровый воитель, теперь напоминалъ роскошь дворцовъ царственныхъ особъ.

Первый консулъ уже утратилъ прежнюю простоту и доступность. Люди, близко его знавшіе, не узнавали «маленькаго капрала», который скромно начиналъ свою славу въ Италіи.

Теперь онъ сталъ холоденъ, суровъ и заносчивъ съ людьми; только въ обращеніи съ солдатами и простымъ народомъ онъ сохранилъ прежнюю свою привѣтливость, умѣя наружно быть ласковымъ и простымъ. Первый консулъ самъ писалъ письма своимъ ветеранамъ солдатамъ, собственноручно награждалъ ихъ почетнымъ оружіемъ и дружески трепалъ по плечу.

Недаромъ же онъ былъ любимцемъ войска и хотѣлъ во что бы то ни стало удержать эту любовь, зная какая сила кроется для него въ обожаніи и преданности арміи.

Дни и ночи проходили у Бонапарта въ работѣ. Сну онъ отдавалъ немного часовъ. Въ обществѣ бывалъ рѣдко, и только въ минуты особаго расположенія духа его покидала угрюмость и молчаливость, смѣняясь грубоватымъ добродушіемъ и даже чувствительностью.

Друзей у него не было, и онъ одинъ вынашивалъ свои планы, прежде чѣмъ ввѣрить ихъ людямъ его окружавшимъ, какъ окружаютъ блестящую планету ея спутники...

---

*) Титулъ Габсбурговъ, царствующихъ въ Австріи.

Martigny ~~Paris~~. le 28 floréal an 8 de la République

[illegible]

АВТОГРАФЪ ПИСЬМА НАПОЛЕОНА КЪ ЖОЗЕФИНѢ ИЗЪ МАРТИНЬИ ОТЪ 28 ФЛОРЕАЛЯ 6-го ГОДА РЕСПУБЛИКИ.

[illegible] ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ (180[illegible] г.)

Рисунокъ [illegible]

МИРЪ И ДОВОЛЬСТВО ПОДЪ КОНСУЛЬСКИМЪ ПРАВЛЕНІЕМЪ ВОСКРЕШАЮТЪ ВО ФРАНЦІИ СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ, ТОРГОВЛЮ И ИСКУССТВА.
(Гравюра изъ коллекціи Геннена).

ГЛАВА X.

НАДЪ ФРАНЦІЕЙ МИРЪ.

Могущество и слава.—Европа пользуется миромъ.—Полководецъ и первый гражданинъ.—Работа, работа и работа.—Новый Цезарь.—Франція устраиваетъ свою жизнь.—Довольно крови и жертвъ!—Наполеонъ - законодатель.—Первому консулу грозитъ опасность.—Друзья и враги.—Кто не за него—тотъ противъ него.—Въ союзѣ съ осторожностью.—Шпіоны открываютъ заговорщиковъ.—Моро, Пишегрю, Катудаль и герцогъ Энгіенскій.—Жестокая расправа.

ФРАНЦІЯ, которую думали европейскія государства раздавить, воспользовавшись ея внутреннимъ нестроеніемъ, выходила предъ всѣмъ міромъ въ новомъ сіяніи могущества и славы. И это сіяніе озаряло перваго консула своими лучами.

Революція явилась не только разрушеніемъ стараго зданія, но и созданіемъ на развалинахъ новаго, не бывалаго.

Смерть Клебера въ Египтѣ и неспособность его преемника, генерала Мену, заставили Бонапарта подвести итоги неудачной египетской экспедиціи. Изъ неудачнаго начала онъ сумѣлъ сдѣлать очень удачный конецъ: заставить забыть свои прошлыя похожденія въ Египтѣ.

Бездарный Мену оказался всему виною!

Египетъ возвращался Турціи, Англія, въ свою очередь, возвращала свои завоеванія и очищала Мальту. Залогомъ этого былъ миръ, давно ожидаемый миръ, Англіи съ Франціей.

Миръ, казалось, водворялся и надъ Европой. Франція могла заняться приведеніемъ въ устройство своихъ внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, вздохнуть спокойно.

Войны и неизбѣжность новыхъ войнъ всѣхъ утомили. Плугъ земледѣльца становился необходимѣе меча солдата.

Наполеонъ уже мечталъ о другихъ планахъ, но эти планы были только ему одному извѣстны въ то время... Онъ вложилъ въ ножны

ПЕРВЫЙ КОНСУЛЪ.

Рисунокъ д'Энгрэ.

саблю полководца и явился во всемъ блескѣ, какъ государственный дѣятель и управитель Франціи.

Кругомъ него, во всѣхъ отрасляхъ знанія, было столько крупныхъ талантливыхъ людей! Всѣхъ ихъ сумѣлъ къ себѣ приблизить первый консулъ. Изъ нихъ былъ составленъ и государственный совѣтъ и трибунатъ и сенатъ.

Но люди, стоящіе во главѣ управленія, должны быть близко знакомы съ жизнью страны. Бумажнымъ донесеніямъ чиновниковъ изъ провинціи нельзя вѣрить. И Наполеонъ посылаетъ лучшихъ людей

присмотрѣться на мѣстѣ, что и какъ дѣлается въ провинціи, въ департаментахъ (округахъ) Франціи. Посланные должны были изучить на мѣстахъ какъ живетъ армія, какъ и сколько собирается съ населенія налоговъ, что нужно сдѣлать для школы, каковы привычки и обычаи населенія, какъ идетъ промышленность и торговля. Узнать, словомъ, все: почему богатъ или бѣденъ народъ, чѣмъ нужно ему помочь и какъ это лучше всего сдѣлать.

КАФТАНЪ БОНАПАРТА, КАКЪ КОНСУЛА (ИЗЪ КРАСНАГО БАРХАТА СЪ ЗОЛОТЫМЪ ШИТЬЕМЪ). (Собраніе принца Виктора).

Вся эта работа, совершенная многими лицами, поступаетъ къ первому консулу. Онъ самъ все просматриваетъ, требуетъ объясненій или поправокъ, трудится по четырнадцати часовъ въ сутки.

На основаніи собранныхъ свѣдѣній издается постановленіе—руководство для чиновниковъ департаментовъ. Имъ и до сихъ поръ еще руководится Франція. Оно пережило Наполеона какъ и многіе другіе законы, изданные Бонапартомъ. Но перваго консула ждетъ еще другой, огромный трудъ: пересмотръ всѣхъ дѣйствующихъ законовъ.

Послѣ недолгой по времени, но упорной работы составляется тотъ знаменитый сводъ законовъ Франціи, который извѣстенъ подъ именемъ Кодекса Наполеона. Одна эта работа, вся прошедшая подъ контролемъ перваго консула, даетъ ему почетное имя въ ряду законодателей всѣхъ странъ. Она окончательно убѣждаетъ въ томъ государственномъ геніи, какимъ обладалъ этотъ полу-человѣкъ, полу-гигантъ. Простота, ясность, понятность и примѣнимость къ жизни составляютъ главныя черты этого труда, соединеннаго прочнѣе всякихъ завоеваній и кровавыхъ побѣдъ съ именемъ Наполеона.

И немудрено: лучшіе юристы Франціи работали надъ сводомъ. Самъ же Наполеонъ не пропустилъ ни одного изъ засѣданій комиссіи по пересмотру и внесъ въ него столько трудолюбія и здраваго смысла.

Гигантская работа потребовала для своего окончанія всего лишь годъ времени.

Далѣе необходимо было подумать и о просвѣщеніи Франціи. До сихъ поръ школами завѣдывало духовенство. Государство теперь брало образованіе народа въ свои руки. Въ каждой общинѣ Бонапартомъ учреждается низшая школа. Въ каждомъ главномъ городѣ департамента открывается среднее учебное заведеніе. Окончившіе ихъ ученики могли поступать въ гимназіи и лицеи. Гимназистовъ и лицеистовъ одѣли въ военную форму и заставили маршировать.

Франція была довольна реформами. Жизнь, какъ мятущаяся въ половодье рѣка, начинала мало-по-малу входить въ берега.

Поклонники Бонапарта сравнивали его съ Цезаремъ. Голоса недовольныхъ смолкали въ общемъ ликованіи.

ГЕРЦОГЪ ЭНГІЕНСКІЙ.
Анонимная гравюра.

Недовольными были съ одной стороны якобинцы, съ другой истинные республиканцы, дальновидно видѣвшіе въ Наполеонѣ деспота, для котораго собственный произволъ былъ закономъ; роптала и партія роялистовъ, мечтавшая обратить вновь республику въ королевство для Бурбоновъ. Роялисты раздѣлились на три группы. Одна желала видѣть на королевскомъ престолѣ жившаго въ Варшавѣ Людовика XVIII, другая свои мечты сосредоточивала на графѣ Артуа — проживавшемъ въ Англіи, наконецъ, третья покровительствовала молодому герцогу Энгіенскому.

Въ декабрѣ 1800 года роялисты партіи герцога Энгіенскаго рѣшились на отчаянный поступокъ.

По дорогѣ въ театръ, въ который долженъ былъ ѣхать первый консулъ, въ узкой улицѣ Сенъ-Никезъ была брошена адская машина.

Кучеръ Бонапарта во-время замѣтилъ опасность и свернулъ въ переулокъ. Наполеонъ былъ спасенъ. Вмѣсто него болѣе шестидесяти человѣкъ поплатились смертью и увѣчьемъ отъ происшедшаго взрыва. Блѣдный и взволнованный, но владѣющій собой, появился Наполеонъ въ ложѣ театра. Его привѣтствовали горячѣе обыкновеннаго. Судьба, какъ говорили его сторонники, сама спасала его для Франціи.

Неудавшееся покушеніе роялистовъ только еще болѣе усилило власть Наполеона.

Теперь у него были развязаны руки. Онъ могъ самъ приняться за заговорщиковъ. Франція не отвѣтитъ на его крутыя мѣры. Онѣ направлены, заявитъ Бонапартъ, къ спасенію отечества.

ПОРТРЕТЪ ГЕРЦОГА ЭНГІЕНСКАГО ВЪ ОВАЛЬНОМЪ МЕДАЛЬОНѢ, ОКРУЖЕННОМЪ АНГЕЛАМИ И УКРѢПЛЕННОМЪ НА ДЕРЕВѢ.
Съ англійской гравюры 1804 г. (коллекція Геннена).

И онъ принялся за «спасеніе» Франціи, очищая ее отъ враговъ перваго консула.

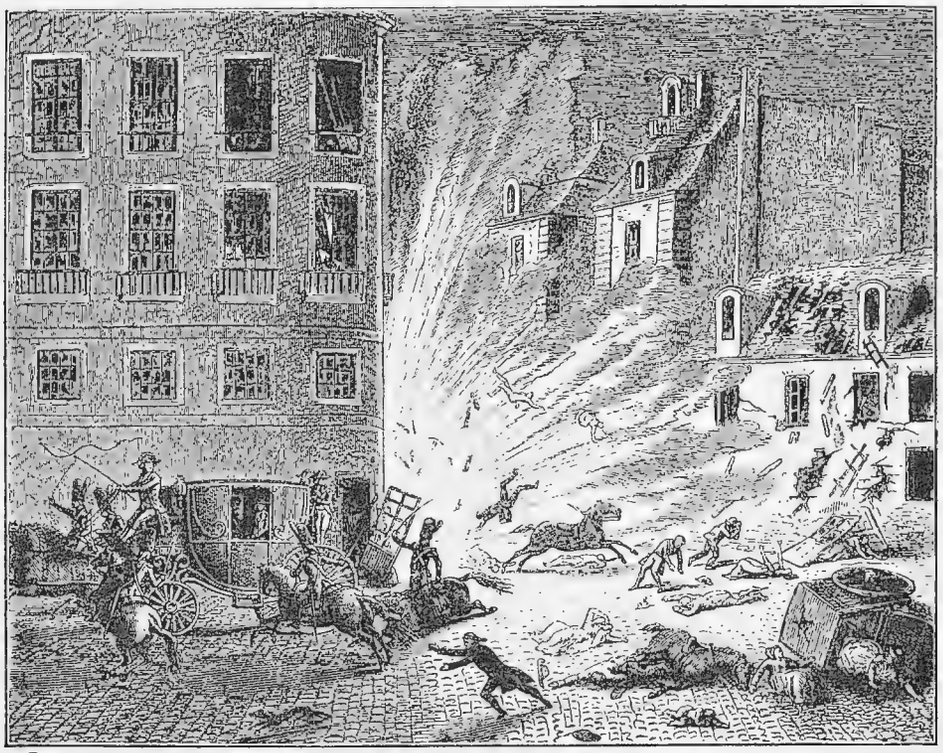
Геній Наполеона всегда былъ не разборчивъ въ средствахъ. Они, по его убѣжденію, всѣ были хороши, если только вели къ опредѣленной цѣли.

Начинается жестокая расправа съ врагами. Имя, честь, прошлыя заслуги передъ родиной не спасаютъ заподозрѣнныхъ. Сотнями ссылаются безпокойные люди изъ бывшихъ якобинцевъ и истинныхъ республиканцевъ. Всѣ они стоятъ помѣхой на пути къ славѣ Наполеона. Государственный совѣтъ, сенатъ, трибунатъ, даже армія очищается отъ такихъ вольнодумцевъ Идутъ въ ссылку, обреченные на раннюю смерть, одни подъ тропики на Сеншальскіе острова Индійскаго океана, другіе на смерть и казнь.

За месть Наполеонъ платитъ сторицею. Онъ ни передъ чѣмъ не

останавливается и съ упорствомъ, избалованнаго властью, тирана грозитъ уничтожить весь трибунатъ.

— Тамъ,—раздраженно говоритъ, забывшій обо всемъ, кромѣ личной мести Бонапартъ,—засѣдаетъ двѣнадцать, или пятнадцать людишекъ, годныхъ развѣ на то, чтобы ихъ утопить. Они,—продолжаетъ онъ, за-



ВЗРЫВЪ АДСКОЙ МАШИНЫ НА СЕНЪ-НИКЕЗСКОЙ УЛИЦѢ 24 ДЕКАБРЯ 1800 г.
По современной гравюрѣ.

бывъ о былыхъ услугахъ этихъ людей,—представляются мнѣ чѣмъ то въ родѣ мерзкихъ насѣкомыхъ, которыя завелись у меня въ платьѣ, но я не позволю имъ загрызть меня. Нѣтъ, я не потерплю ничего подобнаго.

Лучшіе люди, какъ Дону, Констанъ и Шенье, покидаютъ сенатъ и туда заползаютъ люди, умѣющіе низко гнуть спину и покорствовать силѣ. Въ законодательное собраніе, вмѣсто прежнихъ блестящихъ юристовъ, вводится 15 генераловъ и полковниковъ и 25 чиновниковъ, послушныхъ слугъ новаго консула.

По поводу утвержденія Аміенскаго мира, такому обновленному трибунату представился случай высказать первому консулу признательность всего народа.

Консулъ былъ польщенъ, но отказался принять кромѣ признательности еще подарокъ, въ видѣ дворца Сенъ-Клу.

Онъ не приметъ такого дара, пока будетъ оставаться на должности.

Предложеніе трибуната, однако, было внесено въ сенатъ. Высшее учрежденіе республики должно было точнѣе истолковать чувства всего французскаго народа.

Сдѣлать это было не легко, не обратившись къ самому народу, но сенатъ нашелъ выходъ. Онъ предложилъ объявить генерала Бонапарта *пожизненнымъ консуломъ* и сдѣлать эту должность наслѣдственной въ его семьѣ.

Но и въ обновленномъ сенатѣ нашлись, однако, люди, которые сочли такой шагъ оскорбленіемъ республиканскихъ убѣжденій консула. Было рѣшено продлить полномочія перваго консула еще на десять лѣтъ.

Наполеонъ пришелъ въ ярость. Сенатъ подрѣзалъ его надежды. Но онъ явился на засѣданіе съ благодарностью, спокойный, владѣющій собой. Преданный Люсьенъ и мудрый Камбасересъ уже подготовляли развязку. Они рѣшили обратиться съ воззваніемъ прямо къ народу.

Наполеонъ въ слѣдующемъ же засѣданіи сената напрямикъ заявилъ, что безъ согласія народа онъ не сдѣлаетъ шага, и предложилъ обратиться ко всей Франціи съ вопросомъ: «надлежитъ ли Наполеону Бонапарту быть пожизненнымъ консуломъ?»

Услужливый Редереръ прибавилъ: «съ правомъ назначенія преемника».

Бонапартъ былъ искренно разсерженъ. Онъ взялъ перо и вычеркнулъ фразу Редерера. Не все сразу!

Черезъ три мѣсяца три милліона французовъ отвѣтили: «да». И только нѣсколько тысячъ отвергли пожизненное консульство, справедливо видя въ этомъ шагѣ покушеніе на цѣлость республики и оскорбленіе свободы Франціи.

Честный Лафайетъ, только что освобожденный изъ австрійской тюрьмы Бонапартомъ, имѣлъ гражданское мужество написать Наполеону, спрашивая, «неужели онъ стремится, чтобы всѣ побѣды и кровопролитія, дивные подвиги и страданія въ прошломъ привели лишь къ правительственному произволу?»

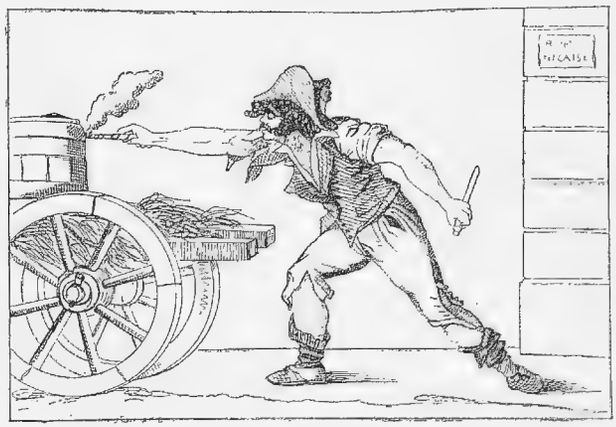
Наполеонъ не остановился. Его произволъ освящала Франція и дѣлала его закономъ.

Всѣ, кто стояли поперекъ его пути, должны были посторониться. Увѣренный въ себѣ, онъ уже шелъ напрямикъ, оставивъ осторожность и окольныя дороги.

На его пути встрѣтились непокорные—онъ отправилъ ихъ въ ссылку. Роялисты вновь грозятъ заговоромъ, но заговоры не страшны. Солдаты караулятъ дворецъ Бонапарта; разставляется цѣлая сѣть шпіоновъ, легіоны которыхъ числятся на службѣ у перваго консула.

Дырявой сѣтью Бонапартъ думалъ выловить всю рыбу въ морѣ!

Одинъ за другимъ открываются шпіонами заговоры противъ Наполеона, или, какъ говорили тогда, противъ республики, хотя главнымъ заговорщикомъ противъ нея былъ самъ ея первый консулъ, дерзко попирая всѣ республиканскіе законы и установленія.



АДСКАЯ МАШИНА.
Современная гравюра.

Обвиненіе коснулось даже такого славнаго генерала, какъ соперникъ Бонапарта—Моро.

Шпіоны заявили, что Моро держится независимыхъ взглядовъ и не раздѣляетъ общаго восторга предъ Наполеономъ. Но этого для обвиненія Моро было мало.

Тогда выдвигается клевета, что этотъ честный республиканецъ замѣшанъ въ заговорѣ роялистовъ Пишегрю и Кадуталя.

Моро и Кадуталь! Честность и подлость!

Моро, искренно негодовавшій на превышеніе полномочій со стороны консула, желавшій раскрыть глаза французамъ на правду, былъ очернѣнъ въ заговорѣ вмѣстѣ съ тѣми роялистами, которыхъ ненавидѣла нація не меньше чѣмъ самъ Моро.

Полиція пустила всѣ хитрости и опозоренному Моро пришлось поступиться былой славой и очистить путь Бонапарту...

Однако, при всей низости подкупленнаго суда, судьи не вынесли смертнаго приговора герою рейнской арміи. Его присудили къ двухгодичному заключенію въ тюрьмѣ, но Бонапартъ былъ радъ избавиться отъ такого узника.

Правда всегда могла всплыть наверхъ и Моро предложили уѣхать изъ предѣловъ Франціи; имѣнія же генерала были взяты въ казну. Другой генералъ—завоеватель Голландіи—Пишегрю кончилъ самоубійствомъ въ тюрьмѣ, а Кадуталь былъ разстрѣлянъ.

Но сами претенденты на французскій престолъ боялись переступить границу Франціи. Людовикъ, никогда не царствовавшій, но почему то принявшій титулъ XVIII-го, благополучно проживалъ въ Варшавѣ; графъ Артуа находился подъ кровомъ гостепріимной Англіи, а наиболѣе сильный соперникъ ихъ, изъ фамиліи знаменитаго полководца Людовика XIV великаго Кондэ,—молодой герцогъ Энгіенскій—проживалъ на самой границѣ Франціи въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Страсбурга. Онъ рвался на англійскую службу и мечталъ сражаться въ рядахъ англичанъ противъ Бонапарта, мало думая о коронѣ Франціи.

НАПОЛЕОНЪ КОНСУЛЪ.
Современная гравюра.

Шпіоны консула захватили герцога въ замкѣ подъ Страсбургомъ, для поимки были командированы французскія войска. Жилище герцога было оцѣплено войсками, герцогъ схваченъ и доставленъ въ Венсенскій замокъ.

Тюремная келья, быстрый судъ и смертная казнь... Еще однимъ соперникомъ для Бонапарта становилось меньше на жизненномъ пути!

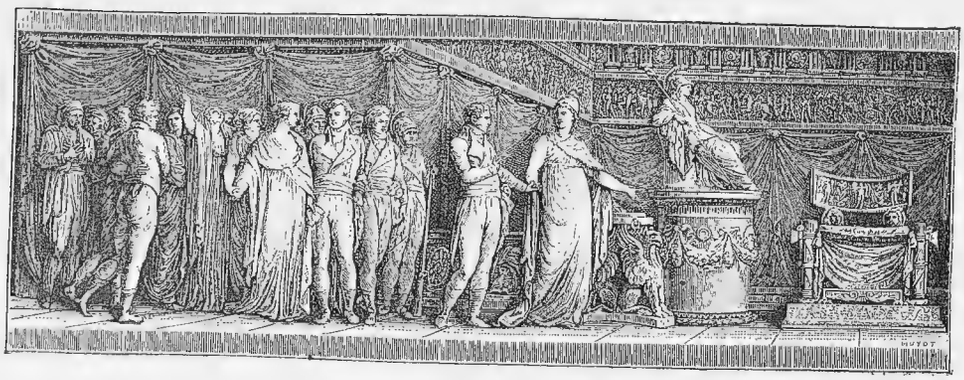
Казнь герцога пошатнула было обаяніе имени Бонапарта. Во всякомъ случаѣ онъ переживалъ одну изъ трудныхъ минутъ. Предъ нимъ все еще, какъ и раньше стояли, какъ вѣнецъ всей жизни, или безграничная власть надъ Франціей, или эшафотъ... Казнь герцога больше повредила Наполеону, чѣмъ принесла пользы.

Европа равнодушно промолчала. Одинъ лишь русскій царь осмѣлился намекнуть о своемъ отвращеніи къ кровавой расправѣ.

Событія опережали событія. Его консульское величество—новый титулъ Бонапарта—былъ поглощенъ другими дѣлами.

Роялисты не пользовались любовью народа во Франціи, не желавшаго вовсе возвращенія къ старинѣ, къ днямъ королевской власти.

Послѣ ига Бурбоновъ даже тяжелая рука Наполеона казалась легкой; она окружала республиканскую, уже по одному названію, Францію славой и побѣдами...



НАПОЛЕОНЪ, ПРОВОЗГЛАШЕННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ.
Стѣнная живопись Аппіани (въ Миланѣ).

ГЛАВА XI.

ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

Потомственное консульство.—Адресъ сената.—Императоръ французовъ.—Новый дворъ и прежняя роскошь.—Возвращеніе къ старому.—Слава—лучшая корона въ мірѣ.—Великіе планы.—Миръ оконченъ.—Вѣнецъ Ломбардіи.—Англія вооружается.—Поединокъ Геркулеса съ Тритономъ.

13 марта 1804 года сенатъ, отъ имени народа, поднесъ первому консулу благодарственный адресъ. Въ этомъ адресѣ сенатъ предлагалъ Бонапарту принять мѣры къ сохраненію для потомства всего сдѣланнаго консуломъ для Франціи, т.-е., другими словами, Бонапартъ долженъ былъ закрѣпить въ потомствѣ за своимъ семействомъ консульскую власть.

Народъ и армія не имѣли ничего противъ такого шага. Но Бонапартъ дѣйствовалъ осторожно. Онъ все еще игралъ роль перваго гражданина великой республики и, для вида, ничего не желалъ дѣлать безъ согласія народа.

Однажды онъ заявилъ въ сенатѣ, что ему очень бы хотѣлось въ день республиканскаго праздника, 14 іюля, обратиться къ французскому народу съ такимъ воззваніемъ:

— 15 лѣтъ тому назадъ вы въ благородномъ порывѣ устремились къ оружію, чтобы завоевать себѣ свободу, равенство и славу. Теперь эти важнѣйшіе вопросы прочно обезпечены и ограждены отъ всякихъ бурь; они окажутся сохраненными для васъ и для дѣтей вашихъ.

Сенатъ, послушное орудіе въ рукахъ Бонапарта, ничего не имѣлъ

противъ такого обращенія консула къ народу. А одинъ изъ услужливыхъ членовъ трибуната уже заготовилъ проектъ превращенія французской республики въ Имперію. Проектъ былъ встрѣченъ сочувственно.

Изъ сенаторовъ образовалась особая комиссія, и она спросила у консула,—какой изъ трехъ титуловъ онъ бы предпочелъ выбрать: консула, штадтгальтера или императора (т.-е. полководца).

Наполеонъ выбралъ послѣдній.

НАПОЛЕОНЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВЪ СЕНЪ-КЛУ СЕНАТСКОЕ РѢШЕНІЕ, ПРОВОЗГЛАШАЮЩЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРОМЪ ФРАНЦІИ (18 МАЯ 1804 г.).

Камбасересъ и Лебренъ вручаютъ актъ первому консулу. Позади его: г-жа Бонапартъ, ея дочь Гортензія и г-жа Мюратъ (Каролина Бонапартъ).

Живопись Руже. Версальскій музей.

Титулъ императора напоминалъ о величіи древней римской республики, когда вождь войска принималъ это почетное званіе. Вскорѣ же сенатомъ было постановлено, что Наполеону Бонапарту надлежитъ поручить управленіе Франціей, присвоивъ ему титулъ императора. При этомъ императорская власть должна быть наслѣдственной для потомковъ Бонапарта.

Въ трибунатѣ почти никто не выразилъ протеста. Всѣмъ казалось, что такъ это и должно было произойти. Только одинъ благородный республиканецъ Карно, вѣрный борецъ за свободу, пострадавшій уже не разъ за нее, возвысилъ голосъ противъ наслѣдственности императорской власти. По его мнѣнію, всему должны быть предѣлы; распространяя почетъ, выказываемый отечествомъ Наполеону, и на его потомковъ, Фран-

ція поступаетъ неблагоразумно. Карно напомнилъ, что Коммодъ *) былъ роднымъ сыномъ Марка Аврелія.

НАПОЛЕОНЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.
Портретъ Лефевра (Версальскій музей).

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ порѣшенъ: трибунатъ не послушалъ голоса благороднаго Карно.

Немедленно созывается законодательный корпусъ. Своимъ одобре-

*) Римскій императоръ, извѣстный своею жестокостью. Его отецъ Маркъ Аврелій считался образцомъ справедливости.

ніемъ онъ давалъ силу закона всѣмъ постановленіямъ трибуната. Быстро, съ лихорадочной поспѣшностью, новый законъ вносится въ государственный совѣтъ и отсылается для разсмотрѣнія въ сенатъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЖОЗЕФИНА.
Портретъ кисти Ф. П. Жерара.

Все разыгрывается, какъ по нотамъ. Сенатскій декретъ (указъ) готовъ. Его везутъ въ Сенъ-Клу къ первому консулу.

Сенатъ признавалъ имперію, а на другой день на голосованіе народа ставится вопросъ: долженъ ли императорскій престолъ быть наслѣдственнымъ въ семьѣ императора? Народъ большинствомъ голосовъ отвѣтилъ: «да».

Императоръ Наполеонъ I былъ объявленъ императоромъ французовъ «волею народа»...

* * *

Пышный консульскій дворъ смѣняется еще болѣе пышнымъ дворомъ императора; появляются новыя должности. Близкіе къ Наполеону люди получаютъ титулы—великаго избирателя, великаго канцлера и великаго казначея. Камбасересъ назначенъ канцлеромъ, Лебренъ—казначеемъ, старшій братъ Наполеона, Жозефъ,—избирателемъ. Генералы—сподвижники и наперсники славы Бонапарта—облечены званіемъ маршаловъ. Среди маршаловъ весь цвѣтъ французской арміи: храбрый Журданъ и ревностный исполнитель приказаній Бонапарта—Бертье, герой Риволи—Массена и грубый вояка, сынъ народа—Ожеро, побѣдитель Голландіи—Брюнъ и прославившійся въ Египтѣ—Даву, лихой кавалеристъ—Мюратъ, а рядомъ съ нимъ генералы, пользующіеся славой храбрецовъ въ войскахъ—Ланнъ и Ней, Бернадотъ и Сультъ, Монсей и Мортье. Обучившій Наполеона грамотѣ дядюшка—кардиналъ Фешъ—пожалованъ званіемъ «великаго раздавателя милостыни». Бывшій второй консулъ Дюрокъ зачисленъ оберъ-гофмаршаломъ. Дружески расположенный только къ самому себѣ Талейранъ остался министромъ внутреннихъ дѣлъ и назначенъ оберъ-камергеромъ. Маршалъ Бертье—егермейстеромъ, а Каленкуръ—шталмейстеромъ.

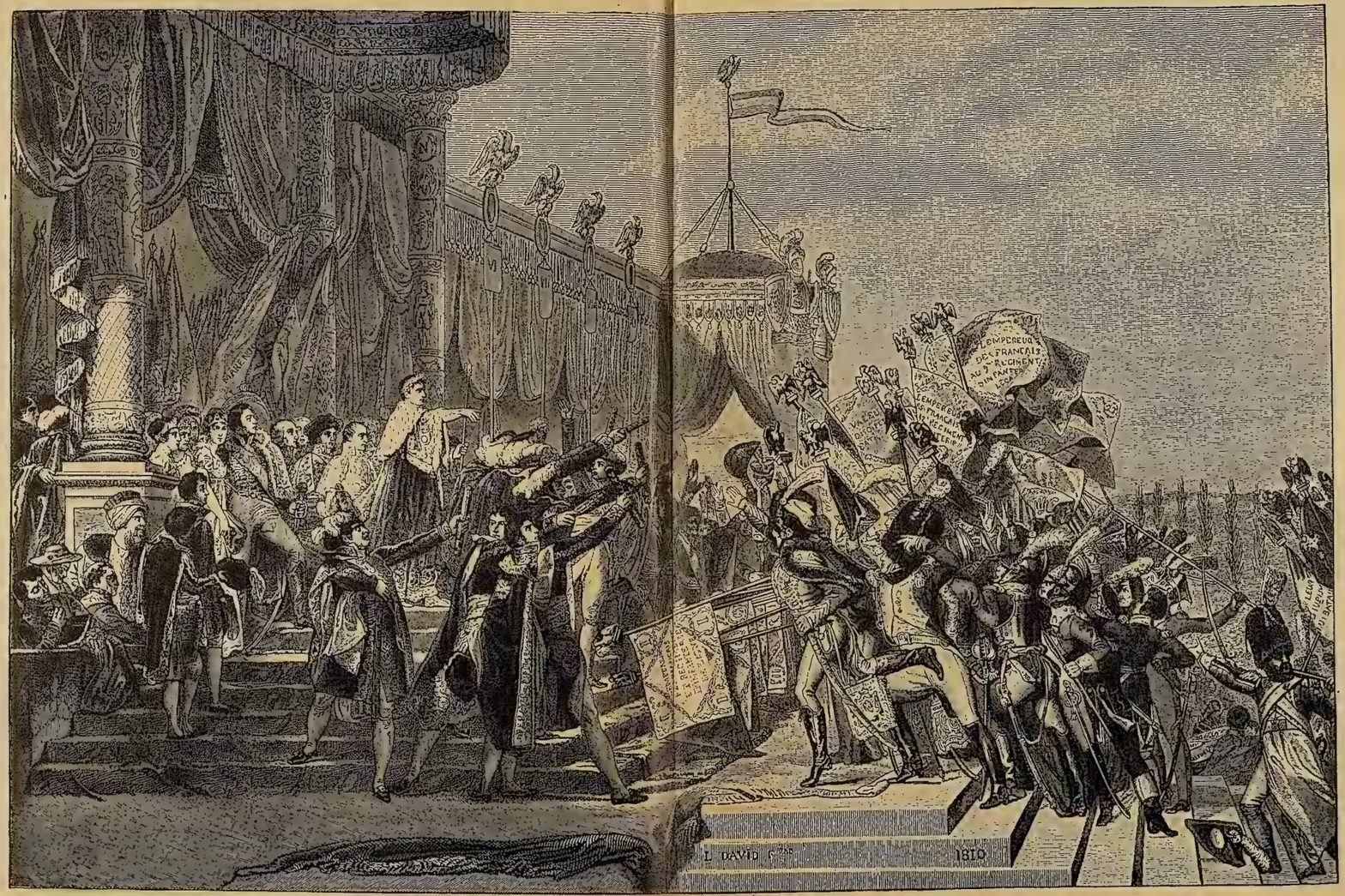
Вся эта блестящая компанія, большинство членовъ которой были настоящими дѣтьми народа, пробившимися сквозь нужду, бѣдность и неизвѣстность къ славѣ, очень мало походила на утонченную толпу изысканныхъ царедворцевъ. Знатоковъ придворныхъ церемоній было невозможно отыскать среди дѣтей революціи. Блюстителемъ придворнаго этикета пришлось сдѣлать графа Сегюра, служившаго раньше при дворѣ Людовика XVII и бывшаго посланникомъ при русскомъ дворѣ. А статсъ-дама казненной королевы Маріи Антуанеты, госпожа Компань, должна была обучать хорошимъ манерамъ, не знавшихъ ихъ, придворныхъ дамъ, назначенныхъ къ новому императорскому двору.

Наполеонъ былъ бездѣтенъ, и въ случаѣ смерти онъ не оставлялъ послѣ себя прямого наслѣдника. Былъ изданъ законъ, согласно которому послѣ кончины Наполеона I престолъ переходилъ къ старшему брату Жозефу, а въ случаѣ смерти послѣдняго къ сыну послѣдняго Луи. Оба они были объявлены императорскими принцами.

Геральдическимъ гербомъ своей имперіи Наполеонъ избралъ символъ священной римской имперіи: парящаго въ воздухѣ орла.

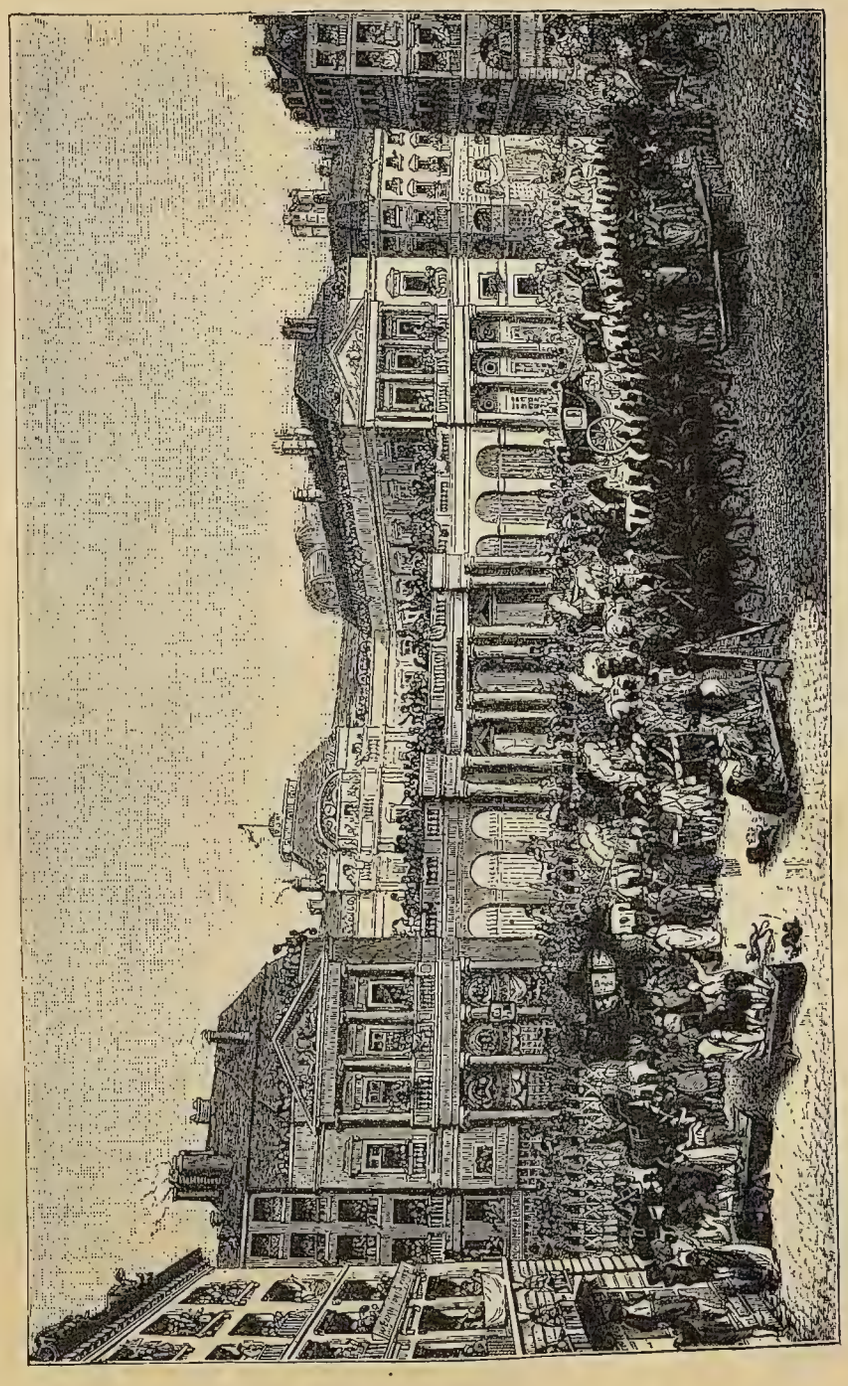
Такимъ образомъ, геніальный, выдающійся по своимъ способностямъ человѣкъ входилъ въ семью государей Европы. Величайшій полководецъ въ мірѣ и величайшій государственный дѣятель мѣнялъ свою особую судьбу на корону.

18 мая 1804 года французская республика осталась существовать



РАЗДАЧА НАПОЛЕОНОМЪ ОРЛОВЪ АРМІИ 5 ДЕКАБРЯ 1804 ГОДА.

Картина Давида.



КОРОНАЦІОННОЕ ШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА НА ПУТИ ВЪ СОБОРЪ БОГОМАТЕРИ.
Гравюра 1800 г.

лишь на бумагѣ. Парижъ увидѣлъ снова блескъ и роскошь, которую онъ забылъ во времена революціи. Тюльерійскій дворецъ засіялъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, нимало не уступая роскошью и блескомъ сіянію померкнувшей славы Бурбоновъ.

Императоръ съ императрицей отправились въ поѣздку по городамъ Франціи. Они посѣтили Тулонъ и остановились въ Ахенѣ—древней столицѣ Карла Великаго, на самой границѣ Германіи.

А гроза собиралась. Отдаленные раскаты грома уже гремѣли. Кое гдѣ вспыхивали молніи.

Англія собиралась къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; Австрія готова была отомстить за свое униженіе; русскій императоръ Александръ I видѣлъ въ Наполеонѣ опаснаго соперника; Пруссія сторонилась союза съ Франціей.

Призракъ войны надвигался.

Наполеонъ напрасно увѣрялъ всѣхъ въ своемъ миролюбіи.

«Императоръ французовъ желаетъ только мира,—оповѣщалъ Талейранъ, министръ иностранныхъ дѣлъ и правая рука Наполеона.—Но,—прибавлялъ Талейранъ,—уповая на Бога и на свою армію, онъ не имѣетъ надобности кого-либо бояться».

Въ Булонѣ уже происходили приготовленія; французской эскадрѣ изъ 10 линейныхъ судовъ было предписано выйти изъ Тулона. Она должна была отвлечь вниманіе англійскаго адмирала Нельсона и обмануть его, будто-бы французы намѣреваются высадить войска въ Египтѣ. Послѣ этого эскадра должна была внезапно перемѣнить курсъ и ускользнуть изъ Средиземнаго моря. Въ Рошфорѣ эскадра соединится съ шестью линейными кораблями и войдетъ въ Дуврскій каналъ, т.-е. къ самымъ берегамъ Англіи.

Кончина адмирала Трувеля помѣшала осуществленію этого плана. Высадка на берега Англіи была отложена. Но миръ становился непрочнымъ. Миръ былъ только передышкой передъ новой бойней. Въ него не вѣрили ни Георгъ III, ни самъ Наполеонъ. Англія не желала поступиться своимъ владычествомъ на моряхъ. Первый консулъ, говорящій отъ лица всей Франціи, не желалъ умѣрить свое честолюбіе. Аміенскій миръ оказался непрочнымъ.

Наполеонъ еще раньше, при самомъ заключеніи мира, заявлялъ, что онъ «будетъ радъ, если его заставятъ взяться за оружіе прежде, чѣмъ оно успѣетъ заржавѣть»

Союзница Франціи—Испанія – уже начинала вооруженную борьбу съ Англіей. Среди тревожныхъ слуховъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1804 года новый императоръ французовъ рѣшилъ торжественно возложить на себя императорскій вѣнецъ.

Самъ папа долженъ былъ короновать Наполеона въ Парижѣ. Намѣстникъ св. Петра относился очень недружелюбно къ выскочкѣ, захватившему престолъ Франціи. Но папа былъ въ то же самое время и свѣтскимъ государемъ, землямъ котораго не разъ уже грозилъ Бонапартъ. Папѣ, подобно многимъ, пришлось преклониться предъ силой. Онъ выѣхалъ изъ Рима въ Парижъ.

Въ церкви Парижской Божьей Матери, 2 декабря 1805 года, состоялась торжественная церемонія: возложеніе короны на императора Наполеона I.

* * *

Блестящій парадный нарядъ. Бархатная мантія, подбитая горностаями, сверкающіе огнями брилліанты, сапфиры и рубины въ коронѣ. Императорскій скипетръ, украшенный парящимъ орломъ, давно уже были заготовлены и ждали начала церемоніи.

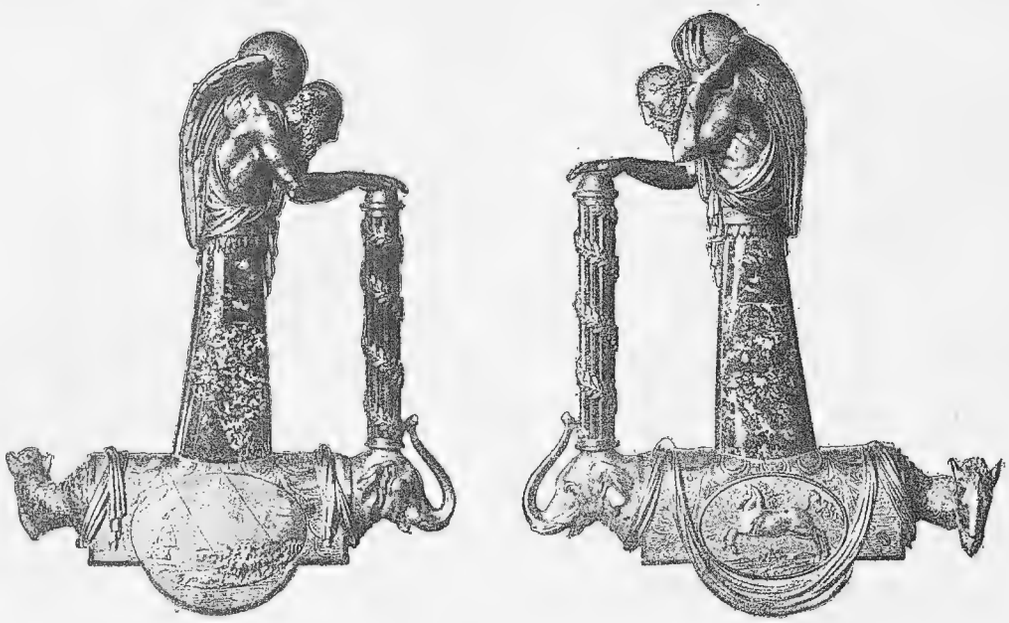
ТРОНЪ НАПОЛЕОНА I ИЗЪ КРАСНАГО ДЕРЕВА СЪ ПОЗОЛОТОЮ И ЗОЛОЧЕНЫМИ БРОНЗОВЫМИ УКРАШЕНІЯМИ. (ВО ДВОРЦѢ ВЪ ФОНТЕНЕВЛО).

Воскресный день. Раннее утро. Блестящая процессія выходитъ изъ Тюльерійскаго дворца. Она торжественно направляется въ соборъ Парижской Богоматери. Холодно и грязно. Вѣтеръ гонитъ по небу низкія тучи, но улицы Парижа полны народомъ. Фасады домовъ разукрашены коврами и флагами.

Вотъ ѣдутъ въ роскошныхъ экипажахъ придворные. Шелкъ, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни. Блестятъ на солнцѣ каски кирасиръ, сверкаютъ ружья пѣхоты, чернѣютъ мохнатыя шапки гренадеръ. Дальше—германскіе государи въ пестрыхъ костюмахъ; члены провинціальныхъ депутацій; военные, сенаторы, члены государственнаго совѣта... Вотъ тихохонько на мулѣ ѣдетъ разодѣтый камергеръ папы. За нимъ, въ придворной каретѣ, слѣдуетъ самъ святой отецъ.

Толпа падаетъ на колѣни. Внезапно смолкаетъ смѣхъ, веселыя лица дѣлаются серьезными. Папа благословляетъ народъ.

Проходитъ минута—другая... Рядъ всадниковъ. Впереди гарцуетъ на лошади Мюратъ, а за нимъ широкимъ пестрымъ строемъ надвигаются эскадроны конницы, извиваясь безконечной лентой. За конницей императорская карета, обитая пурпуромъ и золотомъ. Наверху сверкаетъ золотая императорская корона. Восемь коней въ расшитыхъ чепракахъ тихо подвигаются впередъ. Въ каретѣ императоръ съ императрицей; напротивъ нихъ наслѣдные принцы Жозефъ и Луи.



РУКОЯТКА ПОЧЕТНОЙ САБЛИ, ПОДНЕСЕННОЙ ГЕНЕРАЛУ БОНАПАРТУ ГОРОДОМЪ МАРСЕЛЕМЪ.

Грохотъ артиллерійскихъ орудій, крики народа. А дальше медленно ползетъ безчисленное множество каретъ, запряженныхъ шестеркой и полныхъ придворными.

Въ соборѣ, залитомъ народомъ, хоръ громко привѣтствуетъ прибытіе папы. Вскорѣ въ соборъ вступаетъ и императоръ. Онъ проходитъ прямо въ ризницу. Оттуда уже облеченный въ императорскую мантію, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, вмѣстѣ съ императрицей, онъ торжественно идетъ на середину храма и останавливается противъ главнаго алтаря. Жозефъ, Луи, Камбасересъ и Лебренъ несутъ шлейфъ императорской мантіи.

Двадцать тысячъ присутствующихъ привѣтствуютъ появленіе Наполеона восторженными криками:

— Да здравствуетъ императоръ!

Папа сходитъ со своего престола и возглашаетъ:

— Veni victor! т.-е. приди, побѣдитель.

Послѣ молебна, окруженные прелатами, Наполеонъ и Жозефина подошли къ ступенямъ главнаго алтаря и преклонили колѣна. Началась обѣдня. Во время ея наступилъ короткій перерывъ, когда императоръ долженъ былъ получить изъ рукъ папы знаки царской власти: кольцо, мантію и корону. Онъ принялъ кольцо, облачился въ мантію, но, когда папа поднялъ корону и хотѣлъ надѣть ее на голову Наполеона, императоръ сдѣлалъ два рѣзкихъ шага впередъ, схватилъ корону руками и самъ плотно водрузилъ ее себѣ на голову. Онъ не хотѣлъ получать короны изъ чьихъ-либо рукъ. Онъ самъ завоевалъ ее себѣ.

НАПОЛЕОНЪ—ИМПЕРАТОРЪ.
Портретъ кисти Давида.

Императоръ принесъ присягу. Герольдъ выступилъ впередъ и провозгласилъ:

— Трижды славный и трижды августѣйшій императоръ Наполеонъ коронованъ и возсѣлъ на престолъ! Многая лѣта императору!

— Да здравствуетъ императоръ! — громко раздалось подъ сводами храма.

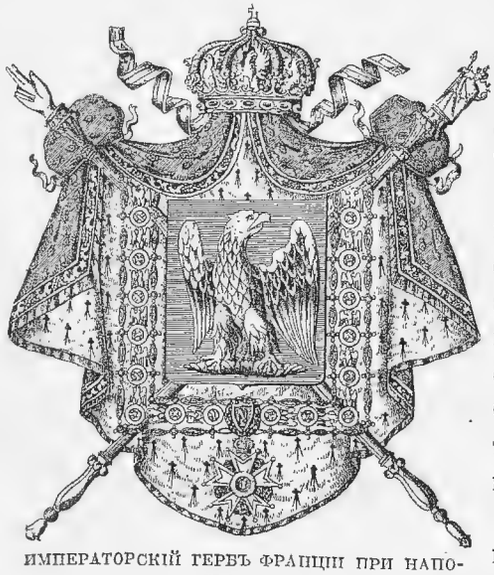
Пушечная пальба возвѣстила всему Парижу, что обрядъ коронаціи оконченъ.

Наполеонъ выигралъ сраженіе. Коронація закрѣпляла и освящала власть въ глазахъ массы народа.

Начался рядъ блестящихъ торжествъ и празднествъ. Но императоръ былъ мраченъ. Онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Предъ нимъ опять выступали тѣ планы, которые до сихъ поръ не были еще приведены въ исполненіе. Онъ вѣрилъ, что война въ Европѣ невозможна безъ могу

щественной арміи. Послѣдняя же требуетъ крупныхъ расходовъ. На вооруженіе такой арміи необходимо было 30 милліоновъ франковъ. Но этотъ расходъ давалъ за то возможность Наполеону опередить всѣхъ враговъ и начать кампанію первымъ. Планы, еще неизвѣстные ни для кого, становились мало-по-малу все яснѣй и яснѣй.

Въ минуту откровенности Наполеонъ самъ высказывалъ убѣжденіе, что все сдѣланное имъ до сихъ поръ ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что ему предстоитъ еще совершить. Прошедшее было только началомъ; конецъ же настанетъ тогда, когда въ Европѣ установится одна власть императора французовъ, а слугами его будутъ всѣ короли и князья. Только тогда водворится миръ.



ИМПЕРАТОРСКІЙ ГЕРБЪ ФРАНЦІИ ПРИ НАПОЛЕОНѢ I.
Изъ книги гербовъ I. Зибмахера.

Вчерашній полководецъ, баловень счастья и любимецъ дружинъ, сегодня говоритъ уже тономъ настоящаго владыки, упрямаго, своевольнаго и себялюбиваго. Онъ уже видѣлъ себя въ мечтахъ царемъ царей, и безцеремонно распоряжался и съ картой Европы, и съ судьбами странъ и ихъ правителей.

Но самъ онъ старался во всемъ походить на послѣднихъ и такъ-же какъ они умѣлъ мало уважать въ своихъ подданныхъ права человѣка. Правда, онъ иногда вспоминалъ, что кромѣ военныхъ трофеевъ и славы государству нужна мирная созидательная работа. На эту работу у французской казны не хватало денегъ. Она пополнялась только военными контрибуціями съ побѣжденныхъ народовъ.

Пришлось придумать новую систему налоговъ. Для того чтобы сдѣлать изъ Парижа центръ искусства, науки, образованности и литературы, императоръ не щадилъ денегъ на поддержку искусства, на процвѣтаніе науки; но онъ ревниво слѣдилъ за литературой, и наполеоновская цензура проглатывала все, что ей было не по нраву. Такой пищи для цензуры находилось всегда много и съ каждымъ годомъ дѣлалось все больше. Писатели стремились высказать правду. Наполеонъ же хотѣлъ, чтобы они ему воспѣвали хвалу. И лучшимъ писателямъ пришлось замолкнуть, а въ похвалахъ льстецовъ сильнымъ никогда не бывало недостатка...

* * *

Англія не даетъ Наполеону покоя. Онъ пишетъ письмо къ королю Георгу III, проситъ не отклонять отъ себя счастья: даровать міру миръ. Но письмо осталось безъ всякаго отвѣта. Война съ Англіей становится неизбѣжной. Россія недовольна, но еще молчитъ.

Наполеону желательно было бы поставить въ такое же молчаливое положеніе и Австрію. И онъ уже придумалъ планъ для достиженія этого. Въ Италіи, которая преобразовалась въ монархію, населеніе готово на

МЕДАЛЬ НА ИЗБРАНІЕ НАПОЛЕОНА ВЪ ИМПЕРАТОРЫ.

все, лишь бы только избѣжать уплаты денежныхъ налоговъ Франціи и избавиться отъ французскихъ чиновниковъ.

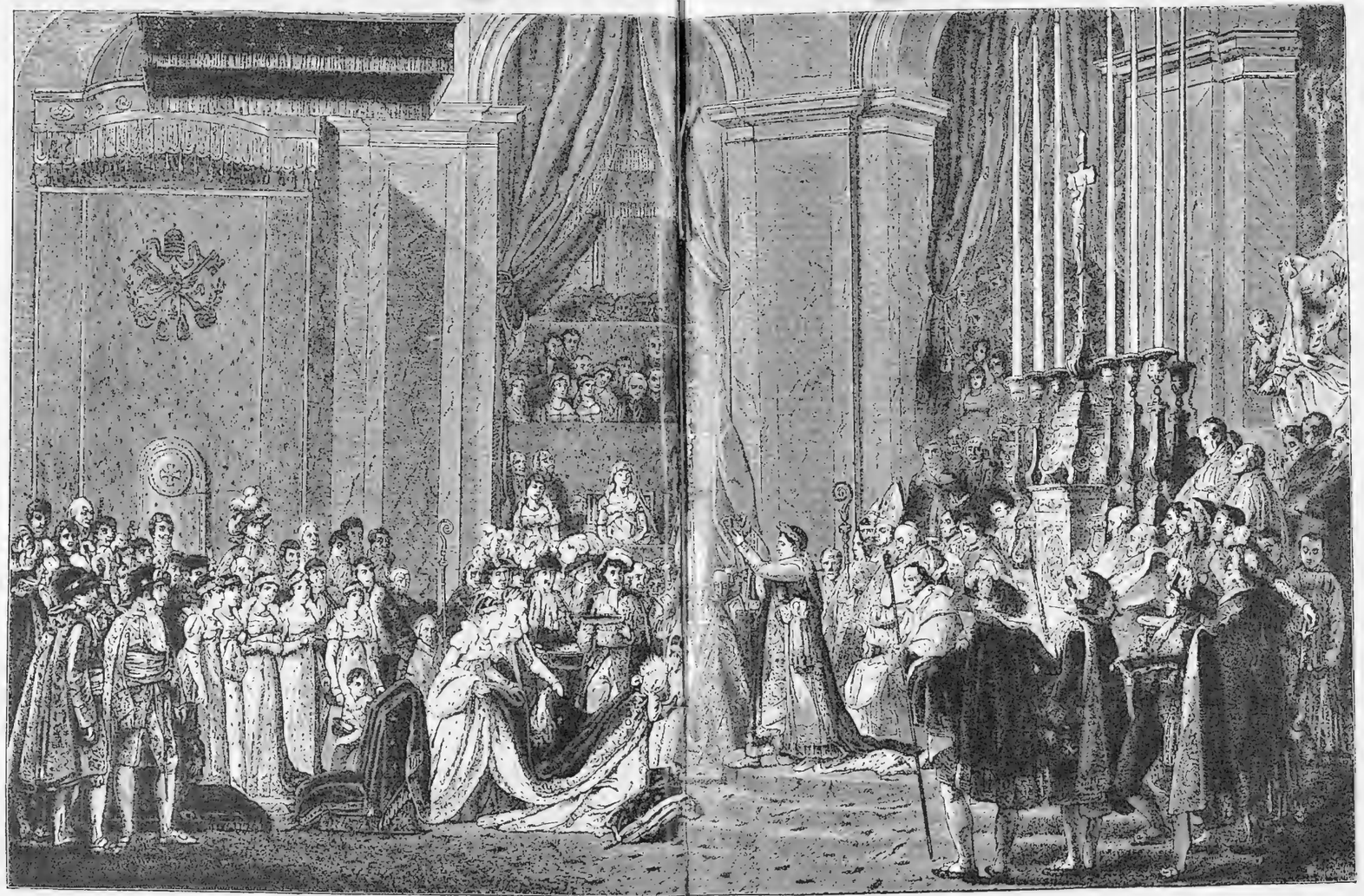
Наполеонъ рѣшилъ сдѣлать королемъ Италіи своего брата Жозефа или же его старшаго сына Луи. Но отецъ и сынъ отказались отъ подобнаго предложенія. Императоръ былъ огорченъ и раздраженъ такимъ отказомъ. Въ концѣ концовъ онъ заявилъ, что будетъ самъ царствовать въ Италіи и, окруженный блестящей свитой, выѣхалъ изъ Парижа въ Миланъ.

Въ Миланскомъ соборѣ императоръ французовъ собственноручно возложилъ на себя желѣзный Ломбардскій вѣнецъ, произнеся громко:

— Богъ далъ мнѣ корону и пусть побережется тотъ, кто вздумаетъ до нея коснуться!

А черезъ недѣлю—другую, два княжества въ Италіи—Піомбино и Лукка—были выдѣлены въ самостоятельныя государства. Они предназначались для двухъ сестеръ Наполеона, которыя становились владѣтельными особами, какъ и приличествовало ихъ родству съ императоромъ.

Въ Италіи Наполеонъ распоряжался какъ полный хозяинъ. Австрія задала ему вопросъ: какимъ образомъ онъ завладѣлъ титуломъ короля Италіи? Наполеонъ въ отвѣтъ послалъ въ Парижъ за дырявымъ плащомъ и помятой шляпой, которые были на немъ при сраженіяхъ подъ Маренго.



МУРОПОМАЗАНІЕ НАПОЛЕОНА И ВОЗЛОЖЕНІЕ КОРОНЫ НА ГОЛОВУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ ВЪ СОБОРѢ ДѢВЫ МАРІИ ВЪ ПАРИЖѢ 2 ДЕКАБРЯ 1804 Г.
Картина Давида.

30 тысячъ человѣкъ, находившіеся подъ ружьемъ, дали отвѣтъ австрійцамъ, устроивъ примѣрную битву. Ожеро устроилъ подобные же маневры подъ Кастильоне. Австріи не оставалось ничего дѣлать, какъ заключить оборонительный договоръ съ Россіей. Такой же договоръ между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ уже ранѣе.

Когда Россія и Австрія потребовали снова отъ Наполеона отчета относительно неаполитанскихъ дѣлъ, Наполеонъ отвѣтилъ:

— Я точно такъ же не обязанъ давать какія-либо объясненія Россіи, какъ и она не обязана объясняться со мною относительно дѣлъ въ Турціи и Персіи.—И онъ подтвердилъ свой отвѣтъ распоряженіями относительно Генуи, Лукки и Піомбино.

Противъ него уже зрѣлъ оборонительный союзъ всѣхъ державъ. Но Наполеонъ отлично зналъ, что государства Европы живутъ между собою такъ же дружно, какъ кошки съ собаками. Въ такой союзъ онъ мало вѣрилъ. И, дѣйствительно, хотя Англія и подписала договоръ съ Россіей, но имъ не удалось втянуть Пруссію въ союзъ.

* * *

Война съ Англіей началась.

Англичане захватили на морѣ французскія торговыя суда. Бонапартъ отвѣтилъ на это не менѣе безцеремонно. Онъ приказалъ арестовать всѣхъ англичанъ, жившихъ въ предѣлахъ Франціи, имѣвшихъ отъ 18 до 60 лѣтъ. Они были признаны военноплѣнными и заключены въ тюрьмы, гдѣ имъ пришлось протомиться двѣнадцать лѣтъ.

По приказу перваго консула для англійскихъ кораблей закрылись всѣ тосканскіе порты, а французская армія подъ командой Мортье двинулась на Ганноверъ, прекратила англійскую торговлю въ Бременѣ и Гамбургѣ и обложила эти города. Другая армія Сенъ-Сира также самовластно хозяйничала въ Тарентѣ, Бриндизи и Отранто.

Сосѣднія съ Франціей государства должны были принять то или другое участіе въ войнѣ. Голландія за вознагражденіе выставляла французамъ свои корабли, войска и провіантъ; Швейцарія удѣлила половину своей крошечной арміи; Португалія купила деньгами свое невмѣшательство; Генуя прислала шесть тысячъ матросовъ, а Испанія вся была втянута въ войну съ Англіей, какъ союзница Франціи.

Но Наполеонъ не ограничился этимъ. Снова у него слагается огромный планъ экспедиціи въ сердце Англіи. Въ Булонѣ уже стояла подъ ружьемъ «англійская армія». Она была набрана изъ старыхъ солдатъ, дѣлившихъ походы съ Бонапартомъ. Генералы Сульть, Ней, Даву и Викторъ ждали дальнѣйшихъ приказаній.

Англія отвѣчала такими же быстрыми, энергичными приготовленіями. Ея краса и гроза врагамъ—флотъ располагалъ 120-тысячами матросовъ. Сухопутная армія была доведена до 130 тысячъ солдатъ, не считая ополченія и резервовъ. При такихъ условіяхъ экспедиція на берега Англіи являлась безумнымъ, даже для Наполеона, предпріятіемъ.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ ЖЕЛѢЗНОЙ КОРОНѢ.
Гравюра Лонги.

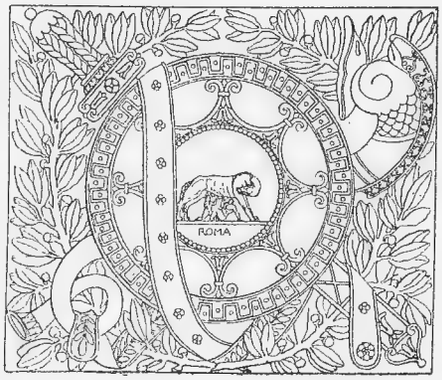
Что могли подѣлать съ теченіемъ Ламанша неуклюжія, плоскодонныя суда французовъ? Чѣмъ могли они отвѣтить грозной морской силѣ Англіи?

Наполеону пришлось перемѣнить планъ, но его стотысячная армія стояла наготовѣ. Геркулесъ-Наполеонъ не смогъ задушить Тритона-Англію, и онъ грозилъ всему міру, занося свою палицу надъ Европой. И онъ самъ и съ нимъ вся Франція вѣрили, что возстанія во Франціи поддерживаются интригами англичанъ и на англійскія деньги...

И какъ же было не вѣрить этой сказкѣ, когда и прежде всѣ, желавшіе получить корону Франціи, были друзьями Англіи: графъ Артуа нашелъ убѣжище въ Англіи, а герцогъ Энгіенскій когда-то рвался подъ англійскія знамена...

Англія казалась опаснымъ соперникомъ не только Наполеону, но и заклятымъ врагомъ всей Франціи. Въ ней находилъ себѣ поддержку геній битвъ, собиравшій послѣ недолгаго затишья на новую битву свои дружины... Прочный миръ не наступитъ, пока злѣйшій врагъ не будетъ пораженъ.

Въ этомъ были всѣ увѣрены во Франціи и больше всѣхъ императоръ Наполеонъ I..



БЛАГОДАРНАЯ ФРАНЦІЯ ПРОВОЗГЛАШАЕТЪ НАПОЛЕОНА ФРАНЦУЗСКИМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.
Картина Карла Верне.

ГЛАВА XII.

ОДИНЪ ПРОТИВЪ ВСѢХЪ.

Война съ Англіей и Австріей.—Французская армія переходитъ австрійскую границу.—Побѣда подъ Іеной и пораженіе при Трафальгарѣ.—Армія и флотъ.—Всюду самъ не поспѣешь.—Треугольная шляпа и сѣрый походный сюртукъ.—Солнце Аустерлица.—Пруссія поднимается.—Разгромъ Пруссіи.—Вѣна и Берлинъ.—„Божьей милостью".—Парижскія торжества.—Россія и Англія.

ВОЙНА съ Англіей разгоралась.

Французскому адмиралу Вильневу удалось заманить Нельсона въ воды Вестъ-Индіи и незамѣтно ускользнуть снова въ Европу. Адмиралу было предписано императоромъ соединиться сначала съ испанскимъ флотомъ и эскадрами, стоявшими въ Рошфорѣ и Брестѣ и затѣмъ идти въ Ламаншъ. У мыса Финистеръ англійскій адмиралъ Кальдеръ встрѣтилъ эскадру Вильнева. Сраженіе не привело къ побѣдѣ, и французскія суда продолжали путь къ Виго.

Наполеонъ ждалъ появленія флота адмирала Вильнева въ Ламаншѣ, и самъ уже готовился къ объявленію войны союзницѣ Англіи Австріи.

23 августа манифестъ, объявлявшій войну, былъ опубликованъ. Черезъ день генералу Мармону предписано спѣшить къ Майнцу, а черезъ три дня Булонскій лагерь былъ снятъ, и армія походными колоннами быстро двинулась на востокъ. Бернадотъ собиралъ свой корпусъ въ Гетингенѣ; Евгеній Богарне стягивалъ войска на берегахъ Адижа, а Сенъ-Сиръ готовился вступить въ предѣлы неаполитанскаго королевства.

Изумительна та быстрота, съ которой Наполеонъ спѣшилъ на встрѣчу врагу. Онъ вѣрилъ въ свое счастье и своему генію. Когда однажды кардиналъ Фешъ замѣтилъ ему о необходимости соблюдать большую осторожность въ политикѣ и державами, Наполеонъ, указывая на небо, спросилъ своего дядю:

— Видите-ли вы эту звѣзду, Фешъ?

ПЬЕРЪ-ШАРЛЬ-ЖАНЪ-БАПТИСТЪ-СИЛЬВЕСТРЪ ВИЛЬНЕВЪ, ФРАНЦУЗСКІЙ АДМИРАЛЪ.
Съ рисунка Цюсседея гравир. Кретьенъ.

— Нѣтъ, не вижу,—отвѣтилъ Фешъ.

— Ну, а я вижу. И потому намѣренъ идти своимъ собственнымъ путемъ и не желаю слушать чьихъ замѣчаній.

У него былъ свой новый планъ, — великій и грандіозный, какъ всѣ планы Наполеона.

А двухсоттысячная армія все спѣшила впередъ и впередъ. Она переправилась уже черезъ Рейнъ и шла по владѣніямъ германскихъ князей, грозя раздавить малочисленную австрійскую армію.

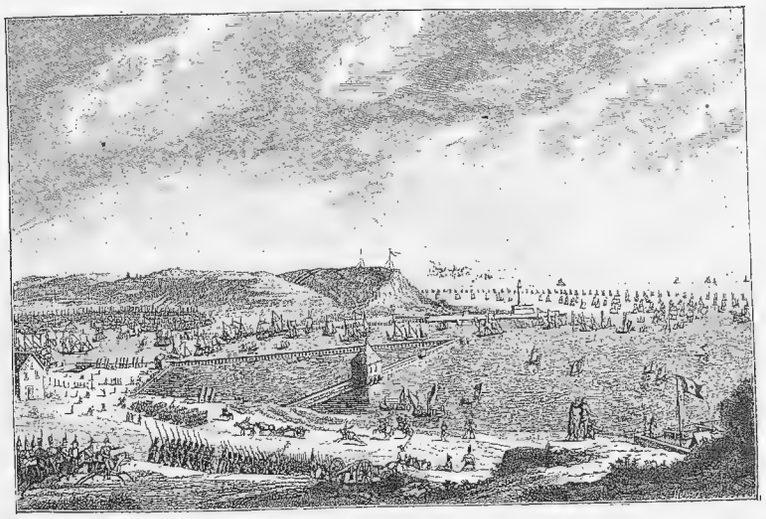
Австрія по обычаю не спѣшила. Разгромленная не разъ побѣдами Наполеона, она боялась теперь поспѣшностью испортить дѣло. Въ союзѣ съ нею была Россія, и Австрія ждала, когда восьмидесятитысячная русская армія придетъ на помощь изъ Галиціи.

Во главѣ австрійскихъ войскъ снова стоялъ опытный полководецъ эрцгерцогъ Карлъ; онъ командовалъ силами въ Италіи, эрцгерцогъ же Фердинандъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей въ Германіи.

Противъ австрійцевъ двигалась прекрасная, хорошо обученная армія—лучшая армія въ Европѣ. Всѣ генералы ея были молоды и почти однихъ лѣтъ съ императоромъ. Только Ожеро и Бернадотъ были старше сорокалѣтняго возраста, Мармону же едва исполнился тридцать-одинъ годъ. Во главѣ ея шелъ побѣдоносный вождь, который промѣнялъ покой императорской короны на походную жизнь полководца. Среди золота расшитыхъ мундировъ маршаловъ Наполеонъ рѣзко выдѣлялся въ своемъ солдатскомъ мундирѣ, продранномъ на локтяхъ; въ старомъ сѣ-

ромъ плащѣ и въ измятой нахлобученной на лобъ трехугольной шляпѣ безъ всякой кокарды.

Движеніе его арміи съ первыхъ же шаговъ отличалось геніальною смѣлостью. Онъ буквально уничтожалъ непріятеля, утомляя и сбивая его съ толка только своими хитро задуманными маршами. Австрійцы не вполнѣ понимали планы Наполеона. Генералъ Макъ долго былъ увѣренъ, что французы отступаютъ, въ то самое время, когда они все плотнѣе и плотнѣе стягивали свои войска, угрожая австрійцамъ.



ВИДЪ ПОРТА И РЕЙДА БУЛОНИ.
Современная гравюра.

12 октября наступилъ часъ рѣшительнаго боя. Битва при Ульмѣ продолжалась нѣсколько дней. Но французы такою плотной стѣной окружили городъ, что Маку пришлось вступить въ переговоры о сдачѣ.

Наполеонъ заявилъ врагу:

— Если въ теченіе недѣли,—писалъ императоръ,—появятся около Ульмы союзныя войска, то находящаяся тамъ армія должна сдаться въ плѣнъ, а офицеры должны будутъ дать честное слово, что они не встанутъ въ ряды сражаться противъ Франціи. Макъ согласился на условіе и сдалъ свою армію.

У австрійцевъ была потеряна всякая надежда на наступленіе, а Наполеонъ уже угрожалъ Вѣнѣ. Одна только надежда Австріи покоилась на возможности скораго прибытія русскихъ войскъ.

Кутузовъ, однако, твердо рѣшилъ покинуть Вѣну и пробраться на

лѣвый берегъ Дуная, для того чтобы соединиться съ оставленною тамъ второй колонной русской арміи.

Мюрату съ кавалеріей было предписано слѣдовать за Кутузовымъ и всячески мѣшать его отступленію. Но Мюратъ ослушался главнокомандующаго. Ему хотѣлось славы и лавровъ. Ихъ легко онъ могъ получить, занявъ беззащитную почти австрійскую столицу.

Наполеонъ былъ разсерженъ.

— Вы заставили меня потерять два дня,—писалъ онъ своему зятю,— вы думали только о томъ, чтобы прославить себя вступленіемъ въ Вѣну. Знайте, гдѣ нѣтъ опасности, тамъ нѣтъ и славы.

РѢЧЬ НАПОЛЕОНА ПЕРЕДЪ БИТВОЙ ПРИ УЛЬМѢ.
По старой гравюрѣ.

А Кутузовъ, никѣмъ не тревожимый, напалъ на французовъ и уничтожилъ цѣлую дивизію Мортье, стоявшую на берегу Дуная.

Мюратъ, пропустивъ время, обманомъ овладѣлъ мостомъ, ведущимъ въ Вѣну, но къ австрійской столицѣ уже двигалась главная армія Наполеона. Императоръ занялъ помѣщеніе въ Шенбрунскомъ дворцѣ, а Мюрату пришлось спѣшить вдогонку за Кутузовымъ.

* * *

Совсѣмъ не такъ обстояло дѣло на морѣ. Адмиралъ Вильневъ не смогъ отправиться къ Ламаншу. Тамъ подстерегла уже его эскадра англійскаго адмирала Кальдера. Послѣ битвы около мыса Финистеръ Вильневъ направилъ свой путь въ Испанію и благополучно достигъ Кадикса, гдѣ и соединился съ испанскимъ флотомъ. Наполеонъ приказывалъ

ему сняться съ якоря, пройти черезъ Гибралтарскій проливъ и слѣдовать къ берегамъ Неаполя, чтобы помочь арміи Сенъ-Сира. Но было уже поздно. Вблизи Кадикса собиралась сильная эскадра. Ее велъ тотъ же знаменитый Нельсонъ.

Въ то самое время, какъ Наполеонъ одерживалъ побѣду за побѣдой надъ австрійцами, Вильневу пришлось принять бой въ виду Кадикса, около мыса Трафальгаръ.

СДАЧА УЛЬМА 20 ОКТЯБРЯ 1805 г.
Гравировалъ Пижо.

Вильневъ, готовясь къ бою, выстроилъ свои суда въ двѣ линіи, вдоль берега и приготовился встрѣтить аттаку подъ перекрестнымъ огнемъ своихъ орудій.

Англичане медленно двигались навстрѣчу двумя колоннами. Одну велъ самъ Нельсонъ, другая шла подъ начальствомъ адмирала Коллингвуда.

Стояло ясное утро. Легкій вѣтеръ разводилъ сильную зыбь. Молча наступали на французскіе корабли англійскія колонны. Среди мертвой тишины вдругъ раздалось громовое «ура» съ англійскихъ кораблей. То былъ отвѣтъ матросовъ, на сигналъ Нельсона.

— «Англія ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ».

Вильневъ поднялъ свой сигналъ:

— «Каждый корабль, не участвующій въ бою, находится не на

своемъ мѣстѣ и призывъ сигналомъ адмирала къ участью въ бою покроетъ капитана позоромъ!»

Слабый вѣтеръ долго препятствовалъ Нельсону двинуть свои корабли въ атаку. Колонна Коллингвуда первая вступила въ бой. Закипѣлъ ожесточенный бой. Черезъ четыре часа французскія суда оказались разбитыми и спустили флагъ.

Отъ грознаго французскаго флота уцѣлѣло только восемь кораблей; самъ адмиралъ былъ въ плѣну. Впрочемъ, побѣда англичанъ была не лучше другого пораженія: они купили свою побѣду цѣною смерти одного изъ самыхъ отважныхъ своихъ адмираловъ.

ІОАХИМЪ МОРАТЪ, КОРОЛЬ НЕАПОЛИТАНСКІЙ.
Съ гравюры К. Е. Вебера.

Нельсонъ палъ жертвою боя при Трафальгарѣ.

Когда извѣстіе о разгромѣ эскадры дошло до Наполеона, онъ былъ озлобленъ и золъ. Великолѣпная армія, не знавшая пораженій, и рядомъ такой жалкій флотъ!

— Ну, что же, всюду я самъ не могу быть! — сказалъ онъ съ усмѣшкой и отдалъ приказъ соорудить новые крейсера, которые должны вредить англійской торговлѣ на моряхъ.

Французскій флотъ былъ далеко не въ великолѣпномъ состояніи. Офицеры и наемные матросы не отличались такою же отвагой, какъ сухопутныя войска. Адмиралъ дѣйствовалъ вяло, а самое вооруженіе кораблей оставляло желать много лучшаго.

Дѣйствительность заставила въ концѣ концовъ Наполеона отказаться отъ плана высадиться на берегахъ Англіи. Непобѣдимому императору приходилось смириться съ мыслью, что Франція и Англія въ морѣ не равныя соперницы. Господство на морѣ всецѣло принадлежало англичанамъ. Оставалось дѣйствовать противъ Англіи, разгромляя ея союзницу на материкѣ—Австрію.

А тутъ еще, вслѣдъ за Трафальгаромъ, изъ повиновенія французскому императору вышла Пруссія: Бернадотъ нарушилъ неприкосно-

венность ея границъ и провелъ свои войска по прусскимъ владѣніямъ.

Пруссія заключила съ Россіей договоръ, и оба императора: Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ дали другъ другу клятву надъ могилой Фридриха Великаго въ вѣчной дружбѣ. Пруссія готова уже была ударить въ тылъ французской арміи. И Наполеону необходимо было разрѣшить трудную задачу. Раздумывая надъ ея рѣшеніемъ, онъ писалъ:

НАПОЛЕОНЪ ПОЛУЧАЕТЪ КЛЮЧИ ВѢНЫ.
Картина Жироде. (Версальскій музей).

«Говорятъ, что я обладаю болѣе крупнымъ военнымъ талантомъ, чѣмъ многіе другіе полководцы; тѣмъ не менѣе, чтобы нанести пораженіе врагу, котораго мы привыкли уже бить, я все-таки стараюсь собрать какъ можно больше войска и рѣшаюсь стянуть всѣ силы, какія только возможно».

Противъ Наполеона стоялъ русскій гвардейскій корпусъ, который прибылъ вмѣстѣ съ Александромъ I, сорокапятитысячная русская армія подъ командой генерала Винценгородде и арміи обоихъ эрцгерцоговъ, доходившія до восьмидесяти тысячъ солдатъ.

На соединеніе съ императоромъ спѣшно шли изъ Италіи Массена и Ней. Наполеонъ предвидѣлъ наступательное движеніе, и въ столицѣ Моравіи онъ ждалъ соединенія своихъ армій. Въ четыре дня онъ могъ собрать до восьмидесяти тысячъ человѣкъ. На случай отступленія путь для него былъ открытъ.

* * *

Императоръ горѣлъ желаніемъ дать рѣшительное сраженіе. Онъ готовъ былъ уже перейти въ наступленіе, когда союзники сами рѣшили идти навстрѣчу его желаніямъ. Онъ не ожидалъ подобной дерзости

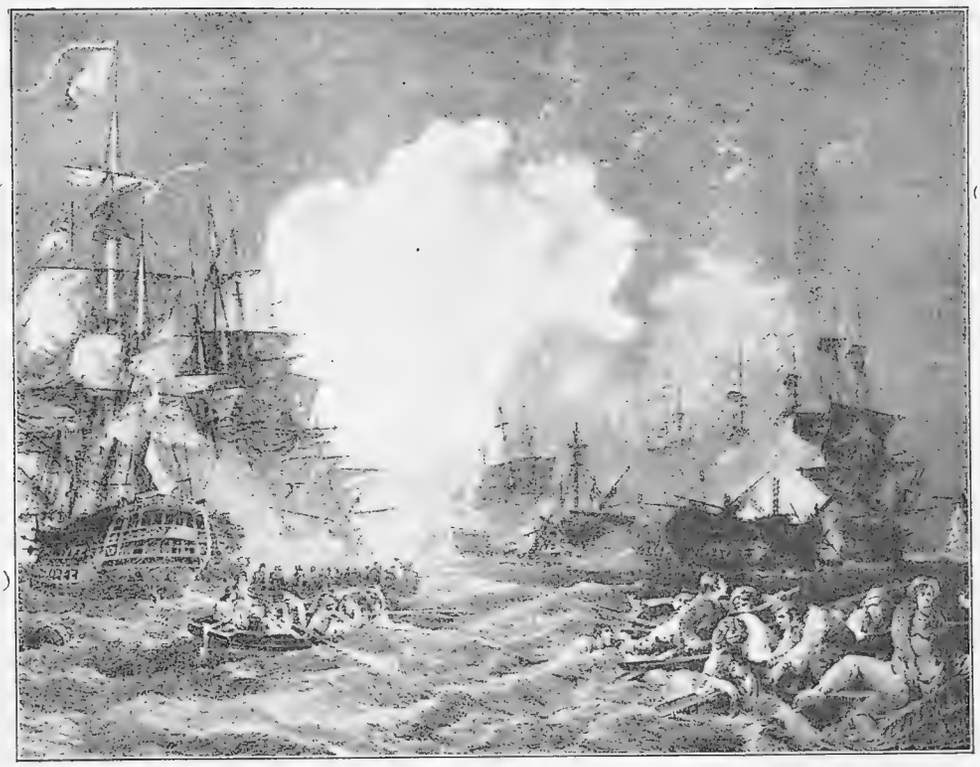
НЕЛЬСОНЪ ВЪ СВОЕЙ КАЮТѢ НАКАНУНѢ БИТВЫ ПРИ ТРАФАЛЬГАРѢ.
Съ картины Люси.

съ ихъ стороны и считалъ ее признакомъ того необыкновеннаго счастья, которое покровительствуетъ французскому императору.

Всю ночь онъ не сомкнулъ глазъ, вырабатывая планъ завтрашнихъ дѣйствій. На утро близъ Аустерлица уже показались первыя колонны союзныхъ армій. Шпіоны донесли Наполеону, что союзники рѣшили обойти правое крыло французовъ. Сюда и должны были быть направлены всѣ силы французовъ. Однако, императоръ рѣшилъ выиграть не только одиноч-

ное сраженіе, но и нанести тяжелый ударъ союзникамъ, въ конецъ уничтоживъ ихъ союзъ.

Наполеонъ оставилъ вершины Проценскихъ высотъ незанятыми, надѣясь, что ихъ займетъ непріятель самъ; французы же готовились къ отпору на всѣхъ фронтахъ.



БИТВА ПРИ ТРАФАЛЬГАРѢ. ВЗРЫВЪ ФРАНЦУЗСКАГО ФЛАГМАНСКАГО СУДНА «Orient».
Съ картины Лутербург

Снова безсонная ночь.

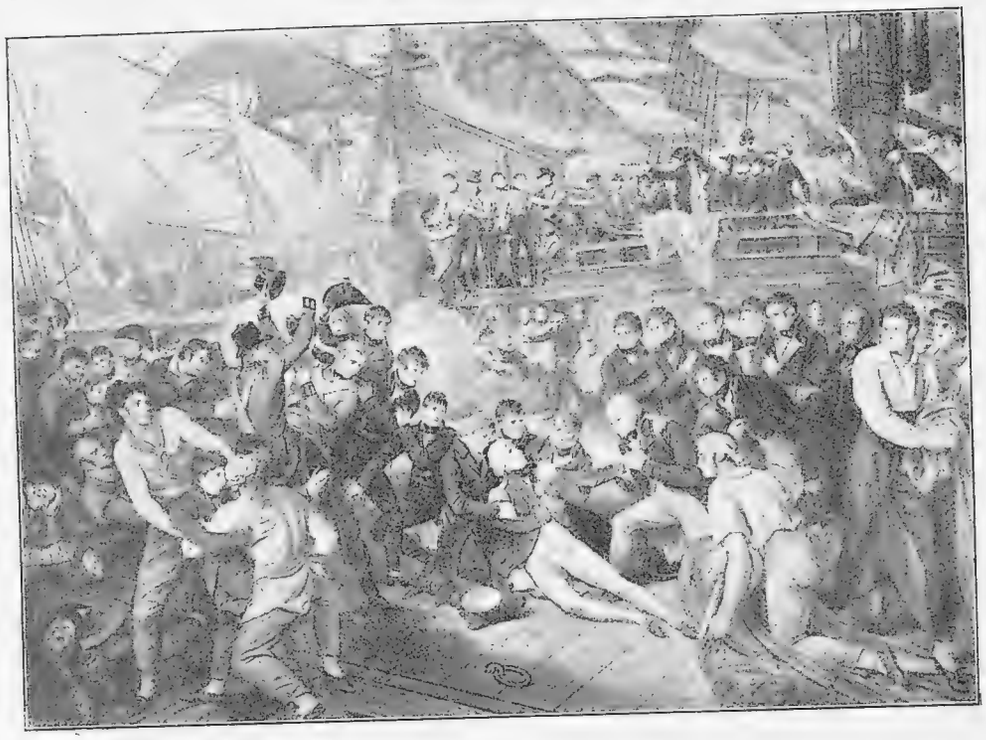
Наполеонъ на конѣ объѣхалъ бивуаки солдатъ, одушевляя войска. Всю ночь, наканунѣ боя, пылали въ лагерѣ факелы, и небо багровѣло отъ ихъ зарева.

— Обходя наше правое крыло, непріятель подставитъ свой фронтъ,—произнесъ Наполеонъ вслухъ, какъ бы давая разгадку своему плану.

Была уже глубокая ночь, но Наполеону не спалось. Онъ снова вскочилъ на коня и поѣхалъ осматривать непріятельскую позицію. И, только самъ убѣдившись на мѣстѣ, что до утра союзники не начнутъ дѣла, императоръ вернулся къ себѣ въ палатку и бросился на походную койку.

Въ бою подъ Аустерлицемъ онъ уже не рисковалъ своей жизнью, какъ прежде. Онъ не руководилъ самъ боемъ на полѣ сраженія, хотя подъ его наблюденіемъ и приводился въ исполненіе весь планъ.

Солдаты просили его не рисковать жизнью. И онъ далъ имъ слово, что исполнитъ ихъ просьбу.



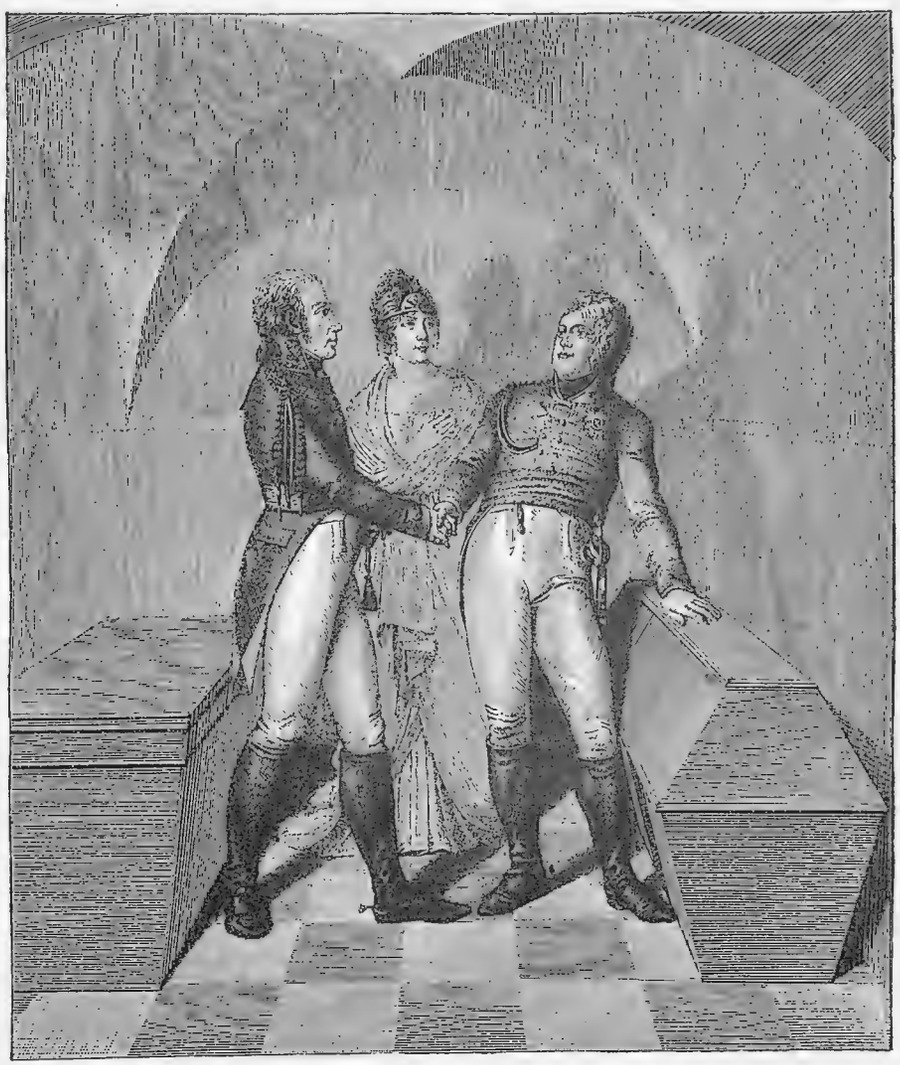
СМЕРТЬ НЕЛЬСОНА НА «Victory» ПРИ ТРАФАЛЬГАРѢ.
Съ картины В. Веста.

Утромъ, 2-го декабря, лишь только встало солнце и озолотило Проценскія высоты, русскія и австрійскія войска, скрывавшіяся за высотами, начали наступленіе на правое крыло Наполеона.

Бой длился долго и былъ ожесточенный. Въ концѣ концовъ, русско-австрійскія колонны оказались со всѣхъ сторонъ окруженными непріятелемъ; союзники бѣжали, спасаясь отъ пуль и штыковъ переходомъ черезъ замерзшее озеро. Но французской артиллеріи уже отданъ приказъ стрѣлять ядрами въ ледъ. Ядра дробили ледъ. Пули летѣли вдогонку отступающимъ, а подъ ними зіяла вода. Немногимъ удалось спастись въ этомъ бою.

Побѣда при Аустерлицѣ совпала съ кануномъ годовщины дня коронаціи Наполеона. На почтовой станціи онъ заснулъ въ эту ночь послѣ

понесенныхъ трудовъ и проснулся съ твердымъ сознаніемъ, что Аустерлицкое сраженіе не только нанесло тяжелый уронъ непріятелю, но и



ПРОЩАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I СЪ КОРОЛЕМЪ ФРИДРИХОМЪ ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ III И КОРОЛЕВОЮ ЛУИЗОЮ У ГРОБА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО ВЪ ЦЕРКВИ ВЪ ПОТСДАМѢ, ВЪ НОЧЬ НА 4 НОЯБРЯ 1805 г.

Гравюра Мено Гааса.

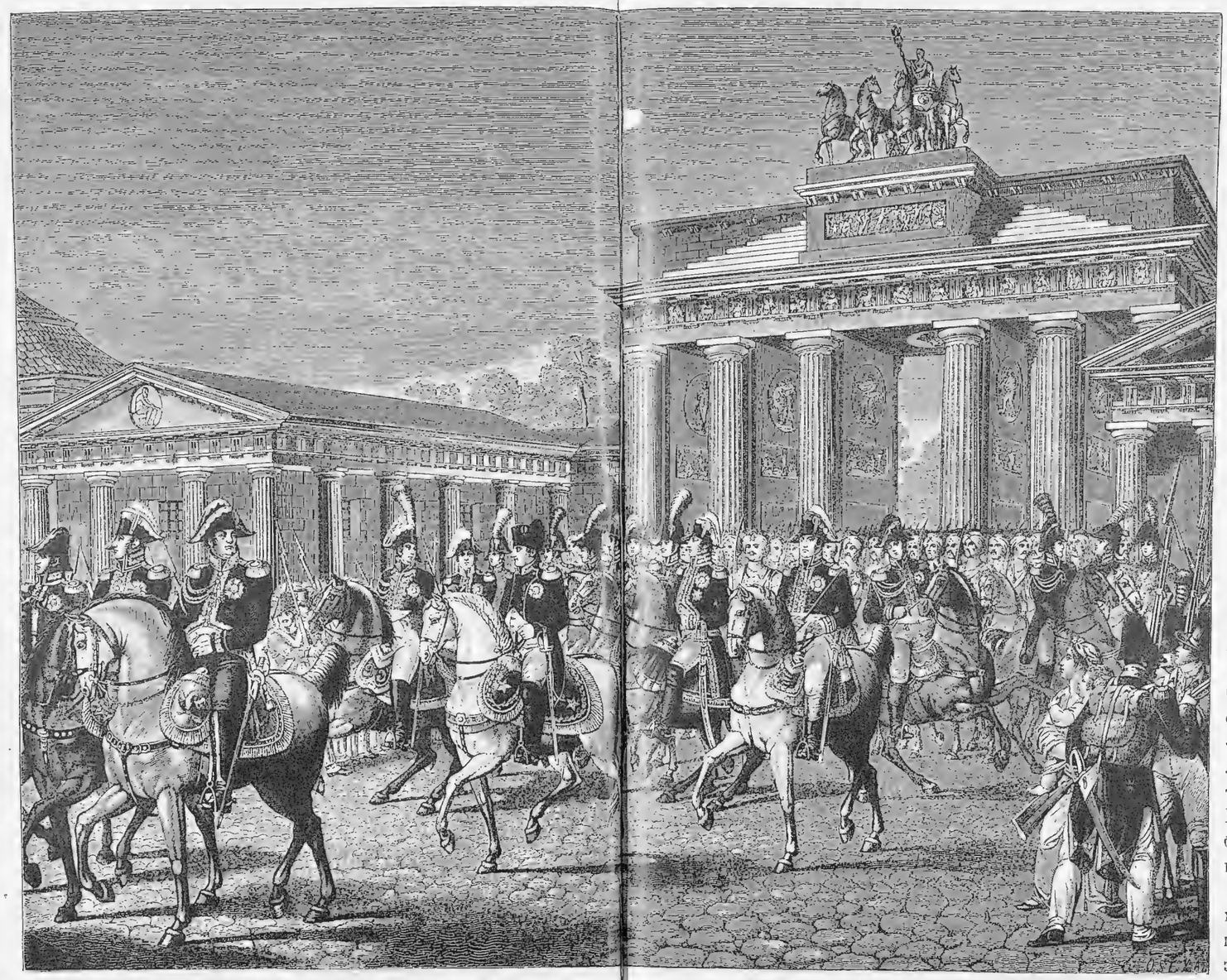
разгромило союзъ державъ, дерзнувшихъ выступить противъ императора французовъ.

Переговоры о мирѣ, который былъ заключенъ при личномъ свиданіи Наполеона съ Францемъ I, происходили въ походной палаткѣ побѣдителя.

Но тутъ неожиданно Наполеонъ встрѣтилъ упорство со стороны Александра I.

Наполеонъ требовалъ, чтобы Россія закрыла свои порты для англійской торговли. Императоръ Александръ отказался отъ такого предложенія, хотя въ то же время онъ отказался и отъ предложенія императора Франца продолжать въ союзѣ съ нимъ войну съ Франціей.

Русскія войска уже двигались обратно на родину. Австрія была предоставлена своимъ силамъ и Наполеону. Побѣдитель хотѣлъ сначала уничтожить совершенно Австрійскую имперію; но потомъ согласился на миръ, условія котораго становились съ каждымъ днемъ промедленія все тяжелѣй и тяжелѣй для Австрійской монархіи.



ВЪѢЗДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ БЕРЛИНЪ.
Рисунокъ У. Л. Вольфа, гравюра І. Ф. Югелл.

* * *

Аустерлицъ былъ гордостью Наполеона, уже избалованнаго славой.

Въ приказѣ по арміи онъ говорилъ солдатамъ:

— Мой народъ съ радостью встрѣтитъ васъ по возвращеніи на родину; когда кто-либо изъ васъ скажетъ «я былъ подъ Аустерлицемъ», каждый отвѣтитъ «вотъ герой!»

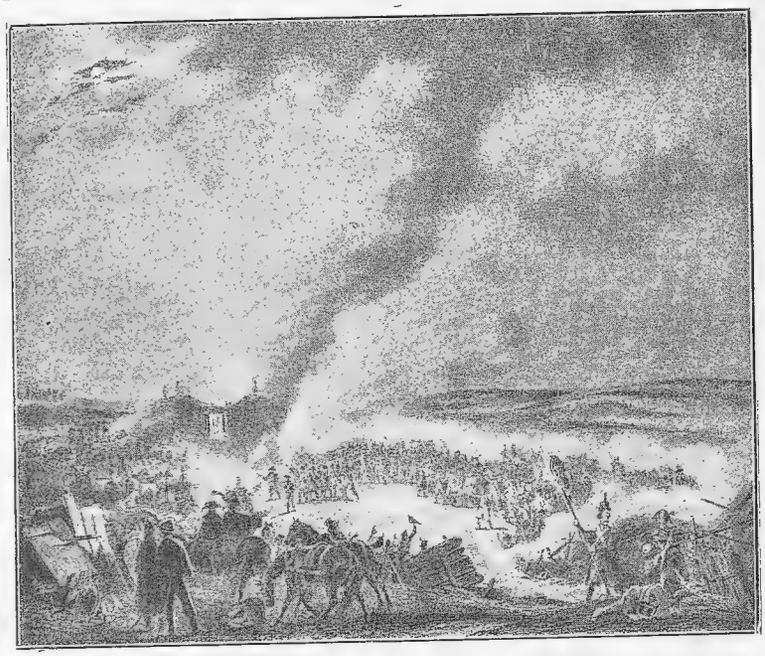
Сраженіе трехъ императоровъ дало Наполеону обладаніе почти надъ всей Европой. Свою побѣду онъ самъ называлъ «солнцемъ Аустерлица». Дѣйствительно, вся карта Европы должна была теперь быть передѣлана.

Французская имперія получила преобладающее значеніе въ Европѣ. Казалось, не-

далеко уже то время, когда французскій императоръ будетъ одинъ самовластно распоряжаться судьбами всѣхъ народовъ Европы.

27 января 1806 года побѣдоносный полководецъ вступилъ въ Парижъ. Онъ положилъ мечъ въ ножны и снова надѣлъ императорскую тогу. Суровая простота походной жизни снова замѣнилась роскошью и блескомъ двора.

Парижъ ликовалъ, и сенатъ, слѣдуя примѣрамъ Рима, такъ любимаго Наполеономъ, предлагалъ почтить подвиги великаго необычайнымъ тріумфомъ—воздвигнуть ему при жизни статую.



БИВУАКЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЕЧЕРОМЪ НАКАНУНѢ СРАЖЕНІЯ ПРИ АУСТЕРЛИЦѢ 1 ДЕКАБРЯ 1805 г.

Картина Бакле Дабль.

Духовенство, съ которымъ находился уже въ дружбѣ Наполеонъ, встрѣтило его рядомъ льстивыхъ привѣтствій. Его восхваляли безъ мѣры, назвали богомъ Маренгской битвы и Аустерлица. Священники и епископы называли его, не стѣсняясь, избранникомъ Божіимъ, помазанникомъ Господа и давали ему новый титулъ «Его Преосвященнаго Величества». А въ оффиціальныхъ документахъ прежній императоръ французовъ, волею народа, сталъ называться уже Наполеономъ «Божьей милостью».

Среди мирныхъ заботъ мирнаго времени императоръ не забывалъ о своей арміи. Въ часы досуга, чтеніе донесеній о состояніи войска

было для него не менѣе пріятно, чѣмъ чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній. У него самого была страсть къ литературному сочинительству и какая-то особая рѣдкая способность работать, не зная устали, по нѣсколько часовъ сряду.

Онъ любилъ свою армію: заботился о житьѣ-бытьѣ солдатъ, объ ихъ обмундировкѣ, снаряженіи и вооруженіи войскъ. Онъ входилъ во всѣ мелочи солдатскаго быта, во все вникая самъ, всѣмъ живо интересуясь, не довѣряя своимъ помощникамъ. Одного только не могъ понять Наполеонъ при всей своей геніальности — управленія финансовой частью.

ИМПЕРАТОРЪ, СОПРОВОЖДАЕМЫЙ ПРИНЦЕМЪ МЮРАТОМЪ И МАРШАЛАМИ БЕРТЬЕ, БЕССЬЕРОМЪ, БЕРНАДОТОМЪ, ОТДАЕТЪ ПРИКАЗАНІЯ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ ПРИ АУСТЕРЛИЦѢ.
Картина Карла Верне.

— Вы, понятно, меня не увѣрите,—говорилъ онъ своему министру финансовъ,—что труднѣе управлять маленькимъ уголкомъ Парижа, называемымъ «Биржею», чѣмъ распоряжаться всей Франціей.

А во Франціи—могущественной и великой,—у народа оставалась только тѣнь былой свободы.

Министръ полиціи водворялъ тишину и спокойствіе; цензора накладывали узду на печать и даже за смѣлое слово, за свободную рѣчь, за ѣдкую, брошенную случайно, насмѣшку, высылали людей не только изъ Парижа, но и изъ французскихъ предѣловъ.

Аристократія, бѣжавшая во время революціи изъ Франціи, сначала относилась надменно къ новому императору «изъ корсиканцевъ», къ его двору, придворными чинами котораго были выходцы изъ народа. Вскорѣ же, однако, та же самая аристократія вполнѣ примирилась со своей судьбой и считала за великую честь породниться съ генералами и

маршалами и другими чинами Наполеоновскаго двора, происхожденіе которыхъ нерѣдко было покрыто мракомъ неизвѣстности.

* * *

Главными врагами Наполеона попрежнему оставались Англія и Россія. Въ союзѣ съ послѣдней только и находила бодрость Пруссія. Пруссія давно уже горѣла мщеніемъ за безцеремонное хозяйничаніе въ ея земляхъ французскихъ генераловъ. Во время войны съ Австріей она уже могла выставить прекрасно обученную армію. Желѣзная дисциплина обращала этихъ солдатъ въ безсловесныхъ рабовъ, повиновавшихся слѣпо своимъ командирамъ.

Во главѣ арміи стояли почтенные старики. Главнокомандующему уже минулъ 71 годъ; двумъ фельдмаршаламъ—одному было за 80, другому за 60, и самый молодой прусскій генералъ уже перешагнулъ за 60-лѣтній возрастъ.

Заносчивость прусскихъ офицеровъ и генераловъ не знала предѣловъ. Они критиковали военный геній Наполеона и, гордые своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, насмѣшливо относились къ тѣмъ выскочкамъ изъ народа, большинство которыхъ представляли изъ себя французскіе генералы. Но у этихъ выскочекъ были умъ и знаніе и, несомнѣнно, большіе таланты, тогда какъ у прусскихъ офицеровъ не было ничего, кромѣ сознанія своей гордости, потому что они происходили отъ знатныхъ родителей.

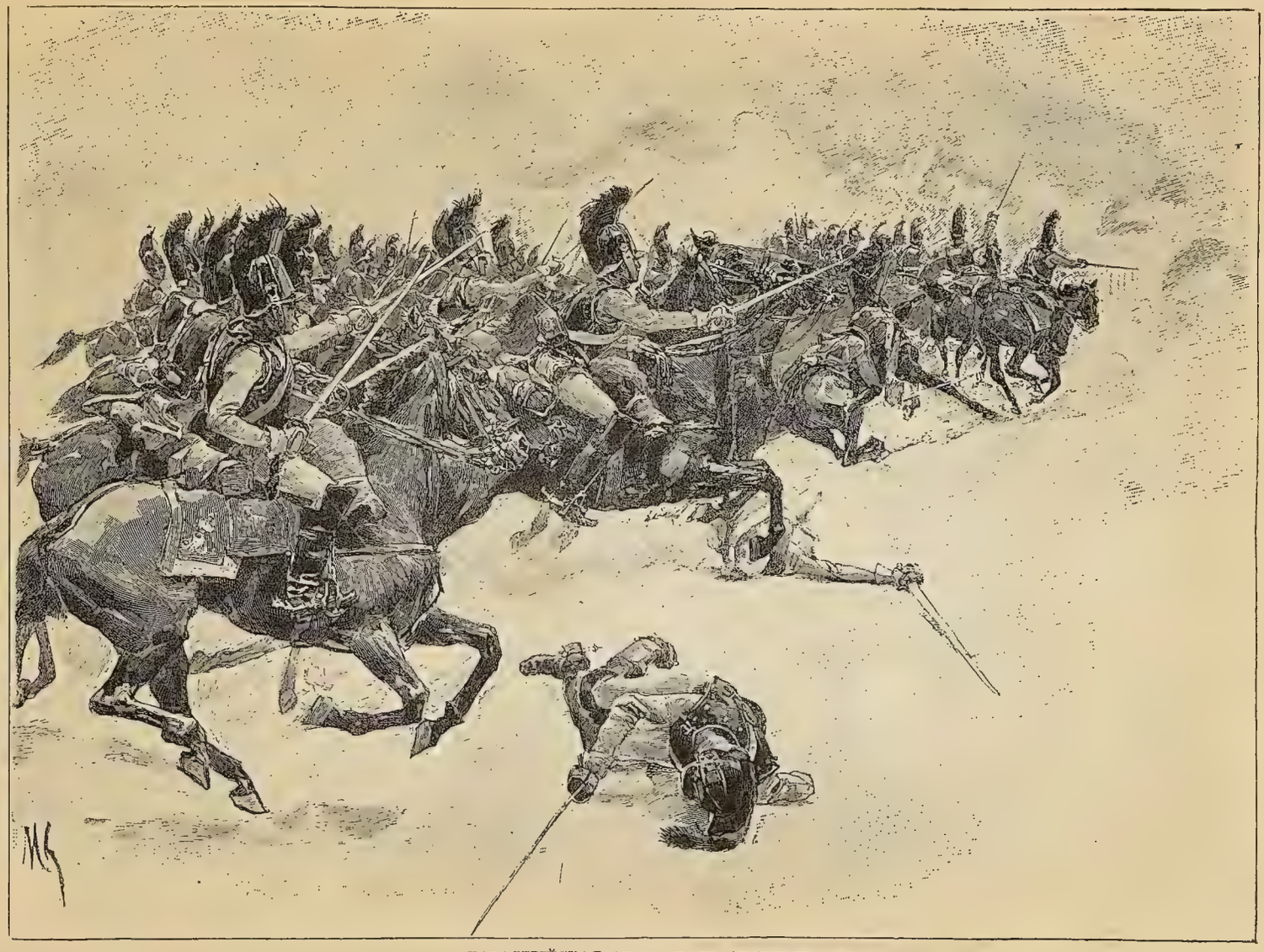
Тщеславіе слѣпило имъ глаза. Имѣя на рубль амбиціи и на грошъ аммуниціи, да разсчитывая на поддержку своего «вѣрнаго друга», русскаго царя, Пруссія рѣшила помѣриться силами съ Франціей.

Наполеонъ со своею стремительностью принялъ вызовъ и быстро двинулъ противъ Пруссіи готовыя арміи. Онъ самъ выѣхалъ тайно изъ Парижа въ Майнцъ. Но русскія войска, поддерживавшія родственника Александра I, Фридриха-Вильгельма, могли только прибыть въ Пруссію не ранѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Наполеонъ началъ кампанію Іеной.

Императоръ французовъ былъ уже не тотъ; вмѣсто прежней походной палатки и свиты генераловъ, его сопровождали въ походѣ оберъ-гофмаршалъ и штальмейстеръ. За арміей ѣхала карета, въ которой сидѣнье легко превращалось въ постель. Карету окружалъ обыкновенно цѣлый взводъ адъютантовъ, офицеровъ и пажей.

Защитой и тѣлохранителями императора являлись четыре конныхъ егеря. Они находились неразлучно съ Наполеономъ и всюду слѣдовали за нимъ. Когда онъ выходилъ изъ экипажа, егеря съ ружьями на рукѣ



КАВАЛЕРІЙСКАЯ АТАКА ПОДЪ АУСТЕРЛИЦЕМЪ.

Акварель Мирбаха.

окружали его. Если императоръ шелъ пѣшкомъ, егеря, какъ тѣни, сопутствовали ему. Это уже не былъ прежній довѣрчивый маленькій капралъ, со знаменемъ въ рукѣ первый кидающійся въ бой съ врагомъ. Онъ пересталъ давно довѣрять окружающимъ. Между нимъ и народомъ все больше и больше разросталась пропасть. Между народомъ и императоромъ стояли маршалы, придворные, свита. И прежній легкій доступъ къ Бонапарту сдѣлался уже совсѣмъ почти невозможнымъ къ императору — Наполеону.

ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ I.
Живопись Щіавони, гравир. І. Лонги.

Ему заранѣе приготовляли ночлегъ, но попрежнему съ нимъ неразлучно находилась карта той мѣстности, по которой онъ переѣзжалъ. На порогѣ его спальни располагался каждую ночь его вѣрный стражъ мамелюкъ Ростонъ.

Въ сосѣдней комнатѣ дежурили офицеры.

Только какъ прежде императоръ отдавалъ мало времени сну, торопливо ѣлъ, вставалъ рано и такъ же рано ложился. Среди ночи онъ обыкновенно просыпался и принимался за работу. Диктовалъ депеши и приказы своимъ секретарямъ, читалъ рапорты и вообще работалъ со своей канцеляріей.

Въ три часа работа кончалась; кончалась именно тогда, когда начинался солдатскій день, и какъ разъ въ это время въ войсковыя части приходили приказы изъ императорской квартиры. Такъ было и теперь. По картѣ императоръ прекрасно уже изучилъ мѣстность, гдѣ должны были происходить сраженія. Планъ ихъ былъ также уже готовъ, и стоя вдали отъ враговъ, онъ уже вѣрно угадывалъ дѣйствіе пруссаковъ.

Войска продолжали свой путь на сѣверъ, какъ вдругъ отдается приказъ круто повернуть къ западу. Долго, тщетно французская армія искала враговъ и подвигалась впередъ никѣмъ не тревожимая.

Наполеонъ у береговъ Іены остановилъ наступательное движеніе

своихъ главныхъ силъ и далъ войскамъ отдыхъ. Въ этомъ отдыхѣ болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась армія; за послѣдній мѣсяцъ она каждый день дѣлала изумительные, по своей быстротѣ, переходы.

Наполеонъ осмотрѣлъ въ подзорную трубу позицію и приказалъ войскамъ стягиваться къ Іенѣ. Въ то время какъ французы занимали

СВИДАНІЕ ИМПЕРАТОРОВЪ НАПОЛЕОНА И ФРАНЦА ПРИ АУСТЕРЛИЦѢ.
Съ картины Гро, въ Версальскомъ музеѣ.

позиціи подъ Іеной, въ главной прусской квартирѣ генералы занимались перекорами о томъ, какого генерала планъ лучше.

Императоръ самъ всталъ во главѣ арміи маршала Ланна. Онъ напомнилъ войскамъ о прежнихъ побѣдахъ и далъ приказъ къ наступленію. Армія бросилась въ бой, а Наполеонъ ждалъ, пользуясь временемъ, чтобы стянуть остальныя войска. Онъ задерживалъ ихъ въ резервѣ. Солдаты горѣли нетерпѣніемъ; они готовы уже были ударить на врага, но Наполеонъ все еще медлилъ съ приказомъ. Онъ убѣждалъ ихъ обождать, но это было сдѣлать не такъ-то легко.

И когда онъ подъѣхалъ къ арміи, томившейся ожиданіемъ, одинъ изъ солдатъ восторженно крикнулъ: «впередъ!»

— Какой-то безбородый мальчикъ берется рѣшать, какъ долженъ я поступить въ данную минуту. Пусть онъ сначала покомандуетъ войсками въ двадцати сраженіяхъ, а потомъ уже лѣзетъ ко мнѣ со своими совѣтами,—бросилъ Наполеонъ и повернулъ коня обратно.

Только къ полудню Наполеонъ убѣдился, что резервныхъ войскъ у него вполнѣ достаточно. Онъ даетъ приказъ тремъ корпусамъ двинуться впередъ.

И, дѣйствительно, быстрымъ натискомъ сто тысячъ французовъ опрокидываютъ семидесятитысячную армію пруссаковъ. Пруссаки собираются подъ Веймаромъ, но тамъ уже ихъ настигаетъ корпусъ Нея и тѣснитъ кавалерія Мюрата. На другой день прусскія войска были окончательно разбиты. Французы обошли непріятеля и хотя съ громаднымъ рискомъ для себя, но одержали полную побѣду. Самъ Наполеонъ объясчялъ свой успѣхъ не только талантами своихъ маршаловъ, но и тѣмъ, какъ говорилъ онъ, что въ то время, какъ другіе разсуждали, «французская армія шла».

Рискъ привелъ Наполеона къ полному выигрышу. Пораженіе подъ Іеной должно было произвести удручающее впечатлѣніе на всю Пруссію. Ея гордость—армія, вымуштрованная и дисциплинированная для парадовъ, оказалась лишь красивой игрушкой. Ея гордые старики генералы и тщеславная офицерская молодежь и искалѣченные рабы-солдаты оказались слабыми противниками для генія побѣдъ. Прусская хваленая армія была поражена при первомъ же натискѣ тѣхъ полчищъ, къ доблестямъ которымъ такъ кичливо относились раньше пруссаки. Не оставалось ничего другого, какъ обратиться къ побѣдителямъ и униженно просить мира. Но Наполеонъ не желалъ вовсе слышать ни о какихъ переговорахъ. Онъ гордо заявилъ, что подпишетъ миръ только въ стѣнахъ Берлина. Его армія густыми колоннами надвигалась на столицу Пруссіи. Дворъ Фридриха Вильгельма отправился въ страхѣ въ Кенигсбергъ. А маршалы Наполеона занимали одинъ за другимъ прусскіе города и обложили осадой рядъ крѣпостей.

Пруссія на западѣ отъ Вислы считалась уже завоеванной французскимъ императоромъ. Она была уже его царствомъ. Побѣдитель уже проникъ въ Потсдамъ и здѣсь посѣтилъ гробницу Фридриха Великаго. Онъ заявилъ, что умъ и геній и привязанности Великаго Фридриха были родственны Франціи, къ которой питалъ такое уваженіе великій король.

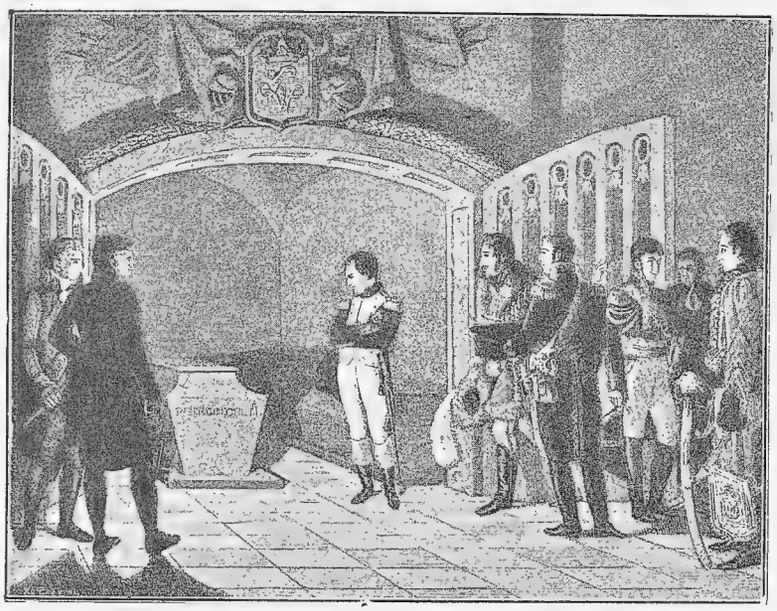
На память объ этомъ посѣщеніи Наполеонъ безцеремонно взялъ

НАПОЛЕОНЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ ЛЕНОЮ.
Картина Ораса Верне въ историч. галереѣ въ Версалѣ.

шпагу, портупею и шляпу усопшаго героя и отправилъ ихъ въ Парижъ, какъ трофеи. А черезъ три дня самъ императоръ, во главѣ побѣдоносныхъ войскъ, уже въѣзжалъ въ Берлинъ.

Онъ снова былъ въ своемъ обычномъ походномъ костюмѣ, на головѣ его красовалась та же старая треугольная шляпа. Въ этомъ простомъ нарядѣ его маленькая фигура еще рѣзче выдѣлялась на золотомъ фонѣ цвѣтныхъ мундировъ его свиты.

Пруссія была разгромлена. Картины, библіотеки, произведенія искусства изъ музеевъ и галлерей были разграблены; лучшія изъ нихъ отправлены въ Парижъ. Императорскія войска хозяйничали въ завоеванной



НАПОЛЕОНЪ У МОГИЛЫ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО 25 ОКТЯБРЯ 1806 г.
Съ картины Понса Камюса гравировалъ Л. М. Лафонтенъ (Версальская галлерея).

странѣ, не давая никому пощады и беря все, что могло пригодиться побѣдителямъ. Маршалы не отставали отъ солдатъ.

Массена былъ просто ненасытимъ въ своей алчности, и даже братъ Наполеона Жеромъ не могъ устоять противъ искушеній: найдя въ одномъ изъ замковъ погребъ полный токайскими винами, онъ очистилъ его до-чиста и погрузилъ на обозныя фуры все, до послѣдней бутылки.

Разгромивъ Пруссію, Наполеонъ рѣшилъ нанести новый ударъ ея союзницамъ—Россіи и Англіи. Англію онъ задумалъ поразить въ самое больное мѣсто. Такимъ мѣстомъ была ея всемірная торговля. Наполеонъ не могъ бить Англію оружіемъ своихъ армій: укрытая морями, она была неуязвима отъ палицы Геркулеса. Онъ рѣшилъ бить англичанъ по карману и объявилъ блокаду Британскихъ острововъ.

Съ Англіей бороться было не легко. Она отвергала всѣ условія

мира, была душою союза противъ Наполеона, и тѣмъ не менѣе побѣдитель Европы ничего не могъ съ нею подѣлать.

Ахъ, если бы у него были корабли и адмиралы!.. Но флота у Наполеона не было. Армія—гордость Франціи, флотъ—ея позоръ. Приходилось вмѣсто Англіи приняться за ея союзниковъ... Въ числѣ ихъ оставался еще одинъ врагъ на далекомъ сѣверѣ, который не былъ еще пораженъ. Этотъ врагъ была Россія, въ предѣлы которой Наполеонъ вступалъ теперь, ведя войска въ русскую Польшу. Позднѣе онъ говорилъ, что будто бы «самъ чувствовалъ, что тамъ, въ снѣгахъ сѣвера, онъ найдетъ конецъ своему счастью, но всесильная судьба тянула его исполнить то, что было предназначено ему исполнить».

ФРЕСКА АППІАНИ.

ГЛАВА XIII.

ОГНЕМЪ И МЕЧОМЪ.

Завоеватель міра.—Вступленіе французовъ въ Польшу.—Русскія войска отступаютъ.—Недолгое затишье.—Наполеонъ въ Варшавѣ.—Данцигъ взятъ.—Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.—Австрія выжидаетъ.—Разгромъ Пруссіи.—Фридландъ.—Ударъ Англіи.—Кровавая рѣзня.—Александръ I и Наполеонъ въ Тильзитѣ.—Новые союзники.—Снова въ Парижѣ.—Испанія волнуется.—Вершитель судебъ.—Подвиги Наполеона на Пиринейскомъ полуостровѣ.—Свиданіе императоровъ.

ПРУССІЯ разгромлена. Австрія утратила прежнее значеніе. Италія трепетала отъ грома побѣдъ завоевателя. Испанія, Португалія, Голландія и отдѣльныя германскія герцогства выражали полную покорность побѣдителю, владыкѣ полъ-міра. Только Англія и Россія враждебно стояли предъ Наполеономъ, не желая еще признавать его владычества.

Англія бросала ему въ лицо вызовъ, какъ бы смѣясь надъ безсиліемъ Франціи на морѣ; холодныя равнины сѣвера были угрюмо безмолвны. Онѣ выслали свою сермяжную армію противъ врага австрійцевъ и, сами не зная за что, полегли костьми на поляхъ Аустерлица...

Англія и Россія должны были теперь принять на себя удары опьяненнаго побѣдами завоевателя. Но съ Англіей справиться было не легко. Владычица морей чувствовала свою силу. Равнаго ей флота не было у всѣхъ государствъ вмѣстѣ. Трафальгаръ еще больше открылъ глаза Наполеону на то, что морская война не его стихія.

Наполеонъ принялся за другой способъ борьбы: объявилъ запрещеніе на всѣ привозные во Францію товары изъ Англіи, призналъ всякаго англичанина во французскихъ земляхъ военноплѣннымъ, и наложилъ запретъ на ихъ имущества. Англійское правительство не осталось въ долгу

и отплатило тѣмъ же. Франція лишилась заморскихъ товаровъ, изъ которыхъ многіе стали давно уже предметомъ первой необходимости. Это возбудило неудовольствіе и ропотъ въ самой же Франціи. Французы отъ дѣйствій императора страдали болѣе, чѣмъ ихъ враги—англичане.

Сломить могущество послѣднихъ было не такъ-то легко. Снова замышляется походъ въ Индію, чтобы тамъ въ Азіи нанести ударъ Англіи въ Ахиллесову пяту ея дальнихъ владѣній.

ЛАНЪ, ГЕРЦОГЪ МОНТЕБЕЛЛО.
Живопись барона Жерара.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилась Россія. Ей нечего было дѣлить съ Наполеономъ, и Наполеону нечего было искать новой славы въ ея холодныхъ равнинахъ, среди ея угрюмыхъ лѣсовъ и почти стомилліоннаго народа, темнаго, закрѣпощеннаго, съ тоскою на сердцѣ отбывавшаго гнетъ солдатчины...

Но не самъ русскій народъ ополчался на Наполеона. Его вели невѣдомо зачѣмъ въ чужую землю, враждебной ему по духу Пруссіи, его заставляли проливать кровь на поляхъ Аустерлица и въ долинахъ Іены...

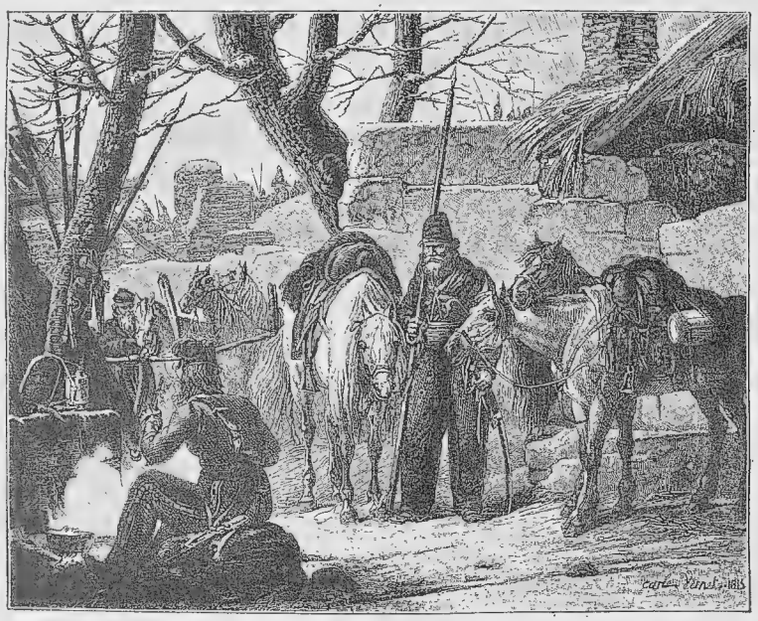
Царь этого темнаго народа, носившаго цѣпи рабства, далъ клятву дружбы своему родственнику Фридриху Вильгельму и, во имя клятвы царя, народъ впутывали въ новую, тяжелую для него войну. Покорный и безотвѣтный, онъ помогалъ австрійцамъ, теперь его вели на помощь пруссакамъ... А въ его, крытыхъ соломой, дрянныхъ избенкахъ было безъ конца своего дѣла. Освобождая народы и возстановляя могущество троновъ сосѣдей, онъ забывалъ, что онъ самъ—великій народъ—былъ придавленъ къ землѣ, прикрѣпленъ къ помѣщикамъ и, какъ рабъ, скованъ цѣпями...

И рабовъ вели, чтобы они своими мозолистыми руками, оторванными отъ плуга, своими могучими спинами, исполосованными розгами и кнутами, дали отпоръ невѣдомому врагу.

Этотъ врагъ грозилъ не народу, а царскому другу—королю прусскому. Но народъ вели противъ него сражаться.

И онъ шелъ въ тупой покорности, шелъ не разсуждая въ Пруссію. Александръ I придвигалъ уже свою девяностотысячную армію къ владѣніямъ своего друга.

Глухо волновалась и подымалась Польша, покончившая уже существованіе, какъ самостоятельное государство, и раздѣленная на части,



БИВУАКЪ КАЗАКОВЪ.
Картина Карла Верне.

подобно тому какъ дѣлится на куски пирогъ. Однимъ кускомъ завладѣла Австрія, другимъ Россія.

Австрійская Польша привѣтствовала Наполеона какъ освободителя.

Наполеонъ заявилъ, что онъ никогда не сочувствовалъ раздѣлу Польши и далъ полякамъ слово возстановить независимое польское королевство.

Кличъ свободы пронесся по всей польской землѣ. Патріоты взялись за оружіе. Шестьдесятъ тысячъ прекрасно вооруженныхъ поляковъ встали подъ знамена Наполеона. Не всѣ, правда, въ Польшѣ вѣрили обѣщаніямъ Наполеона. Поляки раздѣлились на партіи. Великій польскій патріотъ Костюшко ожидалъ событій, не полагаясь на слова. Понятовскій звалъ на помощь Наполеону, а Чарторійскій былъ увѣренъ, что только русскій царь дѣйствительно поможетъ Польшѣ. Но шестьдесятъ

СРАЖЕНІЕ ПРИ ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ 7 ФЕВРАЛЯ 1807 Г.

Съ картины Симеона Фора гравировалъ Скельтонъ Версальская галлерея.

тысячъ польскаго войска были не лишними для Наполеона въ борьбѣ противъ Александра. Усиленная ими французская армія вѣрнѣе могла нанести ударъ Россіи.

Наполеонъ быстро переправилъ свою армію черезъ Вислу и надвигался какъ туча, медленно, но грозно навстрѣчу союзнику своего врага.

* * *

НАПОЛЕОНЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ ЭЙЛАУ.
Картина Гро (Луврскій музей).

Варшава въ рукахъ Наполеона.

Торнъ осадила французская армія, а по наведеннымъ мостамъ черезъ Вислу, Бугъ и Наревъ все впередъ и впередъ подвигается военная громада по русскимъ владѣніямъ...

Корпусъ Ланна неожиданно столкнулся съ главными силами русской арміи. Завязался бой и Ланну пришлось съ уономъ отступить.

Утомленная русская армія не преслѣдовала непріятеля.

На другое утро она была уже далеко: она сама отступала вглубь страны.

Утопая въ грязи невозможныхъ дорогъ, обратившихся во время распутицы въ сплошное болото, медленно двигались полки Наполеона. Рѣки и рѣчушки, болотистыя низины преграждали путь. Обнаженныя поля раз-

1806 ГОДЪ.

Картина Э. Мейссонье.

стилались кругомъ. Пустынно и тихо. Недостатокъ провіанта съ каждымъ днемъ сказывался все сильнѣе и сильнѣе... И чѣмъ дальше углублялось войско въ страну, тѣмъ больше росло недовольство солдатъ.

Зачѣмъ понадобилась императору эта бѣдная страна, гдѣ солдатамъ не только нечѣмъ было поживиться, но приходилось голодать, вдали отъ своей Франціи?!

Битва подъ Пултускомъ также не дала никакихъ новыхъ лавровъ.

Бой окончился въ ничью.

Наполеонъ только вынесъ изъ него убѣжденье, что русскій главнокомандующій фельдмаршалъ Каменскій настолько старъ и дряхлъ, что старику необходимъ покой, а не поле битвы. Кромѣ того отъ его зоркаго глаза не укрылось, что русскіе чиновники умѣютъ класть въ свои карманы солдатскія деньги, а солдаты, истомленные отъ голода, не умѣютъ роптать.

ФРАНСУА ІОСИФЪ ЛЕФЕВРЪ, ДАНЦИГСКІЙ ГЕРЦОГЪ, МАРШАЛЪ ФРАНЦІИ.
Съ гравюры Тизингера.

Здѣсь же французскій императоръ въ первый разъ увидѣлъ азіатскую конницу русскихъ, въ видѣ донскихъ казаковъ. Русскіе мамелюки никому не давали пощады и сражались съ ожесточеніемъ. Они, по мнѣнію Наполеона, мало отличались отъ татаръ.

Впрочемъ для такихъ наблюденій не стоило держать подъ ружьемъ стосорокатысячную армію вдали отъ Франціи. Только одна Варшава понравилась Наполеону. Онъ увозилъ изъ этого города самыя лучшія впечатлѣнія; въ Варшавѣ среди временнаго затишья военныхъ дѣйствій было шумно, весело и привольно и хотя нѣсколько напоминало въ маломъ объемѣ парижскую жизнь.

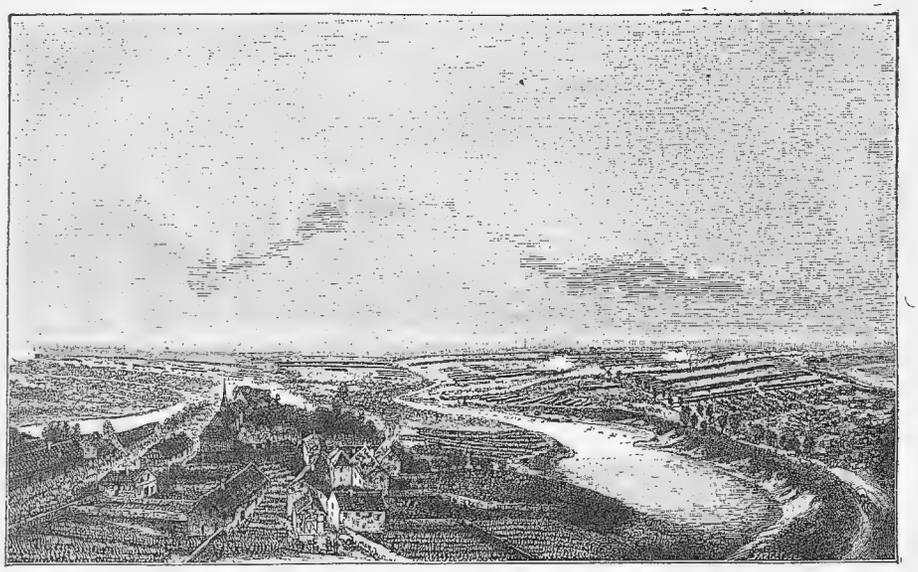
Среди веселой варшавской жизни, послѣ не долгаго перерыва военныхъ дѣйствій, Наполеонъ получилъ извѣстіе, что русскія войска выказываютъ необычайную дѣятельность въ Пруссіи.

Наполеонъ составилъ планъ. Рѣшено было путемъ искусныхъ размѣщеній корпусовъ неожиданно напасть на силы главнокомандующаго русской арміей и ударить въ его флангъ. При удачѣ такой маневръ долженъ былъ нанести рѣшительный ударъ русскимъ, не ожидавшимъ подобнаго

нападенія и все ближе и ближе подходившимъ къ ловушкѣ, искусно разставленной Наполеономъ.

Но одна случайность измѣнила этотъ хитро задуманный планъ. Беннигсенъ проникъ въ тайну императора французовъ. Курьеръ, везшій планъ маршалу Бернадоту, попалъ въ руки казаковъ.

Новый русскій главнокомандующій тотчасъ же отдалъ приказъ къ отступленію. Весь день и всю ночь продолжалось это поспѣшное отступленіе. На утро армія прибыла уже въ Прейсишъ-Эйлау. На соединеніе съ ней спѣшилъ прусскій генералъ Лестокъ. Но Эйлау русскіе занимали недолго. Они добровольно очистили его и расположились бивуаками за городомъ.



БИТВА ПРИ ФРИДЛАНДѢ.
По акварели Симеона Фора.

На разсвѣтѣ (8 февраля) семьдесятъ тысячъ французовъ стояло противъ пятидесяти восьми тысячъ русскихъ.

Сультъ, Ожеро, Сентъ-Иллеръ, Мюратъ, а противъ нихъ генералы Тучковъ, Сакенъ, Остерманъ и Толстой. Въ резервѣ Дохтуровъ и князь Голицынъ.

* * *

Низкая равнина подъ бѣлой пеленой снѣга. Сѣрое утро. Холодный вѣтеръ взметалъ снѣжную пыль. Темныя тучи низко неслись надъ головами.

Вьюга заметала дороги. Въ сугробахъ увязала лихая кавалерія.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ ФРИДЛАНДОМЪ.
Картина Ораса Верне въ Версал. историч. галлереѣ.

нжеро и Сентъ-Иллеръ, начавшіе первые атаку лѣваго крыла противника, скоро потеряли другъ друга изъ виду. Снѣговая стѣна, бѣлая, Непроницаемая, загораживала путь.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.
Акварель Сентъ-Обэна.

Русская артиллерія открыла убійственный огонь; русская конница бросилась на центръ французовъ, гдѣ на холмѣ подъ прикрытіемъ гвардіи находился самъ французскій императоръ. Русскіе гнали французовъ и неслись неудержимо впередъ.

Конница достигла уже подошвы холма. Еще минута и холмъ будетъ въ рукахъ русскихъ.

И смотря на бѣшеную атаку врага, Наполеонъ смущенно повторялъ:

— Какая дерзость! Какая дерзость!

Смутились и маршалы. Однако, русская конница, утомленная преслѣдованіемъ, уже поворачивала обратно, а на перерѣзъ ей мчался Мюратъ со своей кавалеріей.

Даву грозилъ обойти лѣвый русскій флангъ, но русскіе оборонялись храбро, не уступая французамъ ни шага безъ боя. Къ вечеру на бѣломъ снѣгѣ равнины, обрызганномъ кровью жертвъ, лежало до 18 тысячъ павшихъ французовъ; столько же русскихъ полегло въ этотъ день. Но сраженіе не было выиграно. Ни одна изъ сторонъ не могла торжествовать побѣды...

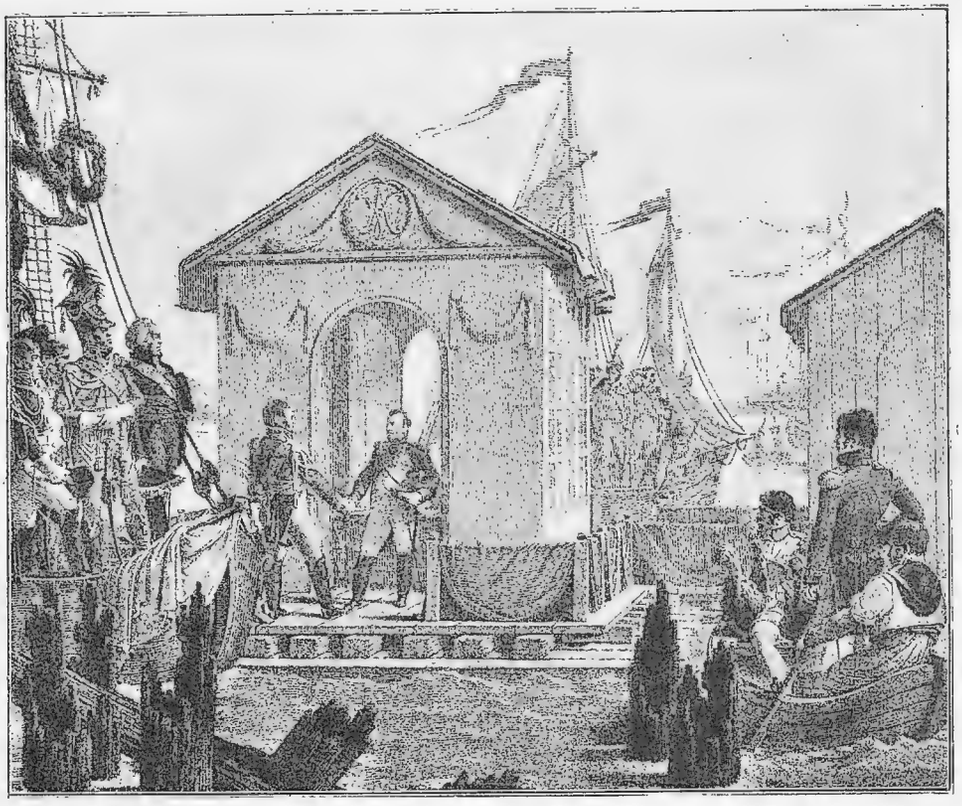
На слѣдующее утро Наполеонъ узналъ о новомъ отступленіи русской арміи. Французы, однако, остались на прежней позиціи.

Отступленіе русскихъ дало возможность императору французовъ приписать себѣ побѣду, хотя корпусъ Ожеро былъ почти весь уничтоженъ, самъ маршалъ былъ боленъ. Многіе полки полегли на мѣстѣ.

ГРАФЪ ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БЕННИГСЕНЪ.
Акварель Сентъ Обэна.

Побѣдитель жилъ въ убогой хижинѣ, крытой соломой. Вьюга намела сугробы снѣга, морозъ зачертилъ узорами крошечныя конца.

Грязно, холодно и голодно было въ жилищѣ Наполеона. Онъ былъ радъ, когда могъ достать хлѣбца, но мужественно переносилъ свое поло-



ВСТРѢЧА ИМПЕРАТОРОВЪ ВЪ ТИЛЬЗИТѢ.
Современная гравюра.

женіе и, подавая примѣры роптавшимъ солдатамъ, говорилъ маршаламъ:

— Здѣсь было бы превосходно, если бы не было недостатка въ продовольствіи. Но и теперь ничего, сносно...

Его радовало, что, наконецъ, удалось нанести ударъ неуязвимой Англіи въ лицѣ ея союзницы—Россіи.

Россія тогда одновременно вела двѣ войны: съ Турціей и Наполеономъ. Султанъ объявилъ войну съ Англіей. Англія послала къ Константинополю свою эскадру. Французскій посланникъ началъ переговоры съ англійскимъ адмираломъ, а пока они велись, Турція вооружала свои береговыя укрѣпленія.

У Наполеона создавался цѣлый планъ союза съ Турціей и Персіей противъ Россіи, Англіи и Австріи. Но теперь для продолженія кампаніи нужны были войска и войска.

Во Франціи призывается подъ ружье вся оставшаяся молодежь. Рейнскому союзу германскихъ государствъ предписывается доставить солдатъ; Испанія должна была выставить вспомогательный корпусъ.

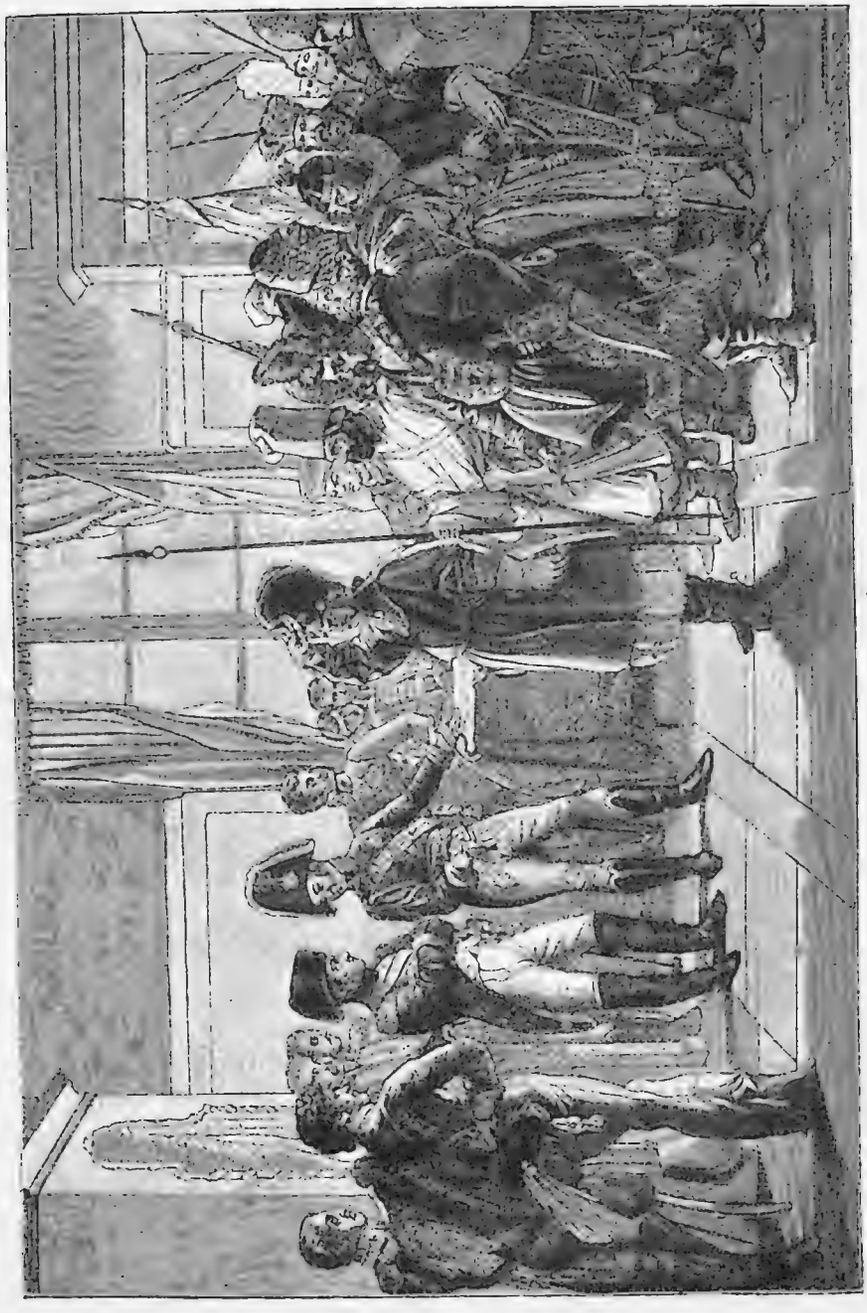
Россія и Пруссія заключали между собой договоръ, по которому

ВСТРѢЧА НАПОЛЕОНА СЪ КОРОЛЕВОЙ ЛУИЗОЙ ПОСЛѢ СВИДАНІЯ ПРИ ТИЛЬЗИТѢ.
Картина М. Госсъ (Версальскій музей).

они должны были избавить Европу отъ притязаній новаго завоевателя, каждое государство не могло заключать съ Наполеономъ мира безъ обоюднаго согласія другихъ союзниковъ. Къ этому союзу надѣялись привлечь Англію и Австрію. Но Австрія вовсе не желала изъ-за прекрасныхъ глазъ Пруссіи, которая молчаливо смотрѣла раньше на разгромъ имперіи Габсбурговъ, навлекать на себя новую бѣду.

Войска Наполеона стояли уже у австрійской границы, и Австрія выжидала времени, чтобы примкнуть къ той или другой сторонѣ, смотря по тому, на которой будетъ сила.

26 мая 1807 года палъ Данцигъ. Одна изъ могущественнѣйшихъ крѣпостей Балтійскаго моря сдалась на капитуляцію. Это былъ огромный ударъ для пруссаковъ. Союзницѣ ихъ—Россіи приходилось выносить все



АЛЕКСАНДРЪ I ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ НАПОЛЕОНУ БАШКИРОВЪ, КАЛМЫКОВЪ И ДР. ИНОРОДЦЕВЪ РУССКОЙ АРМІИ 7 ІЮЛЯ 1807 г.
Картина Пьера Бержера въ историч. галереѣ въ Версалѣ.

дѣло на своихъ плечахъ, а дальновидный Наполеонъ съ искренней, столь рѣдкой для него, готовностью предложилъ Австріи союзъ.

Австрія снова рѣшила выжидать событій и, въ виду наполеоновской

арміи у своихъ границъ, объявила о своемъ невмѣшательствѣ въ дѣла воюющихъ сторонъ. Ничтожеству Пруссіи она не могла вѣрить, сомнѣвалась въ силахъ Россіи и въ то же время не желала протянуть открыто руку дружбы своему недавнему врагу. Только побѣдитель будетъ пользоваться ея дружбой.

Послѣ недолгаго отдыха война разгорѣлась снова. Русскія войска снова перешли въ наступленіе. Послѣ упорнаго сопротивленія русская армія отступила внизъ по теченію рѣки Алле и 13 іюня расположилась въ Фридландѣ. Сюда же шли главныя силы французовъ.

Бой подъ Фридландомъ походилъ на кровавую рѣзню. Русскій главнокомандующій генералъ Беннигсенъ былъ побѣжденъ. Прусскій генералъ Лестокъ бѣжалъ вмѣстѣ съ войсками и королевскимъ дворомъ къ русской границѣ.

Беннигсенъ собралъ подъ Ауленбургомъ свои силы и черезъ четыре дня перешелъ Нѣманъ въ Тильзитѣ.

Ему предстояло или дать новый бой болѣе сильному по численности противнику, или отступить въ предѣлы Россіи.

— Это уже не война, а просто-на-просто рѣзня,—писалъ Беннигсенъ цесаревичу Константину Павловичу. — Докладывайте императору что угодно. Сдѣлайте только такъ, чтобы можно было остановить безцѣльное кровопролитіе.

Передъ Наполеономъ стоялъ такой же вопросъ: продолжать ли войну далеко отъ предѣловъ Франціи или заключить выгодный миръ. Россія не желала его и стягивала войска. На мѣстѣ разбитыхъ выростала новая грозная сила, а великая страна еще хранила молчаніе, грозное, выжидательное. Она словно нарочно заманивала непріятеля вглубь своихъ снѣговыхъ равнинъ...

Въ Россіи были противъ этой войны. Народъ еще молчалъ, но для истинно-русскихъ было очевидно, что война съ Наполеономъ ведется только для блага иностранцевъ. Россіи было нечего, какъ и прежде, дѣлить съ императоромъ французовъ. Ради прусскаго короля, хотя и союзника Александра I, не стоило рисковать тысячами жизней, тѣмъ болѣе, что русскій царь выполнилъ свое слово и не оставилъ Фридриха Вильгельма сражаться одиноко.

Война союзниковъ была проиграна.

Начинать новую Россіи съ Наполеономъ не было смысла и на предложеніе Наполеона заключить съ Россіей миръ безъ участія Пруссіи Александръ I отвѣтилъ согласіемъ.

Пруссія была въ конецъ разгромлена. Фридрихъ Вильгельмъ былъ королемъ безъ земли. Отъ крошечной Пруссіи уцѣлѣлъ въ рукахъ ко-

АТАКА 12-ГО ГУСАРСКАГО ФРАНЦУЗСКАГО ПОЛКА ВЪ 1806 ГОДУ.
Картина Э. Детайля.

1807 ГОДЪ.
Картина Э. Мейссонье.

роля лишь незначительный кусочекъ владѣній. Король вмѣстѣ со своимъ единственнымъ министромъ Гарденбергомъ скитался съ мѣста на мѣсто.

Въ пограничномъ Мемелѣ въ тревогѣ и страхѣ за завтрашній день жила королевская семья. Всѣ остальныя владѣнія Пруссіи были заняты французскими войсками.

При такихъ условіяхъ Наполеонъ предложилъ русскому царю заключить съ нимъ миръ.

Предложеніе было принято.

Утромъ 25 іюня 1807 г. оба императора встрѣтились въ Тильзитѣ.

* * *

На срединѣ рѣки Нѣмана былъ сооруженъ плотъ. Флаги и гирлянды зелени украшали постройку французскихъ саперовъ. Латинскія буквы N. переплетались съ A. (Napoléon и Alexandre).

Прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ и отъ обоихъ береговъ отчалило по лодкѣ.

Въ одной находился Александръ I со свитой, въ другой Наполеонъ.

— Ура! — грянуло на обоихъ берегахъ.

ІОСИФЪ БОНАПАРТЪ, КОРОЛЬ ИСПАНСКІЙ.
Съ картины І. Б. Викара въ Версальскомъ музеѣ.

Лодка французскаго императора первая причалила къ плоту.

Наполеонъ, въ неизмѣнномъ походномъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ, встрѣтилъ своего гостя.

Александръ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ поднялся по ступенямъ. Оба императора обмѣнялись привѣтствіями и удалились въ особо устроенную комнату. Рядомъ съ ней помѣстилась свита.

Долгая, двухчасовая бесѣда.

— Государь,—сказалъ русскій царь, обращаясь къ Наполеону,—я готовъ дѣйствовать заодно съ вами противъ англичанъ.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ друзьями и миръ между нами уже заключенъ,—отвѣтилъ Наполеонъ.

Союзъ между двумя монархами былъ заключенъ въ Тильзитѣ. Ихъ было только двое; никого третьяго они не желали принимать въ свой союзъ, даже прусскаго короля, проживавшаго въ это время въ ближайшей къ Тильзиту деревушкѣ. Но Александръ не хотѣлъ оставить своего бывшаго союзника одинокимъ въ несчастьѣ. Онъ хлопоталъ передъ побѣдителемъ Пруссіи о смягченіи участи короля безъ земли.

— Теперь мы друзья на-вѣки,—говорилъ Александръ,—завѣса разорвана, пора заблужденій миновала...

Только ради друга-царя Наполеонъ уступилъ Фридриху Вильгельму почти половину бывшей Пруссіи; изъ западныхъ же областей ея было создано новое Вестфальское королевство съ королемъ Жеромомъ Бонапартомъ во главѣ. Изъ прусской Польши возникало герцогство Варшавское, подъ управленіемъ бывшаго союзника Наполеона—саксонскаго короля. Россіи предлагалась Молдавія, Валахія и Финляндія, а Александръ I выступалъ въ союзѣ съ Франціей противъ исконнаго ея врага Англіи.

7 іюля договоръ Россіи съ Франціей былъ уже подписанъ. Обѣ, недавно еще враждебныя, арміи справляли торжественный праздникъ союза и братства. Французамъ были розданы въ изобиліи русскіе ордена. Наполеонъ, отдавая визитъ русскому царю, снялъ съ своего мундира орденъ почетнаго легіона и собственноручно повѣсилъ крестъ на грудь русскаго унтеръ-офицера. На слѣдующій день императоръ Александръ уѣхалъ въ Россію.

Онъ спасъ свою союзницу Пруссію и увеличилъ Россію новыми пріобрѣтеніями.

Наполеонъ направился въ Дрезденъ. Казалось, послѣ долгой борьбы снова должны были наступить для Франціи дни давно желаннаго затишья. Но затишье—всегда призракъ надвигающейся бури.

Испанія, гдѣ царствовали Бурбоны, давно признала могущество Наполеона. Она склонилась передъ силой и готова была выйти изъ повиновенія, видя эту силу сломленной. Испанія, однако, слишкомъ поспѣшила. Разсчитывая, что Наполеонъ не устоитъ противъ соединенныхъ силъ Австріи, Россіи и Пруссіи, Испанія сбросила маску покорности и сама готовилась примкнуть къ союзу державъ противъ Наполеона.

Наполеонъ получилъ это извѣстіе еще во время своего пребыванія въ Берлинѣ.

Онъ былъ взбѣшенъ. Отдается рѣшительный приказъ Испаніи: готовить флотъ и идти въ Тулонъ.

Испанское правительство покорилось и приняло съ покорностью это униженіе. Но не покорился народъ. Король Карлъ IV давно интриговалъ противъ своего сына Фердинанда—любимца народныхъ массъ—и искалъ поддержки у Наполеона.

Фердинандъ въ 1807 году былъ арестованъ и обвиненъ въ покушеніи на жизнь короля-отца. Народъ возсталъ на его освобожденіе. Фердинандъ былъ объявленъ королемъ Испаніи.

ЗАЩИТНИКИ САРАГОССЫ.
По картинѣ Морица Оранжа гравюра Доши.

Наполеонъ рѣшилъ вмѣшаться въ дѣла Испаніи и положить конецъ хозяйству ненавистныхъ Бурбоновъ. Онъ двинулъ свои войска въ Испанію, но забылъ, что противъ него стоялъ весь испанскій народъ, а не только его король. Дѣло народа и короля было общимъ. Однако, Наполеонъ, распоряжавшійся королями и королевствами какъ шахматными фигурами, рѣшилъ не уступать. Онъ свергъ Фердинанда, отправилъ Карла и его свиту вонъ изъ предѣловъ Испаніи и провозгласилъ испанскимъ королемъ Жозефа Бонапарта.

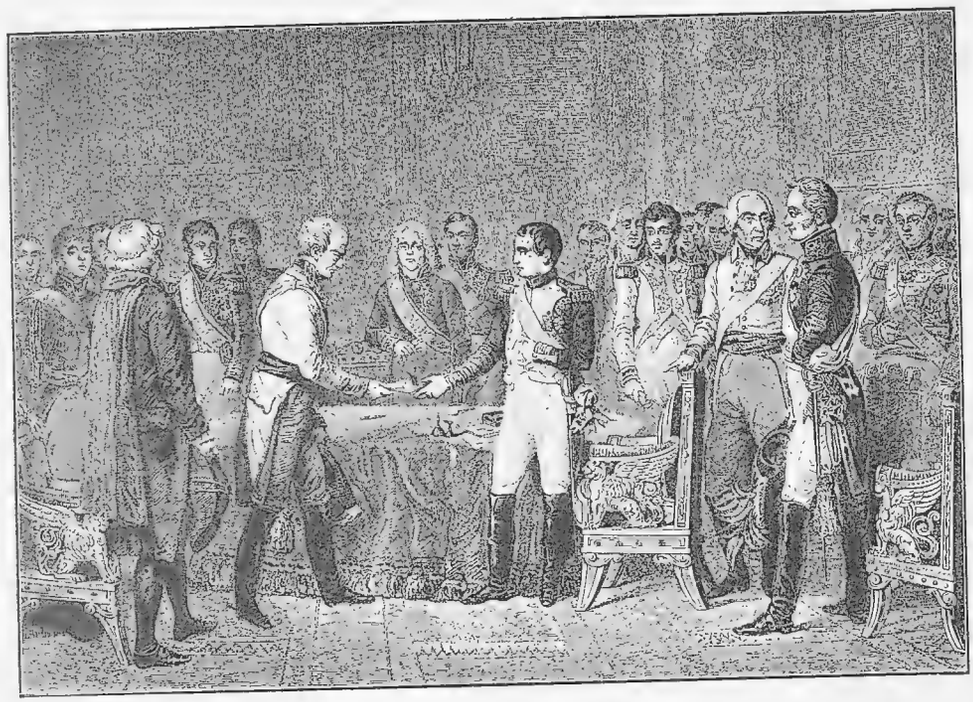
По Испаніи разлилось бушующимъ потокомъ народное возстаніе.

Французскія войска принуждены были спрятаться отъ гнѣва народа по крѣпостямъ.

Новый король увѣдомлялъ своего брата:

— На моей сторонѣ только негодяи, а всѣ честные люди и патріоты противъ меня. Они совершенно открыто говорятъ, что меня слѣдовало бы зарѣзать.

— Чего тутъ говорить о смерти!—отвѣчалъ Наполеонъ,—впереди



СЪѢЗДЪ ВЪ ЭРФУРТѢ (27 СЕНТЯБРЯ — 14 ОКТЯБРЯ 1808 г.). НАПОЛЕОНЪ ПРИНИМАЕТЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ПОСЛА ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, БАРОНА ВЕНСЕНА.
Съ картины Франсуа Госсе гравировалъ Монинъ (Версальская галлерея).

жизнь и побѣда! Ручаюсь вамъ за то и другое... Быть можетъ, я и найду въ Испаніи Геркулесовы столбы, но они не послужатъ предѣлами для моего владычества.

Онъ былъ взбѣшенъ и разсерженъ на своихъ генераловъ.

— Они,—говорилъ онъ,—годятся лишь на должность второстепенныхъ караульныхъ начальниковъ!

Генералы, дѣйствительно, не могли справиться съ возстаніемъ. Мюратъ съ Монсеемъ съ 30-тысячной арміей едва держались въ Мадридѣ. Жюно стоялъ въ Португаліи. Бесеверъ, Дюгемъ и Дюпонъ занимали провинціи Испаніи, а испанское народное ополченіе не давало имъ покоя.

Дюпонъ даже былъ вынужденъ заключить въ Байленѣ позорную капитуляцію и сдать оружіе всего корпуса. Жюно пришлось повторить то же, покрывъ позоромъ славу непобѣдимаго императора.

Все это было мало успокоительно... А надъ Пруссіей и Австріей подымались зловѣщія тучи.

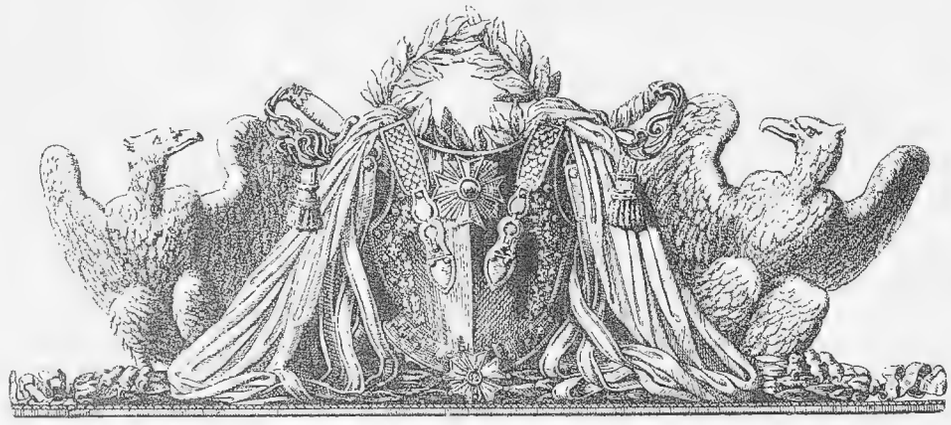
Не оправдывались слова Наполеона, сказанныя имъ своему послу въ Петербургѣ:

— Пора дать міру покой. Я не хочу воевать ни съ кѣмъ. Скрѣпляйте союзъ съ Александромъ, которому я довѣряю. Между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать ихъ сближенію.

Но при русскомъ дворѣ у Наполеона было мало друзей. Его называли здѣсь «исчадьемъ революціи»; косо смотрѣли старые крѣпостники на дарованіе имъ Польшѣ конституціи и отмѣны крѣпостного права. Вражда Россіи съ Англіей остановила торговлю хлѣбомъ и лѣсомъ; не стало сбыта у русскихъ помѣщиковъ, а въ народѣ ходила уже сказка объ «окаянномъ нехристѣ», не то человѣкѣ, не то антихристѣ.

Новое свиданіе Наполеона съ Александромъ въ Эрфуртѣ длилось 18 дней, но было больше показнымъ, чѣмъ искреннимъ.

Остановить историческій ходъ событій не во власти даже такихъ геніальныхъ людей, какимъ былъ Наполеонъ.



ГЛАВА XIV.

НА ВЕРШИНѢ СЛАВЫ.

Кипитъ водоворотъ.—Пятая война съ Австріей.—Подъ стѣнами Вѣны.—Пораженіе подъ Асперномъ и побѣда при Ваграмѣ.—Вчерашній врагъ—сегодня другъ.—Наполеонъ—родственникъ дома Габсбурговъ.—Новая императрица французовъ.—Всемірное владычество.—Наканунѣ войны съ Россіей.—Пророчество Наполеона.

НАПОЛЕОНЪ достигъ вершины славы. Подобно солнцу, поднявшемуся въ полдень высоко надъ землей, имя императора французовъ сіяло надъ Европой своимъ величіемъ, могуществомъ и славой. Все падало передъ нимъ и преклонялось: побѣжденные народы и разгромленныя государства. Вся почти Европа была въ его власти. Онъ былъ владыкой полміра, неограниченно диктующимъ государствамъ и правителямъ то, что онъ желалъ. Однѣ только Англія и Россія попрежнему оставались въ тѣни отъ сіянія лучей славы Наполеона. Въ Испаніи его дѣло казалось проиграннымъ. Народъ поднимался и бушевалъ противъ «адской бестіи». Въ Португаліи французскіе генералы, которыхъ императоръ со злобой прозвалъ «почтмейстерами», проиграли кампанію. Изъ Испаніи выгнали короля Жозефа. Португалія звала на помощь англичанъ. Наполеонъ бросился самъ усмирять непокорныхъ. Во главѣ стапятидесятитысячнаго войска онъ явился за Пиринеи и доказалъ, что если его генералы только «почтмейстеры», то онъ великій полководецъ. Онъ смирилъ, подавилъ начавшееся было народное возстаніе. Испанцы положили оружіе и просили пощады, но затаили злобу противъ насильника.

А въ Пруссіи, Австріи и даже у самихъ французовъ просыпалось

заглохшее чувство національности. До сихъ поръ Наполеонъ воевалъ и дружилъ только съ государями,—теперь противъ него подымались народы, униженные, оскорбленные въ своихъ лучшихъ чувствахъ французскимъ императоромъ. Просыпался патріотизмъ...

Въ Испаніи Наполеонъ получилъ новое извѣстіе: въ Парижѣ начиналось броженіе.

ШАРЛЬ МОРИЦЪ ДЕ-ТАЛЕЙРАНЪ-ПЕРИГОРЪ.
Живопись Фр. Жерара. Гравюра А. Буше.

Партія интригановъ подкапывалась подъ могущество императора. Она называла себя «партіей патріотовъ», хотя во главѣ ея и стояли такіе люди, какъ пронырливый Талейранъ и хитрая лисица — министръ полиціи Фуше, служившій съ одинаковой ревностью и королю Людовику XVI, и революціи, и императору Наполеону. Талейранъ принадлежалъ къ породѣ такихъ людей, для которыхъ всѣ средства дозволены, если они только ведутъ къ цѣли. Волненіе оказалось далеко не такимъ страшнымъ. Наполеонъ появился въ Парижѣ, и все заглохло. Талейранъ покорно гнулъ спину, Фуше попрежнему извивался ужомъ, клялся въ вѣрности и дѣятельно розыскивалъ «мятежниковъ».

Этимъ броженіемъ, на самомъ дѣлѣ незначительнымъ по размѣрамъ, воспользовался австрійскій посланникъ. Онъ доносилъ своему правительству о грозящей Франціи опасности, преувеличивая ее во много разъ. Австрія давно уже снова дѣятельно готовилась къ войнѣ, разсчитывая на поддержку Пруссіи; послѣдняя рада была отомстить Наполеону и ждала только удобнаго случая.

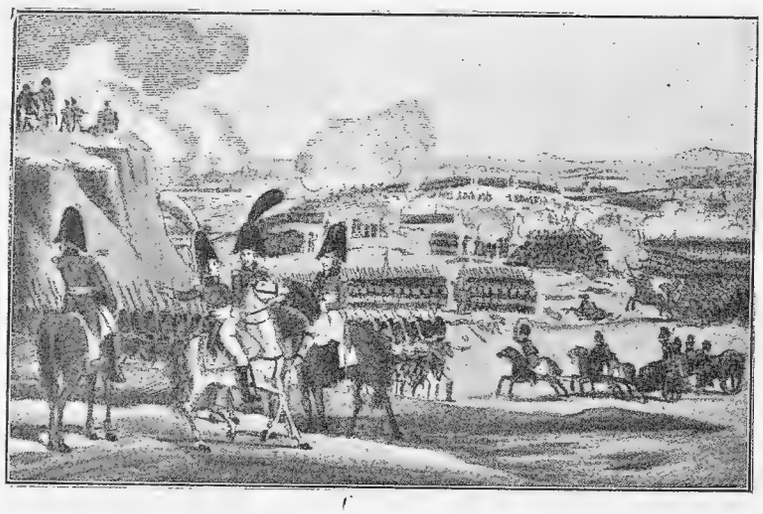
ЖОЗЕФЪ ФУШЕ, министръ полиціи.
Совр. гравюра Ф. Болингеръ.

Теперь онъ представлялся для Австріи, повѣрившей донесеніямъ своего посла.

Вспыхиваетъ пятая по счету война Наполеона съ Австріей.

Австрійскія войска переходятъ первыми въ наступленіе.

Бертье получаетъ назначеніе на должность начальника штаба великой арміи. Даву предписывалось собрать войска въ Бамбергѣ; полякамъ быть готовымъ къ войнѣ въ Варшавѣ; саксонцамъ собраться подъ ружьемъ въ Дрезденѣ, куда уже шелъ Бернадотъ со своими двумя дивизіями. Въ Аугсбургъ направлялся Удино. Въ Ульмъ, подъ начальствомъ Массены, отправляются дивизіи, предназначенныя было для Испаніи. Въ Страсбургъ спѣшно перекидываются войска, только что собранныя во Франціи. А рейнскимъ государямъ, какъ вѣрнымъ союзникамъ, императоромъ повелѣвается привести свои войска на военное положеніе. Вся армія великаго полководца должна была быстро собраться около Мюнхена.



БИТВА ПРИ ЭКМІОЛЬПѢ.
Съ гравюры Ф. Флейшмана.

Австрійцы, на этотъ разъ, отказались отъ своей обычной медлительности; они переходятъ первые въ наступленіе. 12 апрѣля Наполеонъ

КОННИЦА ГЕНЕРАЛА ГРОССА (1809 г.). Картина Эд. Детайля.

получилъ въ Парижѣ извѣстіе объ объявленіи войны и о переходѣ австрійцами рѣки Инъ.

Онъ быстро, на почтовыхъ, помчался къ арміи.

* * *

19 апрѣля между маршаломъ Даву и эрцгерцогомъ Карломъ произошло первое столкновеніе. Французскіе маршалы надѣлали рядъ ошибокъ, но геній Наполеона и тутъ не потерялся. Онъ развернулъ новый планъ дѣйствій, который въ продолженіе двухъ сутокъ и былъ приве-

ПЕРЕДЪ АТАКОЮ.
Картина Э. Мейссонье.

денъ въ исполненіе. Недаромъ онъ любилъ говорить, что «самоувѣренность для полководца необходима».

Присутствіе обожаемаго предводителя въ рядахъ арміи придавало солдатамъ увѣренность въ побѣдѣ. И, дѣйствительно, онъ шелъ во главѣ своихъ войскъ, какъ встарь ведя ихъ на битву.

Послѣ 30-верстнаго перехода французская армія столкнулась близъ Экмюльна съ непріятельскими аванпостами. Здѣсь Наполеонъ рѣшилъ дать бой, и здѣсь же онъ въ первый разъ поддался возраженіямъ своихъ маршаловъ, которые доказывали, что необходимо прекратить преслѣдованіе австрійцевъ, такъ какъ солдаты слишкомъ утомлены.

Побѣда при Экмюльнѣ вышла не полной побѣдой. За Экмюльнъ приходилось расплачиваться австрійцамъ при Ваграмѣ.

Послѣ ряда длинныхъ, продолжительныхъ боевъ французы пе-

НАПОЛЕОНЪ.
Живопись А. Деларэша.

решли въ наступленіе. По правому берегу Дуная они надвигались снова къ стѣнамъ Вѣны.

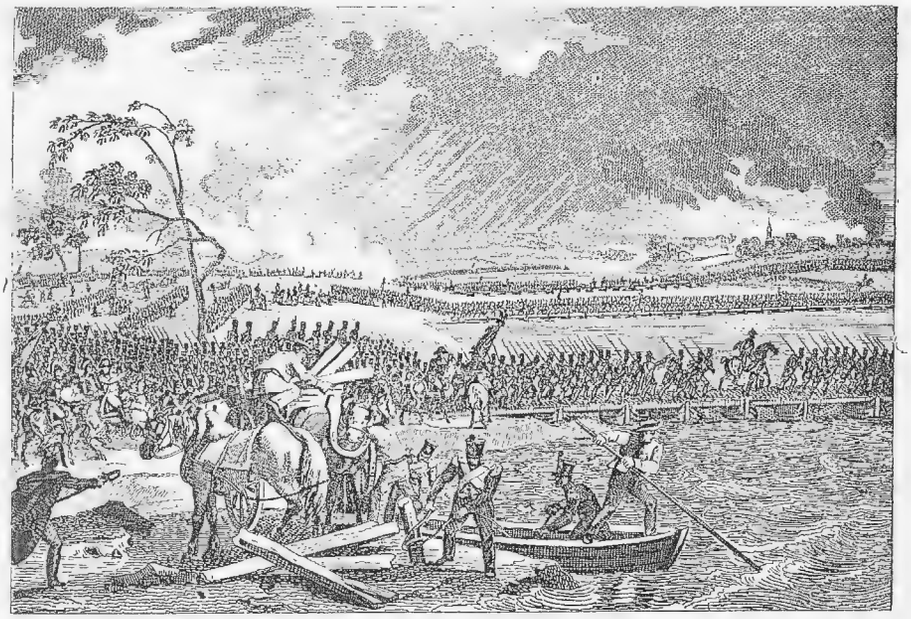
Непріятель не оказывалъ какого-либо серьезнаго сопротивленія.

10 мая Наполеонъ уже стоялъ у воротъ австрійской столицы. Французы прервали сообщеніе города съ рѣкой. Артиллерія ихъ выпустила нѣсколько гранатъ, и осажденная столица сдалась на капитуляцію

Наполеонъ входилъ побѣдителемъ въ городъ.

Но на австрійской землѣ предъ нимъ стоялъ сильный соперникъ: эрцгерцогъ Карлъ находился на лѣвомъ берегу Дуная во главѣ 80 тысячъ солдатъ.

Карлъ уже шелъ на освобожденіе Вѣны и легко могъ отрѣзать всѣ пути отступленія для французовъ. Навстрѣчу Карлу Наполеонъ и повелъ свои войска. Въ Аспернѣ загорѣлся новый бой. Усталые отъ похода французскія войска сражались со свѣжими австрійскими. Два цѣ-



ПЕРЕХОДЪ МОСТА У ОСТРОВА ЛОБАУ.
Съ гравюры Куше.

лыхъ дня длился этотъ бой, и честь побѣды на этотъ разъ осталась за австрійцами.

Наполеону пришлось отступить. Французская армія понесла тяжелый уронъ.

Это первое пораженіе доставило императору невыразимыя муки. Онъ былъ оскорбленъ и горѣлъ жаждой мести.

Но онъ все же продиктовалъ, мѣшая правду съ ложью, въ приказѣ по арміи:

— Непріятель отступилъ на свою позицію, оставивъ поле сраженія за нами.

Побѣда подъ Асперномъ не дала, однако, удовлетворенія и австрійцамъ. Они не имѣли силъ преслѣдовать отступавшаго врага и не

могли воспользоваться побѣдой потому, что занятая непріятелемъ новая сильная позиція устраняла всякую возможность преслѣдованія.

Во французской арміи въ бою подъ Асперномъ былъ смертельно раненъ маршалъ Ланнъ. Умирающій безстрашный воинъ сказалъ императору то, что многіе отъ него скрывали. Стоя лицомъ къ лицу со смертью, Ланнъ прямо высказалъ, что армія уже утомилась въ безцѣльномъ кровопролитіи, и Франція болѣе не расположена истощать своихъ силъ.

ДАВУ, КНЯЗЬ АУЕРШТЕДТСКІЙ, ПРИНЦЪ ЭКМІОЛЬНСКІЙ.
Живопись Готеро.

Дѣйствительно, въ арміи стоялъ ропотъ. Война не давала солдатамъ средствъ для обогащенія. Быстрыя передвиженія и постоянныя стычки держали ихъ постоянно въ сознаніи, что необходимо быть насторожѣ.

И сами маршалы, недавніе орлы наполеоновскихъ побѣдъ, теперь уже были не тѣ. Многихъ изъ нихъ, наиболѣе честныхъ и отважныхъ, не было въ живыхъ. Лучшій полководецъ Франціи, соперникъ по таланту Наполеона, истинный сынъ республики—Гошъ —спалъ уже давно въ могилѣ: онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, не совершивъ и десятой доли того, что бы могъ совершить его крупный талантъ. Клеберъ,—неустрашимый герой Египта, — палъ жертвой наполеоновской неудачной затѣи, какою явился этотъ походъ. Наполеонъ взялъ отъ Египта для себя прелесть славы, оставивъ Клеберу всю горечь положенія полководца безъ войска на чужой землѣ. Не менѣе Клебера, талантливый Моро былъ насильно удаленъ изъ Франціи и жилъ эмигрантомъ въ Америкѣ, а менѣе даровитый, но храбрый Ланнъ уже доживалъ послѣднія минуты, умирая въ походной палаткѣ. Массена, падкій до золота, наполнивъ свои карманы награбленнымъ добромъ, давно готовъ былъ промѣнять суровую обстановку походовъ на мирную жизнь среди роскоши и удовольствія.

Роскошь дворца гибельно отражалась на всей арміи и въ особенности на ея высшихъ чинахъ.

Въ разгромленной не разъ уже Австріи искать богатой добычи было невозможно. Но Наполеонъ упорствовалъ. На островѣ Лобау (на Дунаѣ подъ Вѣной) вновь закипѣла оживленная работа: строили мосты черезъ главный рукавъ Дуная. На островѣ возводились сильныя укрѣпленія. Сооружался рядъ другихъ мостовъ, не менѣе прочныхъ и солидныхъ.

НАПОЛЕОНЪ ПРИ ВАГРАМѢ.
Картина Г. Верне (Версальскій музей).

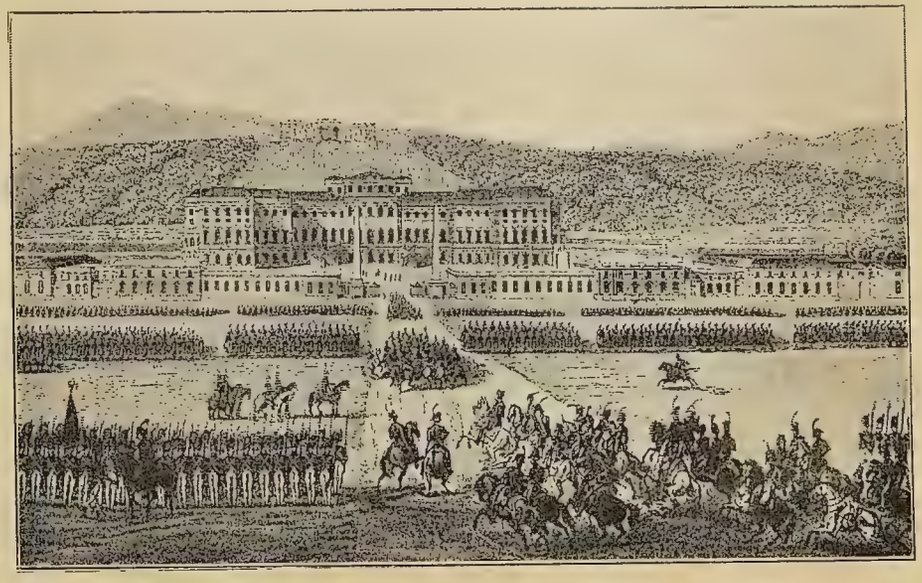
Они необходимы были для арміи, чтобы удержать за собой возможность перехода на лѣвый берегъ Дуная.

Къ 1 іюня всѣ приготовленія были закончены, а пятаго іюня послѣ переправы, на которую была потрачена цѣлая ночь, австрійцы и французы сошлись. Столкновеніе войскъ произошло около селенія Ваграма, которое представляло ключъ ко всей австрійской позиціи.

Нѣсколько попытокъ французской арміи аттаковать непріятеля оказались безуспѣшными. Тогда французскія позиціи были перенесены за Русбанъ.

Новый рядъ стычекъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, бла-

БИВУАКЪ НАПОЛЕОНА НА ПОЛѢ БИТВЫ ПРИ ВАГРАМѢ.
Картина Рёпа (Версальскій музей).



ПРИБЫТІЕ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА ВЪ ЗАМОКЪ ШЕНБРУННЪ (1809 г.).
Рис. А. де-Лабордъ, грав. Обертенъ

гопріятнымъ для Наполеона; наоборотъ, лѣвое крыло французовъ было уже окружено. Австрійцы аттаковали его по всему флангу. Побѣда была вполнѣ въ ихъ рукахъ. Но въ этотъ, рѣшающій исходъ всей битвы, моментъ съ острова Лобау загрохотали тяжелыя артиллерійскія орудія. Артиллерія открыла по аттакующимъ австрійцамъ свой губительный огонь.

ЭРЦГЕРЦОГЪ КАРЛЪ АВСТРІЙСКІЙ (ВЪ ПРЕКЛОННЫХЪ ЛѢТАХЪ).
По гравюрѣ Бенедетти.

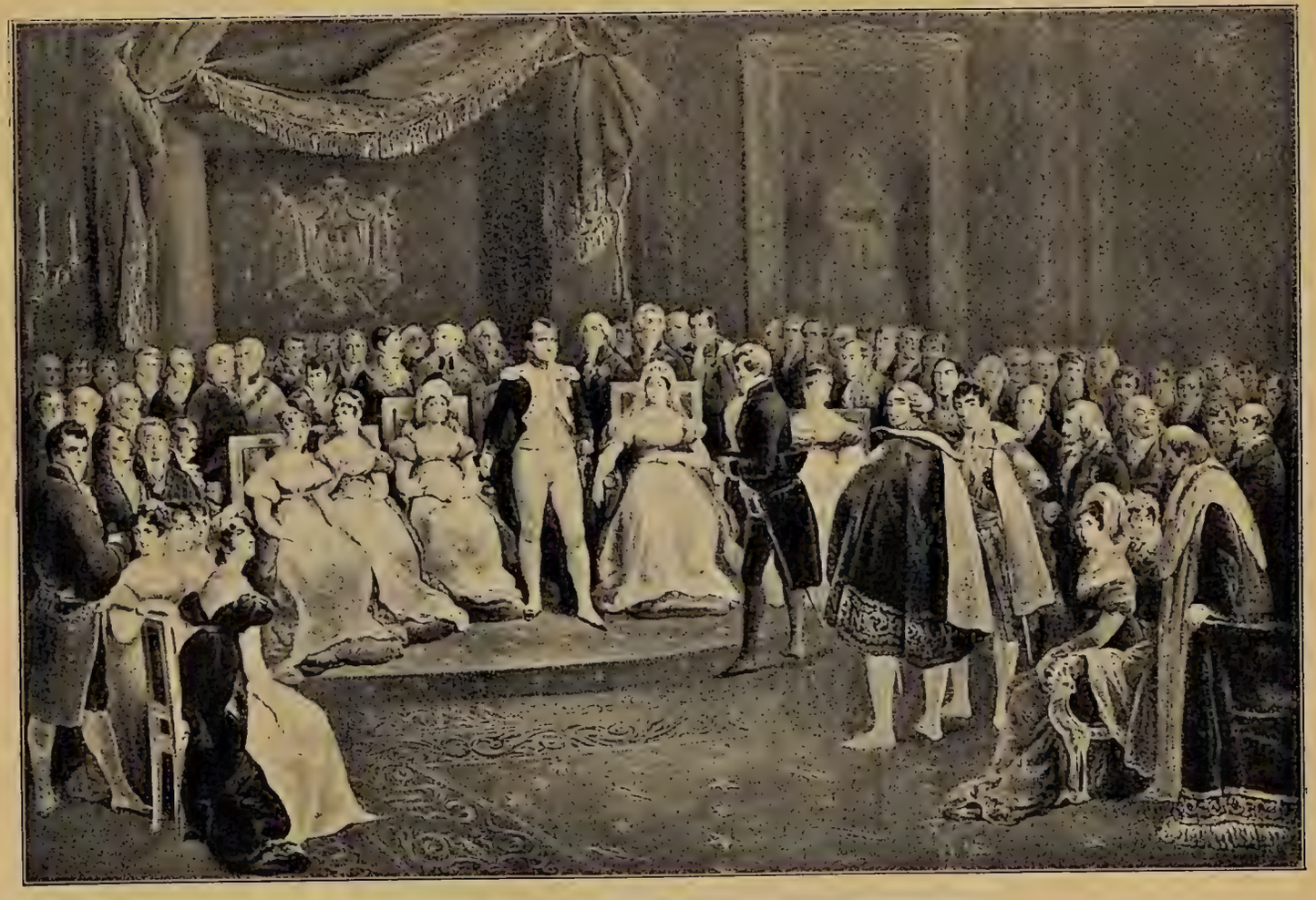
Баттареи посылали зарядъ за зарядомъ, выбивая австрійцевъ изъ строя. Изъ ста полевыхъ орудій онѣ сыпали свинцовымъ дождемъ въ непріятеля. Картечи, гранаты и шрапнели остановили его приближеніе; австрійцы вынуждены были отступить. Даву уже стремительно бросается на лѣвое крыло австрійцевъ. Все новыя и новыя силы прибываютъ къ французамъ. Они давятъ и тѣснятъ непріятеля и заставляютъ его отступать съ большимъ урономъ.

Въ это же самое время Евгеній Богарне успѣлъ овладѣть Ваграмомъ и двинулся на соединеніе съ Макдональдомъ.

Наступала ночь. А на утро эрцгерцогъ Карлъ уже началъ отступать. Уронъ, понесенный австрійцами, былъ великъ: болѣе 24 тысячъ труповъ и раненыхъ осталось на полѣ битвы.

Наполеонъ отплатилъ за случайный успѣхъ австрійцевъ подъ Асперномъ кровавой рѣзней при Ваграмѣ. Австрійская армія оказалась достойнымъ противникомъ подъ предводительствомъ такого вождя, какъ эрцгерцогъ Карлъ.

Побѣда при Ваграмѣ, однако, не уничтожила Австрію. Наполеонъ отлично понялъ, что Австрія все же еще сильна; продолжать съ ней борьбу являлось рискомъ даже для императора французовъ. Это становилось тѣмъ болѣе опаснымъ, что въ Тиролѣ населеніе вело упорную борьбу съ французами, а въ сѣверной Германіи начиналась партизанская война и разгоралось народное возстаніе. Австрія и Англія всегда



НАПОЛЕОНЪ ВЪ КРУГУ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.
Картина В. Адана.

готовы были помочь раздуть искру въ пламя. Сознаніе національной идеи пробуждалось и въ разрозненныхъ государствахъ Германіи.

Студентъ Зандъ, воспѣтый впослѣдствіи Пушкинымъ въ его знаменитомъ «Кинжалѣ», обрекъ себя на смерть и, горя жаждой мщенія, поклялся убить «тирана», какимъ являлся Наполеонъ въ глазахъ германскихъ патріотовъ. Къ этому присоединились и другія не менѣе непріятныя обстоятельства: въ арміи продолжался попрежнему ропотъ. У самого Наполеона явился нѣкоторый упадокъ духа. Неудача подъ Асперномъ и расплата за него при Ваграмѣ заставляли подумать о мирѣ.

МАРІЯ-ЛУИЗА.
Съ картины П. Герена въ Версальскомъ музеѣ.

Изъ Испаніи получались неутѣшительныя вѣсти, а Россія готова была вступить въ дружескія отношенія съ Наполеономъ.

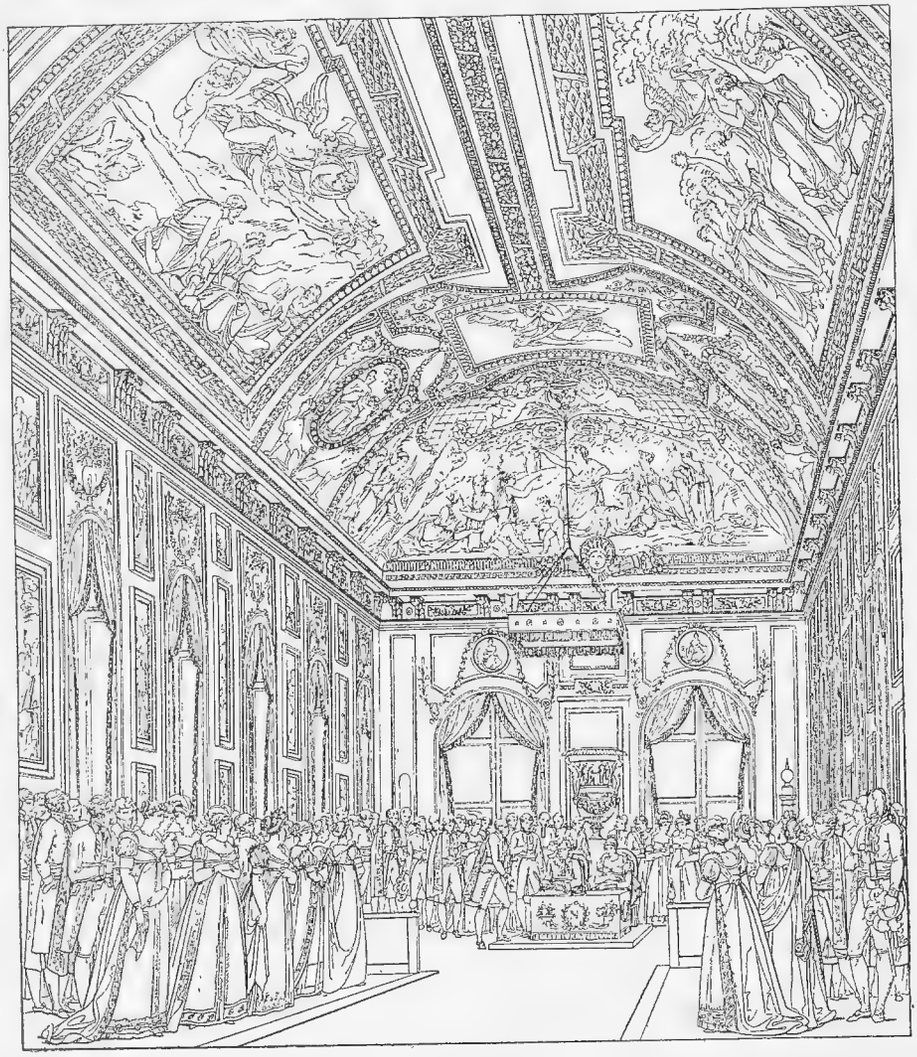
Минута для заключенія мира была подходящая.

14 октября Наполеонъ подписалъ въ Шенбрунѣ мирный договоръ, обратившій Австрію въ второстепенную державу.

Почти въ это же время Наполеонъ развелся со своей женой и хлопоталъ у папы разрѣшенія на новый бракъ. Вассалъ Франціи, папа, отвѣчалъ отлученіемъ императора отъ церкви. Папа былъ арестованъ снова, и изъ Савоны перевезенъ въ Гренобль; отсюда, впрочемъ, вскорѣ же его отправили въ Италію и тамъ держали подъ строгимъ надзоромъ французскихъ солдатъ.

Не обращая вниманія на отвѣтъ папы, Наполеонъ обратился къ русскому царю съ предложеніемъ выдать за него замужъ 16-лѣтнюю

великую княжну Анну Павловну. Александръ I отвѣтилъ уклончиво, что княжна еще слишкомъ молода, и совѣтовалъ подождать. Но Наполеонъ не любилъ проволочекъ. Онъ объявилъ, что отсрочка равносильна отказу. Черезъ нѣсколько времени, при посредствѣ своихъ совѣтниковъ, онъ нашелъ разрѣшеніе этого вопроса. Совѣтники указали ему, что было бы хорошо породниться съ домомъ Габсбурговъ. Вскорѣ же начались переговоры Наполеона съ родителями австрійской эрцгерцогини



ЦЕРЕМОНІЯ БРАКОСОЧЕТАНІЯ ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА I МАРІИ-ЛУИЗЫ АВСТРІЙСКОЙ, ВЪ ГАЛЛЕРЕѢ СЕНЪ-КЛУ.

Изъ «Описанія церемоній и празднествъ, имѣвшихъ мѣсто во время бракосочетанія императора Наполеона съ великой герцогиней Маріей-Луизой Австрійской» Карла Персье и П. Ф. Л. Фонтена. (Парижъ 1810 г.).

Маріи Луизы и состоялось самое бракосочетаніе. Недавній врагъ становился близкимъ родственникомъ австрійскому дому Габсбурговъ. Свадьба была отпразднована въ Вѣнѣ, при чемъ замѣстителемъ Наполеона при брачномъ обрядѣ былъ начальникъ его штаба, всегда аккуратный и исполнительный Бертье.

ЛЮДОВИКЪ БОНАПАРТЪ, КОРОЛЬ ГОЛЛАНДІИ, ГРАФЪ СЕНЪ-ЛО.
Съ картины Ходгесъ въ ратушѣ Аяччіо.

Въ Вѣнѣ справили блестящія торжества, а черезъ три дня, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и салютовъ, молодая французская императрица черезъ Баварію и Вюртембергъ отправилась во Францію.

Наполеонъ встрѣтилъ свою жену на ближайшей почтовой станціи отъ Парижа.

1 апрѣля, въ присутствіи всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ, было совершено въ Сенъ-Клу гражданское бракосочетаніе.

На слѣдующій день императорская чета прибыла въ Парижъ.

Предпринимается рядъ прогулокъ императора съ императрицей по окрестностямъ Парижа. Императрица Марія Луиза была еще очень молода. Она походила скорѣе на подростка-дѣвочку, чѣмъ на солидную подругу жизни великаго императора.

По Голландіи и Бельгіи, куда отправилась императорская чета,

щедрой рукой разсыпаются милости. Но въ Голландіи король Луи, братъ Наполеона, выказалъ непослушаніе и вызвалъ гнѣвъ своего брата.

Голландскій король пошелъ противъ воли своего монарха и задумалъ царствовать самостоятельно. Онъ даже заперъ ворота голландской столицы и пограничныхъ крѣпостей отъ французскихъ войскъ. За это король былъ разжалованъ и отозванъ изъ Голландіи.

Наполеонъ съ горечью говорилъ:

ЖАНЪ-БАПТИСТЪ-ЖЮЛЬ БЕРНАДОТЪ, КНЯЗЬ ПОНТЕКОРВО, МАРШАЛЪ ФРАНЦУЗСКІЙ.
Съ гравюры Левашецъ.

— Нельзя теперь полагаться на родственниковъ, все равно близкихъ или дальнихъ. Мнѣ не слѣдовало возводить на престолъ даже родныхъ своихъ братьевъ.

А родственники роптали на него, находя, что рука у французскаго императора желѣзная. Голландскій король хотѣлъ жить въ мирѣ и любви съ голландцами, а Наполеонъ требовалъ не забывать, что король Голландіи поставленъ императоромъ французовъ. Его воля должна быть закономъ.

— Франція,—говорилъ онъ въ ослѣпленіи славой,—это—я!

Онъ сдѣлалъ все для своихъ родственниковъ. Вознесъ ихъ на никогда не снившуюся имъ вершину могущества и блеска.

Его братья всѣ получили королевскіе титулы. Они были королями, если не Божьей милостью, то милостью великаго Наполеона.

Мюратъ, зять Наполеона, царствовалъ въ Неаполѣ. Сестры императора были сдѣланы владѣтельными княгинями и герцогинями, или выданы замужъ за новопоставленныхъ королей. Одинъ изъ маршаловъ Наполеона, Бернадотъ, былъ выбранъ шведами королемъ. Этимъ шведы думали угодить всесильному монарху, но, наоборотъ, вызвали только въ немъ бѣшенство. Съ избраніемъ Бернадота дружба далекой сѣверной державы съ Наполеономъ становилась все менѣе и менѣе возможной. Бернадотъ никогда не былъ другомъ Наполеона. Бывшій якобинецъ, восшедшій на шведскій престолъ, очень мало бо-готворилъ бывшаго кор-

сиканца, такого же якобинца, захватившаго короны Франціи, Италіи и другихъ государствъ.

Женитьба породнила его съ царствующимъ родомъ, но она не остановила Наполеона отъ новыхъ военныхъ замысловъ. Въ Испаніи ведется все та же долгая борьба, и также ведутся тамъ распри между маршалами Массеной и Сультомъ. Въ концѣ-концовъ, въ борьбу вмѣшиваются англичане, и на Пиринейскомъ полуостровѣ начинается вооруженное соперничество между Англіей и Франціей. Веллингтонъ беретъ города, французы занимаютъ другіе, но французское военное могущество начинаетъ все болѣе и болѣе ослабѣвать въ Испаніи.

КОРОЛЬ РИМА.
Картина Лавренса

Англія продолжаетъ поддерживать возставшихъ и раздувать пламя недовольства и въ Испаніи и въ Португаліи.

* * *

Войны требовали огромныхъ жертвъ отъ Франціи. Никакихъ милліоновъ контрибуціи, взятыхъ съ покоренныхъ земель, не хватало, а издержки на армію все росли и росли. Траты на содержаніе арміи были такъ велики, что общая сумма ежегодныхъ расходовъ достигала уже сотенъ милліонсвъ. Маршалы получали колоссальныя жалованья: такъ Бертье имѣлъ ежегодно 1.350,000 франковъ жалованья, Даву—910,000 франковъ, Ней—728 тысячъ, Массена—500 тыс.; Сультъ, недовольный своими 350 тыс., мечталъ о португальской коронѣ. При императорскомъ дворѣ царила роскошь и расточительность, а народъ бѣднялся. Войны отнимали людей отъ мирнаго труда, императоръ же мечталъ все о новыхъ завоеваніяхъ.

— Все далѣе и далѣе впередъ!—повторялъ онъ свое любимое выраженіе.

Не разъ слышали, какъ онъ именовалъ себя «императоромъ материка Европы».

На искусство, литературу не тратилось и десятой доли того, что

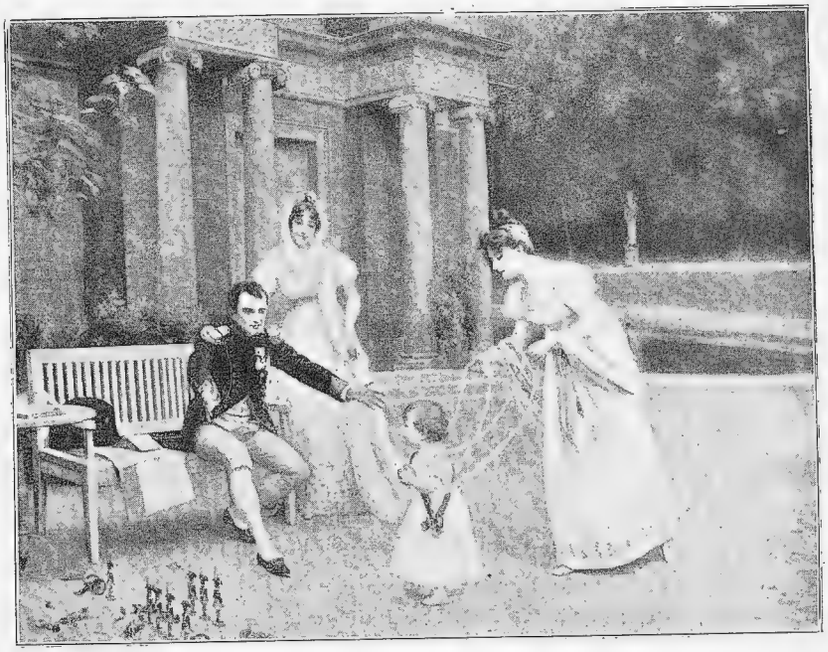
КОЛЫБЕЛЬ РИМСКАГО КОРОЛЯ ИЗЪ ПОЗОЛОЧЕННАГО СЕРЕБРА, ЖЕМЧУЖНЫХЪ РАКОВИНЪ И ПЕРЛАМУТРА РАБОТЫ ОДІО И ТОМИРА.
Съ рисунковъ Прюдона и Кавалье.

израсходывалось на армію, хотя Наполеонъ и желалъ постоянно выступать въ роли покровителя искусства.

20 марта 1811 года было самымъ радостнымъ днемъ въ жизни Наполеона. Въ этотъ день у баловня счастья и судьбы родился давно ожидаемый наслѣдникъ. Разсказываютъ, что Наполеонъ схватилъ свое сокровище на руки и прижалъ его крѣпко къ своему сердцу.

Празднества опережали празднества. Франція переживала радостные дни. У нея былъ наслѣдникъ, законный преемникъ власти ве-

ликаго отца. Франція была увѣрена, что рожденіе наслѣдника ознаменуется, наконецъ, желаннымъ для страны миромъ. Наполеонъ самъ, въ минуту особаго настроенія, хотѣлъ поставить точку на своей военной дѣятельности и замѣнить періодъ завоеваній періодомъ мирнаго процвѣтанія страны подъ скипетромъ Бонапарта. Но его обычный девизъ «все далѣе и далѣе впередъ» стоялъ передъ нимъ, и не разъ гордыя мечты



НАПОЛЕОНЪ ИГРАЕТЪ СЪ СЫНОМЪ.
Картина Дюкудре.

всемірнаго владычества волновали Наполеона. Гдѣ будетъ конецъ его завоеваніямъ, онъ самъ не зналъ.

Онъ, какъ стихія, былъ случаенъ въ своемъ необузданномъ полетѣ и ему казалось, что только тогда совершится то, что онъ *призванъ* былъ исполнить, когда онъ покончитъ съ Европой и потомъ ударитъ на Индію.

Даже въ этотъ, самый мирный, періодъ мирнаго настроенія онъ говорилъ:

— Черезъ какихъ-нибудь три года я буду властелиномъ всего земного шара.

Когда министръ финансовъ робко заявлялъ императору о разстройствѣ французскихъ финансовъ, Наполеонъ отвѣчалъ:

— Напротивъ того, разстройство финансовъ само по себѣ является побудительнымъ поводомъ къ войнѣ.

А поводъ къ новой войнѣ уже обрисовывался все яснѣе и яснѣе. Разладъ между Александромъ I и Наполеономъ становился все явственнѣе и явственнѣе. Ничтожная, въ сущности, причина толкнула обѣ страны на объявленіе другъ другу войны. Причина, главнымъ образомъ, объясняется словами Наполеона:

— Меня неотразимо несетъ судьба къ невѣдомому будущему!

Двухлѣтніе разговоры о дружбѣ Россіи и Франціи не привели ни къ чему. Съ обѣихъ сторонъ имъ мало придавали цѣны, а когда въ январѣ 1812 года Александръ I предъявилъ свой ультиматумъ Наполеону, то Наполеонъ отвѣтилъ коротко: онъ передвинулъ войска къ Вислѣ. Туда же изъ Дрездена спѣшилъ и самъ императоръ. Онъ ѣхалъ быстро черезъ Познань, Варшаву въ Торнъ. Поляки его встрѣчали радостно, привѣтствуя въ Наполеонѣ своего избавителя. Они еще не знали, что участь Польши рѣшена и Наполеонъ заранѣе подарилъ ее своему тестю— австрійскому императору.

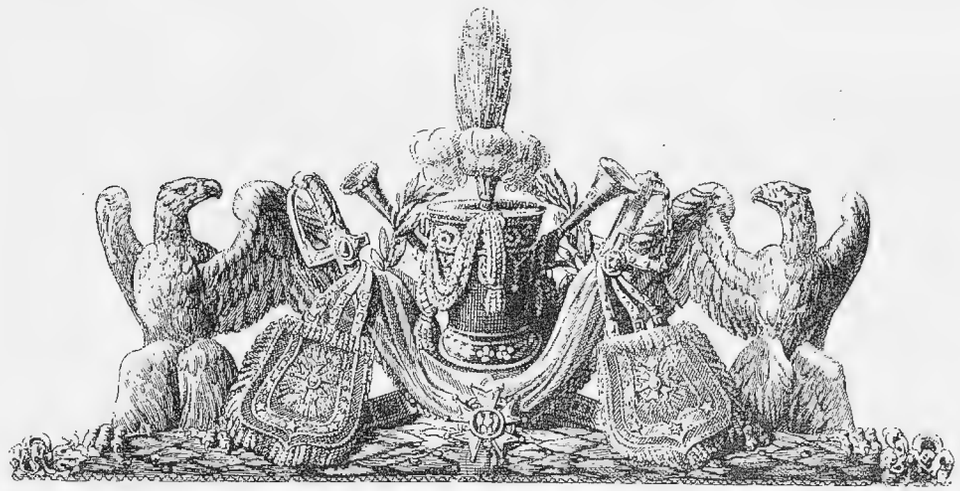
Оправдывались слова Наполеона, сказанныя имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны съ Россіей:

— Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи.

И Александръ и Наполеонъ были только игрушками волнъ разъяренной стихіи.

Она была сильнѣе ихъ обоихъ и грозно выдвигала событія.

Ключъ къ настоящему надо искать въ прошломъ, такъ какъ прошлое тѣсно связано съ настоящимъ, какъ посѣвъ съ жатвой.



ГЛАВА XV.

ВЪ СНѢГАХЪ РОССІИ.

Наполеонъ вступаетъ на русскую землю.—Отступленіе русской арміи.—Отъ Варшавы до Вильны и Смоленска.—Русскіе не принимаютъ боя.—Вступленіе въ Смоленскъ.—Въ сорока верстахъ отъ Москвы.—Бородинскій бой.—Въ стѣнахъ Москвы.—Москва горитъ.—Отступленіе великой арміи.—Сраженіе подъ Малымъ Ярославцемъ.—Холодъ, голодъ и лишенія.—Подъ Краснымъ.—Остатки великой арміи.—Рискованный шагъ.—Саперы строятъ мостъ.—Переправа черезъ Березину.—Послѣдній бой.—Великая армія въ Вильнѣ.—Всего только девять тысячъ.—Отъѣздъ Наполеона изъ Сморгоней.

СѢВЕРНЫЙ великанъ готовился къ встрѣчѣ съ непобѣдимымъ врагомъ.

Стодвадцатисемитысячная русская армія ждала подъ ружьемъ прихода въ русскую землю Наполеона съ его полчищами.

Откуда, съ какой стороны начнется вторженіе непріятелей? Этого никто не зналъ въ точности.

Русская армія была раздѣлена на двѣ части. Одной командовалъ Барклай-де-Толли, стоявшій подъ Вильной. Другая часть подъ начальствомъ Багратіона находилась въ Волыни, въ верховьяхъ Припети.

Трехсоттысячная громада Наполеона подвигалась, подобно грозовой тучѣ, обложившей все небо, къ границамъ Россіи. За каждымъ отдѣльнымъ корпусомъ арміи тянулись обозы съ провіантомъ. Въ пограничныхъ крѣпостяхъ оставались запасы, разсчитанные такимъ образомъ, чтобы ихъ хватило на прокормленіе всей арміи въ продолженіе пяти-

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ БОГДАНОВИЧЬ БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.
Съ картины Доу.

десяти дней. Тысяча триста пятьдесятъ орудій составляли артиллерію этой грозной разноязычной и разноплеменной арміи. Она уже переправилась черезъ Нѣманъ и подступала къ Вильнѣ.

Барклай стягивалъ къ себѣ войска Багратіона и отступалъ отъ Вильны къ Дриссѣ, гдѣ былъ устроенъ укрѣпленный лагерь. Вильна была занята французами безъ боя. Но русскія войска и самъ царь рвались въ огонь. Александръ заявилъ, что «онъ никогда не отлучится отъ арміи».

— Не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ предѣлахъ Россіи,—говорилъ Александръ.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАГРАТІОНЪ (1765—1812).
(Съ миніатюры изъ собранія вел. князя Николая Михаиловича).

Барклаю приказано спѣшить на соединеніе съ Багратіономъ. Изъ Гродно наперерѣзъ Багратіону шелъ вестфальскій король Жеромъ Бонапартъ. Жеромъ, однако, оказался плохимъ полководцемъ. Самомнѣнье помѣшало ему послушаться совѣтовъ опытныхъ генераловъ, и онъ далъ возможность уйти Багратіону назадъ внизъ по теченію Днѣпра. Совершивъ длинное и утомительное обходное движеніе, Багратіонъ подвигался къ Смоленску. Туда же стягивалась армія Барклая.

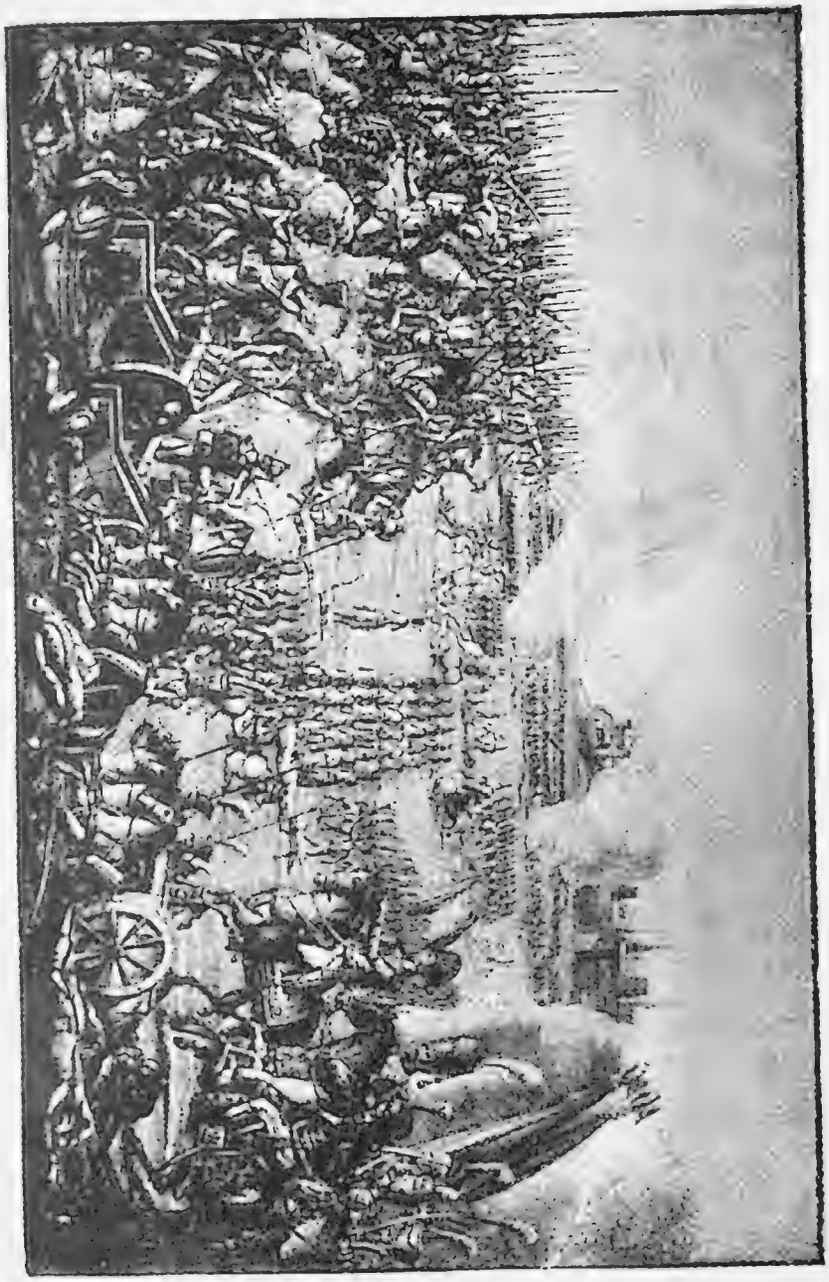
Наполеонъ теперь не спѣшилъ. Онъ не разсчитывалъ окончить войну ранѣе чѣмъ въ три года.

— Рокъ увлекаетъ Россію; ея судьба должна совершиться,—говорилъ онъ.—Русскіе воображаютъ, что я буду гоняться за ними до Волги!—насмѣшливо замѣчалъ Наполеонъ, видя отступленіе обѣихъ армій.

Онъ составилъ себѣ, какъ всегда, опредѣленную программу дѣйствій. Въ первый годъ—зимовка въ Смоленскѣ и возстановленіе Польши; во второй—Москва, а на третій побѣдитель, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, разсчитывалъ подойти къ самому Петербургу. Онъ былъ убѣжденъ, что обѣ русскія арміи навсегда уже отрѣзаны другъ отъ друга, и Барклай съ Багратіономъ никогда не встрѣтятся больше вмѣстѣ.

Онъ предсказывалъ отступленіе русскихъ, и оно, дѣйствительно, началось. Они все отступали и отступали, словно нарочно заманивая

въ глубь страны враговъ. Незначительныя стычки, и ни одной битвы, достойной Наполеона. Великая армія прошла уже Польшу, вступила въ



Французская армія вступаетъ въ Вильно.
Съ рѣдкой и современной гравюры.

Литву, и прежняя увѣренность въ безопасности тыла мало по-малу становилась сомнительной.

Угрюмая страна угрюмо встрѣчала завоевателя. Люди бѣжали изъ деревень, замерли города, то тутъ, то тамъ пылали костры подожженныхъ оставленныхъ хозяевами избъ и домовъ. Надвигались іюльскія жары, пошли ливни. Дороги грозили непролазною грязью, ѣдкая пыль слѣпила глаза. Тѣмъ временемъ Барклай успѣлъ соединиться съ Багратіономъ, и обѣ русскія арміи ждали прихода непріятеля подъ Смоленскомъ. Онѣ рвались въ бой, и только одинъ, искушенный въ бояхъ, опытный Барклай считалъ рискованнымъ исходъ сраженія. Но армія требовала сраженія, и Барклай уступилъ.

ПРИНЦЪ ЖЕРОМЪ.
Картина Гро.

* * *

9 августа подошли первыя колонны французовъ къ лѣвому берегу Днѣпра. На другой берегъ, подъ стѣны Смоленска, только что пришелъ корпусъ Багратіона; въ разстояніи одного перехода, на берегу, занятомъ уже французами, находился Барклай. Дивизія Нея и конница Мюрата переправились черезъ Днѣпръ и начали штурмовать ветхія стѣны стараго города. Одинъ только корпусъ Багратіона защищалъ Смоленскъ, самъ же Багратіонъ съ остальной арміей быстро двинулся внизъ по теченію Днѣпра. Необходимо было задержать переправу французской арміи. Между рѣкою и городомъ уже стѣной стояли французы. Русскіе находились на высотахъ противоположнаго берега.

Первый штурмъ Смоленска не удался. Старыя стѣны постояли за себя. Ночью часть русскихъ войскъ тихо перешла на правый берегъ и тѣмъ усилила гарнизонъ, а вся остальная армія на разсвѣтѣ покидала безъ боя берега Днѣпра, отступая къ Москвѣ.

Наполеонъ такъ и не дождался страстно ожидаемаго имъ сраженія. Императоръ напрасно прождалъ боя до полудня и тогда только велѣлъ

штурмовать городъ. Весь въ багровомъ заревѣ, охваченный дымомъ пожара, Смоленскъ сдался непріятелю. Подъ прикрытіемъ пожара, послѣ жестокаго двухдневнаго боя, защитники его отступили, никѣмъ не преслѣдуемые. Они двинулись впередъ, ломая на своемъ пути мосты и предавая все огню.

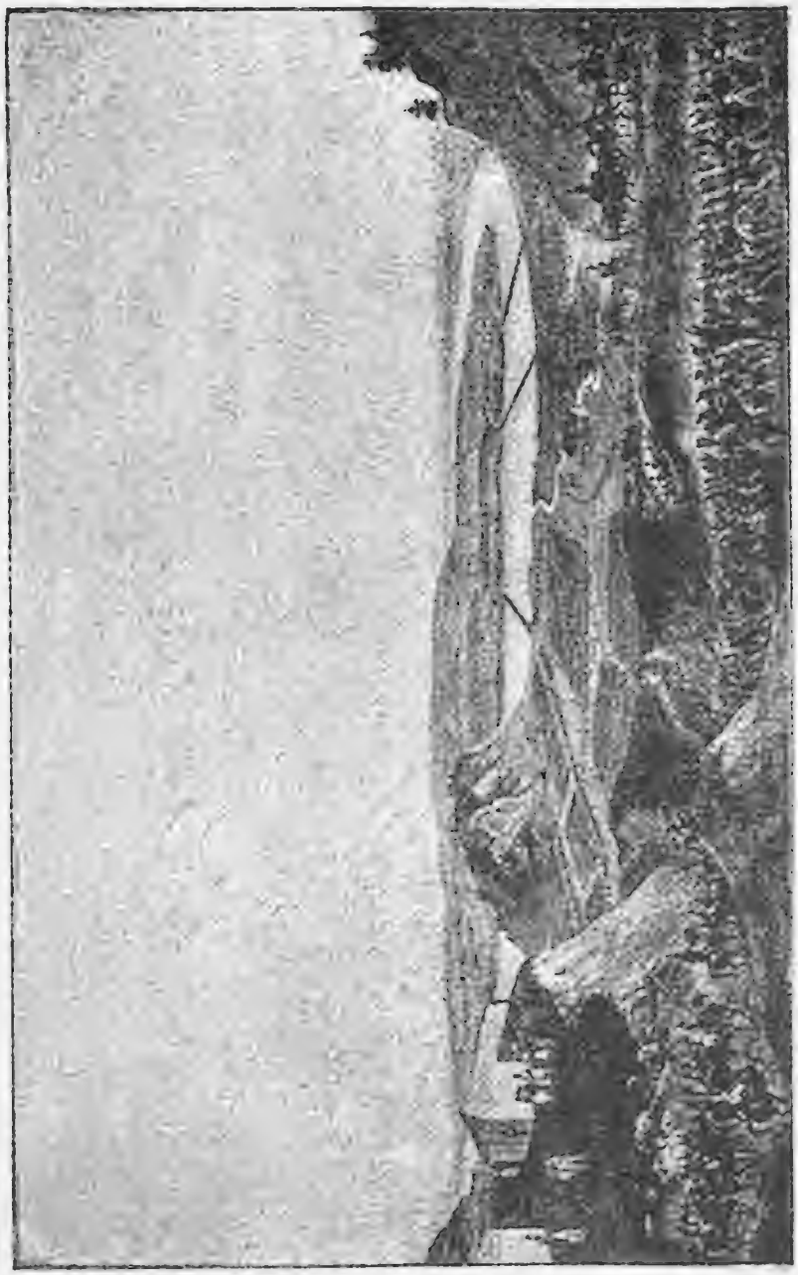
Маршалу Нею и Мюрату было предписано преслѣдовать отступав-

РЕКОГНОСЦИРОВКА (ГЕНЕРАЛЪ МОРО И ЕГО АДЪЮТАНТЪ).
Картина Э. Мейссонье.

шую русскую армію, но среди маршаловъ и генераловъ великой арміи уже раздались голоса о прекращеніи дальнѣйшаго наступленія внутрь Россіи. Самъ Наполеонъ не былъ настроенъ радостно при видѣ безбрежной, унылой, сѣверной страны. Онъ говорилъ позднѣе:

— Предъ нами лежала новая Испанія, но Испанія безъ границъ, безъ городовъ и безъ средствъ.—У арміи не хватало уже провіанта; лошади и волы мерли, какъ мухи осенью. Необходимо было удержать за собой какой-либо многолюдный и богатый городъ. И, наперекоръ своему первоначальному плану, Наполеонъ рѣшилъ идти теперь же къ Москвѣ

и тамъ, въ сердцѣ Россіи, принудить царя подписать унизительный миръ.



ПЕРЕХОДЪ ФРАНЦУЗОВЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.
(Съ акварели Ѳ. Юнга, находящейся въ коллекціи французскаго военнаго министерства).

Въ Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ и наконецъ въ Смоленскѣ оставлены были четырнадцатитысячные гарнизоны французовъ, а 24 августа вели-

кая армія выступила въ путь къ Москвѣ. Длинной лентой вилась дорога, длинной темной линіей растянулась по ней армія. Но счастье и тутъ улыбнулось Наполеону.

МАРШАЛЪ НЕЙ.
Портретъ кисти В. Ланглуа въ Версал. музеѣ.

Въ Россіи остались недовольными блестящимъ отступленіемъ Барклая. Его обвиняли въ трусости, нерѣшительности; близорукіе «патріоты» высказывали неудовольствіе по поводу иностраннаго происхожденія испытаннаго вождя.

Надъ русской арміей назначался новый главнокомандующій — Кутузовъ. Барклай показалъ себя истиннымъ героемъ: онъ все же остался при арміи.

3 сентября русскія войска остановились въ сорока верстахъ отъ Москвы подъ Бородиномъ. Передовыя силы французовъ настигали ихъ уже на слѣдующій день. Стодвадцативосьмитысячное войско Наполеона приближалось къ Москвѣ. Здѣсь было рѣшено дать сраженіе, но Наполеонъ болѣе всего опасался, что русская армія не приметъ боя и снова ускользнетъ отъ него.

Всю ночь онъ не сомкнулъ глазъ. На зарѣ, выѣхавъ для осмотра мѣстности, императоръ могъ радостно вздохнуть: русская армія темнѣла на прежнихъ позиціяхъ.

— Наконецъ-то, они въ нашихъ рукахъ! Впередъ! Откроемъ себѣ ворота Москвы!—громко крикнулъ Наполеонъ.

А въ русской арміи было также дружно рѣшено дать врагу генеральное сраженіе.

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ СМОЛЕНСКЪ ВЪ 1812 ГОДУ.
(Подарена смоленскому дворянству императоромъ Николаемъ I).

25 августа грянулъ знаменитый въ исторіи Бородинскій бой.

Въ полдень въ рядахъ французской арміи громко читался послѣдній приказъ императора:

«Воины,—писалъ Наполеонъ.—Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она до-

ГОРОДСКАЯ СТѢНА СЪ ПАМЯТНИКОМЪ П. И. ЭНГЕЛЬГАРДТУ ВЪ СМОЛЕНСКѢ.
Съ фотографіи Н. Ф. Пирсона.

ставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!»

Солдаты отвѣтили шумными криками :«Да здравствуетъ императоръ!» Самъ Наполеонъ провелъ весь день въ распоряженіяхъ, готовясь къ битвѣ.

ФРАНЦУЗЫ ПОДЪ СТѢНАМИ СМОЛЕНСКА 6 АВГУСТА 1812 г.

Въ русской арміи также шли приготовленія къ бою.

Если французская армія жаждала удобныхъ квартиръ, славы и скораго возвращенія въ отечество, то русскій народъ весь ждалъ рѣшительной минуты, чтобы помѣряться силами съ врагомъ, окровянившимъ его землю, города, села и деревни. За русской арміей стоялъ теперь весь народъ. Онъ принималъ близко къ сердцу надвигающіяся событія и былъ не менѣе Наполеона увѣренъ въ своей побѣдѣ. Народъ бросалъ мирный трудъ и шелъ подъ ружье, вступалъ въ ратники ополченья.

НИКОЛЬСКІЯ ВОРОТА ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Наполеону приходилось имѣть дѣло не съ одной арміей, а со всѣмъ народомъ—терпѣливымъ и мужественнымъ въ несчастьи, неизбалованнымъ судьбой...

— Шахматы поставлены — игра начнется завтра! — сказалъ Наполеонъ, возвратясь изъ объѣзда линіи войскъ.

«Въ половинѣ шестого,—разсказываетъ гр. Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Война и миръ»,—Наполеонъ верхомъ ѣхалъ къ деревнѣ Шевардину (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бородина).

«Начинало свѣтать, небо расчистило, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра.

«Вправо раздался одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй,

третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; четвертый, пятый раздались гдѣ-то близко и торжественно, гдѣ-то справа.

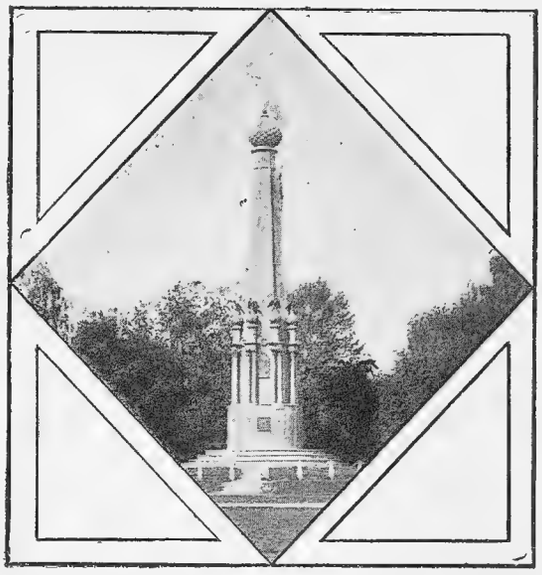
«Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой.

«Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому редуту и слѣзъ съ лошади.

«Игра началась».

* * *

Огромное поле. Слѣва церковь и село. Справа еловый и сосновый лѣсъ. Дальше въ тѣни его притаились деревушки. Кутузовъ въ нѣсколько рядовъ окопался траншеями и возвелъ редуты. Цѣлый день длился бой и лилась кровь. Русскіе дрались отчаянно, но артиллерія Наполеона выводила ряды за рядами.



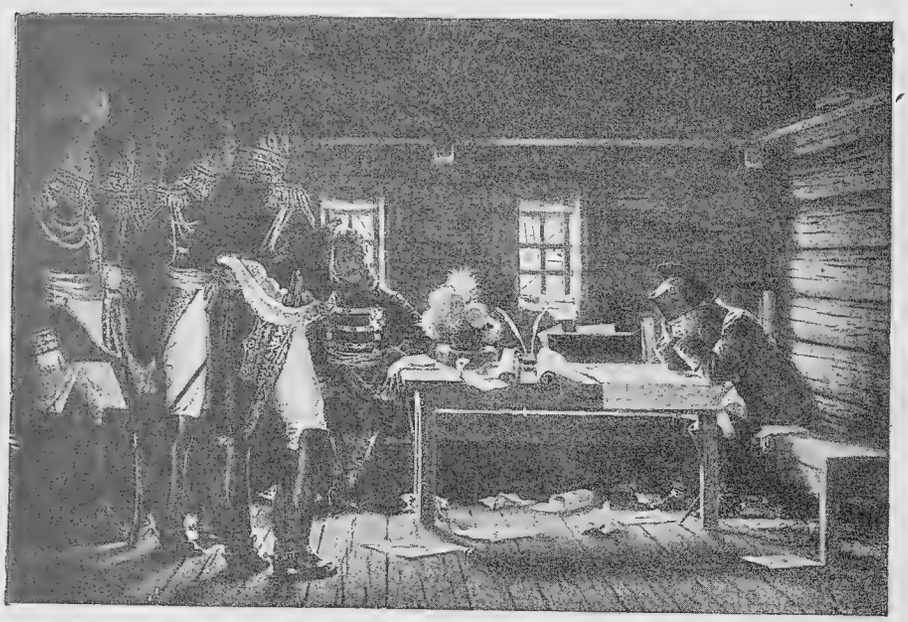
СМОЛЕНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

ВООРУЖЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ГРЕНАДЕРА ВЪ ВОЙНУ 1812 г.
Картина Шарле.

Наконецъ непріятели сошлись лицомъ къ лицу. Испытанной храбрости французскихъ ветерановъ русскіе противопоставили беззавѣтную рѣшительность—или лечь костьми на полѣ, или побѣдить. Ней и Даву овладѣли русскими редутами, заплатя дорого за свой захватъ: дивизіи ихъ таяли какъ воскъ отъ огня. Пробить центръ русскихъ не уда-

лось: линія ихъ только нѣсколько подалась назадъ. Не удался и отчаянный натискъ Евгенія Богарне на правый флангъ. Французы вездѣ встрѣчали геройское сопротивленіе. Правда, за французами остались редуты, но обѣ арміи къ концу уже были такъ утомлены, что къ ночи сраженіе прекратилось. Самъ Наполеонъ признавался, что онъ не помнитъ такого кровопролитнаго боя

Несмотря на просьбы маршаловъ двинуть въ бой императорскую гвардію, Наполеонъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ; онъ спрашивалъ:



НАПОЛЕОНЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБѢ ВЪ ГОРОДНѢ.
Картина В. В. Верещагина.

— А если завтра возгорится новая битва, чѣмъ я буду сражаться?

Онъ понялъ, что предъ этимъ врагомъ, умѣющимъ не только отступать, но и грудью отстаивать свою землю, осторожность не лишнее средство.

А на утро 7-го сентября Кутузовъ отступалъ къ Калугѣ. Французы, никѣмъ не стѣсняемые, надвигались къ самой Москвѣ... И вотъ Москва передъ ними. Бѣлѣютъ церкви, блестятъ главы и кресты сорока-сороковъ. Зеленые сады опоясали городъ и синей лентой протянулась Москва-рѣка. Древняя столица русскаго государства безъ боя, безъ выстрѣла встрѣчаетъ непрошенныхъ гостей, явившихся изъ-за тысячи верстъ.

Молчатъ колокола сорока-сороковъ. Настежь распахнуты ворота. На пустынныхъ улицахъ тихо, не видно людей и въ домахъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЛАРІОНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.
Съ картины Дау.

Наполеонъ вступаетъ въ Кремль. Онъ ждетъ депутацій, ждетъ заявленія царя о мирѣ, просьбъ жителей о пощадѣ. Пустынна, какъ прежде, столица. Изъ двухсотъ жителей осталось лишь девять тысячъ городской бѣдноты. Москва словно кладбище, огромная, унылая, мрачная. Все, что было лучшаго, увезено; все, что возможно было уничтожить, уничтожено бѣглецами. Къ ночи окна кремлевскаго дворца озарились пламе-

ВИДЪ СЕЛА БОРОДИНА СО СТОРОНЫ ЖЕЛ. ДОР.

немъ. Багровое зарево охватило темное небо: то, словно факелы, пылали московскія предмѣстья.

Побѣдители ловили и вѣшали безъ суда поджигателей, а Москва продолжала трепетать въ пламени и дыму. Крестьяне сосѣднихъ деревень съ вилами и дрекольями выходили партизанскими отрядами и нападали на французскіе отсталые отряды. Наполеонъ обѣщалъ крестьянамъ волю и землю, но мужики его не хотѣли слушать. Изъ-подъ Калуги развѣдчики доносили объ усиленіи арміи Кутузова, о поголовномъ ополченіи народа противъ «антихриста».

Александръ I не начиналъ переговоровъ о мирѣ. Наполеонъ самъ написалъ письмо царю, высказывая свою печаль по поводу пожара Москвы. Письмо осталось безъ отвѣта.

ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ ВЪ ФИЛЯХЪ ВЪ 1812 г.

Картина акад. А. Д. Кившенко.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ, НА КОТОРОМЪ БЫЛО ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ РУССКИХЪ СЪ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812 ГОДУ.

ПАМЯТНИКЪ 1812 г. НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ СРАЖЕНІЯ.

Русскій царь давно уже положился на волю Провидѣнья. Онъ не слушалъ совѣтовъ генераловъ и только повторялъ:

— Все это рука Всевышняго!

Онъ всецѣло отдался судьбѣ и только говорилъ:

— Наполеонъ, или я! Мы вмѣстѣ не можемъ царствовать.

* * *

Наполеонъ тридцать три дня прождалъ въ Москвѣ отвѣта отъ Александра. Армія занималась грабежами, и ея великій нѣкогда духъ замѣнялся мародерствомъ и безчинствомъ. Близилась минута грозной расправы. Затишье смѣнялось ураганомъ. Русскіе войска уже сами начинали нападенья; тамъ и сямъ происходили отдѣльныя стычки. Засиживаться Наполеону въ Москвѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной врагами, становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе.

Аллегорія Бородинской битвы 1812 г.
Бронза графа Ѳ. Толстого.

Сначала Наполеонъ было думалъ, во исполненіе своего плана, двинуться на Петербургъ, но полководецъ взялъ верхъ надъ политикомъ.

Армія его и такъ поразбросалась... Тогда онъ рѣшилъ отступить по направленію къ Калугѣ, провести свои войска по хлѣбороднымъ мѣстностямъ центра Россіи и, если будетъ въ томъ необходимость, помѣряться силами съ Кутузовымъ.

Отступленіе оказалось куда тяжелѣе наступленія. Опасности на каждомъ шагу стерегли Наполеона, но, на его счастье, Кутузовъ преувеличивалъ силы французовъ. Послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Малымъ-Ярославцемъ, вмѣсто новаго рѣшительнаго боя, Кутузовъ продолжалъ отступать, не рѣшаясь помѣряться силами съ врагомъ. Наполеонъ теперь самъ избѣгалъ боя. Онъ въ свою очередь не рѣшался прорваться къ Калугѣ и круто повернулъ на Смоленскъ. У императора еще имѣлось сто тысячъ солдатъ, но это была не прежняя великая армія и Наполеонъ былъ уже не тотъ.

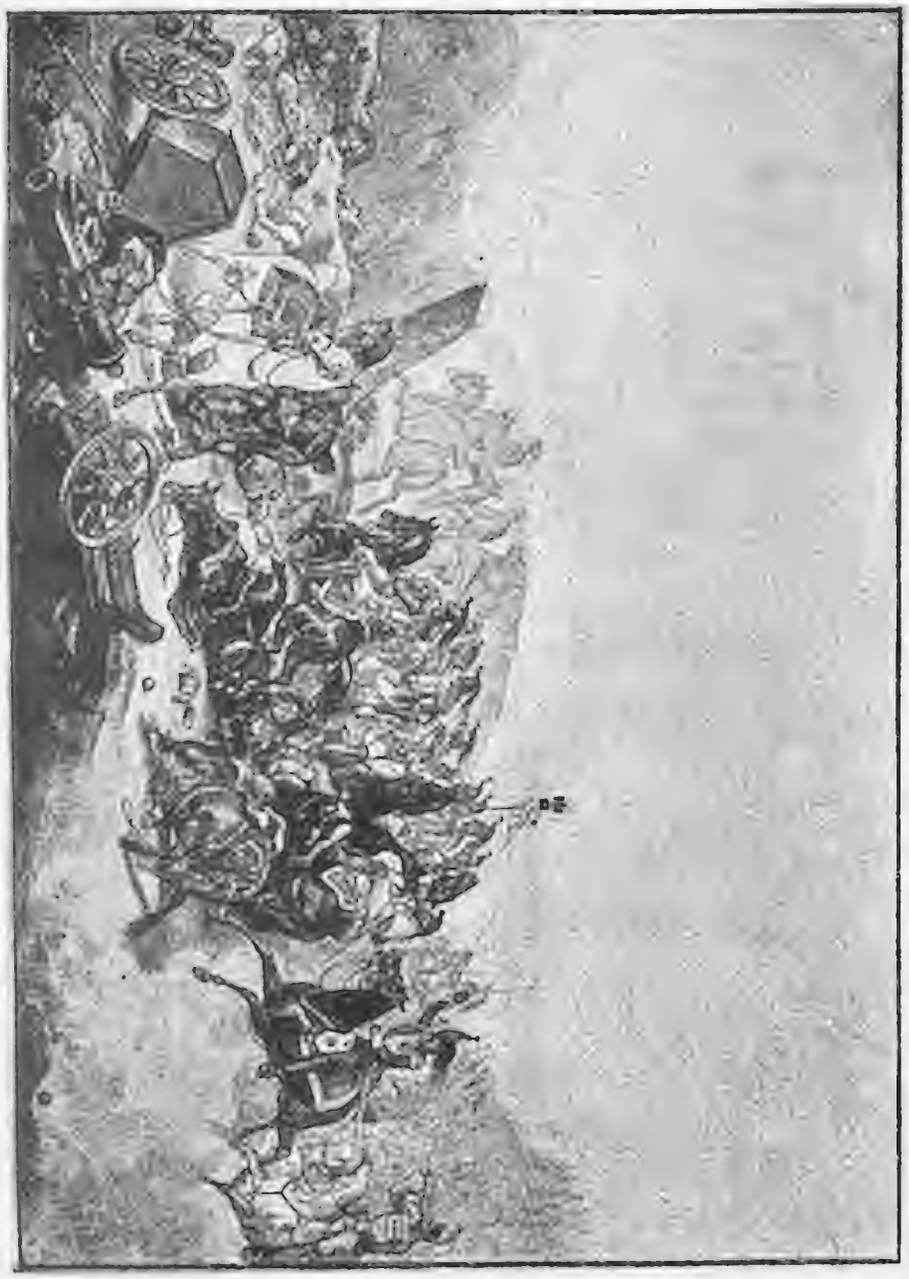
Императоръ осунулся, поблѣднѣлъ, сдѣлался вялымъ и апатичнымъ. Вмѣсто прежней быстроты, смѣлости и натиска, «геній побѣдъ» цѣлую

недѣлю думалъ невеселую думу: что дѣлать далѣе? двигаться-ли на Калугу или поворотить на Смоленскъ?

КУТУЗОВСКАЯ ИЗБА ВЛИЗЪ МОСКВЫ. (Съ фотографіи)

А время шло. Кутузовъ каждый мигъ могъ также пробудиться отъ своей дремоты.

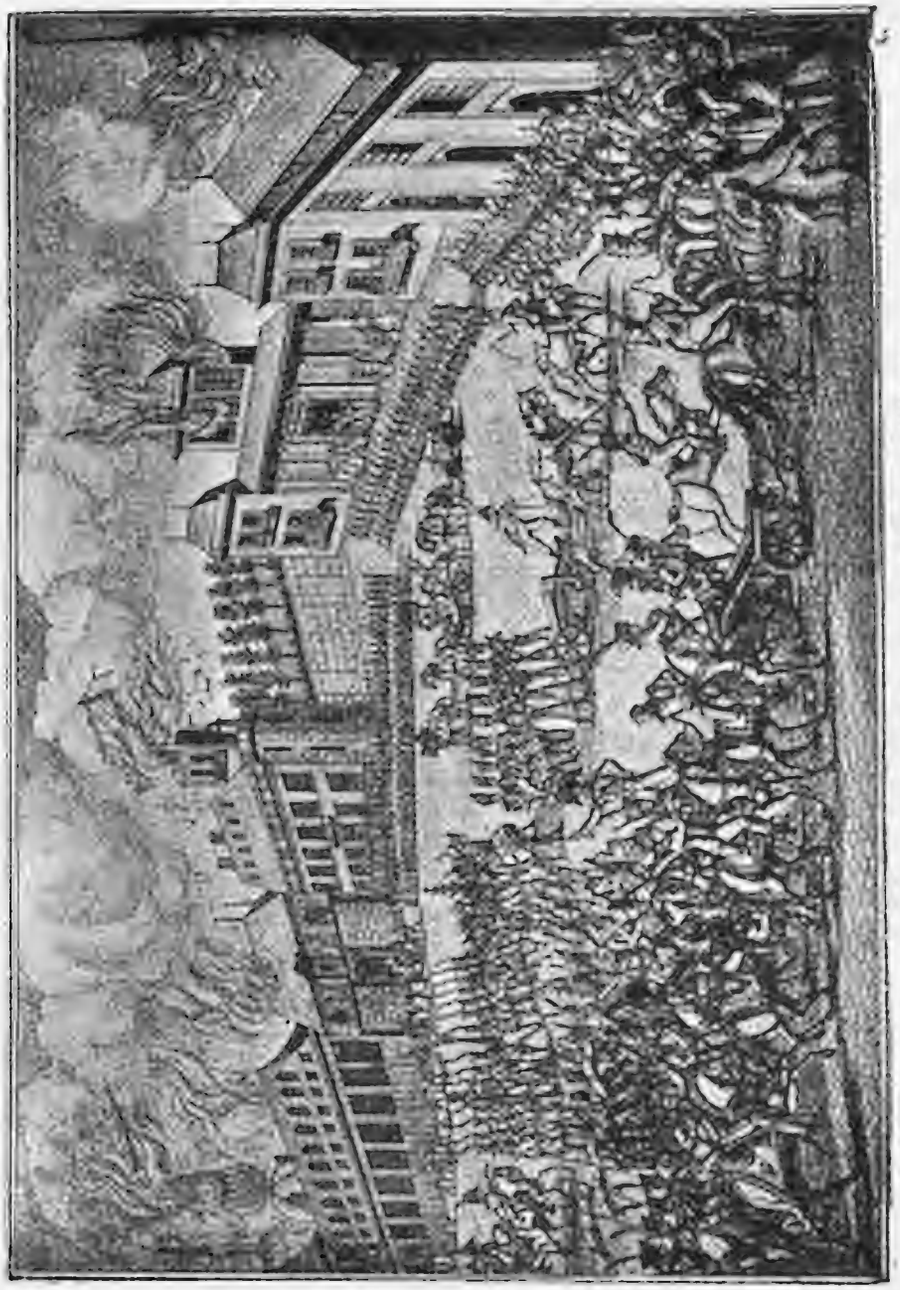
Наконецъ, Наполеонъ рѣшился. Арміи велѣно идти на Смоленскъ. Отступленіе вновь началось. За арміей везли громадную добычу, ѣхали



ВЗЯТІЕ ФРАНЦУЗАМИ РЕДУТА ПОДЪ МОСКВОЮ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КОЛЕНКУРА.
Съ акварели Барклэ д'Альбъ.

проживавшіе раньше въ Москвѣ французы съ семьями и дѣтьми. Все это не могло не мѣшать быстрымъ передвиженіямъ отступающей арміи.

Наступала зима. Французскіе солдаты въ драной обуви и легкихъ мундирахъ невыносимо страдали отъ непривычныхъ холодовъ.



Видъ французской арміи въ Москвѣ 9 сентября 1812 года.
Съ рѣдкой современной гравюры.

Зима все болѣе входила въ свои права: короче становились дни и длиннѣе ночи, все злѣе бушевала вьюга, взметая снѣжные вихри, все

болѣе крѣпчали морозы. Суровая сѣверная страна становилась часъ-отъ-часу негостепріимнѣе и угрюмѣе. Партизанскіе отряды смѣльчаковъ партизановъ и казаковъ нападали на отдѣльные отряды французовъ; крестьяне встрѣчали дрекольями, вилами и дубинами отставшихъ отъ арміи.

Маршалъ Даву со своимъ корпусомъ прикрывалъ обозы, тянувшіеся позади арміи. Наполеонъ уже не садился на своего боевого коня. Онъ

НАПОЛЕОНЪ СМОТРИТЪ СЪ КРЕМЛЯ НА ПОЖАРЪ МОСКВЫ.
Картина В. В. Верещагина.

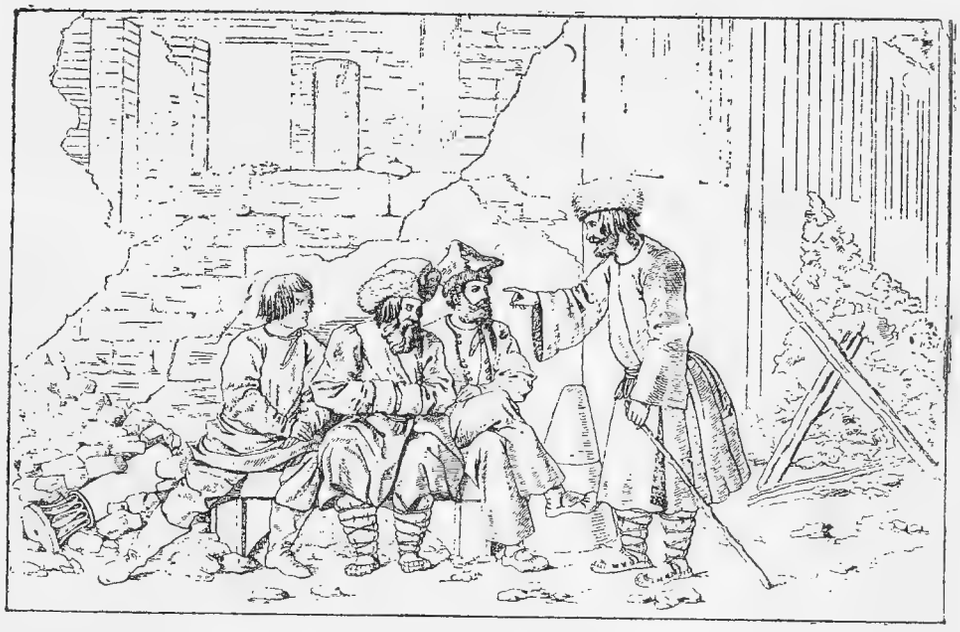
НАПОЛЕОНЪ ВЪ КРЕМЛѢ (ПЛОХІЯ ВѢСТИ ИЗЪ ФРАНЦІИ).
Картина В. В. Верещагина.

или ѣхалъ въ экипажѣ, либо шелъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ войсками. Онъ былъ въ шубѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ.

* * *

Императоръ сумраченъ и угрюмъ. Вотъ и Бородино, усѣянное неубранными трупами. Съ ужасомъ и страхомъ проходятъ полки по кровавому полю. Еще недавно имъ улыбалась здѣсь слава, надежда освѣщала ихъ путь. А теперь онъ мраченъ и тяжелъ. Девять дней уже длится этотъ путь, и конца ему не видно!

30 октября Наполеонъ получилъ печальное извѣстіе о томъ, что



НАБРОСОКЪ ФРАНЦУЗСКАГО ОФИЦЕРА, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ СЦЕНУ ВЪ МОСКВѢ 6 ОКТЯБРЯ 1812 г.

Шварценбергъ оставилъ открытой дорогу для русскихъ и отступилъ за Бугъ. Опасность грозила съ фланговъ, опасность съ тыла.

Арьергардъ Даву тяжело страдалъ отъ постоянныхъ нападеній казаковъ. Тогда велѣно было перемѣстить обозы въ средину арміи. Со всѣхъ сторонъ, справа и слѣва, спереди и сзади, ихъ окружалъ конвой батальоновъ, а самое опасное мѣсто, въ арьергардѣ, занялъ, вмѣсто Даву, корпусъ маршала Нея.

У Кутузова не было достаточнаго войска и онъ не тѣснилъ непріятеля. Съ фланговъ двигались по пятамъ французовъ Чичаговъ и Витгенштейнъ съ войсками, въ три слишкомъ раза превышающими силы великой арміи.

НАПОЛЕОНЪ СЪ САТАНОЙ ПОСЛѢ СОЖЖЕНІЯ МОСКВЫ.
Каррикатура 1812 г.

У Вязьмы обѣ арміи—русская и французская—встрѣтились. Кутузовъ, однако, попрежнему медлилъ съ боемъ. Главная армія Наполеона продвинулась уже далеко, когда русскія войска вступили въ дѣло, отрѣзая путь арьергарду непріятеля. Загорѣлось жаркое дѣло, но «великая» армія не только не была уничтожена, но, потерявъ около шести тысячъ, могла снова двигаться дальше.

Въ это же время маршалъ Викторъ соединился съ Сенъ-Сиромъ и отступалъ, задерживая наступленіе Витгенштейна. Правда, маршаламъ

ОТСТУПЛЕНІЕ ВЕЛИКОЙ АРМІИ (НАПОЛЕОНЪ И ЕГО ШТАБЪ).
Картина В. В. Верещагина.

пришлось покинуть Витебскъ и имѣвшіеся тамъ склады, но ихъ войска быстро шли на соединеніе съ Наполеономъ.

— Перейти сейчасъ же въ наступленіе. Отъ этого зависитъ спасеніе арміи!—приказалъ императоръ.

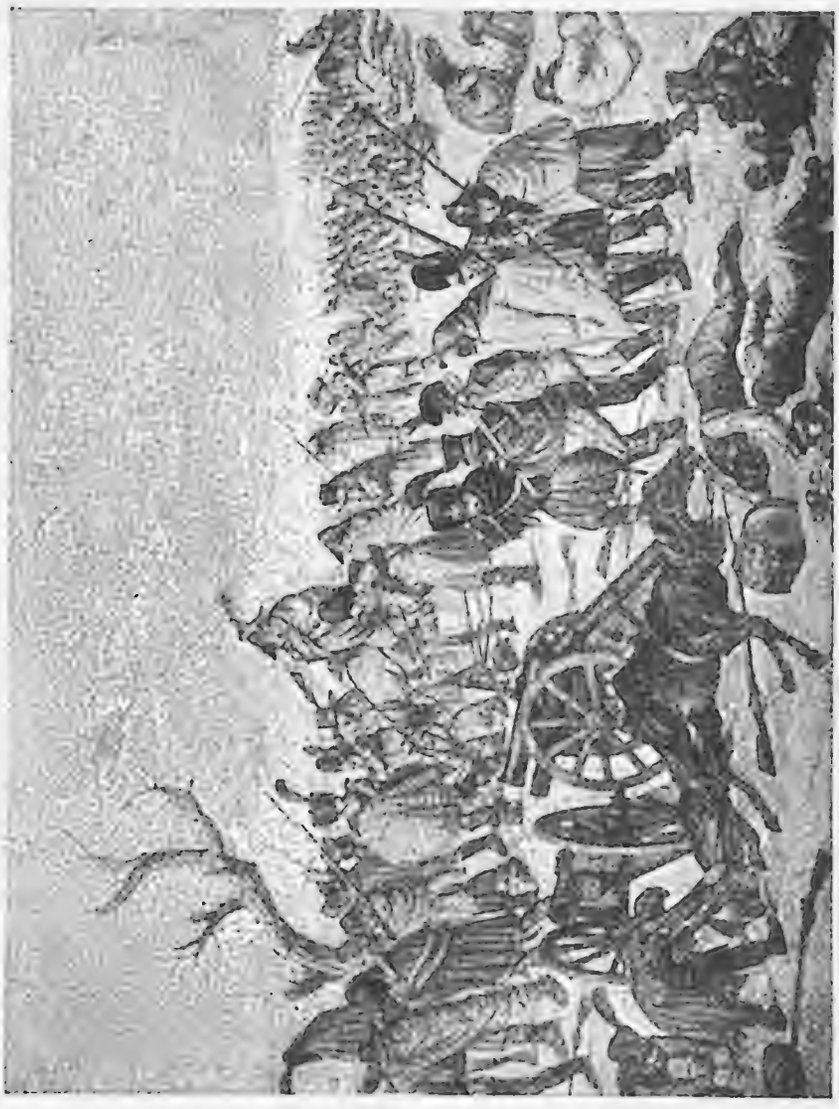
Но тутъ ударили настоящіе русскіе морозы. Заклубилась вьюга, и смерть начала косить жертвы. Французы умирали каждый день цѣлыми сотнями отъ холода, голода и простуды. Отставшимъ и сбившимся съ пути грозила та же смерть.

Оборванная, голодная и иззябшая армія 9 ноября, наконецъ, подошла къ Смоленску. 13-го туда же прибылъ и арьергардъ Нея. Отъ «великой» арміи собрались въ Смоленскѣ одни только жалкіе остатки; въ корпусѣ Нея уцѣлѣли немногіе бойцы. У кавалеріи уже не было лошадей и кавалеристы брели въ пѣшемъ строю.

БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ИЗЪ РОССІИ.

Картина Яна Хелминскаго.

Гарнизонъ въ Смоленскѣ долго не желалъ отпирать ворота: въ этой полунищей толпѣ онъ не хотѣлъ признавать свою великую когда-то армію. Недолгій отдыхъ—и приведенная въ кос-какой порядокъ армія вы-



БѢГСТВО ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ РОССІИ ВЪ 1812 г. Картина Клейна.

ступаетъ снова въ путь. Она идетъ теперь, раздѣлившись на четыре корпуса. Самъ Наполеонъ, Евгеній Богарне, Даву и Ней ведутъ эти корпуса.

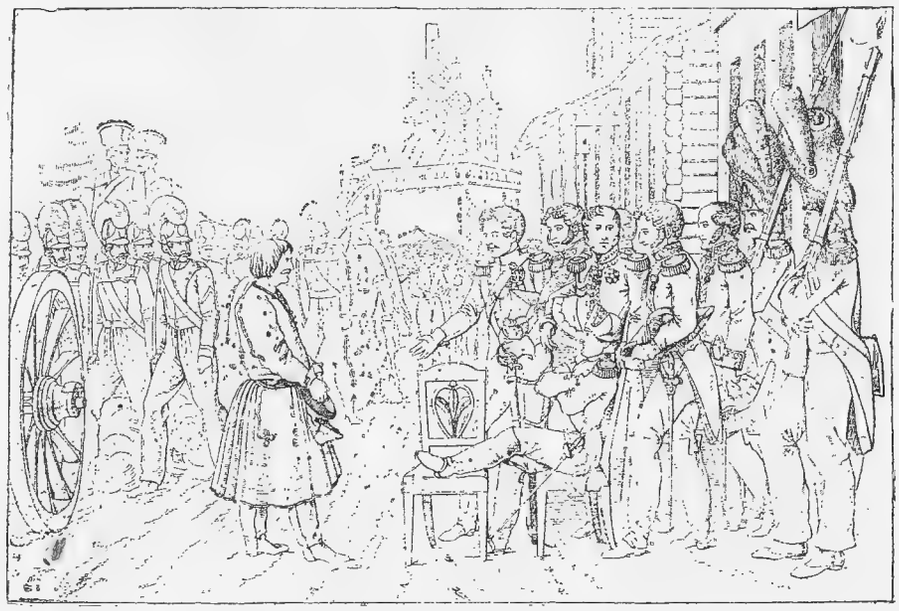
17 ноября Смоленскъ уже опустѣлъ. Башни были взорваны, и только больные остались въ стѣнахъ города, ввѣренные человѣколюбію жителей. А слѣдомъ за отступающимъ врагомъ на Смоленскъ уже надвигались русскія войска.

Черезъ Красный, Борисовъ и Минскъ лежалъ путь Наполеона.

Подъ Борисовымъ должна была произойти переправа черезъ Березину, которую долженъ былъ прикрыть австрійскій генералъ Шварценбергъ.

* * *

15 ноября Наполеонъ съ передовымъ отрядомъ своей арміи пока-



НАПОЛЕОНЪ ВЪ ВЯЗЬМѢ 18 АВГУСТА 1812 г.
Современная гравюра.

зался у Краснаго. Въ это время Ней съ арьергардомъ еще только отступалъ изъ Смоленска.

Едва показались французы, какъ русская артиллерія открыла по нимъ жестокій огонь. Загрохотали пушки, засвистѣли ядры, загремѣла канонада. Наполеонъ не остановился и, ободряя упавшихъ духомъ, сказалъ:

— Все это пустяки. Пушечныя ядра двадцать лѣтъ уже летали мимо насъ.

Онъ рѣшилъ обождать прибытія войска и тогда дать генеральное сраженіе. Русскіе полководцы также ждали: они не рѣшались, не зная въ точности силъ противника, завязать съ нимъ бой. У русскихъ не было точныхъ свѣдѣній о силахъ противника, и это вновь спасло Наполеона.

Въ то время, какъ Ней штыками прокладывалъ себѣ дорогу среди

обступившихъ его русскихъ полковъ и прорвался за Днѣпръ всего лишь съ восемьюстами человѣкъ, корпусъ вице-короля Евгенія спѣшилъ на помощь маршалу.

НАПОЛЕОНЪ НА БИВУАКѢ ПРИ ОТСТУПЛЕНІИ КЪ СМОЛЕНСКУ.
Съ литографированной картины Раффе.

Наполеону каждую минуту грозила опасность плѣна.
Къ 18 ноября у него едва-едва набралось двадцать пять тысячъ

ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ. Картина И. М. Прянишникова.

ВИДЪ ПАМЯТНИКА НА МѢСТѢ ПЕРЕПРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ 1812 г. ВЪ Д. СТУДЕНКѢ, ОТКРЫТАГО 14 НОЯБРЯ 1901 г. Фотографія съ натуры.

солдатъ, и тѣ отказывались идти дальше. Но онъ самъ не потерялъ присутствія духа. Его имя еще до сихъ поръ было грознымъ въ русскихъ рядахъ.

Собравъ остатки своей гвардіи, императоръ прямо заявилъ своимъ любимцамъ:

БИВУАКЪ СПАСАЮЩИХСЯ БѢГСТВОМЪ ФРАНЦУЗОВЪ БЛИЗЪ БЕРЕЗИНЫ.
Снимокъ съ современной нѣмецкой гравюры.

— Вы сами видите разстройство моей арміи. Большинство солдатъ побросало ружья. Если вы послѣдуете ихъ примѣру, всякая надежда будетъ потеряна.

Эта надежда заключалась въ томъ, чтобы прорваться къ Борисову и тамъ переправиться черезъ рѣку и идти къ Минску, гдѣ были заранѣе предусмотрительно устроены Наполеономъ склады провіанта и боевыхъ припасовъ. Каждая минута была дорога. Чичаговъ и Витгенштейнъ легко могли соединиться подъ Борисовымъ и отобрать мостъ, находившійся подъ охраной полка поляковъ.

ДОСКИ СЪ НАДПИСЯМИ НА ПАМЯТНИКѢ НА МѢСТѢ ПЕРЕПРАВЫ НАПОЛЕОНА ВЪ Д. СТУДЕНКѢ.

Въ Борисовѣ Наполеону ставилась ловушка. Онъ понялъ планы противника. Спѣшно отступаетъ императоръ изъ-подъ Краснаго. Викторъ и Удино направляются впередъ къ Борисову; за ними, утопая въ грязи и лужахъ, скользя по талому снѣгу, идетъ и Наполеонъ съ остатками своихъ силъ. Но уже поздно! Передовыя войска Чичагова успѣли завладѣть мостомъ. Ледъ на рѣкѣ тронулся, и по рѣчной поверхности плыли льдины.

Шварценбергъ отошелъ отъ Березины, заманенный Сакеномъ; Чичаговъ стоитъ въ Борисовѣ, Витгенштейнъ подвигается туда же. Удино приказано съ восемью тысячами человѣкъ вытѣснить изъ Борисова Чичагова. Викторъ долженъ задержать наступленіе Витгенштейна. Ка-

валеристы нашли бродъ черезъ Березину близъ Студенки. Французскіе саперы посланы туда, но приказаніе Виктору опоздало. Корпусъ

ПОСЛѢ ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ. Картина І. Фалата.

Витгенштейна уже идетъ къ самой Студенкѣ. Но Витгенштейнъ былъ плохой полководецъ. Вмѣсто Наполеоновской быстроты и смѣлости у

него была Витгенштейновская вялость и медлительность. Онъ не спѣшилъ, а Удино успѣлъ ловко обмануть Чичагова, заманивъ русскаго генерала на цѣлый переходъ ниже Борисова...

Въ это время французскіе саперы у Студенки подъ шумокъ дѣлали свое дѣло. Черезъ три дня два моста черезъ Березину были уже готовы. Одинъ легкій для пѣхоты, другой широкій и устойчивый для обозовъ и артиллеріи.

26 ноября началась переправа. На другой день самъ Наполеонъ перешелъ Березину и двинулся на Вильну. Поздно вечеромъ прибылъ въ Борисовъ Удино. На его арьергардъ уже наступалъ опоздавшій Витгенштейнъ, а ночью на противоположномъ берегу появился Чичаговъ, понявшій, наконецъ, ложный маневръ Удино.

МАРШАЛЪ НЕЙ, ОСТАНАВЛИВАЮЩІЙ ПРЕСЛѢДУЮЩІЯ ЕГО КАЗАКОВЪ.—Картина д'Ивона въ Версальскомъ музеѣ.

Вдоль по обоимъ берегамъ Березины двигается русская армія во слѣдъ за непріятелемъ. Чичаговъ атакуетъ корпуса Нея и Удино, Витгенштейнъ громитъ малочисленный корпусъ Виктора. Кипитъ по обоимъ берегамъ кровавый бой, а по дорогамъ, ведущимъ къ мосту, тѣснятся повозки, спѣшатъ отсталые. Шумъ, крики, визгъ дѣтей и рыданья женщинъ, и топотъ лошадей, и грохотъ ко-

лесъ. На мосту цѣлая давка, и кулаками расчищаютъ себѣ дорогу бѣглецы, давя и спихивая въ воду слабѣйшихъ.

А буря злится и воетъ, реветъ вѣтеръ, заглушая и стоны, и крики, и далекую канонаду...

Большой мостъ не выдерживаетъ тяжести. Съ грохотомъ и трескомъ обрушивается настилка досокъ, опрокидывая въ рѣку людей и повозки, погребая ихъ на днѣ. Было уже совсѣмъ темно, когда остатки

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.
Бронзовый горельефъ гр. Ѳ. Толстого.

корпуса Виктора вступили на уцѣлѣвшій мостъ. Русская артиллерія открыла по нимъ огонь, и весь мостъ скоро былъ усѣянъ трупами, черезъ которые шагали бѣглецы. На утро французскій арьергардъ, не дожидая отсталыхъ, поджегъ оба моста.

9 декабря великая армія, наконецъ, добралась до Вильны. Какіе жалкіе, голодные и закоченѣвшіе пришли сюда французы! Отъ всей недавно великой арміи уцѣлѣло всего лишь девять тысячъ, стоявшихъ еще подъ ружьемъ. Въ изодранныхъ одеждахъ, въ шинеляхъ съ чужого плеча, въ женскихъ салопахъ и священническихъ ризахъ подходили къ Вильнѣ остатки бывшихъ героевъ. Пришелъ Ней съ уцѣлѣвшей горстью своихъ храбрецовъ, подошелъ Вреде и наконецъ Мюратъ, отъ лихихъ кавалеристовъ котораго осталось немного: всего лишь пятьсотъ жалкихъ, оборванныхъ, одѣтыхъ въ разнокалиберныя одежды и укутанныхъ въ тряпки воиновъ.

ОТСТУПЛЕНИЕ.
Картина Раффе.

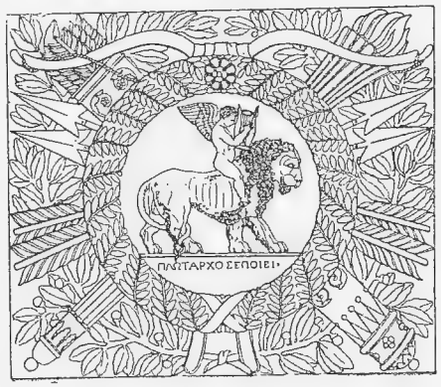
А морозъ становился все злѣе... Сама сѣверная природа словно мстила французамъ.

НАПОЛЕОНЪ ПОКИДАЕТЪ ОСТАТКИ СВОЕЙ РАЗБИТОЙ АРМІИ ВЪ 1812 ГОДУ.
Картина І. Розена.

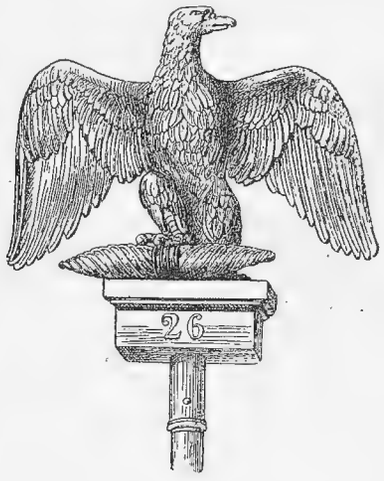
Наполеонъ не дожидался въ Вильнѣ сбора своихъ несчастныхъ дружинъ. Въ Парижѣ было неспокойно. Противъ императора открытъ былъ цѣлый рядъ заговоровъ, и онъ спѣшилъ во Францію.

— При такихъ обстоятельствахъ, —говорилъ онъ, собираясь въ путь,—присутствіе мое въ Парижѣ необходимо для Франціи, для имперіи и даже для самой арміи.

Въ Сморгоняхъ онъ простился со своими храбрецами и черезъ Вильну, Варшаву и Дрезденъ мчался по направленію къ Парижу...



МАЛЕНЬКІЙ КРЕСТЪ И ЖЕЛѢЗНАЯ КОРОНА, КОТОРЫЕ НОСИЛЪ НАПОЛЕОНЪ.
(Изъ кол. Шатору).



БРОНЗОВОЙ ОРЕЛЪ ОДНОГО ИЗЪ ПОЛКОВЪ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

ГЛАВА XVI.

СОЛНЦЕ ЗАХОДИТЪ.

Армія переходитъ русскую границу. — На прусской землѣ. — Союзница измѣняетъ.—Императоръ въ Парижѣ. — Желаніе мира и приготовленія къ войнѣ.—Франція вновь вооружается.—«Маріи-Луизы».—Побѣды подъ Люценомъ и Бауценомъ.—Смерть Моро.—Прусская армія.—Императоръ и маршалы.—Всѣ противъ одного и одинъ противъ всѣхъ.—Австрія въ союзѣ съ врагами Франціи.—«Бауценовскій почтальонъ».—Наканунѣ рѣшительнаго боя.

НАПОЛЕОНЪ былъ уже въ Парижѣ, когда великая армія перешла русскую границу. Изъ трехсоттысячной арміи осталось всего нѣсколько тысячъ полуголодныхъ, полуодѣтыхъ бойцовъ.

Къ нимъ у границы присоединилось тысячъ двадцать бѣглецовъ въ лохмотьяхъ и безъ оружія. За Вильной французовъ никто не преслѣдовалъ. У Кутузова оставалось всего только сорокъ тысячъ солдатъ; самъ главнокомандующій желалъ мира. Его желала и вся Россія. Но Александръ I не хотѣлъ складывать оружія. Онъ говорилъ:

— Миръ можетъ быть подписанъ только въ Парижѣ.

19 декабря остатки Наполеоновской арміи вступили въ союзную Пруссію. А менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 13 января 1813 года, русская армія вмѣстѣ съ Александромъ переходила ту же границу.

— Идемъ положить конецъ нестерпимому глумленію. Встанемъ за вѣру противъ безвѣрья; за свободу противъ властолюбія; за человѣчество противъ звѣрства!—писалъ русскій царь въ приказѣ по арміи.

Пруссія не оказала никакого сопротивленія наступающей русской арміи. Союзница Франціи снова переходила въ лагерь ея враговъ. Прусскій король еще считался другомъ Франціи, но армія и народъ не желали этого союза. Ничего не подозрѣвавшій о такой перемѣнѣ Мюратъ вступалъ въ Кенигсбергъ. Въ тылу у него находился «союзный» прусскій корпусъ. Положеніе Мюрата съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Неаполитанскій король, наконецъ, рѣшилъ сдать командованіе арміей принцу Евгенію Богарне, а самъ поспѣшно уѣхалъ въ свой Неаполь. Отовсюду шли къ Наполеону непріятныя вѣсти.

МЮРАТЪ.
Портретъ кисти Ф. Жерарда.

Россія вступила въ великое герцогство Варшавское; Варшава снова была въ ея рукахъ. Прусскіе генералы, конечно, легко могли бы задержать движеніе русскаго корпуса, но они предпочли прежнему союзу съ Наполеономъ переговоры съ новымъ союзникомъ—Александромъ.

Варшава была сдана пруссаками почти безъ боя.

* * *

Парижъ встрѣтилъ восторженно Наполеона. Въ изданныхъ манифестахъ онъ оповѣстилъ еще раньше Францію, что восвалъ очень успѣшно и что армія оказалась побѣжденной только одною стихіей—природой. Онъ снова перешелъ къ обычнымъ дѣламъ. Полководецъ вложилъ мечъ въ ножны, —императоръ надѣвалъ снова корону. Онъ работалъ, какъ прежде, безъ устали, во все вникая самъ.

Франція обѣднѣла отъ войнъ. Послѣдняя война вырвала всѣ силы у народа, и императоръ со своей семьей отказался отъ прежней роскоши. Онъ повелъ скромную жизнь, заботясь объ осиротѣвшихъ семьяхъ своихъ ветерановъ.

Франція не измѣнила ему: она прощала тысячи жертвъ и неудачу

похода и готова была вновь жертвовать жизнью своихъ сыновей, готова была вновь вѣрить въ лучшіе дни и счастливую звѣзду своего обожаемаго полководца. Франція, дѣйствительно, его обожала.

ПОРТРЕТЪ НАПОЛЕОНА,
гравированный Ноэлемъ Бертраномъ по портрету Давида.

Страна, уставшая отъ войнъ и истощенная ими, теперь снова поднималась и горѣла желаніемъ отплатить за позоръ. Императоръ искренно желаетъ мира и въ то же самое время собираетъ войска. Онъ чувствовалъ, что новые «союзники» не оставятъ сами его въ покоѣ. Они набрались теперь храбрости и считаютъ лучшимъ средствомъ застать Францію неготовой къ сопротивленію.

Со всей Франціи стягиваются подъ ружье солдаты. Матросы, оказавшіеся не у дѣлъ, зачисляются на службу въ артиллерію, даже жандармы принимаются въ кавалерію. Призывъ на военную службу далъ въ 1813 году 140 тысячъ новобранцевъ. Но этого было все еще мало.

Для побѣды нужны войска и войска.

Юноши-подростки, почти дѣти, не достигшіе еще совершеннолѣтія, призываются въ ряды арміи. Они должны, по плану Наполеона, за годъ лагерной жизни привыкнуть къ новой обстановкѣ и окрѣпнуть для будущей солдатской службы. Эти подростки, которыхъ во Франціи прозвали за ихъ юныя лица «Маріями-Луизами», дали арміи еще 150 тысячъ человѣкъ. Изъ Испаніи вызываются бывшіе тамъ на службѣ офицеры. Возвращаются изъ великой арміи ветераны, отсталые бѣглецы вновь записываются на военную службу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Наполеонъ издаетъ указъ, по которому становятся подъ ружье всѣ лица, могущія владѣть оружіемъ. Онъ грозитъ, что скоро вооружитъ даже женщинъ и дѣтей. По всей Франціи и въ сосѣдней западной Германіи скупаются лошади для кавалеріи и артиллеріи. Къ 1 мая у императора была уже собрана такимъ образомъ полумилліонная армія.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ АЛЕКСАНДРА ЗА ПРЕДѢЛЫ РОССІИ. 1813 г.
Бронзовый горельефъ гр Ѳ. Толстого.

Всѣ доходы страны обращаются на вооруженіе. Наполеонъ самъ жертвуетъ 71 милліонъ изъ своего запаснаго капитала. Онъ чувствуетъ, что долженъ дать врагу, быть можетъ, послѣдній урокъ. Противъ него весь міръ, вся Европа.

Императоръ бодръ и дѣятеленъ. Несчастья, казалось, не сломили его энергіи.

Но духъ арміи уже не тотъ: угасли прежніе паладины — герои почти сказочныхъ побѣдъ: нѣтъ Ланна, погибъ Бессьеръ. Другіе, какъ Массена и Даву, отставлены подозрительнымъ императоромъ.

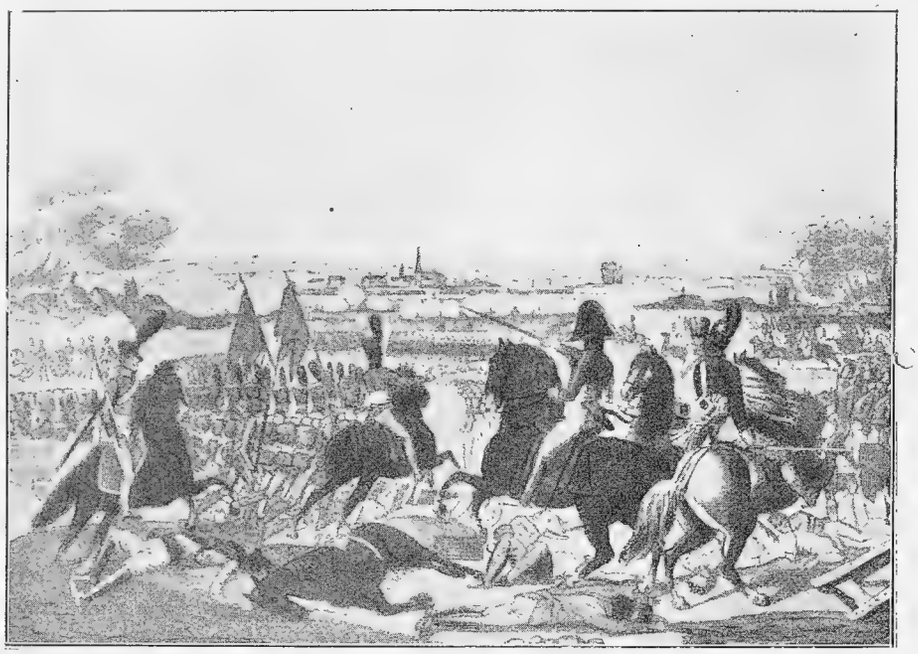
Не тѣмъ уже сталъ и вѣрный исполнитель императорскихъ начертаній—маршалъ Бертье: онъ больше думаетъ о мирѣ, чѣмъ грезитъ войной. Объ остальныхъ и говорить нечего.

АЛЕКСАНДРЪ I.
Съ современной гравюры Аткинсона.

Одни, какъ Мюратъ и Мармонъ, готовы измѣнить при первомъ удобномъ случаѣ своему повелителю. Другіе давно уже измѣнили: Бернадотъ и Жомини на сторонѣ враговъ. Тамъ среди вражескаго стана и

изгнанный въ Америку—Моро. Маршалы не живутъ въ дружбѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорятся. Ссорятся даже въ то время, когда Европа вся цѣликомъ составляетъ заговоръ противъ Наполеона. Англія склоняетъ къ союзу державы и сыплетъ золотомъ. Англія, Россія, Швеція, Германія, Испанія и Пруссія сплотились вмѣстѣ и ждутъ только минуты, чтобы начать войну противъ Франціи.

Въ самой Франціи нѣтъ денегъ, и ей необходимъ отдыхъ. Но о



БИТВА ПРИ ЛЮЦЕНѢ.
Совр. литографія Фр. Кампе въ Нюренбергѣ.

мирѣ никто не хочетъ слышать, и прежде всего самъ Наполеонъ. Мира все равно нѣтъ и не будетъ!

Годъ приготовленія къ войнѣ для него слишкомъ долгій срокъ. И 15 апрѣля 1814 года Наполеонъ уже выѣхалъ, какъ всегда торопясь, на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ Познани Евгеній Богарне съ трудомъ удерживался отъ надвигавшихся русскихъ войскъ. Вице-король образовалъ 14-тысячную армію, изъ отсталыхъ бѣглецовъ, возвращавшихся, мало-по-малу, изъ Россіи, но ему пришлось отступить къ Берлину и, наконецъ, къ Лейпцигу, куда начинали подходить первыя подкрѣпленія изъ Франціи.

На передовой линіи уже собралось около 75 тысячъ человѣкъ. Они

составляли шесть корпусовъ, которыми командовали Вандамъ, Лористонъ, Викторъ, Гренье, Даву и Ренье. Передовая линія тянулась отъ Бремена до Дрездена.

Вся французская дѣйствующая армія должна быть раздѣлена на двѣ: на Эльбскую и Майнцскую. Эльбская армія, по плану Наполеона, выступаетъ къ Кенигсштадту; Майнцская, слѣдуя за первой, идетъ на освобожденіе Данцига, чтобы потомъ овладѣть нижнимъ теченіемъ Вислы.

ГЕРАРДЪ-ІОГАННЪ-ДАВИДЪ ФОНЪ-ШАРНГОРСТЪ, ПРУССКІЙ ГЕНЕРАЛЪ.
Портретъ кисти Бюри, грав. Боллингера.

* * *

Выжидательное настроеніе Пруссіи уже замѣнилось ярко выраженной ненавистью къ французамъ. Даже государи Рейнскаго Союза не обнаруживали особой охоты помогать Наполеону.

17 апрѣля въ Майнцѣ Наполеонъ принялъ главное начальство надъ арміей. Она еще не была вся собрана, но около ставосьмидесяти тысячъ солдатъ стояли подъ ружьемъ, готовые къ битвѣ.

Противъ этой арміи выступало новое, прекрасно обученное прусское войско.

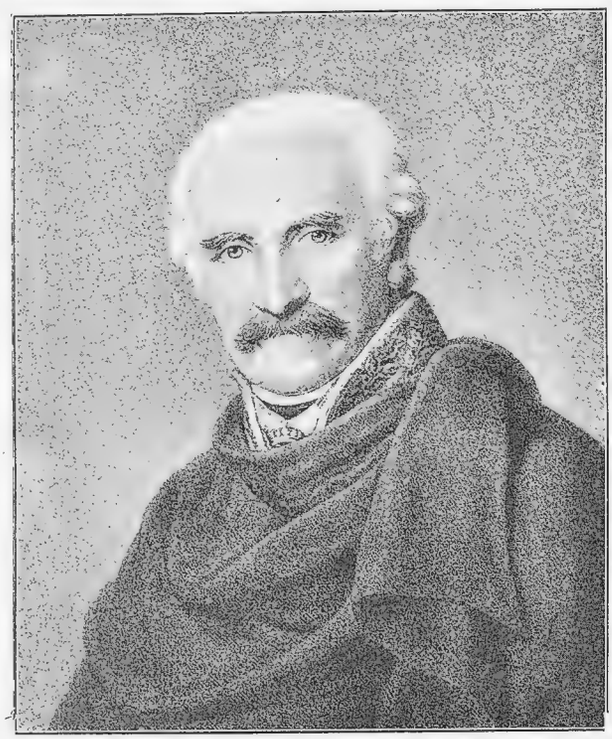
Наполеонъ уже сознавалъ, что ему трудно полагаться на своихъ генераловъ.

— На время этой войны я стану опять генераломъ Бонапартомъ,—сказалъ онъ, начиная кампанію.

Австрія не принимала никакого участія въ этой войнѣ, но, пользуясь своимъ укромнымъ положеніемъ, исподтишка собирала и стягивала войска.

Прежній генералъ Бонапартъ воскресъ. Недугъ, который по цѣлымъ недѣлямъ обрекалъ Наполеона на бездѣйствіе и нерѣдко вызывавшій у него болѣзненную сонливость, казалось, прошелъ. Проснулся прежній геній. Въ битвѣ подъ Люценомъ императоръ вспомнилъ свою прежную славу.

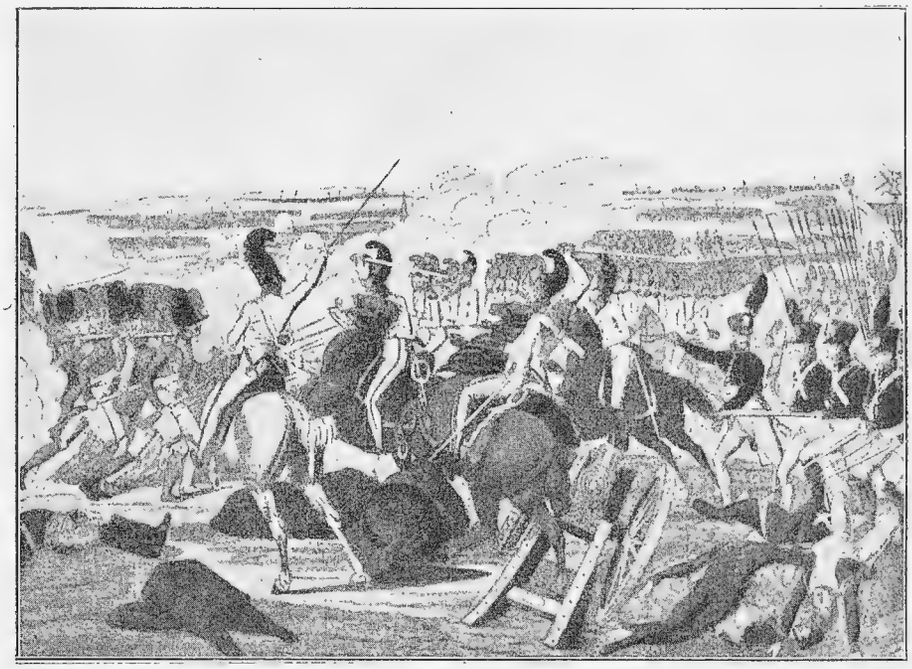
Непріятель, вдвое сильнѣйшій, принужденъ былъ отступить. А Наполеонъ готовился къ новой побѣдѣ.



ФЕЛЬДМАРШАЛЪ БЛЮХЕРЪ, КНЯЗЬ ВАЛЬШТАДТСКІЙ.
Живоп. Ф. Г. Грегера, гравиров. въ 1825 г.

Онъ занялъ Гамбургъ и наступалъ все впередъ и впередъ. Уже Дрезденъ былъ въ его рукахъ, а союзная армія бездѣйствуя ждала со дня на день прибытія Моро, который вступилъ на русскую службу. Моро и Наполеонъ, давнишніе соперники по военной славѣ, должны были встрѣтиться и помѣряться силами. Впрочемъ, по части талантовъ союзная армія на этотъ разъ могла выставить такихъ отважныхъ бойцовъ, которые дѣлали бы честь даже такому противнику, какимъ былъ Наполеонъ. У Россіи былъ Барклай, прославившій себя въ началѣ кампаніи 12-го года. У Пруссіи стояли такіе люди, какъ Шарнгорстъ и прозванный «генераломъ-Впередъ» 70-лѣтній юноша-старикъ Блюхеръ. Кромѣ того выдѣлялись новые таланты въ видѣ Клеистъ, Гнейзенау и Бюлова. Прусская армія не была уже прежней арміей, годной лишь для парадовъ и церемоніальныхъ маршей. Не прежней была и сама Пруссія. Народныя силы, народный духъ проснулись въ ней. Страна рвала оковы рабства. Самъ народъ, кипѣвшій ненавистью къ Наполеону, вдохнулъ свой духъ въ свое войско. Оно сражалось не за кусокъ какой-либо чуждой земли, а за право жить и дышать, въ порабощенной Наполеономъ, странѣ.

Пруссія стояла во главѣ Германіи раздробленной, разрозненной и покоренной. Она звала германскіе народы къ объединенію противъ общаго врага. Поэты Рюккертъ и Кернъ воспламеняли сердца пѣснями, звавшими въ бой за родину. Арндтъ зажигалъ души своими возваніями противъ врага. Крестьяне предавали огню все на пути непріятеля. Со всѣхъ концовъ Германіи шли обильныя пожертвованія на общую для германскаго народа борьбу. Въ рядахъ арміи были не только



БИТВА ПРИ БАУЦЕНѢ.
Совр. литографія Фр. Кампе въ Нюренбергѣ.

солдаты по найму или жребію, но къ нимъ присоединялись и дѣти богатыхъ родителей и бѣдныхъ ремесленниковъ, шли въ битву студенты и гимназисты, шли учителя.

Наполеонъ не понялъ размѣровъ начинающейся пробуждаться, подобно какъ это было въ Испаніи и Россіи, національности.

* * *

Сраженіе подъ Люценомъ было первой побѣдой Наполеона. Война начиналась для него успѣшно. Изъ рядовъ прусской арміи выбылъ даровитый Шарнгорстъ, но французы потеряли Бессьера.

Въ Дрезденѣ Наполеонъ пробылъ нѣсколько времени, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Наконецъ, узнавъ, что союз-

ныя войска укрѣпились за рѣкою Шпрее подъ Бауценомъ, онъ рѣшилъ двинуться туда и нанести имъ одинъ, но рѣшительный ударъ. Противъ него стояла 90-тысячная армія. Французы безстрашно двинулись въ аттаку.

Макдональдъ штурмомъ беретъ Бауценскій мостъ. Мармонъ и Бертранъ по перекинутымъ понтоннымъ мостамъ пробираются черезъ рѣку. Французы уже завязываютъ съ непріятелемъ упорный бой, и черезъ

СМЕРТЬ ДЮРОКА.
Совр. литографія Фр. Кампе въ Нюренбергѣ.

три часа ожесточеннаго сраженія союзники сбиты съ позиціи. Армія ихъ отступаетъ за городъ на высоты, но отступленіе противника не есть еще пораженіе...

Безсонная ночь, и новый бой на разсвѣтѣ новаго дня. Распоряженія императоромъ всѣ сдѣланы. Маршалы должны ихъ выполнить въ точности, а утомленный безсонной ночью императоръ засыпаетъ на тигровой шкурѣ подъ грохотъ пушекъ и свистъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Когда онъ проснулся, бой все еще не былъ рѣшенъ. Непріятель только начиналъ еще отступать.

— Какъ, неужели вся эта рѣзня оказалась безъ результатовъ?— спросилъ Наполеонъ. — Мы не захватили ни одной пушки, не взяли ни одного плѣннаго?

Ни пушекъ, ни плѣнныхъ... лишь новую жертву дало это сраженіе подъ Бауценомъ, гдѣ былъ смертельно раненъ другъ Наполеона и любимый адъютантъ Дюрокъ. Смерть Дюрока огорчила и взволновала Наполеона. Онъ никогда еще не былъ такъ опечаленъ. Имъ овладѣло глубокое отчаяніе, и онъ долго просидѣлъ одинъ въ палаткѣ у постели умирающаго друга.

— Бѣдняга,— говорили одинъ другому солдаты,— онъ оплакиваетъ теперь своихъ дѣтей!

И когда у императора спрашивали приказаній, онъ только отвѣчалъ:

— До завтра.

Онъ не отходилъ отъ постели умирающаго и только когда Дюрокъ, потрясенный отчаяніемъ императора, просилъ его вернуться къ войскамъ, Наполеонъ исполнилъ послѣднюю просьбу умирающаго друга.

Его появленіе ободрило войска. Ожили и его маршалы, чувствующіе себя безъ Наполеона, какъ дѣти безъ няньки.

КАРЛЪ-ФИЛИППЪ, КНЯЗЬ ШВАРЦЕНБЕРГЪ, АВСТРІЙСКІЙ ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.
Жив. Оленхайнцъ, гравир. Пихлеръ.

Ней, вмѣсто того чтобы въ точности исполнить приказаніе императора и нанести смертельный ударъ противникамъ, далъ имъ возможность спокойно отступить. Наполеонъ видѣлъ, что кругомъ него рѣдѣетъ строй талантливыхъ, лучшихъ людей.

Въ арміи между солдатами и генералами были уже не прежнія отношенія. «Маріи-Луизы» не могли замѣнить прежнихъ ветерановъ, опаленныхъ порохомъ и испытанныхъ въ бояхъ. Не хватало кавалеріи и артиллеріи, и, какъ воскъ на огнѣ, таяла армія.

Два блистательныя сраженія подъ Люценомъ и Бауценомъ обѣимъ

сторонамъ обошлись слишкомъ дорого. Въ арміи осталось всего только 120 тысячъ человѣкъ.

Если-бы прежніе орлы! Однимъ бы ударомъ можно было покончить съ союзниками, даже на полѣ битвы не забывшими счетовъ между собою.

Барклай уже былъ готовъ отступить въ Россію. И предъ французскимъ императоромъ стояла задача разсѣять союзныя войска и тѣмъ

ПЕРЕХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ ДРЕЗДЕНСКІЙ МОСТЪ (14 МАЯ 1813).
Съ современной нѣмецкой гравюры.

кончить войну. Наполеонъ мечталъ о союзѣ съ Австріей, но мечты пошли прахомъ. Вскорѣ стало какъ день яснымъ, что тесть Наполеона, императоръ Францъ, вмѣсто помощи зятю, готовъ былъ присоединиться со своей 100-тысячной арміей къ союзникамъ.

Всѣ противъ одного и одинъ противъ всѣхъ!

Чувствуя, что дальнѣйшая борьба не дастъ ничего лучшаго, Наполеонъ думалъ выиграть время для переговоровъ и рѣшилъ подписать перемиріе 4 іюня. Союзники были ошеломлены его согласіемъ. Побѣда подъ Бауценомъ окончательно заставила ихъ увѣровать въ геній Наполеона. О немъ говорили, что онъ неизвѣстно кто—«ангелъ или демонъ, но, во всякомъ случаѣ, не обыкновенный смертный».

Наполеонъ же искалъ возможности заключить миръ, потому что желалъ помѣшать союзу Австріи съ Россіей. Онъ вступилъ въ переговоры съ Австріей, но вѣнская дипломатія въ лицѣ столько же знаменитаго, сколько и коварнаго Меттерниха готова была идти на что угодно, лишь-бы помѣшать договору между тестемъ и его зятемъ.

Австрія вскорѣ же открыто примкнула къ союзу шести державъ и подняла оружіе противъ Наполеона. Императоръ не вѣрилъ въ пользу перемирія. Полководецъ и политикъ боролись въ немъ.

МАРШАЛЪ МАКДОНАЛЬДЪ, ГЕРЦОГЪ ТАРЕНТСКІЙ.
По гравюрѣ Леваше.

— Если у союзниковъ нѣтъ искренняго желанія заключить миръ, то перемиріе можетъ оказаться для нихъ пагубнымъ,— сказалъ герой Бауцена, уѣзжая изъ главной квартиры.

Наполеонъ-полководецъ чувствовалъ, что перемиріе дастъ только возможность оправиться союзникамъ. Наполеонъ - политикъ старался извлечь для себя пользу изъ раздоровъ союзниковъ, которые до такой степени перессорились между собой, что, отступая, генералы обвиняли другъ друга и въ трусости и даже въ измѣнѣ. Заключеніе перемирія послѣ побѣдъ полководца подъ Люценомъ и Бауценомъ было величайшей ошибкой политика.

А изъ Франціи приходили вѣсти, что Парижъ желаетъ мира, что населеніе Франціи пресыщено войной и не желаетъ нести больше жертвъ.

Сынъ счастья, Наполеонъ, былъ увѣренъ, что его царство прекратится въ тотъ же день, когда онъ станетъ слабѣйшимъ. Онъ до самыхъ послѣднихъ дней не вѣрилъ въ измѣну Австріи. Полководецъ готовъ былъ биться до послѣдней капли крови, политикъ, однако, согласился на предложеніе союзниковъ собрать въ Прагѣ конгрессъ.

Союзники вздохнули свободнѣе. Они могли отдохнуть и собраться съ силами.

Еще не окончился срокъ перемирія, какъ Австрія сама объявляла войну Наполеону. И снова началась изумительная кампанія—настоящая оборона генія. Бездарный князь генералъ Шварценбергъ командовалъ австрійской арміей. Армія Шварценберга осадила уже Дрезденъ; императоръ спѣшилъ на помощь защитникамъ. Онъ шелъ быстро, изумляя союзниковъ своими искусными маршами и, наконецъ, поразивъ всѣхъ быстротой своихъ передвиженій, онъ былъ подъ стѣнами Дрездена.

— Императоръ въ Дрезденѣ! —пронеслось по рядамъ изумленныхъ союзниковъ.

И опять предъ ними встала во весь ростъ страшная фигура этого «полуангела — полудемона». Одно имя Наполеона наводило страхъ на союзныя войска. И онъ показалъ имъ въ Дрезденѣ примѣръ геніальной обороны.

Непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ императора.

Въ жестокой битвѣ подъ Дрезденомъ отъ французскаго ядра палъ Моро.

Онъ палъ со словами:

— Какъ, я, Моро, умираю среди враговъ Франціи отъ французскаго ядра?!

Два дня продолжалась битва, и въ концѣ концовъ союзники отступили въ безпорядкѣ за Рейнъ. Маршалъ Вандамъ шелъ имъ навстрѣчу. За ними по пятамъ гнался самъ Наполеонъ.

Вмѣсто разгрома Наполеоновской арміи союзники сами были опозорены, разбиты и бѣжали. Но преслѣдованіе французами союзной арміи вдругъ прекратилось. Наполеонъ впалъ въ глубокій обморокъ и не могъ сѣсть на сѣдло. Маршалы считали побѣду достаточно полной и повернули полки назадъ.

Французская армія въ сраженіи подъ Дрезденомъ сражалась геройски, но маршалы дѣлали ошибку за ошибкой. Болѣзнь императора мѣшала передвиженіямъ и быстрому осуществленію намѣченнаго плана.

— Моя шахматная игра спуталась, — съ горечью сказалъ Наполеонъ.

Почувствовавъ себя нѣсколько лучше, онъ отдаетъ за приказомъ приказъ, одинъ энергичнѣе другого. Удино́ долженъ былъ захватить Берлинъ врасплохъ, а въ это же самое время Вандамъ, окруженный союзниками, выдерживалъ жестокій бой подъ Кульмъ мъ и въ концѣ концовъ былъ вынужденъ отступить. У Кацбаха вдвое сильнѣйшій непріятель аттаковалъ Макдональда.

Удино́, задержанный у Денневицъ, далъ возможность пруссакамъ спасти Берлинъ.

БИТВА НА КАТЦБАХЪ.
Съ картины Г. Блейбтрэй.

Битва подъ Денневицами нанесла непоправимый ударъ всѣмъ предшествовавшимъ побѣдамъ Наполеона.

Въ арміи обнаружилось утомленіе, между тѣмъ какъ пруссаки, подъ начальствомъ неутомимаго Блюхера, проявляли все большій и большій пылъ.

Маршалы совѣтовали Наполеону отступить. Союзники поднимали голову. Они дали недавнему герою имя «Бауценовскаго почтальона», вслѣдствіе того, что Наполеонъ, искусно маневрируя, кружился въ треугольникѣ между Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Бауценомъ.

Союзники уже сосредоточивали свои силы около Лейпцига, когда Наполеонъ, вмѣсто желаннаго маршалами отступленія за Рейнъ, рѣшилъ дѣйствовать по своему.

Подъ Лейпцигомъ императоръ, не стѣсняясь численностью непріятеля, задумалъ дать генеральное сраженіе, — знаменитую «Битву народовъ».

НАПОЛЕОНЪ ДИКТУЕТЪ МАРШАЛУ БЕРТЬЕ СВОИ ПРИКАЗЫ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ ВЪ НОЧЬ СЪ 18 НА 19 ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА.

Картина Ж. А. Мюнiэ.

ГЛАВА XVII.

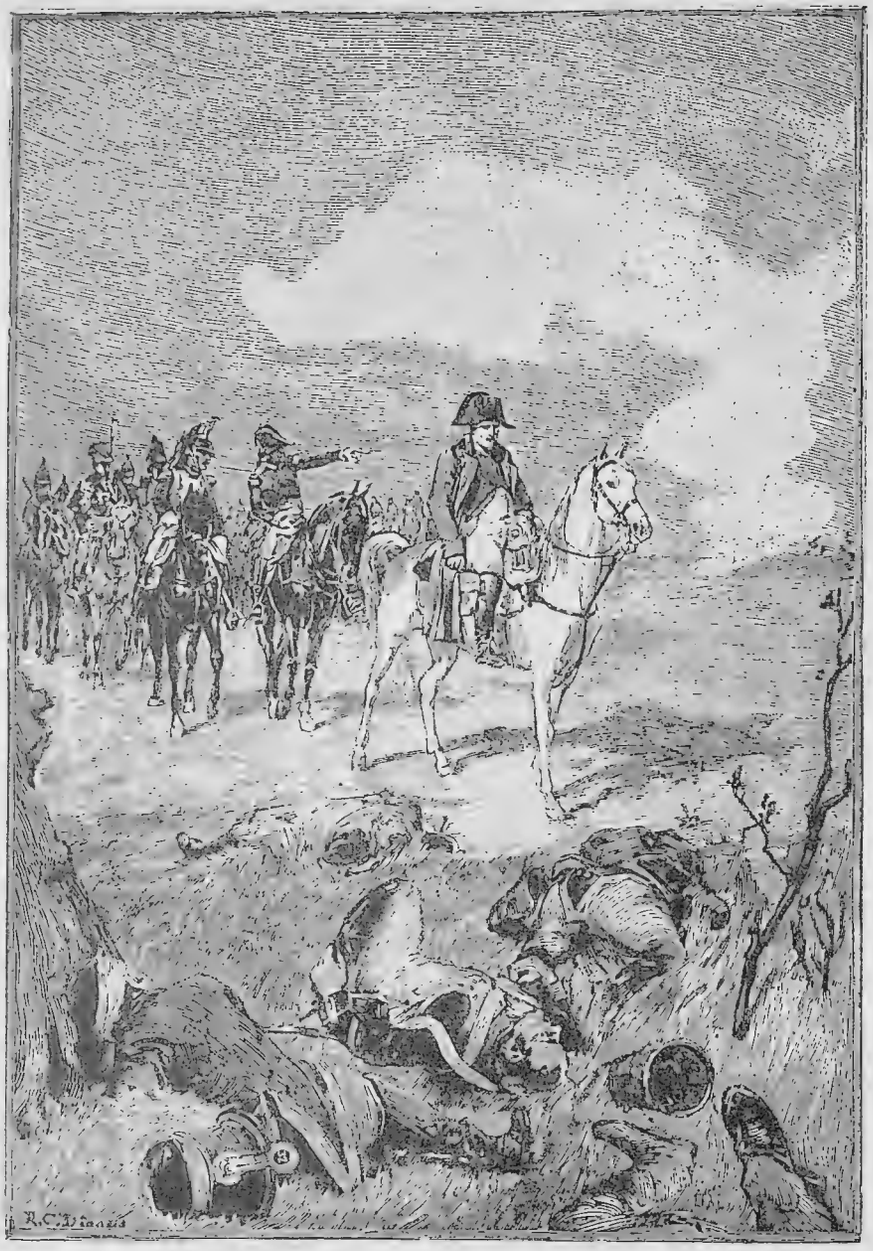
ОБОРОНА ГЕНІЯ.

Битва народовъ.—Отступленіе отъ Лейпцига.—Неожиданная катастрофа.—Снова во Франціи.—Измѣна зрѣетъ.—Императоръ и маршалы.—Послѣдняя борьба.—«Онъ ѣдетъ!»—«Парижъ взятъ!»—Вступленіе союзниковъ.—Мечты и дѣйствительность.—Измѣна за измѣной.—Императоръ Эльбы.—Колоссъ и лиллипутъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ армія сосредоточивалась около Лейпцига.

Наполеонъ еще колебался въ выборѣ плана дальнѣйшихъ дѣйствій.

Всю ночь на 7 октября онъ провелъ въ нерѣшительности. Наконецъ онъ принялъ рѣшеніе. Подъ Дрезденомъ остаются три корпуса, остальнымъ войскамъ отдается приказъ двинуться къ Лейпцигу. Едва только успѣли выступить, какъ въ императорской квартирѣ было получено извѣстіе объ измѣнѣ Баваріи. На армію, готовую принять тяжелый бой



НАПОЛЕОНЪ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ.

съ вдвое почти сильнѣйшимъ противникомъ, такое извѣстіе повліяло ошеломляюще. Наполеонъ, однако, не отступилъ отъ своего рѣшенія.

Бой былъ назначенъ на 16-ое октября. Наканунѣ вечеромъ императоръ объѣхалъ линію своихъ аванпостовъ. Въ 9 часовъ утра слѣдую-

СРАЖЕНІЕ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ 4 ОКТЯБРЯ 1813 г.
Картина Рехлина

щаго дня Наполеонъ со своей гвардіей двинулся туда, гдѣ темнѣли густые ряды союзниковъ, уже начавшіе аттаку четырьмя колоннами.

Аттака разгоралась по всему фронту.

Союзныя войска храбро бросились на французовъ. Въ первый день бой закончился ничѣмъ; ни одна сторона не могла торжествовать побѣды. Французы не отняли ни одной позиціи, хотя, несмотря на численность противника, не дрогнули передъ нимъ.

Наполеонъ отлично понималъ, что силы его и союзниковъ были не равны; къ непріятелю все время подходило за подкрѣпленіемъ подкрѣпленіе. Весь слѣдующій день противники вмѣсто битвы отдыхали. Наполеонъ медлилъ. Онъ не желалъ уходить съ поля сраженія прежде чѣмъ не произойдетъ рѣшительный бой.

18 октября грянула одна изъ величайшихъ битвъ въ мірѣ, прозванная «битвой народовъ». 130 тысячъ французовъ стояло противъ 300 тысячъ союзниковъ. Начало боя ознаменовала новая измѣна: 35 тысячъ саксонцевъ и вюртембергцевъ перешли въ ряды враговъ императора. Тѣмъ не менѣе французамъ удалось удержать за собою главную позицію. 50 тысячъ французовъ полегло на полѣ около Лейпцига; 75 тысячъ союзныхъ войскъ выбыло изъ строя, но передъ численной силой непріятеля пришлось въ концѣ концовъ отступить. Союзники наступали густою сплошною массой, напирая на рѣдѣющіе ряды французовъ. Французская армія, подъ начальствомъ своихъ вождей—Понятовскаго, Отеро, Виктора, Келлермана, Удино, Макдональда, Мармона, Ренье и др.,—билась до послѣдней капли крови.

На холмѣ, окруженный старой гвардіей, стоялъ Наполеонъ, наблюдая за битвой. Онъ видѣлъ, какъ бѣшеная аттака его войскъ встрѣчала такой же бѣшеный отпоръ со стороны непріятеля. На глазахъ императора падали и выбывали изъ строя люди. Разомкнутые ряды смыкались вновь, замѣнялись свѣжими бойцами. Артиллерія устала стрѣлять: пушки были раскалены; ружья накаливались до такой степени, что ихъ невозможно было держать въ рукахъ.

Противники бросились въ штыки. Ночь прекратила эту озвѣрѣлую бойню.

Усталость съ обѣихъ сторонъ была такъ велика, что люди засыпали тутъ же, на полѣ сраженія подлѣ лафетовъ пушекъ, около лужъ дымящейся крови. Въ это же самое время, когда французскія силы едва удерживали напоръ сильнѣйшаго противника, Наполеону принесли вѣсть объ измѣнѣ цѣлаго корпуса саксонцевъ. Императоръ ничего не сказалъ. Онъ только тяжело опустился на стулъ. Около получаса онъ просидѣлъ въ оцѣпенѣніи, похожемъ на сонъ. Кругомъ него при заревѣ костровъ

ТРИ МОНАРХА ВО ВРЕМЯ БИТВЫ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ. 1813 г.
Картина В. Шуха.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СРАЖЕНІЯ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ ВЪ 1813 ГОДУ Современная гравюра

столпились генералы. Было рѣшено отступать. Императоръ отдалъ послѣднія распоряженія и въ тяжеломъ душевномъ состояніи ускакалъ въ Лейпцигъ.

Для отступленія всей арміи оставался одинъ только каменный мостъ. Въ то время, какъ Наполеонъ, безучастный и съ виду равнодушный, бродилъ по улицамъ Лейпцига, войска толпились на этомъ мосту, торопя и давя другъ друга.

Наполеонъ стоялъ у берега рѣки и смотрѣлъ на переправу. Онъ былъ одинъ, безъ свиты, въ своемъ неизмѣнномъ сѣромъ сюртукѣ. Войска отступали въ порядкѣ, но вдругъ произошла одна изъ роковыхъ

СМЕРТЬ ПОНЯТОВСКАГО ПРИ ПЕРЕХОДѢ ЧЕРЕЗЪ ЭЛЬСТЕРЪ.
Картина Г. Верне.

ошибокъ, въ которой обвиняютъ какого-то унтеръ-офицера. Этотъ служака, видя, что армія уже перебралась черезъ рѣку, поспѣшилъ взорвать мостъ. Взрывъ явился сигналомъ для аттаки союзниковъ. Они увидѣли, что только половина арміи успѣла перейти на ту сторону рѣки, другая же, оставшаяся на правомъ берегу, находилась отрѣзанной отъ своихъ товарищей. Непріятель ударилъ на оставшихся, ряды ихъ дрогнули. Въ паническомъ страхѣ пѣшіе и всадники бросились въ рѣку; только немногіе изъ нихъ успѣшно достигли берега, большинство же погибало въ быстрыхъ волнахъ Эльстера.

При этой переправѣ погибъ князъ Понятовскій, и только какимъ-то чудомъ спасся раненый маршалъ Макдональдъ. Ренье и Лористонъ вынуждены были положить оружіе.

Наступало утро 20 октября.

* * *

Наполеонъ неузнаваемъ. Куда дѣвалась его вчерашняя бездѣятельность и сонливость?! Онъ снова вождь своей арміи, подъ знаменами которой собралось до 120 тысячъ человѣкъ.

Гарнизоны въ крѣпостяхъ на Эльбѣ и Вислѣ были заняты непріятелемъ. Великая армія, голодная и усталая, сама отступала отъ Лейпцига. Во главѣ ея шелъ императоръ.

— Онъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ при отступленіи изъ Россіи,—говорили ветераны, помнившіе двѣнадцатый годъ.

Въ арміи свирѣпствовалъ голодный тифъ.

Союзники шли параллельно ея флангамъ и постоянно грозили ей съ тылу. Наполеонъ, однако, не потерялся. Онъ далъ подъ Ганау сраженіе баварской арміи и, уничтоживъ ее, переправился въ Майнцъ.

Наполеонъ запретилъ своимъ солдатамъ трогать мирныхъ жителей. Онъ былъ потрясенъ самъ этой войной; его кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Самъ императоръ выказывалъ искреннее состраданіе солдатамъ, которые умирали, какъ мухи, отъ тифа.

БИТВА ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ.
Бронзовый горельефъ гр. Ѳ. Толстого.

Изъ Майнца Наполеонъ уѣзжалъ, покидая армію, въ Сенъ-Клу.

Вѣсти, одна другой неутѣшительнѣе, достигали до императора. Въ Италіи австрійская армія просила вице-короля Евгенія; Рейнскій союзъ распался; Голландія призвала къ себѣ новаго короля; Испанія искала поддержки у Англіи. Въ рядахъ самихъ союзниковъ происходило недовольство, и они вели между собой безконечные споры. Австрія торопилась заключить миръ съ Наполеономъ. Александръ I желалъ отплатить за позоръ Москвы вступленіемъ въ Парижъ. Прусскія войска не были настроены мирно. Во Франкфуртѣ союзниками былъ выработанъ мирный договоръ.

Франціи ставились тяжелыя условія: отдать всѣ завоеванія, плодъ Наполеоновскихъ побѣдъ, и успокоиться въ своихъ бывшихъ границахъ, опредѣленныхъ Альпами, Пиринеями, океаномъ и Рейномъ. Союзники были увѣрены заранѣе, что Наполеонъ не приметъ подобныхъ унизи-

тельныхъ условій. И онъ, дѣйствительно, ихъ не принялъ. Не принялъ бы ихъ и французскій народъ, считавшій подобное предложеніе оскорбленіемъ для себя.

— Я веду свою родословную только съ Маренгскаго сраженія!— гордо отвѣтилъ Наполеонъ императору Францу, который, породнившись съ императоромъ французовъ, желалъ, во-что-бы то ни стало, доказать древность династіи Бонапартовъ.

Наполеонъ хорошо зналъ, что сила и могущество его власти покоятся не на древности династіи Бонапартовъ, а на силѣ французскаго народа, который своею волею призналъ его императоромъ.

Къ этому народу вновь и обратился теперь Наполеонъ, прося у него собрать всѣ силы, чтобы дать отпоръ врагамъ, готовящимся вторгнуться въ предѣлы Франціи.

Почти все населеніе Франціи, способное носить оружіе, за послѣдніе годы было уже призвано въ ряды арміи. Каждый годъ страна отдавала на военное дѣло лучшія силы. Не хватало рабочихъ рукъ для обработки полей. Для обработка земли не хватало лошадей, у правительства не было денегъ. Звонкая монета исчезла изъ обращенія. Франція переживала тяжелое время, но она еще разъ откликнулась на зовъ Наполеона.

Законодательное собраніе отвѣтило на рѣчь императора выраженіемъ желанія заключить миръ. Но Наполеонъ стоялъ на своемъ. Онъ все еще вѣрилъ въ заходящую уже звѣзду своего счастья. Онъ жертвуетъ изъ своего капитала 55 милліоновъ франковъ. Но гдѣ купить оружія и припасовъ? Арсеналы и склады пусты.

Новые солдаты вооружаются старыми ружьями, вмѣсто мундировъ на нихъ крестьянскія блузы.

Франція ропщетъ, Франція недовольна, противъ императора уже зрѣетъ заговоръ: поговариваютъ даже о возможности возвращенія всѣмъ ненавистныхъ Бурбоновъ. Говорятъ о необходимости учрежденія регентства, которое будетъ править за малолѣтствомъ наслѣднаго принца. Настроеніе становится все тревожнѣе, все сильнѣе голоса раздаются далеко не въ пользу Наполеона.

На улицахъ по приказу императора оркестры играютъ марсельезу,— ту самую марсельезу, торжественные звуки которой напоминаютъ о великихъ дняхъ революціи и о первыхъ дняхъ любимой народомъ республики. Самъ императоръ отбросилъ всякую пышность дворца. Одинъ, безъ свиты онъ показывается запросто на парижскихъ улицахъ. Нерѣдко кругомъ него собирается толпа. Вчера еще недовольная приготовленіями къ войнѣ, сегодня она съ довольнымъ видомъ окружаетъ Напо-

леона и восторженно привѣтствуетъ императора. Толпѣ льститъ, что императоръ среди нея простой и доступный. Ветераны указываютъ на

ПАРИЖЪ 1815 ГОДА. Картина проф. Б. П. Виллевальде.

него и вспоминаютъ дни, когда у походнаго костра маленькій капралъ дѣлилъ съ ними суровую бивуачную жизнь. Каждый разъ при торже-

ственныхъ выходахъ императоръ не забываетъ показать народу императрицу и маленькаго наслѣднаго принца, и каждый разъ слышатся тѣ же восторженныя привѣтствія толпы. Онъ зналъ, какъ будить въ ней любовь къ себѣ.

Покорный волѣ народа, Наполеонъ выказываетъ искреннее желаніе мира. Онъ освобождаетъ изъ плѣна испанскаго короля и папу. Но этого все еще мало. Въ гвардіи было много роялистовъ и убѣжденныхъ республиканцевъ. Наполеонъ зналъ, что они всѣ ждутъ не дождутся минуты, чтобы свергнуть его, и онъ, не задумавшись, приглашаетъ гвардейскихъ офицеровъ въ Тюльерійскій дворецъ. Офицерамъ приказано явиться при полномъ оружіи.

Всѣ собираются въ большой залѣ. Внезапно распахивается дверь. Впереди самъ императоръ, за нимъ императрица, за нею маленькій принцъ на рукахъ у гувернантки. Наполеонъ открыто заявляетъ офицерамъ, что онъ разсчитываетъ на ихъ помощь, такъ какъ непріятель долженъ быть изгнанъ изъ Франціи.

Въ отвѣтъ ему смущенное молчаніе. Императоръ сохраняетъ полное самообладаніе. Онъ беретъ за руку императрицу и маленькаго сына, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и говоритъ:

— Ввѣряю императрицу и римскаго короля мужеству національной гвардіи!

Новое молчаніе—тяжелое и долгое. Сдерживая подступающее волненіе, Наполеонъ повторяетъ слова:

— Ввѣряю вамъ жену и сына!

Среди молчаливыхъ рядовъ пробѣжала волна, и, отдавшись порыву великодушія, офицеры бросаются къ императору, а весь залъ уже дрожитъ отъ громкихъ криковъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда къ арміи, Наполеонъ получилъ новое доказательство отъ людей, въ вѣрности которыхъ онъ сомнѣвался: адресъ съ офицерскими подписями...

* * *

Несмотря ни на что, удалось собрать армію. У Наполеона оказалось войско въ 200 тысячъ человѣкъ съ двумястами орудій. Плохо вооруженное, плохо обученное, оно нисколько не напоминало прежнюю великую армію. А непріятель съ 600 тысячами солдатъ уже побѣдно вступалъ въ предѣлы самой Франціи.

Начинается послѣдняя самооборона генія, напряженіе послѣднихъ силъ, энергіи и таланта великаго полководца.

Съ быстротою сокола онъ носится между Сеной и Марной, перелетая отъ однаго легіона къ другому и ободряя войска.

Въ этой послѣдней оборонѣ Наполеонъ выказалъ такую смѣлость замысла, быстроту движеній и замѣчательное искусство, что союзники трепетали предъ нимъ въ постоянномъ страхѣ.

РУССКІЯ ВОЙСКА ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ 1815 ГОДУ.
Съ современной гравюры.

Онъ разстраивалъ одинъ за другимъ ихъ планы; разстраивалъ ихъ армію, появляясь внезапно тамъ, гдѣ его менѣе всего могли ожидать враги.

Императоръ словно воскресъ къ новой жизни, словно вспомнилъ свою былую славу. Онъ самъ гордо говорилъ:

— Я нашелъ свои ботфорты итальянской кампаніи. Я разсѣкаю Гордіевы узлы, какъ Александръ великій.

И, когда маршалы, среди которыхъ уже зрѣла измѣна, были недовольны боевой обстановкой и трудностью сраженій противъ сильнѣйшаго противника, онъ говорилъ съ сердцемъ:

— Пусть не воображаютъ, что левъ издохъ; я продиктую царю миръ на Вислѣ!

Онъ вѣрилъ въ свои силы, такъ какъ зналъ, что союзники уже начинаютъ падать духомъ. Они готовы были заключить миръ, и только Александръ I упорно заявлялъ, что не положитъ оружія, раньше чѣмъ не будетъ за стѣнами Парижа.

Среди союзниковъ царили раздоры; послѣдними умѣло пользовался Наполеонъ. Онъ нанесъ раздробленнымъ силамъ непріятеля рядъ пораженій; съ остатками своей арміи онъ бросался на враговъ подобно раненому льву, который не отдастъ дешево своей жизни.

У Ля-Ротьера союзники, наконецъ, соединились. Наполеонъ былъ разбитъ, но онъ все еще не унывалъ. Напрасно Коленкуръ просилъ у императора полномочій для заключенія мира. Наполеонъ въ отвѣтъ прочелъ фразу изъ знаменитаго сочиненія Монтескьё:

— «Скорѣй погибнуть подъ развалинами своего трона, чѣмъ согласиться на предложеніе, унизительное для его сана».

На это Моро сказалъ Наполеону:

— Мнѣ, государь, извѣстенъ случай другого величія, болѣе славнаго: вамъ представляется теперь возможность пожертвовать своей славой,

МОЛИТВА ТРЕХЪ МОНАРХОВЪ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ.—Картина А. Тэна.

чтобы закрыть бездну, которая иначе угрожаетъ поглотить не только насъ самихъ, но и Францію.

— Ну, что же, господа! — сказалъ послѣ недолгаго раздумья Наполеонъ. — Если вы пришли къ такому убѣжденію, то заключайте миръ. Я могу вынести всякое бѣдствіе, которое на меня обрушится, но я не стану диктовать унизительныхъ для себя условій мира. Пусть Коленкуръ дѣйствуетъ, какъ онъ хочетъ. Я предоставляю ему полную свободу.

Императоръ выдалъ письменное удостовѣреніе Коленкуру, чтобы тотъ могъ принять всѣ мѣры, какія только возможно, для спасенія Парижа. Но, когда на другой день Наполеону принесли подписать бумагу объ уступкахъ, которыя дѣлала Франція союзникамъ, получая взамѣнъ отъ нихъ миръ, Наполеонъ наотрѣзъ отказался дать свою подпись.

Онъ сидѣлъ въ своемъ шатрѣ, весь ушедшій въ изученіе карты, которая лежала предъ нимъ развернутая.

— Мнѣ теперь не до васъ! — произнесъ императоръ, отстраняя бумагу. —Я замышляю дать хорошую потасовку Блюхеру.

Переговоры были прерваны, и Наполеонъ, оставивъ Мармона наблюдать за арміей Блюхера, быстро, съ невѣроятной безпечностью, двинулся дальше.

Удино отправился на помощь Мармону, а Парижъ остался почти безъ защитниковъ: 15 тысячъ измученныхъ солдатъ, да столько же вооруженныхъ гвардейцевъ охраняли входъ въ великій городъ.

Граждане сами соорудили баррикады. Теперь они рвались на бой, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ поджидая прихода императора. Но онъ медлилъ. Его армія была разбита въ нѣсколькихъ новыхъ сраженіяхъ. Маршалы оказывались одинъ другого негоднѣе; только одинъ Наполеонъ вѣрилъ еще въ свое счастье.

* * *

Союзники подступали къ столицѣ Франціи. Совѣтъ маршаловъ, на которомъ присутствовали Бертье, Ней, Лефевръ, Коленкуръ и секретарь Наполеона Моро, высказался за необходимость заключить миръ во что-бы то ни стало.

Императоръ принялъ молча рѣшеніе и тотчасъ-же отдалъ приказъ выступать по направленію къ Парижу. По дорогѣ Наполеонъ уже получалъ одно за другимъ тревожныя извѣстія о томъ, что на Парижъ надвигается катастрофа.

Войска съ двойной скоростью идутъ къ столицѣ Франціи; императоръ, весь горя нетерпѣніемъ, вмѣстѣ съ Коленкуромъ садится въ походную телѣжку и мчится къ Парижу. Вслѣдъ за нимъ спѣшатъ его три адъютанта, маршалъ Лефевръ и генералъ Гурго.

Новыя извѣстія: непріятель собирается аттаковать Парижъ. Еще станція и снова тревожная депеша: подъ Парижемъ уже завязался рѣшительный бой.

Въ 15-ти верстахъ отъ Парижа Наполеону донесли, что Парижъ взятъ, и союзники вступили въ столицу.

Все было кончено.

Продолжать дальнѣйшее путешествіе становилось опаснымъ. Императоръ узналъ, что императрица-регентша уже покинула Парижъ. Маленькій римскій король вовсе не желалъ уѣзжать изъ Тюльерійскаго дворца. Онъ цѣплялся за двери и горько рыдалъ.

Послѣ жестокой, упорной битвы, тянувшейся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, Парижъ вынужденъ былъ сдаться. Но до самой послѣдней минуты часовые, разставленные на высокихъ пунктахъ, то и дѣло ободряли населеніе. При видѣ каждаго всадника, скачущаго на бѣломъ конѣ, они кричали:

ВЪѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ ПАРИЖЪ.

Рисунокъ Каранъ д'Аша.

— Онъ ѣдетъ! Онъ близко!

Но *онъ* медлилъ, и Парижъ вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Толпа роялистовъ встрѣчала восторженными криками вступающихъ въ городъ союзниковъ.

«Патріоты» Франціи восторженно кричали: «да здравствуетъ Людовикъ XVIII!» Талейранъ, эта «навозная куча въ шелковыхъ чулкахъ», по выраженію маршала Лана, уже открыто интриговалъ про-

БИВУАКЪ КАЗАКОВЪ НА ЕЛИСЕЙСКИХЪ ПОЛЯХЪ ВЪ ПАРИЖѢ.
По акварели Ж. Опица.

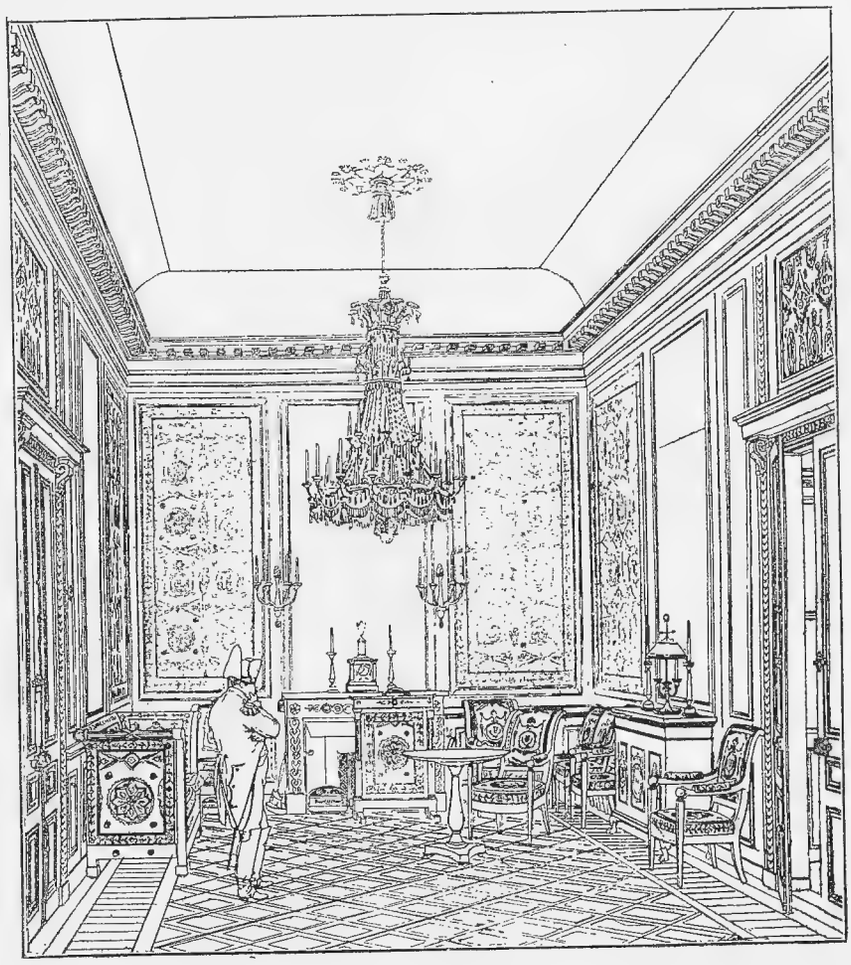
тивъ Наполеона. Мармонъ готовъ былъ продать свою шпагу и недавнюю славу защитника столицы. Александръ, вступивъ въ Парижъ, требовалъ отреченія отъ престола Наполеона, выражая согласіе на регентство Маріи-Луизы. Будущему Наполеону II (римскому королю) могъ еще быть обезпеченъ престолъ, но сенатъ,—тотъ самый, который былъ во всемъ покоренъ Наполеону,—нанесъ ему окончательный ударъ: онъ первый призналъ императора сверженнымъ съ престола.

Поверженный императоръ, внѣ себя отъ гнѣва и ярости, получивъ эту вѣсть, вскочилъ въ карету и помчался, какъ безумный, къ Парижу.

Армія Мортье, сдавшаяся на капитуляцію и выступавшая изъ столицы, преградила ему путь.

Собравъ кругомъ себя около двадцати тысячъ, Наполеонъ хотѣлъ дать послѣдній бой передъ Парижемъ. Но лишь одинъ маршалъ Макдональдъ, поддержалъ императора и его рѣшеніе.

Остальные птенцы Бонапарта предпочли удалиться.



НАПОЛЕОНЪ ВЪ СВОЕМЪ САЛОНѢ, ВЪ ФОНТЕНЕБЛО.
По рисунку генерала Атталэна.

Наполеонъ еще не подписалъ своего отреченія. Франція была за него. За него были сотни тысячъ крестьянъ и горожанъ. Онъ послалъ къ царю Коленкура, предлагая принять условія мира. Отвѣта не послѣдовало.

Глаза Наполеона засверкали.

— Такъ покажемъ же имъ, что мы еще способны защищать нашу

независимость и кокарду! — произнесъ онъ и бросился обратно въ Фонтенебло.

Юность словно снова вернулась къ нему. Кругомъ него уже собралась подъ ружьемъ 60-тысячная вѣрная дружина.

Императоръ произвелъ смотръ батальонамъ; двѣ дивизіи старой и молодой гвардіи прибыли на подкрѣпленіе, и императоръ почувствовалъ себя вновь вождемъ, готовымъ къ бою, готовымъ встрѣтить лицомъ къ лицу опасность. Онъ собралъ кругомъ себя офицеровъ, объяснилъ имъ всю трудность положенія дѣлъ и сказалъ:

ЛОКОРЕНІЕ ПАРИЖА ВЪ 1814 г.
Бронзовый горельефъ гр. Ѳ. Толстого.

— Черезъ нѣсколько дней я буду аттаковать Парижъ. Могу я на васъ разсчитывать?

Наступило молчаніе.

— Я вѣдь не ошибся, разсчитывая на васъ?—переспросилъ онъ снова.

Загремѣло восторженное «ура», а въ рядахъ старыхъ ветерановъ—(которыхъ называли старыми ворчунами) раздались крики: «да здравствуетъ императоръ!»

Музыка заиграла марсельезу, боевой пылъ охватилъ войска. Ихъ было немного: 12.500 у Мармона, 6.000 у Мортье, 2.700 у Макдональда, 5.500 у Удино, 3.000 у Жерара, 2.300 у Нея, 9.000 у Друо и кромѣ того было до 12.000 кавалеріи, да нѣсколько тысячъ занимали гарнизоны. Съ юга, гдѣ находились арміи Сульта, Сюше, Отеро и Мезана, можно было тоже получить внушительную силу въ 60.000 человѣкъ. Союзниковъ, стоявшихъ въ Парижѣ, было не болѣе 140.000. Такимъ образомъ планъ Наполеона былъ вовсе не безнадеженъ. Съ прибытіемъ Макдональда Наполеонъ принялся за тщательную выработку плана новаго сраженія.

4 апрѣля все было закончено. Наполеонъ вышелъ къ войскамъ. Войска попрежнему восторженно встрѣтили императора, только маршалы стояли въ сторонѣ, угрюмые, мрачные.

Ней выступилъ впередъ и громко сказалъ:

— Насъ можетъ избавить отъ гибели одно лишь ваше отреченіе отъ престола!

Наполеонъ показалъ видъ, что ничего не замѣтилъ. Онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ, и тутъ только онъ понялъ, что его окружаетъ явная измѣна. Онъ узналъ, что Мармонъ открыто передался на сторону союзниковъ и устроилъ заговоръ въ своемъ корпусѣ.

Наполеонъ наружно казался спокойнымъ. Не теряя самообладанія, онъ сѣлъ къ письменному столу и принялся за обычную работу.

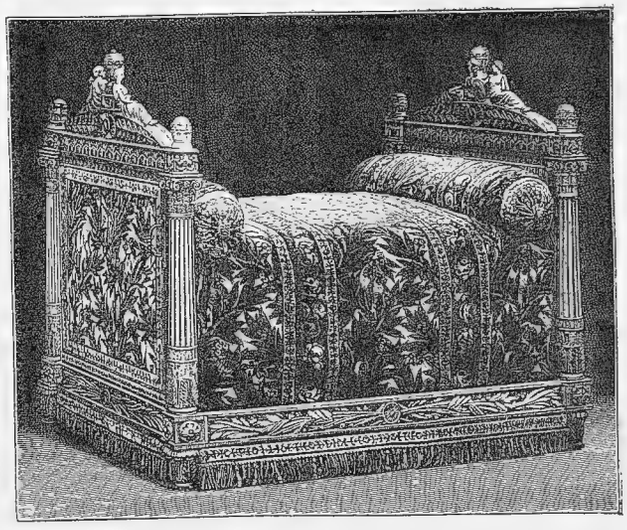
Тяжелые шаги. Распахивается настежъ дверь, и въ кабинетъ вошли Ней, Лефевръ, Удино и Макдональдъ. Императоръ пристально посмотрѣлъ на вошедшихъ и молчалъ.

— Извѣстно-ли вашему величеству, что происходитъ въ Парижѣ? — спросилъ Ней.

Императоръ, скрывая смущеніе, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, неизвѣстно.

— За то мнѣ это извѣстно! — воскликнулъ Ней. И передалъ все то, что было хорошо извѣстно самому императору: о желаніи возвести на престолъ павшихъ Бурбоновъ и о состоявшемся низверженіи императора Наполеона.



ПОСТЕЛЬ НАПОЛЕОНА I ВЪ ФОНТЕНЕБЛО.
По фотографіи.

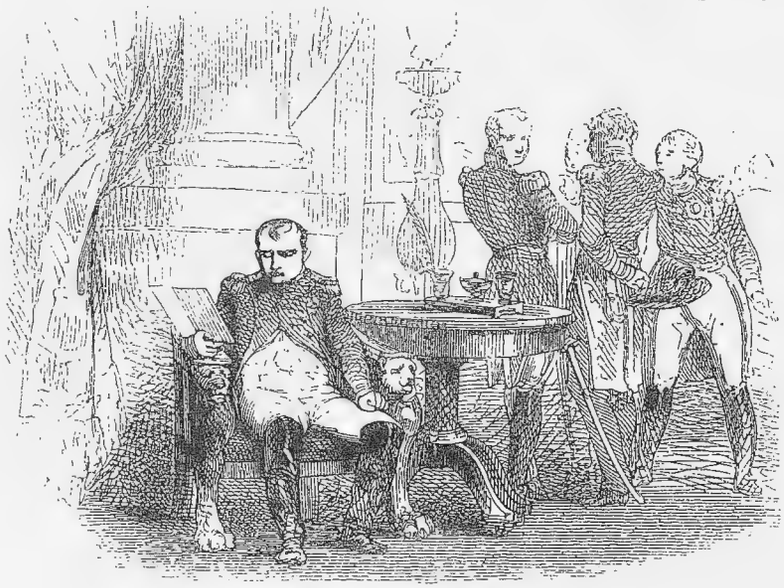
Наполеонъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только далъ знакъ рукой, приглашая маршаловъ удалиться.

Императоръ остался одинъ съ Коленкуромъ. Онъ склонялся исполнить желаніе маршаловъ и былъ готовъ подписать свое отреченіе. Наскоро составляется документъ, въ которомъ Наполеонъ писалъ:

— «Разъ союзныя державы объявляютъ императора Наполеона единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію европейскаго мира, императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, изъявляетъ готовность отречься отъ престола, покинуть Францію и даже положить жизнь за благоденствіе отчизны, неразрывно связанное съ правами его сына, равно какъ правами императрицы-регентши и общими имперскими законами».

Къ русскому императору отправляется посольство изъ Коленкура, Нея и бывшаго адъютанта и довѣреннаго совѣтника и друга Мармона.

Но Мармонъ первый измѣнилъ императору. Онъ сообщилъ Нею и Макдональду о томъ, что ведетъ переговоры съ союзниками и, когда Ней и Макдональдъ выразили ему свое порицаніе, Мармонъ заявилъ о своей готовности присоединиться къ посольству. Но когда посольство достигло Александра и было имъ принято и считало дѣло уже выиграннымъ, адъютантъ доложилъ русскому царю о переходѣ цѣлой дивизіи Мармона на сторону союзниковъ. Генералъ Сугама, подчиненный Мармона, во время отсутствія послѣдняго, боясь, что заговоръ будетъ от-



НАПОЛЕОНЪ ЧИТАЕТЪ СВОЕ ОТРЕЧЕНІЕ.

Набросокъ съ картины Г. Верне.

крытъ, и Наполеонъ не пощадитъ измѣнниковъ, велѣлъ войскамъ выстроиться и обманомъ повелъ ихъ, подъ видомъ боя съ австрійцами, для того, чтобы передаться союзникамъ. Когда Мармонъ узналъ объ этомъ, совѣсть заговорила въ немъ, и онъ прошепталъ:

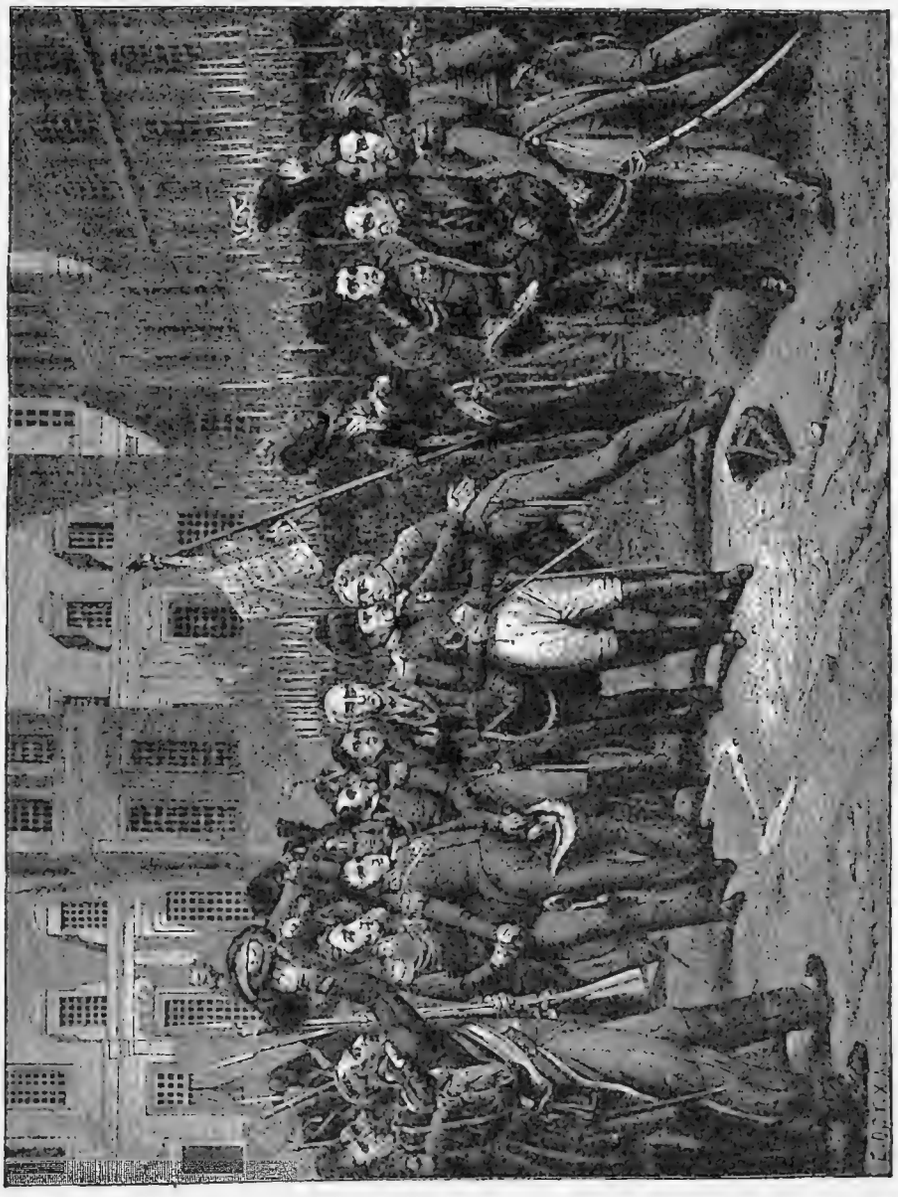
— Я охотно отдалъ бы руку на отсѣченіе, если-бы можно было воротить то, что случилось!

— Неужели только руку? — возразилъ Макдональдъ.—Тутъ, пожалуй, было бы мало даже и вашей головы.

* * *

Паденіе Наполеона стало неизбѣжнымъ... Александръ отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Непоколебимая преданность арміи Наполеону, о которой столько говорили, измѣной Мармона была поколеблена въ глазахъ союзниковъ. Дѣло было проиграно не только для Наполеона, но

и для его сына. Оставалась еще только слабая надежда на тестя—австрійскаго императора.



НАПОЛЕОНЪ I ВО ДВОРѢ ФОНТЕНЕБЛО ПРОЩАЕТСЯ СЪ ГВАРДІЕЙ И ОБНИМАЕТЪ ЗНАМЯ.
Съ картины Г. Верне. Рисовалъ и гравировалъ Куше-сынъ.

Наполеонъ думалъ, что тесть вступится хотя-бы за интересы внука.

Узнавъ объ измѣнѣ Мармона и объ исходѣ переговоровъ посольства, Наполеонъ былъ потрясенъ и подавленъ, но совершенно спокойно замѣтилъ:

— Бѣдняга, онъ будетъ несравненно несчастнѣе меня!

Недаромъ же онъ еще недавно говорилъ Коленкуру, что «у него въ арміи ведутъ честнымъ образомъ игру только офицеры и нижніе чины, не заслужившіе еще графскихъ и герцогскихъ титуловъ. Страшно сказать, но, тѣмъ не менѣе, это чистая правда». Онъ давно потерялъ уже вѣру въ своихъ полководцевъ.

— Знаете ли, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать? — спрашивалъ онъ того же Коленкура.—Выслать всѣхъ этихъ бывшихъ героевъ изъ арміи. Пусть себѣ они спятъ на своихъ пуховикахъ и важничаютъ въ своихъ гордыхъ замкахъ. Надо было бы освободиться отъ этихъ недовольныхъ и начать войну опять съ молодыми людьми, обладающими юношеской, незапятнанной еще доблестью.

И, словно ничего особеннаго не произошло, онъ спокойно произвелъ новый смотръ своимъ ветеранамъ, только что прибывшимъ изъ Испаніи.

Къ вечеру изъ Парижа вернулось посольство съ вѣстями, что русскій царь намѣревается провозгласить Людовика XVIII французскимъ королемъ. Союзники оставляютъ императорскій титулъ Наполеону и даютъ ему въ пожизненное владѣніе крошечный островъ Эльбу, гдѣ онъ можетъ оставаться эльбскимъ императоромъ.

На это императоръ не нашелъ ничего отвѣтить. Онъ сказалъ лишь, что война не принесетъ болѣе худшихъ послѣдствій, чѣмъ тѣ, которыя имѣются, и что онъ будетъ биться до послѣдней капли крови.

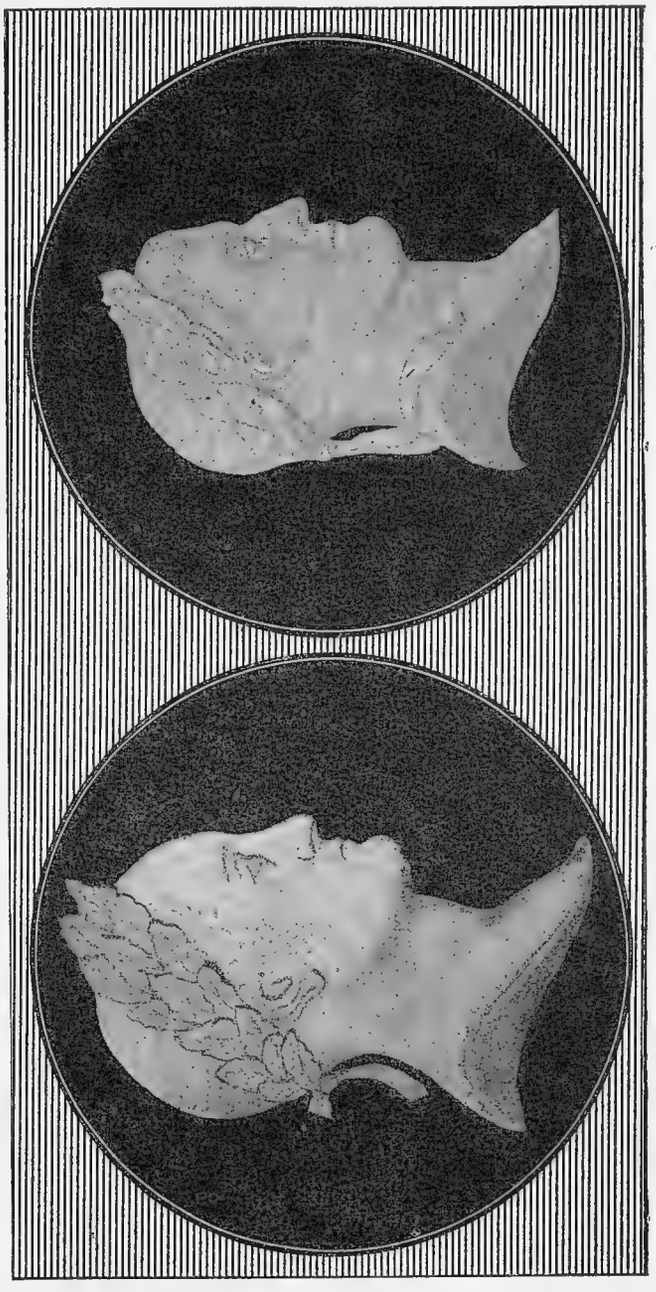
Но тутъ его прервали.

Послы Наполеона не были уже его друзьями; прежніе маршалы грубо заявили своему бывшему повелителю, что армія не признаетъ его больше своимъ вождемъ.

— Потеря трона,—сказалъ онъ,—не могла бы сама по себѣ сдѣлать для меня жизнь невыносимой. Военная моя карьера настолько богата славой, что одному человѣку этой славы за глаза довольно. Съ измѣною счастья я могъ еще примириться, но знаете-ли, чего я положительно не въ силахъ вынести? Подлой низости и ужасающей людской неблагодарности! Въ виду такой несчастной низости, такого безстыднаго эгоизма я съ отвращеніемъ отвернулся, и самая жизнь сдѣлалась для меня противной... Наврядъ-ли кто-нибудь пойметъ, сколько я выстрадалъ за послѣдніе двадцать дней!

Маршалы спѣшили прочь отъ раненаго орла. Журданъ, Ожеро, Мезонъ, Лигранте, Нансути, Удино, Келлерманъ, Лефевръ, Гюленъ, Мило, Латуръ-Мобуръ, Сегюръ, Бертье и Белльяръ—всѣ эти баловни

счастья—первые перешли подъ знамя Бурбоновъ. Ней поспѣшилъ въ Парижъ съ отреченіемъ Наполеона, въ которомъ онъ отказался за себя



БАРЕЛЬЕФЪ-МЕДАЛЬОНЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I И НАПОЛЕОНА. РАБОТЫ КОРНЕТА Н. ЗАРЪЦКАГО, НА ПАМЯТНИКѢ НА МѢСТѢ ПЕРЕПРАВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ 1812 Г. ВЪ Д. СТУДЕНЦѢ.

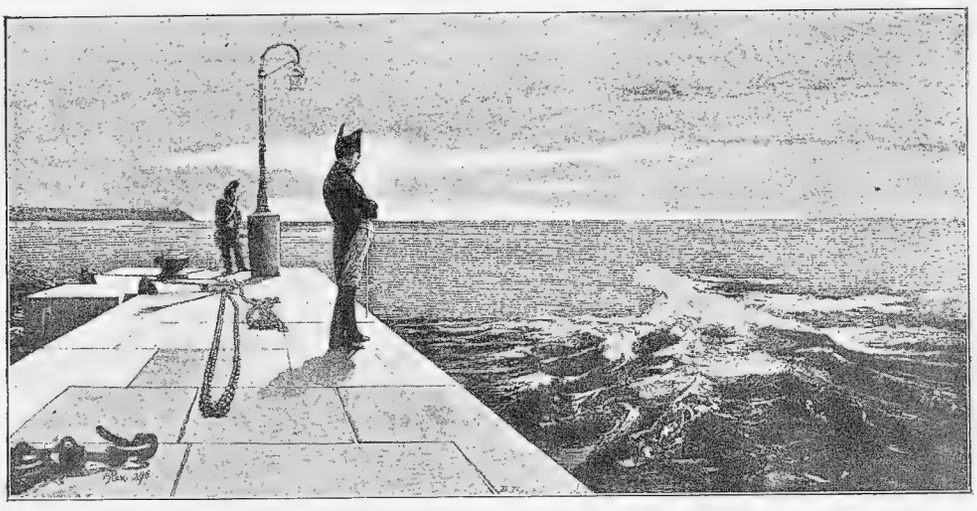
и отъ имени своихъ наслѣдниковъ отъ престола французской имперіи.

— Такъ какъ нѣтъ такихъ личныхъ жертвъ,—прибавлялъ въ своемъ отреченіи императоръ,—предъ которыми онъ не отступилъ бы ради блага Франціи.

Колоссъ вступалъ въ обладаніе лиллипутскимъ островомъ Эльбой,—а въ то же самое время въ великую Францію вступалъ лиллипутъ Людовикъ XVIII.

Сенатъ провозглашалъ Людовика XVIII королемъ Франціи...

Трехцвѣтное знамя республики замѣнялось старымъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ.



НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.
Картина графа Р. Рекса.

ГЛАВА XVIII.

СТО ДНЕЙ.

Императоръ Эльбы.—«Онъ придетъ, онъ придетъ!»—Бѣлое знамя.—Трехцвѣтная кокарда.—Послѣдніе лучи славы.—Новая война.—Врагъ Европы.—Линьи и Ватерлоо.—Второе отреченіе.—Гость и плѣнникъ Англіи.—Неужели все кончено?

3-го мая 1813 года Наполеонъ вступилъ во владѣніе эльбскимъ королевствомъ.

— Императоръ умеръ, и я ничто,—сказалъ Наполе нъ, вступая на островъ.

Онъ назвалъ свои новыя владѣнія «островомъ отдохновенія» и дѣятельно принялся за устройство собственнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ нимъ на Эльбу пріѣхали изъ Франціи мать и сестра Паулина. Жена и сынъ остались въ Австріи и напрасно ихъ пріѣзда съ тоской ожидалъ императоръ...

Дни проходили однообразно и вяло. Среди однообразной эльбской жизни Наполеонъ развлекался подготовкой и обученіемъ своей крошечной арміи, распоряжался управленіемъ острова.

Впрочемъ, въ посѣтителяхъ въ домѣ опальнаго императора не было недостатка. Не было недостатка также и въ шпіонахъ, карауливших ъ каждый шагъ Наполеона и доносившихъ объ его жизни въ Парижъ.

Въ Парижѣ уже хозяйничали Бурбоны.

Старый Людовикъ XVIII былъ полной противоположностью Наполеону. Онъ былъ не способенъ вовсе заниматься государственными дѣлами и предоставилъ ихъ своимъ министрамъ. Людовикъ проводилъ дни за днями въ праздности и удовольствіяхъ. Его окружали бывшіе сподвижники Наполеона, измѣнившіе развѣнчанному императору. Тотъ-же пронырливый Талейранъ заправлялъ внѣшней политикой

ОРЕЛЪ ОСТРОВА ЭЛЬБЫ.
Изъ собранія В. Проста въ Дижонѣ.

ЛЕТИЦІЯ БОНАПАРТЕ.
Мраморный бюстъ Трентанове въ ратушѣ Аяччіо.

Франціи, любимецъ Наполеона Бертье стоялъ во главѣ арміи.

Во Франціи, однако, не было причинъ для ликованій. Французы никогда не любили Бурбоновъ, а толстякъ Людовикъ XVIII, по своему характеру, обращенію, наклонностямъ и привычкамъ менѣе всего могъ завоевать себѣ симпатіи французовъ.

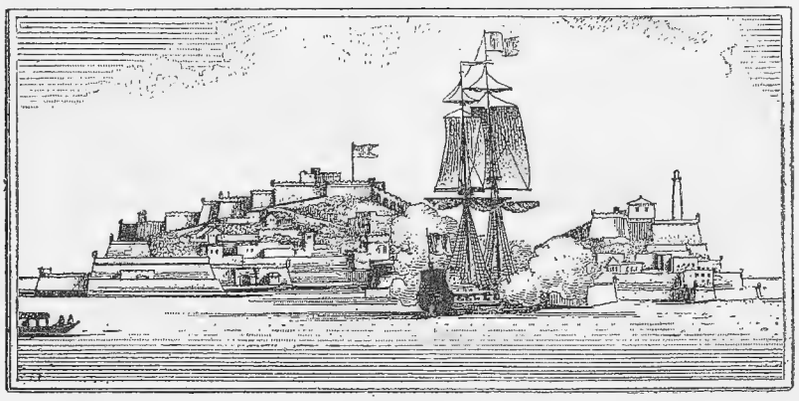
Народъ съ каждымъ днемъ убѣждался, что безъ Наполеона живется ему все хуже и хуже. Трехцвѣтное знамя было замѣнено бѣлымъ, трехцвѣтную кокарду, украшавшую головные убо-

ры, смѣнила также бѣлая, но не на радость Франціи. Старые ветераны пріуныли.

Вспоминались имъ дни недавней славы и громкихъ сраженій... Все чаще и чаще со вздохомъ произносилось имя бывшаго императора.

Слухи о начинавшемся недовольствѣ долетали до Наполеона, подкрѣпляя въ немъ увѣренность, что «его дѣло не совсѣмъ еще кончено», что, рано или поздно, онъ вернется для новой славы въ свою Францію.

Раздоры и ссоры между приближенными Людовика XVIII росли съ каждымъ днемъ. Народъ начиналъ уже серьезно вѣрить, что Францію можетъ спасти только одинъ Наполеонъ. Молва все сильнѣе и силь



ВИДЪ ПОРТО-ФЕРРАРО.
Современная гравюра.

нѣе создавала вокругъ его имени легенду, про него слагались пѣсни, и на парижскихъ бульварахъ все громче и громче раздавалось отраженное настроеніе толпы. Недовольство новыми порядками подымалось и въ Италіи, гдѣ снова полновластно хозяйничала Австрія.

Мало-по-малу у эльбскаго императора завязались сношенія съ итальянцами, проклинавшими австрійское иго и подобно французамъ мечтавшими о Наполеонѣ, какъ о своемъ избавителѣ.

Отставленный Бурбонами Фуше—эта пронырливая ищейка—уже послалъ Наполеону одного изъ довѣренныхъ лицъ, чтобы шепнуть ему, что во Франціи все готово къ новому перевороту.

Дѣйствительность подтвердила слова Фуше. Въ Парижѣ обозначилась уже открытая ненависть къ Бурбонамъ. Разговоры о Наполеонѣ становились все громче. За его здоровье пили на бульварахъ, предлагая тосты за великаго человѣка.

— Да здравствуетъ императоръ! онъ былъ и будетъ! — громко высказывали въ войскахъ старые ветераны. Они разносили въ крестьянство

свою ненависть къ Бурбонамъ. «Онъ придетъ, онъ придетъ опять»,—все громче пѣли солдаты.

И часъ насталъ, онъ дѣйствительно пришелъ.

* * *

1-го марта 1814 года крошечная эскадра незамѣтно подняла па-

ЛЮДОВИКЪ XVIII, КОРОЛЬ ФРАНЦІИ.
Портретъ кисти Жерара.

руса, отплывая съ острова Эльбы. Императоръ летѣлъ на кораблѣ, опережая молву.

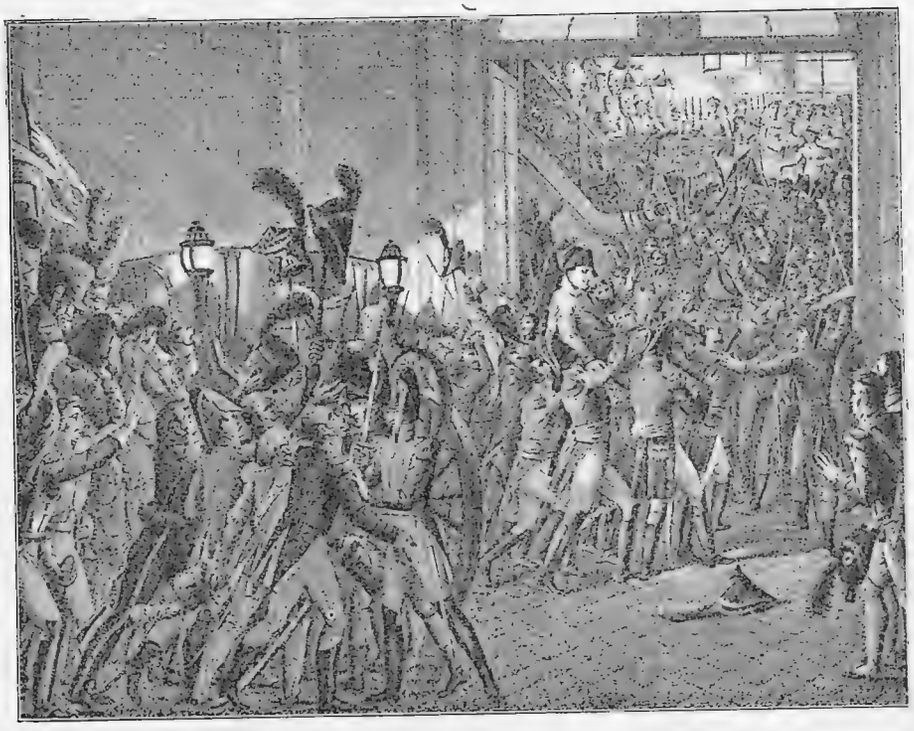
— Французы, я услышалъ въ изгнаніи ваше желаніе... Я переплылъ моря и явился къ вамъ. Мои права—права народа и арміи. Орелъ съ національными цвѣтами перелетитъ съ колокольни на колокольню до башни Богоматери.

1814 ГОДЪ.
Картина Э. Мейсонье.

Таково было первое обращеніе къ народу императора, вновь вступившаго на землю Франціи. Извѣстіе о вступленіи императора на землю Франціи всколыхнуло всю страну, подняло на ноги все населеніе—отъ Юрскихъ Альпъ до Гренобля, отъ Вандеи до Парижа.

Наполеонъ вступалъ побѣдно снова на землю своей имперіи.

Его шагъ былъ смѣлъ и опасенъ.



ВОЗВРАЩЕНІЕ НАПОЛЕОНА 20-ГО МАРТА 1815 г.
По рисунку Гейма. Грав. Куше сынъ

Предъ нимъ оплотъ Бурбоновъ. Высадиться здѣсь значило прямо рисковать и попасться въ руки врага...

Длиннымъ, обходнымъ путемъ по снѣгамъ Юрскихъ Альпъ пробиралась маленькая армія. Во главѣ ея пѣшкомъ шелъ самъ императоръ. Эта маленькая армійка пробиралась тайкомъ, полная отваги и одушевленія.

Первые королевскіе отряды преградили ей путь.

Императоръ распахнулъ плащъ и смѣло пошелъ впередъ, подставляя свою грудь подъ выстрѣлы.

— Кто изъ васъ хочетъ убить своего императора?—былъ первый вопросъ Наполеона, обращенный къ солдатамъ.

Въ отвѣтъ полное безмолвіе. Минута замѣшательства—и бѣлыя

кокарды сброшены, трепещетъ бѣлое знамя, склоняясь предъ любимцемъ славы и счастья. Толпа окружила Наполеона. Изъ сосѣднихъ деревень къ нему подъ трехцвѣтный стягъ собирались крестьяне. Раздались побѣдные

АРТУРЪ ВЕЛЛЕСЛЕЙ ГЕРЦОГЪ ВЕЛЛИНГТОНЪ, БРИТАНСКІЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ.
Портретъ кисти Лавренса Грав. И. Бромлей.

звуки забытой марсельезы, понеслись стройные клики: «смерть роялистамъ!»

Путь былъ расчищенъ, а толпа все росла и росла.

Новые отряды, высланные противъ Наполеона, вмѣсто боя съ «врагомъ отечества» переходили на его сторону...

БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО (18-го ноня 1815 г).
Живопись Стейбена, Грав. Жане.

Къ 20-му марта положеніе Наполеона вполнѣ опредѣлилось.

Король бѣжалъ изъ Тюльери, а во дворецъ вступилъ вновь старый императоръ. Побѣда была полная, хотя во имя ея не было произведено

ни одного выстрѣла. Возвращеніе Наполеона привѣтствовалось какъ избавленіе Франціи отъ грозившей ей опасности. Все въ ней ликовало и справляло праздникъ.

Наполеонъ принялся вновь за прежнюю работу.

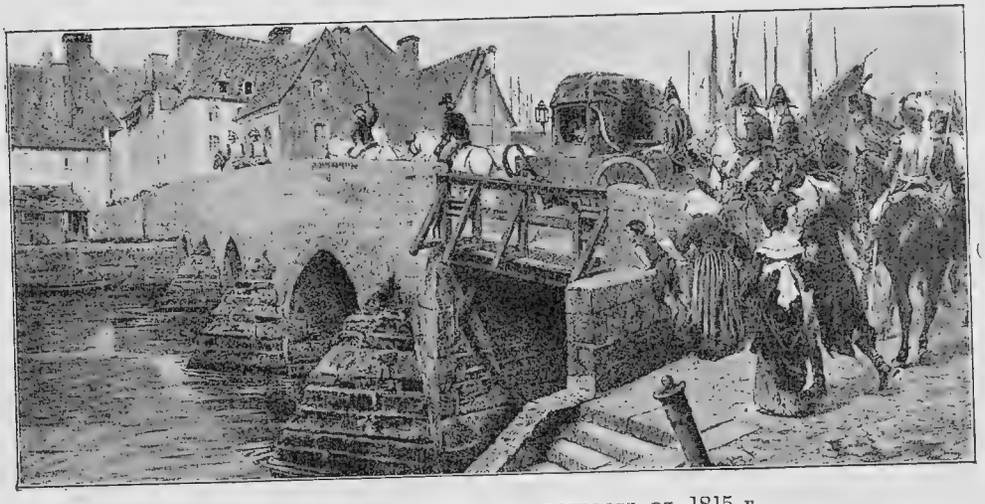
Наступала знаменитая въ исторіи эпоха *ста дней*, въ теченіе которыхъ геній Наполеона проявился вновь во всемъ блескѣ своей славы и земного могущества. Государственная машина сразу пошла быстрымъ ходомъ. Увѣренная рука обычнаго кормчаго чувствовалась всюду, но императоръ былъ уже не тотъ. Минутами онъ становился задумчивъ и нерѣдко обнаруживалъ нерѣшительность, не свойственную ему прежде. Недугъ все чаще даваль себя чувствовать, и Наполеонъ все чаще и чаще жаловался на судьбу. Онъ хотѣлъ быть строго-конституціоннымъ государемъ. Онъ считалъ себя первымъ гражданиномъ государства, говоря: «Государи—первые граждане, ихъ власть соразмѣряется съ властью народа». И въ тоже самое время онъ являлся среди народа въ роскошныхъ старыхъ костюмахъ, съ блестящей свитой, такъ непріятно напоминавшей блескъ и роскошь Бурбоновъ.

ІОСИФЪ ФУШЕ КНЯЗЬ ОТРАНТСКІЙ (1763—1820).
Рис. г-жи Нуартерръ. Грав. Велэнъ.

Онъ хотѣлъ мира и отрекался отъ своей прошлой мечты созданія великой имперіи.

Но судьба готовила Франціи новую войну. Исчезновеніе Наполеона съ острова Эльбы всколыхнуло всю Европу. Тесть Наполеона, императоръ Францъ, былъ взбѣшенъ поступками «авантюриста». Александръ I готовъ былъ до послѣдней капли крови биться «съ врагомъ Европы». Союзъ державъ объявлялъ Бонапарта врагомъ и разрушителемъ всеобщаго спокойствія. Англія посылала цѣлую флотилію къ берегамъ Франціи. Въ сердце Франціи уже вторгался русскій царь съ полумилліонной арміей. Сбывалась старая пословица: «кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю».

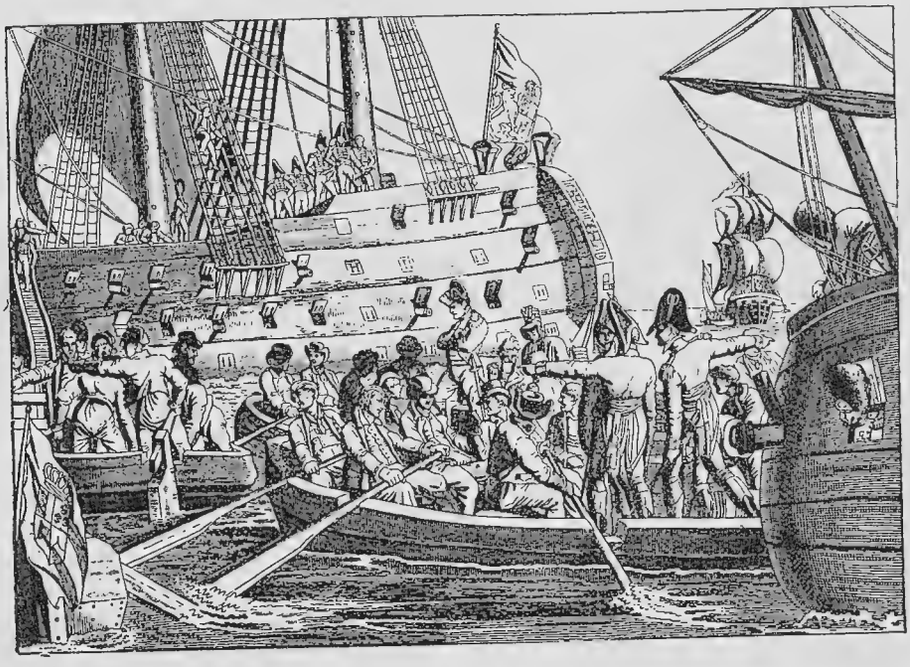
ВАТЕРЛОО.
Картина В. Чека.



ПРИБЫТІЕ НАПОЛЕОНА I ВЪ РОШФОРЪ ВЪ 1815 г.
Съ карт. С. Гау.

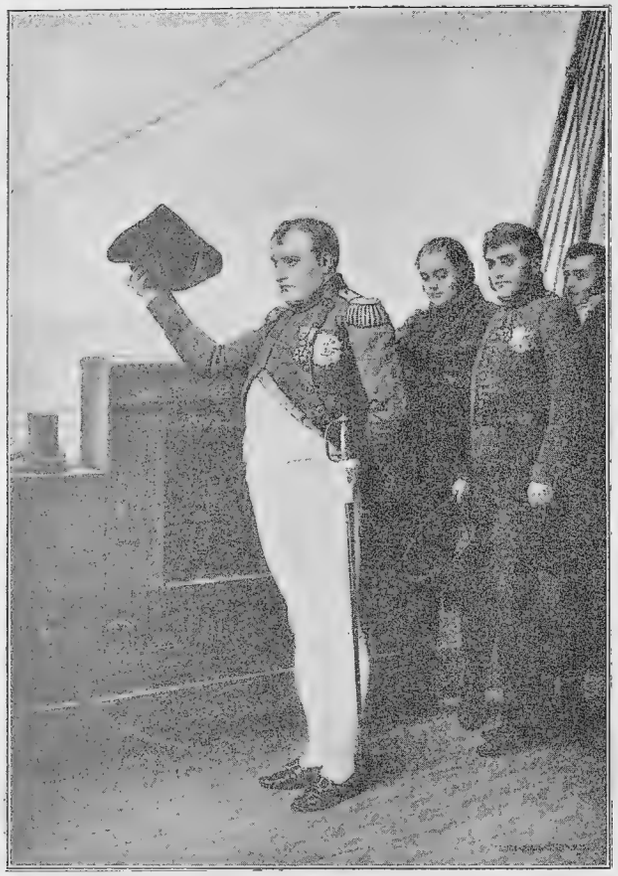
Вмѣсто желаннаго успокоенія, Франціи грозили новыя бѣдствія войны, отъ которой еще не успѣла оправиться страна.

Звуки войны пробудили въ Наполеонѣ стараго полководца. Со свойственной генію находчивостью онъ набираетъ прекрасную армію.



НАПОЛЕОНЪ, ПЕРЕСАЖИВАЮЩІЙСЯ СЪ «БЕЛЛЕРОФОНА» НА КОРАБЛЬ ПОРТУМБЕРЛЭНДА.
Современная гравюра

Ея орлы еще покрыты трауромъ до новой побѣды. Побѣдные звуки марсельезы должны были одушевить сердца солдатъ, идущихъ въ бой противъ втрое сильнѣйшаго врага. Вмѣстѣ съ арміей впереди ея старые орлы—Ней, Сультъ и Даву—идутъ въ бой противъ союзниковъ. Русскіе, пруссаки, англичане и австрійцы рѣшили объединиться противъ общаго врага—Наполеона.



ПРОЩАНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ ФРАНЦІЕЙ.
Картина Е. А. Гуйллона. Версальскій музей.

Наполеонъ вѣрилъ въ прежнюю свою систему: быстроту и натискъ. Онъ задумалъ раздѣлить Веллингтона и Блюхера, отрѣзавъ одного отъ другого, и блестяще привелъ свой планъ въ исполненіе. Англичане были отрѣзаны отъ пруссаковъ. Начало было сдѣлано, но счастье вскорѣ-же измѣнило императору, какъ измѣняли ему его молодость и здоровье. Все рѣже и рѣже онъ показывался предъ рядами своихъ войскъ; приказанія уже не были быстры и точны, какъ раньше.

Побѣда у Линьи привела къ разгрому у Ватерлоо. Этотъ бой былъ начатъ, вопреки обычая императора, поздно, на исходѣ дня. Наполеонъ чувствовалъ себя въ этотъ день скверно. Его армія превосходила численностью непріятеля. Нерѣшительное настроеніе Наполеона передалось солдатамъ.

Подъ Ватерлоо все было кончено. Тамъ полегла вся императорская гвардія подъ ударами англійскихъ штыковъ.

Съ двадцатью десятками Наполеону удалось пробраться къ Парижу. Его армія была разбита; за непобѣдимымъ гнался съ громадными полчищами пруссакъ Блюхеръ.

Подъ стѣнами Парижа собралась сотня храбрыхъ защитниковъ. Здѣсь сосредоточилась послѣдняя надежда Наполеона.

— Не все потеряно, мужайтесь, будьте тверды, —твердилъ императоръ. Онъ все еще вѣрилъ, что нація какъ одинъ человѣкъ поднимется и дастъ дружный отпоръ врагу.

Къ границамъ Франціи уже подходила вооруженная Европа; но на этихъ границахъ еще находились многочисленныя французскія войска, вѣрныя императору.

Франція неминуемо должна была втянуться въ новую изнурительную войну. Содрогаясь предъ ужасами новой бойни, заговорили о необходимости отреченія Наполеона. Отреченіе выставлялось единственнымъ средствомъ для спасенія Франціи. Явившійся въ Парижъ Ней окончательно убѣдилъ парламентъ, что всякое сопротивленіе безполезно.

Наполеону было предложено подписать отреченіе въ пользу его сына.

Наполеонъ отказался. Ему пригрозили, что его объявятъ внѣ закона, и онъ уступилъ.

Эпоха «ста дней» была кончена.

Геній Наполеона погружался снова въ сумракъ забвенія. Императоръ покидалъ Парижъ и, забытый всѣми, одинокій, удалился въ Мальмезонъ.

Въ управленіе Франціей вступило временное правительство, комитетъ изъ четырехъ человѣкъ.

Четыре грустныхъ дня, проведенныхъ въ загородномъ дворцѣ Мальмезонъ, прошли въ тяжелыхъ воспоминаніяхъ и думахъ о будущемъ.

Наполеонъ прощался со своей Франціей, со своей арміей. Послѣдней было посвящено его прощальное воззваніе, написанное среди томительнаго одиночества мальмезонскаго дворца. Онъ все еще надѣялся, что Франція не встрѣтитъ равнодушно его вынужденнаго отреченія. Но молчалъ Парижъ, молчала Франція, словно придавленная разгромомъ своей арміи, гибелью тысячъ своихъ дѣтей въ кровавомъ бою подъ Ватерлоо.

Здѣсь же въ Мальмезонѣ развѣнчанный императоръ готовился къ своему отъѣзду въ Америку. Въ его распоряженіи были оставлены два фрегата. Капитанъ американскаго судна брался доставить императора подъ защитой флага свободныхъ штатовъ невредимо въ Америку; въ мечтахъ Наполеона проносились планы новой жизни.

На 29-ое іюня былъ назначенъ и самый отъѣздъ. Но тутъ разомъ все измѣнилось: поблекли мечты о будущемъ, прошлое вновь встало предъ императоромъ, заговорило и унесло его къ старымъ воспоминаніямъ.

Въ кабинетъ Бонапарта ясно доносились громкіе клики. То изъ сотенъ грудей рвался могучій выкрикъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Наполеонъ подошелъ къ окну и увидѣлъ проходившій мимо дворца полкъ.

Надежда вновь вернулась къ Наполеону. Онъ снова повѣрилъ, что начало конца еще не наступило, былая власть и обаяніе еще не ускользнули изъ его рукъ.

Однако, напрасно Наполеонъ просилъ временное правительство, чтобы оно позволило ему вернуться къ рядамъ арміи и въ качествѣ полководца — простого генерала — броситься на врага, грозящаго Парижу.

Наполеону было отказано. Временное правительство даже заявляло, что оно не ручается впредь за безопасность самого императора.

Робкая надежда, блеснувшая было на мгновенье, исчезла.

Все было кончено!

Наполеонъ снялъ военный мундиръ и въ штатскомъ платьѣ отправился въ Рошфоръ. Только Бертранъ, Совари и Гурго сопровождали императора.

Навстрѣчу ему толпами выходилъ народъ; полки восторженно привѣтствовали своего любимца, и вновь оживала надежда въ груди Наполеона. Онъ все еще вѣрилъ, что въ немъ спасеніе Франціи, и Франція призоветъ его въ послѣднюю минуту для заключенія почетнаго мира съ врагомъ.

Но Франція, въ лицѣ временнаго правительства, медлила, непріятель уже подступалъ къ стѣнамъ Парижа. Англійскіе крейсера появились уже въ виду Рошфора. Медлилъ со своимъ отъѣздомъ развѣнчанный императоръ. Онъ ждалъ и дѣйствовалъ. Войскамъ, расположеннымъ въ Бордо и Вандеѣ, Наполеонъ предлагалъ свергнуть правительство, состоящее изъ «измѣнниковъ» родины, и принять начальство надъ арміей.

Дни проходили за днями, но рѣшительнаго шага не было сдѣлано.

Союзники безпрепятственно вступали въ Парижъ. На тронъ Франціи всходилъ вновь толстякъ Людовикъ XVIII; отряды пруссаковъ были высланы въ погоню за Наполеономъ. Имъ былъ отданъ приказъ схватить и разстрѣлять на мѣстѣ бывшаго императора. Воля союзниковъ объявляла опальнаго бѣглеца «внѣ закона».

На французской землѣ пребываніе Наполеона становилось опаснымъ для его жизни. Ему не оставалось ничего другого, какъ переѣхать на одинъ изъ своихъ фрегатовъ и выйти въ море. Англійскіе крейсера вновь бороздили море. Приходилось спѣшить бѣгствомъ.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ положиться вполнѣ на великодушіе англійскаго правительства. Англійскій капитанъ изъявилъ готовность при-

НАПОЛЕОНЪ НА „БЕЛЛЕРОФОНѢ".

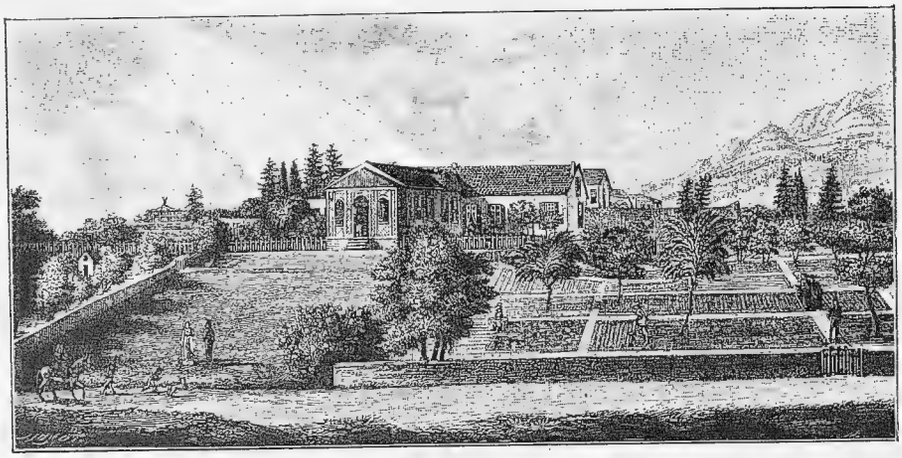
Картина В. Орлова.

нять его на бортъ своего корабля, хотя и не ручался за его судьбу въ Англіи.

15-го іюля съ почестями, достойными его сана, императоръ былъ встрѣченъ на борту «Беллерофона».

Фрегатъ поднялъ паруса и отправился къ берегамъ Англіи.

Наполеонъ уступалъ силѣ, все еще вѣря, что измѣнчивая звѣзда его счастья не закатилась и не догорѣлъ ея ослѣпительный блескъ.



ВИДЪ ЛОНГВУДА (СВ. ЕЛЕНА. 1820).
Рисунокъ съ натуры.

ГЛАВА XIX.

НА ОСТРОВѢ, СРЕДИ ОКЕАНА.

Подъ небомъ Англіи.—Англійскій народъ и правительство.—Снова среди океана.—«Пустынный и мрачный гранитъ».—Вѣнчанный затворникъ.—Попытки къ освобожденію.—Письма съ мыса Доброй Надежды.—Жизнь окончена.—Вновь на свободѣ.—Заключеніе.

НАПОЛЕОНЪ не считалъ себя плѣнникомъ. Онъ самъ добровольно отдался въ руки побѣдителя, разсчитывая на его великодушіе.

31-го іюля онъ уже смогъ оцѣнить всю обманчивость подобной надежды. Въ Торбеѣ онъ узналъ изъ газетъ, что въ англійскомъ парламентѣ былъ принятъ проектъ объ его ссылкѣ на островъ Св. Елены, но онъ все еще вѣрилъ въ справедливый судъ исторіи и великодушіе англійскаго народа.

Напрасно друзья совѣтовали императору избрать иной путь бѣгства и воспользоваться двумя запасенными суденышками и на нихъ плыть въ Америку. Наполеонъ предпочелъ отдаться великодушію Англіи, чѣмъ попасться въ руки своихъ враговъ на морѣ.

Корабль вскорѣ же донесъ императора на своихъ парусахъ до береговъ Англіи. Толпы народа встрѣчали гостя, недавняго врага британскаго флага, но тутъ же на берегахъ Англіи Наполеонъ узналъ тяжелую новость, которая разбивала въ конецъ всѣ его мечты.

Англія объявляла генерала Бонапарта своимъ плѣнникомъ. Особое посольство, прибывшее въ Торбей, на бортъ «Беллерофона», оповѣстило Наполеона о рѣшеніи парламента.

ПРОФИЛЬ ЛИЦА НАПОЛЕОНА ВЪ ГРОБУ.
Рисунокъ д-ра Антомарчи.

Опальнаго императора ждала ссылка; пустынный и мрачный островъ среди океана ждалъ развѣнчаннаго императора, недавняго повелителя полуміра. Такъ рѣшилъ парламентъ, такъ рѣшили союзники.

Наполеонъ молча выслушалъ это извѣстіе. Въ отвѣтъ Наполеонъ

только заявилъ, что онъ гость, а не плѣнникъ Англіи, что островъ Св. Елены для него, больного, явится не чѣмъ инымъ, какъ гробомъ. Онъ предпочелъ Англію всѣмъ другимъ государствамъ, вполнѣ увѣренный въ великодушіи народа.

— Развѣнчанный императоръ все же остается императоромъ,— сказалъ онъ.—Лучше смерть, чѣмъ эта ссылка,—прибавилъ Наполеонъ въ заключеніе своей рѣчи.

Онъ былъ пораженъ и угнетенъ. Съ нимъ поступили предательски.

Онъ скорѣе предпочелъ бы мгновенную смерть вѣчному затворничеству на одинокомъ островѣ, заброшенномъ среди океана.

— Врагъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ воевавшій съ англійскимъ народомъ, добровольно явился искать убѣжища подъ сѣнью англійскихъ законовъ. Что же сдѣлала Англія?—горько спрашивалъ онъ позднѣе въ своемъ дневникѣ.

Страдая внутренно, онъ наружно оставался вполнѣ спокоенъ. Ни одинъ мускулъ на лицѣ не выдалъ этого страданія. Императоръ, подобно герою, перенесъ послѣдній ударъ, который ему готовила судьба. Единственнымъ утѣшеніемъ ему оставалось, что потомство забудетъ мелкую злобу его ничтожныхъ враговъ и воздастъ должную хвалу и осѣнитъ лаврами великое имя развѣнчаннаго императора.

* * *

Ссылкой Наполеона торопились. Запуганная геніемъ его побѣдъ, Европа торопилась избавиться отъ призрака опаснаго врага.

Тамъ, среди волнъ океана, за неприступной скалой мрачнаго острова, нашелъ себѣ послѣдній пріютъ великій человѣкъ,—герой цѣлой эпохи, связанной съ его именемъ, съ громомъ его побѣдъ и неусыпнымъ трудомъ.

Вѣчно шумный, гнѣвный океанъ стерегъ его одинокіе дни.

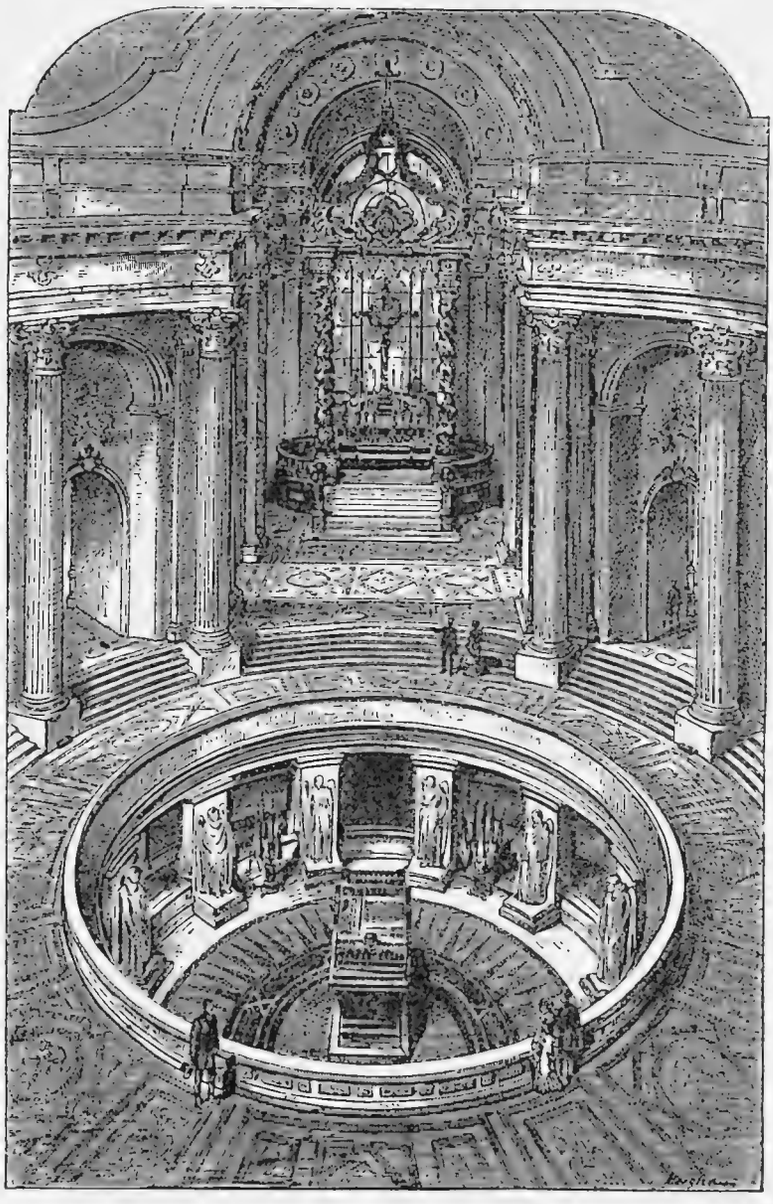
Стерегли ихъ военные корабли, постоянно бродившіе вокругъ острова и не подпускавшіе никого къ мрачнымъ берегамъ. По берегу вѣчно бродили безсмѣнные часовые, охраняя могильную тишину забытаго острова.

Франція далеко. Тысячи верстъ океана отдѣляютъ жизнь отъ этой могилы.

Въ центрѣ острова большой домъ. Кругомъ него полоса земли въ двѣ съ половиной версты по радіусамъ отведена для прогулокъ императора. Дальше онъ не смѣетъ ступать. Кругомъ часовые, невидимые для глаза, но все видящіе. Отъ нихъ не укроется ни одинъ шагъ плѣнника.

Домъ-тюрьма охраняется по ночамъ цѣпью солдатъ; на день они

уходятъ подальше, давая императору хотя нѣсколько увидѣть призракъ свободы.

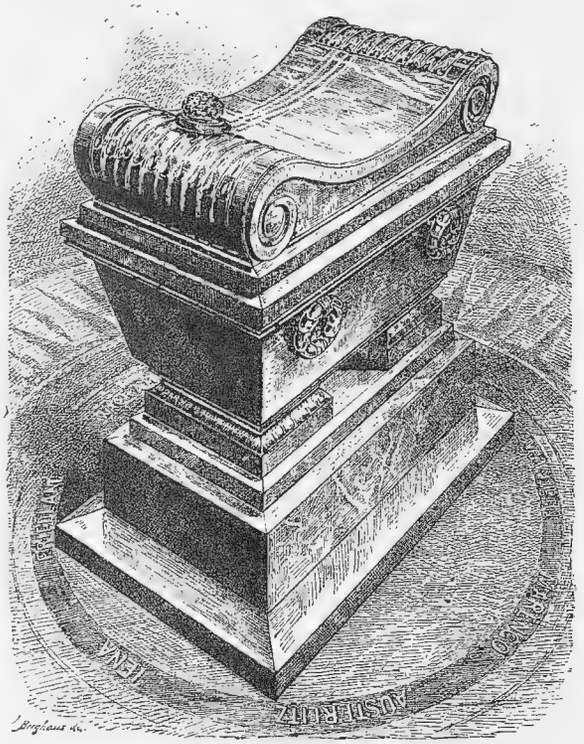


ГРОБНИЦА НАПОЛЕОНА ВЪ ДОМѢ ИНВАЛИДОВЪ.

Сколько разъ на этой пустынной скалѣ, внимая шуму волнъ, слѣдя за отраженіемъ бѣгущихъ облаковъ по небу въ водахъ океана, стоялъ

онъ, грустный, одинокій, вперивъ задумчивый взглядъ туда, гдѣ сѣрый горизонтъ слился съ сѣрымъ небомъ!

Послѣ блеска и роскоши Тюльерійскаго дворца какой отвратительной норой должно было ему казаться его убѣжище, жалкій, наскоро сколоченный, наскоро отремонтированный для высокаго плѣнника домъ. Тамъ, въ Тюльери, за нимъ по пятамъ шла толпа придворныхъ льстецовъ, умѣвшихъ низко гнуть спину и раболѣпно ловить въ каждомъ его словѣ, жестѣ и взглядѣ приказанія. Здѣсь изъ нихъ нѣтъ никого. Вся свита опальнаго изгнанника состояла всего лишь изъ тридцати человѣкъ. Бертранъ, Монтолонъ, Ласъ-Казъ, Гурго и Провтовскій да ихъ семьи.



САРКОФАГЪ НАПОЛЕОНА ВЪ ДОМѢ ИНВАЛИДОВЪ.

Вотъ все, что уцѣлѣло отъ блестящей толпы царедворцевъ. Друзья познаются только въ несчастьи, и Наполеону пришлось это на себѣ испытать. Это маленькое общество окружало Наполеона. Кромѣ этихъ вѣрныхъ друзей все остальное —тюремщики, подозрительные, мрачные, какъ мраченъ этотъ проклятый островъ.

Адмиралъ Лоу, главный тюремщикъ Наполеона, смѣнившій вскорѣ добродушнаго адмирала Кокберна, буквально отравлялъ ему жизнь своими мелкими придирками.

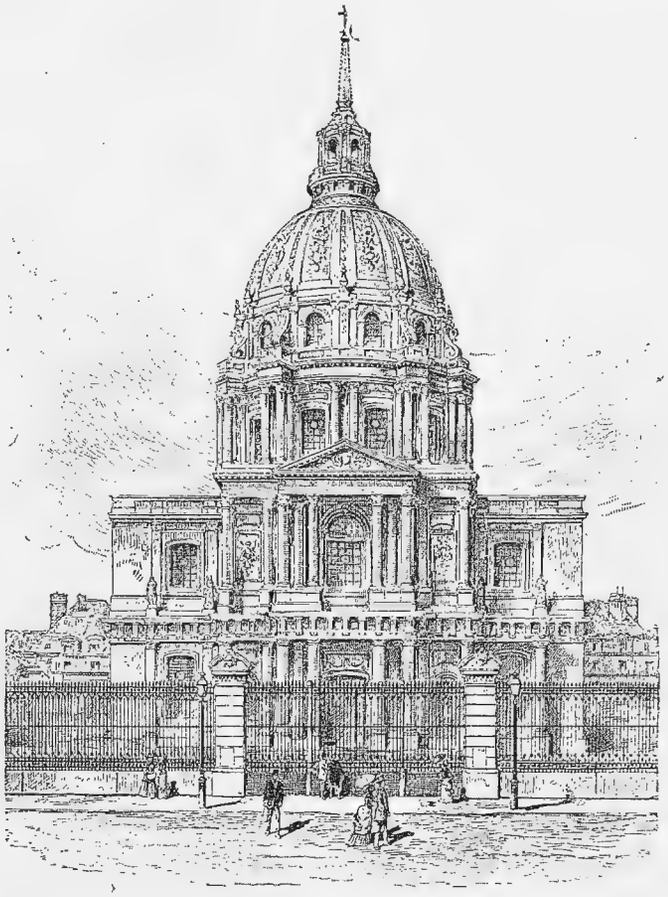
Два раза въ день офицеръ караула долженъ убѣдиться, находится ли на островѣ плѣнникъ. Въ каждомъ его движеніи, замыслѣ чудился тюремщикамъ готовящійся побѣгъ.

Самъ Наполеонъ все еще продолжалъ вѣрить въ чудо своего освобожденія. Попытка была дѣйствительно сдѣлана со стороны друзей Наполеона во Франціи, но онъ самъ больше разсчитывалъ на пробужденіе чувства къ изгнаннику у англійскаго народа.

Онъ погрузился въ работу, прилежно занимаясь писаніемъ своей

автобіографіи; по вечерамъ императоръ читалъ любимыхъ классиковъ, игралъ со своими друзьями въ шахматы или слушалъ музыку.

Дни шли однообразно. Нѣкоторое разнообразіе вносили только трудъ, мечты и надежды. Эти мечты рисовали Наполеону необходимость вступить въ сношеніе съ друзьями во Франціи. Ласъ-Казъ, якобы уволенный



ВНѢШНІЙ ВИДЪ ДОМА ИНВАЛИДОВЪ.

императоромъ въ отставку, ѣдетъ во Францію; вскорѣ же вслѣдъ за нимъ отправляется въ Европу подъ благовиднымъ предлогомъ и Гурго. Послѣдній берется за хлопоты объ освобожденіи Наполеона у русскаго царя и австрійскаго императора—тестя Наполеона. Самъ Бонапартъ пишетъ и печатаетъ въ Англіи «Письма съ мыса Доброй Надежды», рисуя мрачную обстановку тюрьмы на островѣ Св. Елены. Все это обращаетъ вниманіе въ Европѣ на опальнаго изгнанника и возбуждаетъ живое сочувствіе къ его мученической жизни.

Здоровье Наполеона дѣйствительно, подъ вліяніемъ сквернаго климата, нравственнаго одиночества, тоски и пережитыхъ страданій, становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Никакой серьезной опасности еще не было, но тюрьма съ каждымъ новымъ днемъ все больше и сильнѣе его давить и гнететь.

Мечты догорають подъ напоромъ дѣйствительности. Четыре года неволи на о. Св. Елены сломили энергію Наполеона, подточили его крѣпкій организмъ. Недугъ становился все разрушительнѣе, но императоръ еще крѣпился. Онъ не вѣрилъ въ свой близкій конецъ и только въ февралѣ 1821 г. понялъ ясно, что болѣзнь неизлѣчима. Боли все усиливались, силы слабѣли съ каждымъ днемъ, и его врачъ долженъ былъ созвать консиліумъ изъ двухъ пріѣхавшихъ изъ Англіи докторовъ; начало конца наступало, положеніе больного было уже безнадежно.

Онъ умиралъ, а за окномъ его комнаты стонала буря. Вѣтеръ рвалъ деревья и яростно шумѣлъ. Злобно выли гнѣвныя волны, крутясь и пѣнясь и ударяя о прибрежныя скалы. Темное небо все обложило тучами, и ливень стучалъ по крышѣ дома, отбивая удары.

Императоръ лежалъ въ забытьи и только запекшіяся губы повторяли какія-то неясныя слова. Въ послѣднія минуты агоніи чудились ему великія минуты прошлой славы или позоръ настоящихъ оковъ?

— Голова... армія...—прошептали запекшіяся губы. Судороги пробѣжали по тѣлу, оно вытянулось, и лицо просвѣтлѣло. Первый лучъ восходящаго солнца пробился сквозь пологъ нависнувшихъ тучъ и озарилъ комнату, постель больного и склонившуюся г-жу Бертранъ съ дѣтьми—этихъ маленькихъ друзей великаго Наполеона. За дверьми стояли офицеры караула. Всѣ ждали съ минуты на минуту кончины, но смерть медлила приходомъ: только къ шести часамъ вечера 6-го мая 1821 г. вѣчный сонъ смежилъ глаза великаго въ славѣ и несчастьи человѣка.

Тюрьма открывала свои двери предъ почившимъ, возрождая къ новой славѣ имя Наполеона. Смерть для великихъ людей является только началомъ новой ихъ жизни, памяти потомства на страницахъ неподкупной исторіи...

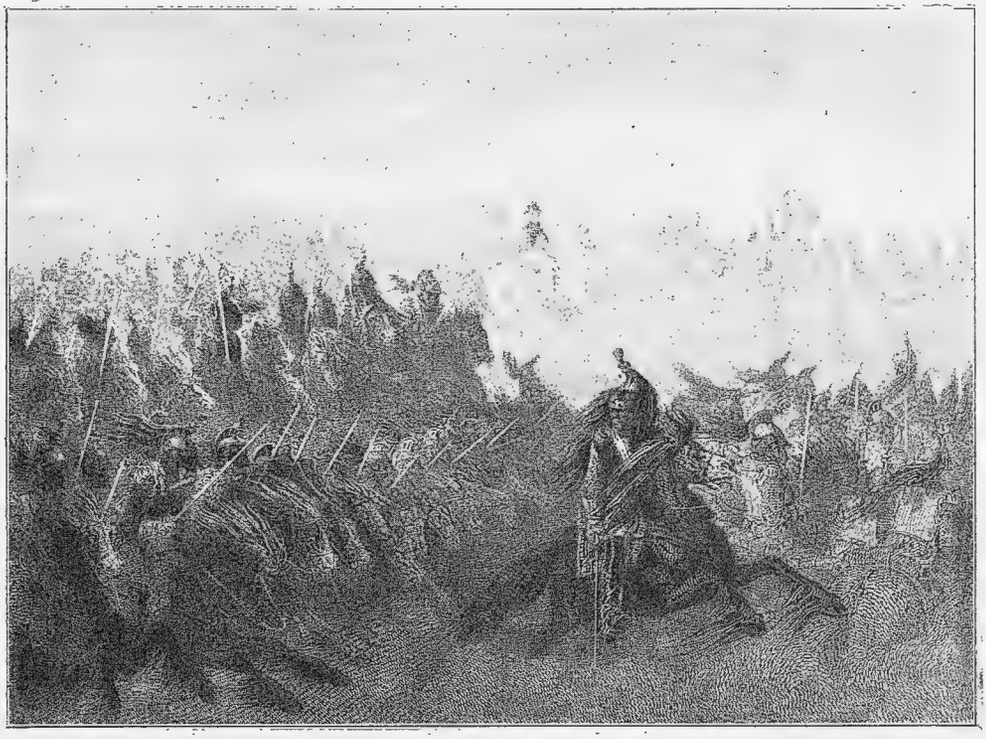
Легенды и вымыслы окружили имя и личность Наполеона. За подвигами корсиканскаго героя, за славой первыхъ побѣдъ и горечью послѣднихъ пораженій нерѣдко забывался человѣкъ, забывались условія времени, среди которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать.

Пониманіе характера и роли, которую игралъ на міровой сценѣ Наполеонъ, невозможны безъ знанія его эпохи, какъ невозможна картина безъ фона, безъ тѣней.

Эпоха на все накладываетъ свой яркій отпечатокъ. Великіе люди

живутъ не внѣ мѣста и пространства, но, наоборотъ, на нихъ всего сильнѣе отражаются типическія черты ихъ времени.

Такъ, именно, было и съ Наполеономъ. Его быстрое, почти сказочное возвышеніе отъ скромнаго поручика королевской арміи до императорскаго трона Франціи, его военные успѣхи и побѣды, создавшіе ему славу «непобѣдимаго», и наконецъ печальный закатъ жизни на без-



НОЧНОЙ СМОТРЪ.
Съ литографіи Раффе.

людномъ островѣ и одинокая кончина—все это находится въ тѣсной зависимости отъ его времени.

Время, а не герои диктуютъ событія.

Передъ властной силой времени оказался безсильнымъ даже великій Наполеонъ, недавно еще считавшій себя и считавшійся другими *всесильнымъ богомъ*.

Наполеоновская эпоха давно канула въ вѣчность, давно угасла великая тѣнь, потрясавшая ужасомъ міръ.

Во мракъ прошлаго исторія проливаетъ свой яркій свѣтъ, и предъ нами встаетъ, какъ живая, фигура необыкновеннаго человѣка.

Необыкновенно все то, что отмѣчено печатью таланта и генія,

но таланты и геніи бываютъ различны по области своей дѣятельности.

Одни изъ нихъ все приносятъ въ жертву человѣчеству, чтобы облегчить путь идущимъ за ними поколѣніямъ и, подобно солнцу, отдаютъ свой свѣтъ звѣздамъ; наоборотъ, другіе, какъ яркіе метеоры, проносятся надъ міромъ, никого не грѣя, никому не свѣтя, и разсыпаются въ прахъ, не оставя за собой никакого слѣда, кромѣ воспоминаній о быломъ блескѣ.

Наполеонъ не принадлежалъ къ этой категоріи добрыхъ геніевъ, которые облегчаютъ жизненный путь человѣчеству и чье имя съ признательной любовью и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Необыкновенный блескъ Наполеоновской славы слѣпилъ и туманилъ глаза, но слава его, подобно блестящему метеору, была мгновенна: зажглась, просіяла и потухла. Только слава, добытая путемъ служенія вѣковѣчнымъ идеаламъ добра, любви и красоты, которыми живетъ человѣчество, прочна и говоритъ въ вѣкахъ.

Наполеону были чужды эти идеалы. Его идеаломъ была не столько польза человѣчеству, сколько личная польза.

Онъ прежде всего и больше всего любилъ самого себя, свой личный идеалъ.

Его умъ прежде всего жаждалъ власти, силы, могущества. Онъ желалъ повелѣвать другими.

Великій умъ не обольщался никакими загадками; онъ стремился познать лишь то, что имѣетъ отношеніе къ дѣйствительной жизни.

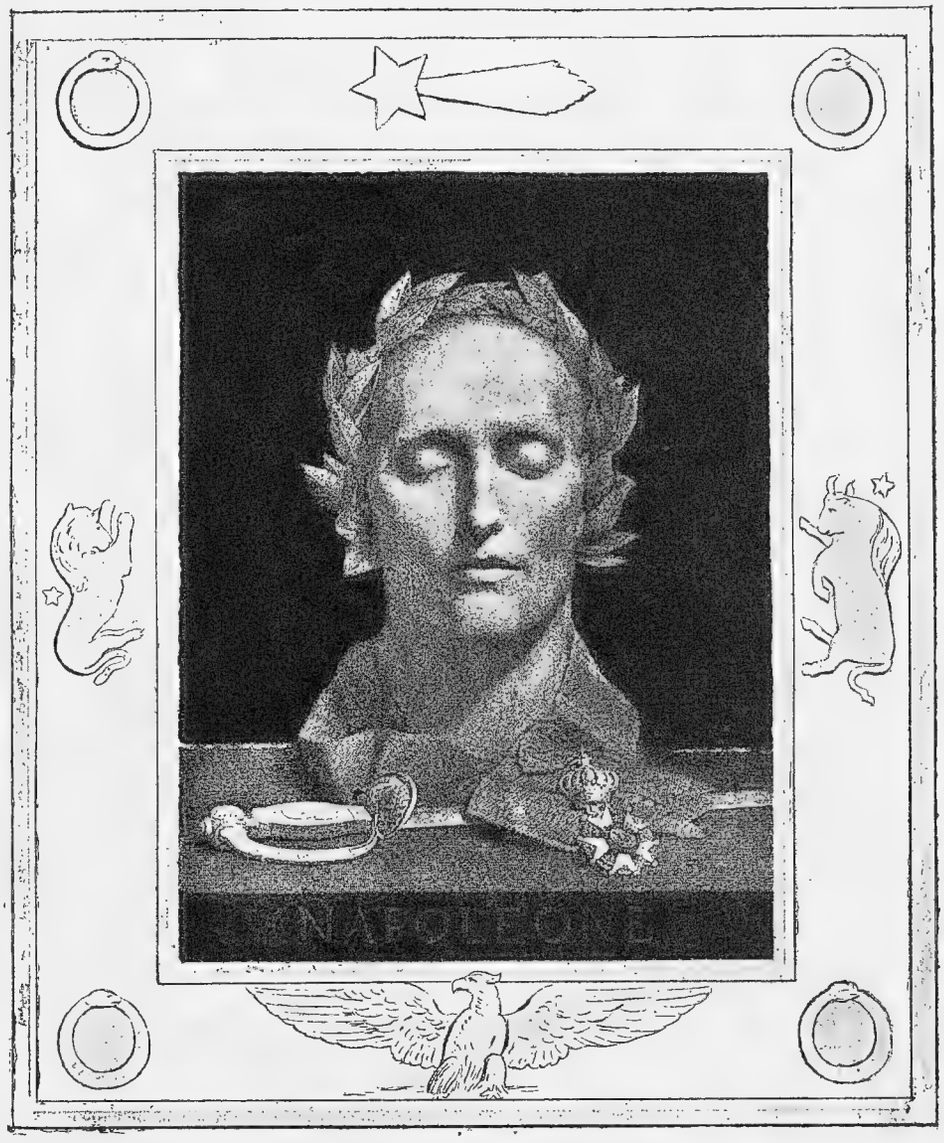
Умъ этотъ былъ чисто практическій. Подобно полету вольной птицы, онъ не зналъ преградъ для своего размаха, но изъ вольныхъ птицъ только орлы залетаютъ въ высь и царственно парятъ надъ землей въ самомъ поднебесьи.

Умъ и фантазія Наполеона смѣло диктовали ему планы будущаго, никогда, однако, не подымаясь высоко отъ земли.

Непреклонная воля давала ему возможность осуществить казавшееся неосуществимымъ другимъ. Лучшей союзницей его великаго ума и непреклонной воли была сама эпоха, выдвинувшая изъ неизвѣстности безвѣстное имя Наполеона Буонапарте и такъ ярко отразившаяся на всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ этого замѣчательнаго человѣка.

Практическій умъ, никогда не терявшійся и среди затрудненій всегда находившій себѣ выходъ; громадная память, умѣнье зорко присматриваться ко всему происходящему, чтобы изъ кажущагося зла извлечь для себя благо; необычайная сила воображенія и способность къ упорному труду; огромная сила воли, характера, не знавшихъ от-

ступленія отъ разъ намѣченнаго пути, и такая же огромная энергія въ проведеніи въ жизнь своихъ плановъ—таковъ бѣглый портретъ Напо-



НАПОЛЕОНЪ ВЪ ВѢНКѢ СЛАВЫ.
Картина Джордсона.

леона. Но портретъ этотъ былъ бы не полонъ, если ограничиться только этими положительными чертами.

Ясный умъ и сильная воля уживались въ немъ наряду съ крайнимъ эгоизмомъ.

Способность къ упорному труду, огромная энергія, сила воздѣйствія на окружающихъ давали ему возможность зажигать другихъ своими мечтами.

Любовь къ самому себѣ жила наряду съ презрѣніемъ къ другимъ людямъ, собственная гордость—съ неуваженіемъ достоинства человѣческаго въ другихъ людяхъ. Стремленіе къ собственной свободѣ и независимости

ТРІУМФЪ НАПОЛЕОНА. ПОТОЛОКЪ СТАРИННАГО «Nôtel de Ville» ВЪ ПАРИЖѢ.
(Фот. Брауна).

мало говорило ему о стремленіи къ такой же свободѣ и праву окружающихъ. Собственное «я» было для него выше всего. Оно было и богомъ, и закономъ для Наполеона. Поэтому-то личные интересы, личныя мечты, личная слава для него стояли на первомъ планѣ. Онъ желалъ быть и сдѣлался господиномъ, повелителемъ надъ рабами. И рабы гордились его славой, отблескъ которой падалъ на ихъ голову, удовлетворяя ихъ тщеславіе.

Слава Наполеона, какъ завоевателя, пережила его дѣла. Изъ послѣд-

нихъ не уцѣлѣло до насъ ничего, кромѣ воспоминаній о необыкновенномъ человѣкѣ, явившемся въ міръ, чтобы доказать своею дѣятельностью, какъ великъ можетъ быть геній человѣка и какъ мало плодотворны бываютъ результаты дѣятельности даже генія, если онъ не является носителемъ вѣковѣчныхъ идеаловъ, когда этотъ геній зоветъ идти не впередъ за эпохой, а во имя личныхъ выгодъ стремится повернуть ея теченіе назадъ, къ путямъ, давно уже протореннымъ человѣчествомъ.

Къ вершинамъ мысли и знанія, въ царство добра и красоты зовутъ человѣчество его свѣтлые геніи, хранители его жизни. Наполеонъ не вѣрилъ имъ. Онъ создавалъ свое царство, свой блескъ, могущество и славу на непрочномъ фундаментѣ—на личныхъ, скоро преходящихъ интересахъ.

Дивясь блеску его генія, его славословили поэты, но блескъ скоро померкъ и тѣ же поэты развѣнчивали тѣнь великаго.

Онъ не былъ борцомъ за человѣчество, защитникомъ правъ и свободы, какъ старались его выставить, ослѣпленные блескомъ его славы, современники.

Онъ не былъ имъ, потому что не могъ быть со своимъ эгоизмомъ и желаніемъ властвовать, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ и остался однимъ изъ тѣхъ немногихъ геніальныхъ людей, которые такъ рѣдко являются міру.

Каковъ бы ни былъ характеръ этого генія, онъ своею жизнью пролилъ яркій свѣтъ въ прозу дѣйствительности, и судьба Наполеона всегда будетъ одной изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ въ исторіи Европы конца XVIII и начала XIX столѣтія, а не только одной Франціи.

ШЛЯПА НАПОЛЕОНА.
Изъ коллекціи Жерома.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе . . . . . I — II

Глава I. Юные годы Наполеона.

Подъ небомъ Корсики.—Борьба за свободу.—Паскаль Паоли—герой Корсики.—Семья Буонапарте въ Аяччіо.—Мечты и дѣйствительность. — Наполеонъ въ школѣ. — Путешествіе во Францію.—Корсиканецъ-кадетъ въ Бріеннѣ.—Первыя впечатлѣнія новой жизни.—Корсиканское нарѣчіе и французскія вокабулы.—Франція—врагъ Корсики.—Вслѣдъ за Паоли!—Наполеонъ и товарищи.—Капитанъ училищнаго баталіона.—Одиночество и книги.—Французскіе нравы и корсиканская месть. — Тяжелые дни. — Парижъ и академія.—Смерть отца.—Нужда стучится въ дверь.—Поручикъ артиллеріи.—Пѣшкомъ изъ Ліона въ Валансъ.—Полковая жизнь.—Снова на родинѣ.—Забытыя впечатлѣнія воскресаютъ!—Буря приближается 1

Глава II. Первые шаги Буонапарте.

Франція пробуждается.—Изъ Аяччіо въ Парижъ и снова обратно.—Первые вѣстники грозы.—На Корсикѣ.—Наполеонъ — литераторъ и историкъ. — Лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ. — Вождь народнаго движенія. — Впередъ, за свободу!—Франція или Корсика?—Одновременно по двумъ дорогамъ.—Изгнанникъ возвращается. — Наполеонъ и Паоли. — Судьба учитъ терпѣнію. — Надо ждать.—Снова полкъ, снова нужда и новые планы.—Поручикъ артиллеріи и подполковникъ національной гвардіи.—Буря усиливается.—Корсика отвергла Наполеона.—Въ погоню за новымъ счастьемъ по новой дорогѣ.—Да здравствуетъ Франція!—Послѣднія мечты о славѣ Корсики.—Сожженіе старыхъ кораблей. — Неудачи, неудачи и неудачи! — Ни начала, ни конца. — Путь найденъ 16

Глава III. Отъ неизвѣстности къ славѣ.

Подъ Тулономъ. — Бригадный генералъ. — Ураганъ приближается. — Осторожность, осторожность и осторожность.—Развѣнчанныя мечты.—Заключенный.—Милость и право.—Подъ опалой.—Изъ артиллеріи въ пѣхоту.—Снова въ Парижѣ. — Химерическій проектъ.—Что дальше?—Онъ побѣдилъ!—Одна изъ услугъ Наполеона Франціи.—На улицѣ всемірнаго города.—Наконецъ-то!—Корсиканецъ ди Буонапарте и французскій патріотъ генералъ Бонапартъ.—Словно въ сказкѣ.—Конецъ неизвѣстности и начало славы 23

Глава IV. По ту сторону Альпъ.

«Воинъ долженъ срывать лавры или умирать на полѣ славы».—Не помогутъ друзья, такъ помогутъ враги.—Въ походъ!—Первое пораженіе.—Новый планъ.—Генералъ и директоръ.—Пьемонтъ долженъ быть уничтоженъ.—Или я, или онъ?—Золотой дождь.—«Маленькій капралъ».—Впередъ и впередъ!—Австрія собирается съ силами.—Мантуя—ключъ Италіи.—Фельдмаршалъ Вурмзеръ.—Рѣшено отступать.—Побѣда и пораженіе.—На Аркольскомъ мосту.—Короткій отдыхъ 47

Глава V. Побѣдитель въ Италіи.

Въ долинѣ Риволи.—Начало славы.—На мосту въ Арколе.—Со знаменемъ впередъ!—Военный совѣтъ.—Отчаянный шагъ.—Мантуя взята.—Почетная капитуляція.—Враги и союзники.—Наполеонъ и папа.—Эрцгерцогъ Карлъ—соперникъ Наполеона.—Лицомъ къ лицу.—

Коварный замыселъ.—Новая побѣда.—На австрійской землѣ.—Шахъ и матъ.—Миръ подписанъ.—18-ое фруктидора.—Вилла близъ Милана.—Главнокомандующій арміей, дѣйствующей противъ Англіи.—Отецъ солдатъ.—Со славой во Францію.—Новые планы.—Есть поражения, которыя не хуже иной побѣды.—На востокъ! 65

Глава VI. Въ странѣ древнихъ фараоновъ.

Забытыя мечты вновь воскресаютъ.—Во Франціи нѣтъ мѣста!—«Груша еще не созрѣла».—На Мальтѣ.—Франція, султанъ и мамелюки.—Взятіе Александріи.—По раскаленнымъ пескамъ пустыни.—У древнихъ пирамидъ.—Разсудокъ и совѣсть.—Бой при Абукирѣ.—Отрѣзанные отъ родины.—Новые планы.—По стопамъ Александра Великаго.—Вѣсти изъ Франціи.—Армія отступаетъ.—Что же дальше?—Назадъ, къ берегамъ Европы.—Глубокая тайна.—По синимъ волнамъ океана.—Счастье улыбается вновь.—Спаситель Франціи . 81

Глава VII. Отечество въ опасности!

Снова во Франціи.—Тревожное время.—Заговоръ зрѣетъ.—Все разыгрывается какъ по нотамъ.—Неожиданное препятствіе.—Отставка директоріи.—Наполеонъ—главнокомандующій силами Парижа.—Кто былъ настоящимъ заговорщикомъ? — Въ совѣтѣ старѣйшинъ.—Въ ожиданіи.—Внѣ закона.—Пятьсотъ.—Армія за Бонапарта.—Медлить нечего.—Правда и сказки.—Подобно римской республикѣ.—Первый консулъ.—Сила и законъ 102

Глава VIII. Первый консулъ.

На другой день.—Въ Люксембургскомъ дворцѣ.—Первый консулъ и его два помощника.—Бонапартъ, Сіейсъ и Дюко.—На службѣ Франціи.—Борьба за власть.—Бонапартъ побѣждаетъ вновь.—Работа, работа и работа!—Лебренъ и Камбасересъ.—Избраніе за страхъ, а не за совѣсть.—Консулы, сенатъ и министры.—«На этомъ его не поймаютъ».—Первый гражданинъ Франціи.—Новый походъ.—Надвигается буря.—«Побѣда доставляетъ войску хлѣбъ и славу!» 117

Глава IX. Великая армія.

«Побѣда даетъ хлѣбъ и славу».—Опять во главѣ арміи—Черезъ Альпы.—Трудный переходъ.—Въ долинѣ Италіи.—Генуя осаждена. — Половина побѣды—не есть еще побѣда.—Маренго: Дезе помогаетъ успѣху французскаго оружія.—Бонапартъ—побѣдитель.—Divide et impera.—Подъ стѣнами Вѣны 131

Глава X. Надъ Франціей миръ.

Могущество и слава.—Европа пользуется миромъ.—Полководецъ и первый гражданинъ.—Работа, работа и работа.—Новый Цезарь.—Франція устраиваетъ свою жизнь.—Довольно крови и жертвъ! — Наполеонъ-законодатель.—Первому консулу грозитъ опасность.—Друзья и враги.—Кто не за него—тотъ противъ него. — Въ союзѣ съ осторожностью.—Шпіоны открываютъ заговорщиковъ.—Моро, Пишегрю, Катудаль и герцогъ Энгіенскій.—Жестокая расправа 146

Глава XI. Императоръ французовъ.

Потомственное консульство.—Адресъ сената.—Императоръ французовъ.—Новый дворъ и прежняя роскошь.—Возвращеніе къ старому.—Слава—лучшая корона въ мірѣ.—Великіе планы.—Миръ окончѣнъ.—Вѣнецъ Ломбардіи.—Англія вооружается.—Поединокъ Геркулеса съ Тритономъ 156

Глава XII. Одинъ противъ всѣхъ.

Война съ Англіей и Австріей.—Французская армія переходитъ австрійскую границу.—Побѣда подъ Іеной и пораженіе при Трафальгарѣ.—Армія и флотъ.—Всюду самъ не поспѣешь.— Треугольная шляпа и сѣрый походный сюртукъ.—Солнце Аустерлица.—Пруссія поднимается.—Разгромъ Пруссіи.—Вѣна и Берлинъ.—«Божьей милостью».—Парижскія торжества.—Россія и Англія 173

Глава XIII. Огнемъ и мечомъ.

Завоеватель міра.—Вступленіе французовъ въ Польшу.—Русскія войска отступаютъ.—Недолгое затишье.—Наполеонъ въ Варшавѣ.—Данцигъ взятъ.—Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.—Австрія выжидаетъ.—Разгромъ Пруссіи.—Фридландъ.—Ударъ Англіи.—Кровавая рѣзня.—Александръ I и Наполеонъ въ Тильзитѣ.—Новые союзники.—Снова въ Парижѣ.—Испанія волнуется.—Вершитель судебъ.—Подвиги Наполеона на Пиринейскомъ полуостровѣ.—Свиданіе императоровъ 196